

ISSN 0131-3150

2

1990

МАРТ
АПРЕЛЬ

ИСТОРИЯ
СССР

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

2 · 1990

МАРТ · АПРЕЛЬ

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
6 РАЗ В ГОД

МОСКВА
НАУКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Е. ЗЕЛЕНИН (*и. о. главного редактора*)
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 925-34-61

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

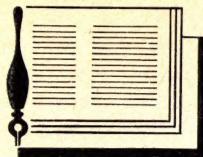
I. Ye. ZELENIN (*Editor-in-chief ad interim*)
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most. Moscow, U.S.S.R. Tel. 925-34-61

Managing Editor Yu. V. Mochalova, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

СТАТЬИ

© 1990 г.

А. П. НЕНАРОКОВ

ИЗ ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Проявившаяся в наши дни напряженность в сфере национально-языковых отношений связана прежде всего с отсутствием анализа реальной языковой ситуации как в стране в целом, так и в союзных и автономных республиках. К сожалению, дискуссии о статусе национальных языков и мерах, обеспечивающих их нормальное функционирование, об их взаимодействии и тенденциях развития, о двуязычии (национально-русском и русско-национальном) и общественной роли русского языка как языка межнационального общения ведутся часто не на основе научно взвешенных рекомендаций. Эмоциональный накал, сопровождающий их, не оставляет места не только для трезвого прогнозирования последствий ряда предлагаемых решений, но и для серьезного изучения и обобщения накопленного ранее, главным образом в середине 20-х гг., весьма ценного опыта решения языковых проблем в нашей стране.

Языковая политика была одним из важнейших аспектов национально-культурного строительства тех лет. Она включала в себя разработку и проведение в жизнь всех государственных актов, реально утверждающих провозглашенный Советской властью принцип равноправия национальных языков и меры воздействия этой власти, общества на процессы собственно языкового развития и на утверждение русского языка как языка межнационального общения¹.

В опыте 20-х гг. представляет практический интерес комплексный подход в определении эффективных способов как защиты национальных языков, так и обеспечения их действительного равноправия; неукоснительное соблюдение при этом общих для всего Союза интересов в смысле развития форм и направлений национально-русского и русско-национального двуязычия; продуманность, последовательность и обеспеченность реализации всех предлагаемых мер.

Во всех партийных и государственных документах того времени равенство языков означало признание роли национальных языков в развитии и укреплении советской государственности в национальных районах в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, в создании и укреплении действующих на родном языке органов власти, хозяйственного управления, административных и судебных учреждений, школ, профессионально-технических училищ и техникумов, вузов, прессы, театра, клубов — всей культурно-просветительной сети; в подготовке местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников и, главное, работников просвещения. Перечисляя эти задачи, определяющие суть языковой политики партии и Советской власти

Ненароков Альберт Павлович, кандидат исторических наук, заведующий сектором ИМЛ при ЦК КПСС.

и подчеркивая их прямую связь с национальной политикой в целом, X съезд РКП(б) связывал их решение с ликвидацией культурного неравенства советских народов².

Особое значение имели законодательные акты, объявляющие национальные языки либо государственными (как в Грузии), либо преимущественными (как в Белоруссии). Причем равные условия для развития создавались и другим языкам, применяющимся на той или иной территории. В Белоруссии в первые годы Советской власти все вывески были на четырех языках — белорусском, русском, польском и еврейском. Язык делопроизводства и просветительной работы зависел от национального состава населения. Образование осуществлялось на материнском языке. Право выбора языка для изучения в школах оставалось за населением во всех республиках, что фиксировалось в Конституции. Например, в Конституции, утвержденной I Всегрузинским съездом Советов 2 марта 1921 г., грузинский язык провозглашался государственным языком с указанием, что «национальным меньшинствам Грузии обеспечивается право свободного развития и употребления родного языка как в своих национально-культурных, так и в общегосударственных учреждениях»³.

Постановления о равноправии языков были приняты в Латвии (январь 1918 г.), на Украине (декабрь 1919 г.), в Армении (декабрь 1920 г.), Башкирии (июль 1921 г.), Чувашии (февраль 1922 г.), Азербайджане (июнь 1924 г.), Белоруссии (июль 1924 г.) и т. д.⁴

Переводя судопроизводство и все делопроизводство в уездных, волостных, кишацких, аульных и других исполкомах на местные языки, республиканские съезды Советов подчеркивали значение этой меры для полной ликвидации негативных явлений дореволюционного прошлого, для перенесения центра тяжести работы всех советских органов на обслуживание нужд местного населения. Решения об этом были приняты на IX съезде Советов Туркестанской АССР 20 сентября 1920 г., II Всеобщекиргизском съезде Советов 21 июля 1921 г., I и II съездах Советов Киргизской (Казахской) АССР 11 октября 1920 г. и 10 октября 1921 г., II Всеобщекиргизском съезде народных представителей 21 сентября 1921 г., III съездом Советов Татарской АССР 10 декабря 1922 г. и т. д.⁵ Очень важен и еще один аспект языковой политики, связанный с декретом Закавказского федерального ЦИКа от 7 мая 1923 г. «О распубликовании и вступлении в силу декретов ЗакЦИК и ЗакСНК». Установив единый срок вступления их в силу по всей федерации с момента публикации на русском и всех местных языках, он предвосхитил установленное позже союзной Конституцией признание языков республик языком не перевода, а законов.

Раньше всего эти процессы начались на Украине. Весной 1920 г. ВУЦИК и Совнарком Республики создали специальную комиссию по украинизации. 7 апреля 1920 г. один из бывших лидеров боротьбистов, вступивший в ряды большевиков, — Г. Ф. Гринько — направил секретарию ЦК КП(б)У С. В. Косинору свой проект решения этого вопроса⁶. (Текст его, к сожалению, обнаружить пока не удалось.) В сентябре в ЦК КП(б)У поступила аналогичная докладная записка другого бывшего лидера боротьбистов, вступившего, как и Гринько, весной 1920 г. в Коммунистическую партию, — писателя В. М. Блакитного, в то время сотрудника Всеиздата и редактора газеты «Вісти». Отмечая, что «вопрос об украинизации партийных и советских учреждений, точнее говоря, о введении украинского языка в делопроизводство и проведении в жизнь на деле постановлений о равноправии украинского языка, поставлен на очередь в Центральном Комитете партии и Совнаркоме Украины», он предлагал по мобилизации забрать отовсюду (из РСФСР в том числе) работников, хорошо знающих украинский язык и условия работы на Украине, «заменив мобилизованных равнозначными работниками с Украины, не знающими украинского языка», Наркомпросу УССР принять меры к обучению советских и партийных работников украинскому языку, определив в приказном порядке срок, в который они должны его освоить⁷.

Особо Блакитный останавливался на положении украинского языка в масовой печати, которая, получив информацию на русском языке, была не в состоянии обеспечить ее достаточно быстрый перевод и поэтому «плелась в хвосте событий». Он называл прессу УССР самым «великим орудием русификации, самым большим препятствием к постепенному слаживанию языковой и национальной разницы между трудящимися села и города Украины». То же самое высказано было и в адрес литературы, где, по мнению Блакитного, весьма живучи «еще не изжитые тенденции упорного общерусизма, проводимые под всяkim видом, не считаясь с интересами революции»⁸.

Мысли писателя, резкие по форме и отнюдь не бесспорные, ставили вполне назревшие и находившиеся в русле национальной и языковой политики партии вопросы. Столь же резкими и не всегда корректными были и статьи, публикуемые им в газете «Вісти». Однако, когда Секретариат ЦК КП(б)У запросил мнение заведующего подотделом печатной агитпропаганды И. Ю. Кулика по поводу статей Блакитного, появившихся в этой газете 21, 24 июня и 18 июля 1921 г., тот 2 августа ответил, что, хотя в них и есть «неясные, скользкие формулировки» по вопросам национальной и языковой политики, украинской культуры и взаимоотношений с РСФСР, «но нигде нет существенных уклонов от обще-партийной политической линии»⁹.

Многие из поднятых Блакитным тем имели далеко не региональное звучание. Как писал, например, в апреле 1920 г. в ЦК РКП(б) А. И. Апинь, уполномоченный ВЦИК из Туркестана, приезжие руководители из центра, не знающие местных обычаяев и языկ, допускали нередко ошибки, имевшие политические последствия, за что их называли «центровиками» или «редиской», что означало, по его словам, «снаружи красный, а внутри белый, поступающий и ведущий себя по-буржуйски»¹⁰.

Накануне открытия V Объединенной партийной конференции РКП(б) Олонецкой губернии и Карельской трудовой коммуны (январь 1921 г.) секретарь губкома партии И. Данилов, подчеркивая необходимость активизации всей партийной и партийно-просветительной работы в духе интернационализма, особое внимание уделял воспитанию кадров в уважении к национальному языку и культуре. «Если хорошенько покопаться в каждом из нас,— писал он в одной из своих статей,— то еще порядочная доля националистических, религиозных предрассудков копошится где-то в сокровенных глубинах души. Можно с большим чувством петь мелодичный и мощный международный гимн „Интернационал“, но вместе с тем не считать зазорным подтрунивать над „чухною, чудью белоглазой“ и т. д. Перефразируя известное изречение, скажем: „Национализм, как оспа. Болезнь проходит, знаки остаются...“ Много злых семян недружелюбия, даже вражды воспринимается от всего прошлого»¹¹.

Подбор кадров, знающих язык, имеющих представление об особенностях жизни и быта в том или ином национальном регионе и не зараженных национализмом и шовинизмом, был делом сложным и трудоемким. Вопросы мобилизации коммунистов на Украину, в Белоруссию, Армению, Азербайджан, Грузию, Татарскую Республику, Якутию и т. д. слушались на Оргбюро ЦК РКП(б). Все партийные работники получали назначение через организационно-распорядительный отдел ЦК. Еще сложнее обстояло дело с откомандированием в республики специалистов. Совнарком РСФСР был вынужден по несколько раз принимать по этому поводу специальные постановления. Так, 6, 9 и 12 мая 1921 г. он рассматривал вопросы, связанные с возвращением в пределы Белоруссии работников просвещения и деятелей культуры — уроженцев Белоруссии. Были приняты специальный декрет¹² и постановления, обязывающие наркомов труда и просвещения откомандировать в БССР всех работников просвещения, социалистической культуры — уроженцев Белоруссии, занятых и не занятых по своей специальности, в том числе работающих в органах Наркомпроса РСФСР. Проекты декрета и постановлений были подготовлены, как явствует из записки управляющего делами Наркомнаца Е. Айнштейна, постоянным пред-

ставителем БССР при правительстве РСФСР М. Морозом¹³. Они были согласованы с Наркомнацем (на заседании СНК его представлял Товстуха), Наркомпросом и Народным комиссариатом труда¹⁴. Центральной комиссии по отсрочкам, которая была создана при Наркомтруде, давалось право решать вопросы «об оставлении на местах работы незаменимых работников», но и то лишь на время. По всем спорным вопросам уполномоченные республик обращались непосредственно в ЦК РКП(б). И секретарю ЦК партии Н. Н. Крестинскому приходилось рассматривать именные списки учителей, журналистов, актеров и т. п. Люди вызывались из Уфы, Иркутска, Томска, Раненбурга (ныне г. Чаплыгин), Нижнего Тагила, Самары, городов Центральной России¹⁵.

Принимались меры и по обучению кадров, прибывших в республики, национальным языкам, равно как и русскому языку местных национальных кадров. В совпартшколах всех уровней вводилось преподавание родного и русского языков. Так, в Туркестане программы областной и уездных совпартшкол предусматривали 100 час. на изучение родного языка и по 75 час. «русского для мусульман и мусульманского для европейцев»¹⁶.

В Красной Армии учет местного языка и национальных особенностей был предусмотрен начиная с планов по допризывной подготовке. При военных училищах и школах формировались национальные отделения. Совместно с национальными секциями ЦК партии разрабатывались планы издания литературы и пособий для обслуживания красноармейцев на родном языке. Воинские уставы издавались не только на русском, но и на украинском, белорусском, армянском, грузинском и др. языках. Практиковалась переброска лиц, знающих местные языки, в соответствующие округа. В планы клубной работы включались мероприятия «имеющие целью воспитать красноармейцев в духе уважения к входящим в СССР народам». Были разработаны планы бесед по национальному вопросу, по истории отдельных народов и о преследовании их царизмом «в целях ликвидации остатков шовинистических настроений, в первую очередь об украинцах, евреях, поляках, татарам, народах Сибири и Туркестана»¹⁷.

Республиканские ЦК партии и Совнаркомы в целях обеспечения равноправия языков уделяли постоянное внимание мерам по развитию национальных языков, ведению делопроизводства на национальных языках, вопросам национальной печати и национальной школы. Решения принимались в спорах, в столкновениях различных точек зрения. Новый импульс этим спорам и столкновениям дали постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 25 января 1923 г. по так называемому «грузинскому делу», последующих Пленумов ЦК и материалы XII съезда РКП(б).

Еще при обсуждении Тезисов ЦК РКП(б) к XII съезду коммунисты Украины на VII конференции КП(б)У (4—10 апреля 1923 г.) наметили ряд важных мер по дальнейшему развитию украинской национальной культуры. Они призвали к ускорению процессов украинализации, повышению культурного уровня трудящихся, к усилению борьбы против великодержавного шовинизма и местного национализма. Как одно из проявлений великодержавного шовинизма была квалифицирована так называемая «теория борьбы двух культур», которую отстаивал секретарь ЦК КП(б)У Д. З. Лебедь. Пытаясь доказать, что будто бы на Украине шла борьба между русской и украинской культурами, сторонники этой теории недооценивали украинскую национальную культуру, отрицая на деле необходимость ее дальнейшего развития, игнорировали проведение украинализации. Вредность теории борьбы двух культур заключалась в противопоставлении русской культуры украинской, в пропагандировании самотека в развитии национальной культуры¹⁸.

Уже после XII съезда партии Д. З. Лебедь в письме, адресованном членам комиссии Политбюро ЦК КП(б)У по разработке мероприятий, направленных на реализацию решений съезда по национальному вопросу, писал: «Не подлежит сомнению, что огромная часть национального вопроса на Украине сводится к политике культурно-просветительной и общественной работы... Вопрос

культурной политики будет решаться в процессе повседневной работы украинских советских учреждений и партии, и от того, какую линию займет Политбюро в самом начале, в значительной мере зависит успешность, а главное, неослабное руководство партии в этом деле»¹⁹.

Ссылаясь на свою «старую точку зрения относительно темпов, размаха и размеров» украинизации, он предупреждал, что все решения могут остья на бумаге, «если они не будут согласованы с учетом обстановки, наличием коммунистических сил, способных проводить работу, и с учетом активности петлюровской и буржуазной интеллигенции». По поводу общей обстановки Лебедь высказался кратко, охарактеризовав ее как «усиление украинопляски в среде петлюровски настроенной общественности», что убеждало его в том, что «раздувать вопросы национальной политики на Украине — это значит ослаблять себя самих». Говоря о кадрах, он указывал: «Украинизацию в жизненно необходимых и революционно полезных размерах надо проводить руками верных, испытанных коммунистов», стараясь как можно меньше прибегать к услугам знающих язык выходцев из других партий, «чтобы иметь гарантии, что они вместе с украинизаторской водой не выбросят и коммунистического ребенка». Что касается инициативы и активности в деле проведения украинизации, то Лебедь считал неизбежным, «хотел бы того ЦК или нет», переход «значительной доли инициативы в этой работе... в руки явно враждебной интеллигенции», что, по его мнению, «особенно легко осуществляется на местах»²⁰.

И, наконец, в связи с планами украинизации высшей школы Лебедь указывал на «опасность вызывать отрицательное отношение в рабочих промышленных центрах резким переходом к украинизации». «Нельзя забывать,— писал он,— что рабочие должны поставить свою молодежь (в вузы.— А. Н.) через рабфаки и другие подготовительные курсы, поэтому повальная украинизация, несомненно, уменьшит доступ рабочим (в высшую школу.— А. Н.) и увеличит для крестьян и мелких буржуа». К этому он присовокупил свое возражение против предложения об украинизации профсоюзов, с которым выступил на Политбюро Н. А. Скрыпник: «... Предлагаю в отношении профсоюзов никаких мер к украинизации не принимать, исходя из того, что нацивопрос — это тактика в наш сложный период революции и проводить такую тактику, которая оттолкнет нас от рабочих и рабочих от нас,— не дело нашей партии, не говоря уже о том, что эта мера в отношении рабочих явно регressiveвая, в процессе развития промышленности и экономики выявится, насколько процесс украинизации промышленных рабочих будет революционный»²¹.

Можно было бы и не цитировать столь пространно Д. З. Лебедя, если бы не одно весьма серьезное обстоятельство: его выводы были поддержаны и повторены И. В. Сталиным почти дословно на Четвертом совещании ЦК РКП(б) с работниками национальных республик и областей (май 1923 г.). Это не только снимало негативную оценку взглядов Лебедя, данную на VII конференции КП(б)У. Если учесть, что характеристика положения в Закавказье в том же выступлении генсека полностью повторяла характеристики одного из руководителей ЦК КП(б) Грузии — И. Д. (Мамия) Оrahelaшвили, оценившего борьбу за национальные интересы Грузии как грузинский национал-уклонизм, становится ясно, что Stalin подбирал все факты, которые должны были подтвердить его вывод об особой опасности так называемого местного национализма, вопреки ленинским указаниям о необходимости преимущественной борьбы с великодержавным шовинизмом.

Вопрос о языке приобретал повсеместно политическую окраску, связывался со всем комплексом проблем отношения к крестьянству, мелкобуржуазной интеллигенции, выбора форм и методов руководства, и не только в области культурного строительства. У Сталина не было необходимой гибкости и прогностического видения предлагаемых решений. Игнорирование соображений украинских коммунистов о формах функционирования объединенных наркоматов через их представительства при республиканских СНК, создание атмосферы подозри-

тельности и нетерпимости к широким демократическим силам в обществе, и прежде всего к выходцам из мелкобуржуазных партий, просчеты при определении форм межнационального объединения, когда, как при создании Закавказской Федерации в сталинском варианте, ее центральные органы вновь вынуждены были функционировать на русском языке, повсеместные непредсказуемые кадровые перемещения, при которых из республик в первую очередь убирались люди, пытавшиеся вести более гибкую национальную политику и т. п., — это лишь немногое из проводимого в те годы, что создавало напряженность в национальных отношениях и обостряло языковую проблему.

Не случайно против такой политики выступали руководящие кадры республик. Так, член ЦК КП(б)У и нарком просвещения УССР В. П. Затонский говорил: «Задачей ставится уничтожение (по крайности — ослабление) в области культурного и языкового разрыва между украинским крестьянином и обрусевшим городским пролетарием путем развития украинской советской культуры, по своему содержанию и наличию пролетарских элементов не уступающей культуре российской. Задача сложная, путь к ее решению долгий. И есть опасность, что, ссылаясь на объективные трудности, будут фактически продолжать политику саботажа, именующуюся нейтралитетом в „борьбе двух культур“. Необходимой предпосылкой преодоления бесчисленных трудностей на этом пути является твердая воля партии, взятие за дело всерьез, принятие ряда действий (а не только резолюций) в направлении украинизации партийного и советского аппарата (в смысле языка, пропаганды и делопроизводства). Наконец, решительное и демонстративное отречение от ходячих представлений об украинской культуре как культуре низшей по природе, пригодной в лучшем случае для удовлетворения примитивных потребностей крестьянина в противоположность русской — пролетарской»²².

На безусловном развитии национального языка настаивал заместитель наркома просвещения БССР А. В. Белицкий: «В культурной жизни каждого народа главной особенностью национальной культуры является язык этого народа»²³. Ф. И. Махарадзе говорил: «... Всякий марксист знает, что язык для нас — могущественное орудие»²⁴. Ему вторил Рухулла Али оглы Ахундов, в 1924—1930 гг. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана и нарком просвещения республики: «... Когда мы говорим, что нужно провести национализацию, то тут нет лицемерия. Мы говорим это потому, что 1,5 миллиона азербайджанского крестьянства и рабочей массы не знакомы с другим языком, не могут ходить в советские учреждения, некому ответить им. Следовательно, если мы откажемся от тюркского языка, то ни о какой культуре, ни о каком культурном развитии вообще говорить не приходится. Поэтому Коммунистическая партия, стоящая на той точке зрения, что к культурно-просветительной работе, к строительству вообще нужно привлекать отсталый элемент, считает, что нужно говорить на родном языке»²⁵.

С. М. Киров, в то время первый секретарь ЦК КП Азербайджана, отмечал: «Мы прекрасно понимаем, что Азербайджан и Армения сделают гораздо больше и гораздо легче на собственном языке... Те формы объединения, которые мы предлагаем, послужат как раз к упрочению этого самого азербайджанского быта. Они откроют, наконец, азербайджанскому крестьянину глаза, ибо если мы не сдохнем в течение ближайших пяти лет, мы постепенно сумеем даже такие отдаленные места, отдаленные уезды, которые имеются в Азербайджане, осветить культурой»²⁶.

Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу рекомендовала коммунистам настойчиво добиваться того, чтобы «были созданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства,— законы, преследующие и карающие со всей революционной соровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств»²⁷.

На Украине Комиссия по проведению в советском порядке директив XII съезда по национальному вопросу была сформирована постановлением СНК УССР от 25 мая 1923 г. Задачи комиссии были определены следующим образом: «проведение в жизнь мероприятий, связанных с установлением фактического равенства между украинским и русским языками в государственных и просветительских учреждениях, подготовка с этой целью соответствующих декретов и постановлений»²⁸. Председателем комиссии был Х. Г. Раковский, в состав комиссии входили: Г. Ф. Грінько — председатель Госплана УССР, Я. П. Ряппо — заместитель наркома просвещения, А. Зорин — секретарь СНК, Н. Солодуб — управляющий делами ВУЦИК, представители Малого Совнаркома, Наркомата финансов республики и др.²⁹.

Первое заседание комиссии состоялось 30 мая. Оно было посвящено общим вопросам, по которым заинтересованным ведомствам был дан ряд заданий по подготовке необходимых сведений о количественном составе советских служащих на территории УССР, проценте знающих среди них украинский язык, количестве учащихся во всех учебных заведениях и числе знающих украинский язык среди учащихся, преподавательского состава³⁰.

1 июня доклад секретаря ЦК КП(б)У Э. И. Квиринга о реализации решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу слушался на заседании Политбюро ЦК. Принятое постановление называлось «Разработка украинского языка». В нем намечался ряд мер, направленных на научное обоснование украинизации. Решено было ускорить издание Академического словаря украинского языка. Наркомпросу вменялось в обязанность проследить, чтобы в основу словаря было положено коренное киевско-полтавское наречие. Признавая, что Харьков долго еще будет оставаться столицей республики, Х. Г. Раковскому и В. П. Затонскому поручалось продумать формы развития украинских культурных центров, считая целесообразным разместить в столице Академию наук и другие научные учреждения. Серьезное внимание было удалено издательской политике. В решении об увеличении украинских изданий за счет специальных дотаций подчеркивалась недопустимость сокращения при этом публикации русских книг. ВУЦИК предлагалось ускорить принятие постановления об удешевлении цен на печатную продукцию на украинском языке. По предложению Квиринга был решен вопрос о подготовке и выпуске на 1924 г. Украинско-русского календаря³¹.

На заседании комиссии СНК 3 июля были сообщены предварительные итоги выполнения этих заданий. Всего служащих на Украине насчитывалось от 75 до 80 тыс. Из них примерно 50 тыс. нуждалось в изучении украинского языка. Была определена необходимость создания двух типов курсов по изучению языка: краткосрочных — трехмесячных и долгосрочных (для квалифицированных работников) — до девяти месяцев. Общее число курсов предполагалось довести до 500. Для работы в них требовалось 1,5 тыс. педагогов. Стоимость всех затрат составляла 9 триллионов руб. в год по курсу того времени (позже межведомственное бюджетное совещание при Наркомфине УССР определит общую сумму в 442 241 руб. в червонцах).

На заседании комиссии был рассмотрен проект декрета «О мерах обеспечения действительного равноправия языков», написанный Х. Г. Раковским³². После обсуждения его дополнили вводной частью, в которой констатировалось: «Одно формальное признание равенства двух наиболее распространенных на Украине языков (украинского и русского) вследствие недостаточного развития украинской школы и украинской культуры вообще, отсутствия необходимых пособий, отсутствия достаточного персонала фактически приводит, как показал опыт, к преобладанию русского языка»³³. Окончательное название документа приняли в следующем виде: «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка»³⁴. 1 августа 1923 г. он был принят ВУЦИК³⁵. Декрет подписан Г. И. Петровским и Х. Г. Раковским. Кстати, это один из последних документов, подписанных Раковским на Украине. Так же,

как второго главного сталинского оппонента по вопросам объединительного движения и образования Союза ССР — лидера грузинских коммунистов Б. Мдивани, его, по предложению Сталина, перевели на дипломатическую работу. Председателем СНК УССР стал В. Я. Чубарь. Вслед за смещением осенью 1922 г. Г. Ф. Гринько с должности наркома просвещения это был еще один ощущимый удар, нанесенный самостоятельной политике в области национально-культурного строительства на Украине.

9 и 10 июля комиссия СНК еще в присутствии Х. Г. Раковского рассматривала вопрос о переводе делопроизводства на украинский язык. На первом заседании речь шла о делопроизводстве в центральных и губернских органах власти. Было решено, что оно должно вестись *преимущественно* на украинском языке. Вместе с тем в принятом постановлении специально оговаривалось, что «в настоящее время русский язык перестал быть языком угнетающего класса и стал, наоборот, средством общения Советского Союза с широкими народными массами». Поэтому признавалось необходимым «наряду с усиленным распространением украинского языка усвоение также и русского языка не только государственными служащими, но и широкими народными массами»³⁶. Что касается ведения делопроизводства в районах, то оно предполагалось на языке большинства населения того или иного района. Все законодательные акты республики предписывалось издавать на украинском и русском языках. На сессиях Советов всех уровней каждый участник волен был выступать на любом языке³⁷.

Интересно, что группа наркомов из тринадцати человек в докладной (уже на имя В. Я. Чубаря) предлагала принять такое решение: «... все члены СНК, владеющие украинским языком, обязаны говорить на заседаниях СНК на украинском языке»³⁸. Составил докладную Наркомгосконтроля М. Ветошкин, среди подписавших были замнаркома просвещения Я. Ряппо, наркомтруда И. Лобачев, замнаркома внутренних дел Н. Черлюнчакевич и др. Заместитель уполномоченного наркомпути А. Маликов предложил уточнение: вместо «обязаны говорить» — «рекомендуется говорить». И только нарком земледелия А. Клименко записал особое мнение: «Такого постановления не надо, каждый, ясно, имеет право говорить на языке, которым он владеет»³⁹.

Даже этот маленький эпизод свидетельствует о справедливости замечания Х. Г. Раковского, прозвучавшего на первом заседании комиссии СНК 3 июля, о необходимости во всех документах заменить выражение «два государственных языка» (украинский и русский) на «два наиболее распространенных». Это вполне соответствовало ленинскому отношению к понятию «государственный язык», и представляется необоснованной попытка В. А. Чирко в одной из своих работ представить негативное высказывание Раковского на III Всеукраинском съезде Советов относительно признания украинского языка государственным языком республики как «пренебрежительное отношение к украинскому языку и украинской культуре вообще»⁴⁰. Упоминавшиеся выше документы, направленные на реальное обеспечение равноправия языков и содействие развитию украинского языка, в разработке которых Раковский сыграл важную роль, доказывают, что подобные утверждения далеки от истины.

На заседании комиссии СНК 13 июля 1922 г. уже под председательством В. Я. Чубаря в дополнение к декрету о языке Наркомпросу было поручено в двухнедельный срок подготовить и вынести на обсуждение проект декрета «О мероприятиях по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений» (культурно-просветительные учреждения появились в строке решения уже в ходе обсуждения доклада Я. П. Ряппо на комиссии)⁴¹. Началась кропотливая будничная работа по претворению в жизнь принятых решений. Вскоре вышел в свет и поступил в продажу академический Русско-украинский словарь объемом в 50 печ. л., подготовленный особой комиссией Академии наук УССР во главе с академиком А. Е. Крымским. К началу 1923 г. тиражом в 75 тыс. экз. был отпечатан и Украинско-русский календарь.

Большую работу по развитию белорусского языка вел Наркомпрос БССР и открытый в 1922 г. Институт белорусской культуры (в 1926 г. он выделился из состава республиканского Наркомпроса и, согласно постановлению правительства Белорусской ССР, начал подготовку к созданию Белорусской Академии наук⁴²; председателем Академического центра был нарком просвещения БССР В. М. Игнатовский⁴³). Велась разработка Терминологического словаря белорусского языка. Он включал в себя 50 тыс. слов-терминов. Подготовлен Русско-белорусский словарь на 50 тыс. слов. По инициативе Института белорусской культуры образовано издательство «Савецкая Беларусь».

Организовывались этнографические и археологические экспедиции. За экспозицию по этнографии, собранную первой экспедицией, Белоруссия удостоена высшей премии на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1923 г. Вторая экспедиция провела археологическое исследование Борисовского уезда. Летом 1924 г. в Восточной Белоруссии работала экспедиция в составе этнографа Сержпутовского и композитора Прохорова.

Очень остро стояли вопросы развития белорусской культуры в сопредельных Витебской и Гомельской губерниях, населенных преимущественно белорусами, но входившими тогда в состав РСФСР. В мае 1921 г. председатель Совнаркома Белоруссии А. Г. Червяков обратил внимание представителя БССР в РСФСР М. И. Морозова на то, что в этих губерниях «до настоящего времени продолжается преследование белорусской культурной работы, причем работников белорусской культуры приравнивают к контрреволюционерам, мешают работать и т. д. ... Нужно этому положить конец, так как это не только не усиливает Советскую власть, но, наоборот, ослабляет, озлобляя против нее белорусскую народную интеллигенцию, в настроениях которой в последнее время в связи с развитием белорусской культурной работы в пределах нынешней Белоруссии обозначился важный перелом в сторону Советской власти». При этом он ссылался на опыт Украины, где «издано постановление, в силу которого преследование украинского языка признается контрреволюционным делом»⁴⁴.

В июле 1922 г. после аналогичного представления Наркомпроса БССР М. И. Мороз сообщал В. М. Игнатовскому: «Был у Сталина и Гусейнова (зама по Наркомнацу). Должен отметить, что мне показалось, что Сталин принял меня холодновато. Я, правда, заявил, что много не добавлю к записке, попросил его ознакомиться с запиской и о своем мнении сообщить мне. Я сказал т. Сталину к Вашей записке, что политическое объединение этнографической Белоруссии по понятным для т. Сталина и для нас причинам в настоящее время невозможно. Мы должны вести кропотливую лабораторную работу по развитию белорусской культуры и просвещения. 1. Эта работа тяжелая, но не бесперспективная. 2. Нужно, чтобы нам не мешали эту работу вести. Помочь, чтобы нам не мешали,— это долг ЦК РКП(б) и Наркомнаца. Этот долг, мы надеемся, будет выполнен»⁴⁵.

К лету 1924 г. в Совнаркоме БССР завершилась разработка проекта «О практических мероприятиях общего характера по проведению национальной политики», внесенного на рассмотрение второй сессии ЦИК Белоруссии шестого созыва. В разделе «Общие положения» провозглашалось равенство языков всех народностей, проживающих на территории республики. Здесь же отмечалось, что ввиду преобладания белорусской национальности «белорусский язык становится преимущественным для сношений между государственными, профсоюзовыми и общественным учреждениями». Языком сношений органов БССР с органами СССР и другими союзными республиками являлся русский язык. Все делопроизводство переводилось на белорусский язык. Наркомпросу, Наркомзemu вместе с Управлением делами ЦИК и СНК предстояло проделать эту работу в течение года, остальным — в течение трех лет. Подчеркивая еще раз полное равенство языков, бытующих в районах Белоруссии, право и реальную возможность каждого пользоваться своим родным языком, проект предусматривал публикацию всех документов публично-правового характера на белорусском и одном из трех языков (еврейском, польском, литовском). Общесоюзные

документы должны были публиковаться на белорусском и русском языках. Сотрудники республиканских учреждений, как особо оговаривалось, «должны изучить языки». Знание русского и белорусского языков было обязательно, дополнительно — либо еврейский, либо польский, а в районах с украинским, литовским и латышским населением — одного из этих языков⁴⁶.

Тогда же, в июле 1924 г., была завершена разработка еще одного важного документа «О практических мероприятиях по проведению национальной политики по линии Наркомпроса Белоруссии». Учитывая перевод в пределы Белоруссии частей Гомельской, Витебской и Смоленской губерний, было намечено проведение «белоруссизации культурно-просветительных учреждений» в этих районах. На осуществление данных мероприятий для учреждений социального воспитания отводилось три года, для профессионально-технических и политико-просветительных — пять лет⁴⁷.

В области народного образования было решено, что обучение должно вестись на материнском языке (подобные же формулировки встречаются и в решениях других союзных республик). Вместе с тем подчеркивалось: «...языки белорусский и русский — первый как язык большинства населения Белоруссии, второй как язык, имеющий общесоюзное значение, являются обязательными предметами преподавания во всех учебных заведениях БССР»⁴⁸.

В 1924—1925 гг. Наркомпрос намечал провести ряд мероприятий. Предстояло научить учителей белорусскому языку путем организации курсов белорусоведения, рассылки учебной и методической литературы. Все семилетки, школы второй ступени и образцово-показательные школы должны были быть обеспечены учебником по белорусоведению «из расчета не менее одного на учреждение». Белорусский язык должен был быть введен как обязательный предмет во всех школах. Комплектование школ предстояло привести в соответствие с языковыми особенностями ученического состава, строго придерживаясь этого принципа и в дальнейшем. Развивая успехи белоруссизации, в Минской области вводилось преподавание всех предметов на белорусском языке в старших классах семилетки.

Четкими были указания относительно организации работы дошкольных учреждений: для детей белорусской национальности по желанию родителей обеспечивалось изучение белорусского языка в детских садах и в первых классах трудовых школ. Для всех остальных эти учреждения работали на русском языке⁴⁹. В рабфаках и техникумах вводилось преподавание белорусского языка как обязательного, белорусской литературы, истории и географии. Во всех вузах основывались кафедры по изучению Белоруссии (истории, географии, языка, литературы, экономики, природных особенностей и богатств края, быта и истории населяющих его народов). На педагогическом факультете Белорусского государственного университета учреждались сектора, готовящие работников для еврейских и польских культурно-просветительных учреждений. Расширялась работа Инбелкульта, принимались меры к завершению в 1924—1925 гг. разработки научной терминологии на белорусском языке и подготовки академического Русско-белорусского словаря. В области издательской деятельности ЦИК БССР должен был принять все меры к обеспечению литературой и учебниками на всех местных языках, «согласовывая эту работу с издательствами других союзных республик». Расширялось издание марксистской и популярной политико-просветительной литературы для рабочих и крестьян на всех местных языках⁵⁰.

Документы, предусматривающие равноправие в употреблении языков, практические меры по реализации этого равноправия и одновременно развитию национальных языков, подобные тем, что были приняты на Украине и в Белоруссии, имелись во всех союзных и автономных республиках. Так, нарком просвещения Грузии Д. В. Канделаки, отчитываясь перед Закавказским краевым комитетом партии о положении народного образования в республике в 1923 г., подчеркивал, что, считая первой и, как он выразился, незыблемой

задачей национализацию дела народного образования, НКП Грузинской ССР добился в ее решении больших успехов. Несмотря на все трудности, удалось обеспечить учебниками и научной литературой на грузинском языке все учебные заведения, разрабатывалась научная терминология на грузинском языке в области математики, физики и других отраслей знаний. Словом, отмечал он, «все государственные мероприятия Советской власти и вся наша забота показывают в конце концов, что это единственная власть, которая может создать и ставит себе задачей углубить и усилить нашу национальную культуру в интересах трудящихся масс. Все наши государственные мероприятия достаточно ясно показывают серьезность наших намерений не только в перспективе, но в настоящей, каждодневной нашей работе»⁵¹.

Для создания условий, реально обеспечивающих употребление родного языка, для подъема народного просвещения и национальных культур особое значение имели разработка норм литературных языков, выбор ведущего диалекта, уточнение и систематизация лексики, усовершенствование старых алфавитов и создание новых, введение новой орфографии и графики там, где это было необходимо. Но это уже тема для особой статьи, нам же хотелось лишь обратить внимание на продуманность и последовательность тех решений в проведении данной политики, которыми отличалось языковое строительство первых лет Советской власти.

Примечания

¹ ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 605. Л. 80 об.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 2. 1917—1922. М., 1983. С. 366—367.

³ Съезды Советов в документах. 1917—1936. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. док. 1917—1936. М., 1959—1965 (далее — Съезды Советов в документах). Т. 2. Съезды Советов советских социалистических республик. 1917—1922. М., 1960. С. 416.

⁴ Съезды Советов в документах. Т. 5. Съезды Советов союзных и автономных советских социалистических республик. 1923—1937. М., 1964. С. 321, 555; Т. 6. Съезды Советов союзных и автономных социалистических республик Закавказья. 1923—1937. М., 1964. С. 174; Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Хроника. М., 1975. С. 32; ЦГАОР ГССР. Ф. 607. Оп. 1. Д. 144. Л. 18, 23; ЦГАОР БССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32. Л. 100; Жизнь национальностей. М., 1919. 21 декабря.

⁵ Съезды Советов в документах. Т. 1. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. 1917—1922. М., 1959. С. 431—433.

⁶ ПА Украинского филиала ИМЛ ЦК КПСС. Ф. 1. Оп. 20. Д. 159. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 753. Л. 49.

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 380. Л. 7 об.

¹¹ Вестник Карельско-Олонецкого комитета РКП(б). 1921. № 2. С. 3.

¹² Известия ВЦИК. 1921. 14 мая; 9 августа.

¹³ ЦГАОР БССР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 1, 3, 9, 9 об., 10.

¹⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 604. Л. 252, 252 об., 254, 261, 265; ЦГАОР УССР. Ф. 166. Оп. 1.

¹⁶ Д. 873. Л. 115; ЦГАОР БССР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 42, 46, 63, 65, 66, 79, 80, 81, 82, 83, 84.

¹⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Д. 7. Л. 35, 36, 36 об.

¹⁸ Там же. Оп. 60. Д. 753. Л. 147, 148, 149, 150, 156а, 156б, 157, 158, 159, 159 об., 161—172.

¹⁹ См.: Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 2, доп. Киев, 1964. С. 325.

²⁰ ПА Украинского филиала ИМЛ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 12.

²¹ Там же. Л. 12—16.

²² Там же.

²³ ЦГАОР БССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 47, Л. 83.

²⁴ ПА Азербайджанского филиала ИМЛ. Ф. 2. Оп. 22. Д. 6. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 27.

²⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 144. Л. 22.

²⁷ Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии большевиков: Стеногр. отчет.

²⁸ 17—25 апреля 1923 г. М., 1923. С. 649.

²⁹ ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 879. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 605. Л. 115.

³¹ Там же. Д. 879. Л. 1.

³² Там же. Д. 605. Л. 256—258.

³² Там же. Л. 116, 237—245.

³³ Там же. Л. 116.

³⁴ Там же. Л. 246.

³⁵ Там же. Л. 175.

³⁶ Там же. Л. 119.

³⁷ Там же. Л. 121—122.

³⁸ Там же. Л. 80.

³⁹ Там же. Л. 80 об.

⁴⁰ Чирко В. А. Коммунистическая партия — организатор братского сотрудничества народов Украины и России в 1917—1922 гг. М., 1967. С. 167.

⁴¹ ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 605. Л. 55.

⁴² СЗ БССР, 1926. № 29. Ст. 106.

⁴³ ЦГАОР БССР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 514. Л. 84.

⁴⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

⁴⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 13. Л. 353.

⁴⁶ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 29. Л. 100—101.

⁴⁷ Там же. Л. 102.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 102 об.

⁵⁰ Там же. Л. 103—103 об.

⁵¹ ПА Грузинского филиала ИМЛ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 645. Л. 1—1 об.

И. А. ИСАЕВ

ПЕРЕХОДНАЯ ЭКОНОМИКА НЭПА

Поиск форм хозяйственно-правовой автономии и централистские тенденции

Введение новой экономической политики стимулировало развитие инициативы во всех отраслях советской экономики. Одновременно остро встал вопрос о наиболее эффективных организационных формах хозяйствования, об их правовом закреплении. В декабре 1921 г. В. И. Ленин отмечал: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...»¹ Механизмы правового регулирования были призваны создать наиболее благоприятные возможности для развития наметившихся хозяйственных процессов в стране.

В первые годы нэпа советское законодательство всячески способствовало развитию новых экономических начал. Однако уже во второй половине 20-х гг. ситуация стала постепенно меняться. Все более проявлялись принципы, тормозившие личную инициативу, хозяйственную автономию, предпримчивость. Экономические механизмы быстро заменялись организационными, административными. Складывалась иная, несовместимая с идеями нэпа система хозяйственного управления. Где и когда произошел этот поворот, если искать его истоки в сфере хозяйственно-правовой идеологии?

Опыт нэпа весьма актуален в наше время. Разумеется, теперешняя ситуация значительно отличается от ситуации 20-х гг., но многое, очень многое в системах нашего хозяйствования и нормирования напоминает те уже далекие годы. Особенно это относится к системам идеологических построений как в области экономики, так и права. Поэтому осмысление опыта нэпа в значительной мере имеет прагматический, а не только теоретический, характер. Хорошо изучив прошлое, мы могли бы попытаться избежать многих ошибок и неожиданностей в настоящем.

Получившая широкое распространение во второй половине 20-х гг. так называемая «мёновая» концепция права связывала существование права вообще с развитием товарно-денежных отношений: пока существуют товарообменные связи и различие хозяйственных интересов, до тех пор существует право. Когда план и организация заменяют собой разрозненных хозяйствующих субъектов, тогда юридические нормы превращаются в нормы организационные, технические. Хозяйственное право в этой связи рассматривалось как промежуточная ступень отмирания права вообще: гражданское (т. е. буржуазное) право превращается в хозяйственное, а это последнее — в технику, в «неправо». С этой точки зрения хозяйственное право призвано было регламентировать отношения в обобществленном секторе экономики, в необществленном же секторе должны были действовать нормы гражданского права. Следовательно, переходная экономика, как и соответствующая ей правовая система, неоднородна,

Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор Всесоюзного юридического заочного института.

состоит из нескольких (минимум двух) секторов. Что же связывает между собой эти сектора? Согласно «меновой» концепции — имущественный, товарный оборот, рынок.

Но здесь возникал целый ряд новых вопросов. Является ли товарный оборот фактором, порожденным капиталистическими элементами, или это составная часть новой экономической системы? По-прежнему ли действуют новые принципы распределения? Наконец, обладают ли нормы, регулирующие этот оборот, юридическими признаками или новые условия превращают их в организационно-технические? Ответы на эти и другие вопросы имели тогда важное значение. Выбор альтернативного решения мог иметь далеко идущие последствия для развития экономики страны.

Литература, посвященная проблеме государственного регулирования экономики периода нэпа, достаточно обширна². Однако такие ее аспекты, как развитие хозяйственного права, хозяйственно-правовых идей и концепций, в которых формулировались общие перспективы и задачи экономического развития, исследованы еще недостаточно³. Целью данной работы является анализ основных тенденций в развитии хозяйственно-правовой идеологии нэпа, отразившей наиболее существенные экономические процессы, связанные с такими явлениями, как имущественный оборот, рынок, хозяйственная автономия, децентрализация и пр.

«Товарность» и «плановость». Имущественный оборот в условиях многоукладной экономики оказался фактором достаточно сложным в структурном отношении. Он состоял из четырех основных потоков: государственного планового оборота (где преобладали методы централизованного регулирования и администрирования), государственного товарного оборота (где взаимоотношения между госпредприятиями строились на коммерческой договорной основе), частного товарно-потребительского оборота и частнокапиталистического оборота. Общим для всех потоков являлось соотношение в каждом из них двух моментов — «плановости» и «автономности». Поскольку в условиях переходного периода плановые элементы оказывались тесно переплетенными с товарными⁴, характерной для этой ситуации стала двойственность явлений правовой действительности. Так, например, имущественный фонд предприятия, его деятельность, связи с другими предприятиями и пр., подчинялись действию сразу двух правовых режимов — автономного (частноправового), поскольку предприятие участвовало в товарном обороте и находилось под воздействием товарно-хозяйственных регуляторов, и регулируемого (публичноправового), поскольку оно входило в систему планового хозяйства и подчинялось воздействию плановых органов. Соотношение плановости и автономности характеризовало по существу самые разнообразные организационно-правовые формы хозяйствования в условиях переходной экономики.

Экономическая и правовая мысль 20-х гг. выработали особую категорию «переходности»⁵ («переходная экономика», «право переходного периода»), в которой динамические элементы сочетались с достаточно устойчивой, статической структурой «смешанной» экономики: переходное хозяйство представляло собой не механическое, а «химическое» соединение элементов прошлого и будущего. Сложный характер этой системы был обусловлен уже тем, что она соединяла два «диаметрально противоположных принципа, между которыми неизбежна борьба»⁶. Отсюда делался довольно нигилистический вывод о том, что исследователям не нужно стремиться к созданию особой «теории переходной экономики», а следует ограничиться анализом своеобразного процесса вытеснения стихийных, неорганизованных «производственных отношений отношениями организованного сотрудничества». Принимая во внимание предложение советских правоведов связывать правовую систему переходного периода непосредственно с экономическими конструкциями и моделями, можно было предположить и наиболее вероятный вывод из этой аналогии: построение законченной правовой системы в условиях переходной экономики невозможно. Оставался един-

ственний логический путь: вытеснение и замена старых правовых элементов новыми без создания законченной (закрытой) системы⁷. Сам характер «смешанной экономики» неизбежно предполагал сосредоточение правового регулирования (и соответственно анализа этого регулирования) на пограничной зоне взаимодействия двух секторов — обобществленного и частного. Основной организационной и связующей формой этого взаимодействия представлялся рынок, а поскольку важнейшей тенденцией в развитии переходной экономики являлось хозяйственное соревнование, борьба двух противоположных начал, то, по мнению целого ряда экономистов, всякий план должен был не только учитывать «динамику производственного процесса, но и эволюцию облекающей его экономической структуры общества», должен особенно тщательно исследовать взаимоотношение этих обеих частей народнохозяйственного целого⁸.

Подвижность границы между сферой товарного и планового хозяйства делала подвижной и границы сфер, в которых параллельно сосуществуют «автономные и регулируемые правовые институты»⁹. Вытеснение плановыми началами товарных неизбежно должно было привести к дифференциации единого гражданского права, в связи с чем различные сферы хозяйственного оборота окажутся подчиненными различным формам правового регулирования. Вместе с тем хозяйство переходного типа, несмотря на противоборство составляющих его укладов, имело все признаки единой системы. Но вследствие различной судьбы, которую переживает закон стоимости в различных секторах народного хозяйства (представлялось, что он отмирает с различной скоростью в обобществленном и необобществленном секторах), все попытки систематически проанализировать трансформацию этой категории (закона стоимости) казались обреченными на неудачу.

Правовым аналогом этой концепции стала теория двухсекторного права¹⁰. Рассматривая гражданское право в качестве совокупности норм, направленных главным образом на стабилизацию существующих хозяйственных отношений в сфере необобществленного сектора, сторонники этой концепции предлагали развивать внутри обобществленного сектора преимущественно административно-хозяйственные регуляторы, способные обеспечить динамическое и рациональное развитие экономики.

В условиях переходного периода специфические черты новой правовой системы обусловливались развитием экономических факторов. На IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (январь 1922 г.) Д. И. Курский подчеркивал: «Частноправовые отношения, договорные отношения, диспозитивные нормы приобретают особое значение, и понятно, что именно экономические интересы диктуют с неумолимой необходимостью переход к системе норм диспозитивных, договорных... На этом гражданском праве отражаются особенности нашего экономического строя, когда существуют вместе, с одной стороны, крупное производство, которое в основе своей имеет много элементов чисто социалистического производства, с другой — в достаточной степени широкая область мелкой промышленности с довольно развитой мелкой торговлей»¹¹. Функции обеих частей народнохозяйственного организма были различными и взаимодополняющими: наличие товарного (рыночного) регулятора способствовало поддержанию пропорциональности между отдельными частями переходной экономики, а плановые регуляторы (преимущественно в форме административных предписаний) обеспечивали поступательное развитие новых социалистических элементов хозяйственной структуры.

Период сосуществования борющихся секторов в рамках единой народнохозяйственной системы мог оказаться более или менее продолжительным (что зависело в значительной степени от курса экономической политики государства). В связи с этим в литературе оживленно обсуждался вопрос о степени устойчивости, стабильности нэоловской «смешанной» экономики. Некоторые учёные полагали, что органически складывающиеся хозяйствственные пропорции вов-

се не обязательны для нашей экономики. С этой точки зрения наиболее реалистической политикой можно было считать упомянутое «первоначальное социалистическое накопление», обеспечивающее простор волевому, субъективному воздействию на экономику. Другие экономисты считали, что «социалистическое накопление» не может противопоставляться действующему в переходной экономике закону стоимости (ценности). Пока существует рынок, до тех пор действует и этот закон. Сторонники такой точки зрения утверждали: «Плановое хозяйство, советская хозяйственная система проводятся в обстановке рынка и присущих рынку законов. Она может в очень широких пределах властствовать над рынком, т. е. проводить на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их мимо рынка, не считаясь с тем, какая будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана»¹².

Таким образом, в теории и практике 20-х гг. сложились две позиции, с каждой из которых по-разному открывалась дальнейшая перспектива экономического развития страны: станут ли товарно-денежные отношения явлением «целой хозяйственной эпохи», в связи с чем главная задача должна будет заключаться в установлении равновесия на рынке, или же мирное сосуществование секторов недолговечно? В последнем случае диспропорции «смешанной» экономики должны рассматриваться как неизбежное, но временное явление, поскольку плановое начало строит свою собственную систему отношений независимо от «закона ценности» (стоимости). В любом случае составным элементом «смешанной» экономики остается стихийность, выступающая антагонистом плановости.

В переходной (по своим характеристикам товарно-денежной) экономической системе источником стихийности, по мнению ряда исследователей, являлся «денежный капитал, пытающий и производство и госкредит» и поддающийся регулированию в очень узких пределах. Сам «смешанный» характер переходной экономики предполагал постоянную регенерацию источников стихийности: «Если бы у нас не существовало элементов капиталистического возрождения, тогда все затруднения конъюнктурного порядка... были бы просчетами и недочетами статистической методологии изучения нового хозяйства...», но дело в том, что «соотношение плана и рынка не является чем-нибудь постоянным, оно изменяется с развитием и усилением обобществленного сектора, оно выдвигает все новые и новые проблемы, внимательное изучение которых является предпосылкой успешного преодоления возникающих трудностей...»¹³. Таким образом, для преодоления иррациональной рыночной стихии предлагалось вполне эффективно использовать рациональный метод, составляющий основу всякого планирования, — тщательное изучение рыночной конъюнктуры¹⁴.

Методы планирования. В этих условиях планирование должно было ориентироваться в первую очередь на реальное положение дел на рынке. Единый государственный план организовывал стихию «преимущественно в отношении общего направления, выявляя и намечая, главным образом качество процессов, при этом он действует безуказанно только в тех случаях, когда... смыкается со стихией (прогрессивной), и срывается, когда он рассчитывает только на соорганизованные силы (на госаппарат, на профсоюзы)», отмечали исследователи проблемы¹⁵. Вместе с тем очевидно, что ориентация плана на рынок¹⁶ существенно снижает роль волевых и рациональных элементов экономической политики, а в правовой сфере обеспечивает превосходство недискреционных элементов контроля (непрямого, косвенного регулирования) над элементами дискреционными. Механизмами регулирования в условиях «смешанной» экономики наряду с набором прямых административно-правовых предписаний (например, о порядке открытия, функционирования, контроля, закрытия предприятий) могли быть нормы, регламентирующие общий порядок налогового обложения, кредитования, заключения сделок и т. д., формирующие «жизненную среду» для деятельности хозяйственных элементов. Если дискреционные

методы воздействовали на конкретно избранные хозяйствственные элементы, то недискреционные распространялись на неопределенный круг объектов. В правовой сфере с первыми отождествлялись нормы административного права, со вторыми — гражданского.

В экономической теории 20-г гг. имела место концепция, предполагавшая одновременное сосуществование двух конкурирующих методов планирования — «телеологического» и «генетического». Каждый из них дифференцированно осуществлялся в разных секторах народного хозяйства. Если государственный сектор преимущественно являлся областью «телеологических» построений, то в сфере частного хозяйства преобладали элементы «генетического» планирования.¹⁷

Механистическое разграничение двух методов планирования в конечном счете ослабляло роль плановых рычагов в регулировании переходной экономики, в связи с чем этот подход был подвергнут резкой критике¹⁸. Итоги дискуссии о методологии планирования были проанализированы на XII съезде партии. В резолюции съезда «О промышленности», в частности, отмечалось: «Ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйствования в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйствственный опыт еще не создал необходимой опоры,— совершенно неизбежны частные или общие хозяйствственные кризисы, какие мы наблюдали в эпоху «военного коммунизма» („заторы“, „пробки“ и пр.)¹⁹; б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов внеэкономными мерами рынка, и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достичь тех же результатов в более короткий срок и меньшей затратой сил и средств»²⁰.

Постоянно сочетающиеся методы экономического и административного воздействия, государство в условиях переходной экономики не позволяло «застывать» тем или иным формам регулирования. В середине 20-х гг. планирование учитывало рыночную стихию. «Вследствие тотальности народнохозяйственного целого,— отмечали А. Леонтьев и Е. Хмельницкая,— план не может ограничиваться лишь областью обобществленного массива, планированию подлежат также процессы, протекающие на необщественной периферии», где рациональное, плановое начало борется со стихийными силами рынка. При этом борьба происходит на основе признания рыночных форм, с чем связано все своеобразие плановой работы в условиях переходного периода: «План переходного хозяйства отличается от плана, развернутого социалистического хозяйства тем, что он определенным образом сочетается с наличием стихийных процессов в народном хозяйстве». Отсюда необходимость предвидеть и прогнозировать некую равнодействующую для стихийных факторов народного хозяйства, которая может явиться одной из существенных предпосылок реального планирования в переходную эпоху: «Подчинение стихии плану прежде всего предполагает познание стихии со стороны органов, осуществляющих планирование народного хозяйства»²¹.

Но стихийные элементы переходной экономики вовсе не казались экономистам полностью автономными и нерегулируемыми. Плановое начало воздействовало на них в самых различных секторах и сферах народного хозяйства.

Если рассматривать этот процесс на уровне взаимодействия основных структурных звеньев переходной экономики, то представляется возможным выделить несколько основных этапов. На первом этапе нэпа задача планового регулирования сводилась преимущественно к обеспечению бескризисного развития народного хозяйства. По данным экономического анализа, именно 1921—1922-й были годами максимального равновесия в экономике. В этот период централизованное планирование имело весьма ограниченные масштабы, что

объяснялось отчасти диспропорцией всех частей народнохозяйственного организма и задачами создания рынка. Поэтому на первом этапе вполне достаточнымказалось создание известных предпосылок для экономического развертывания советского хозяйства и в основном рекомендовалось «положиться в значительной мере на силы самостоятельных хозяйственных единиц». Деятельность центральных регулирующих органов в этой ситуации сводилась главным образом к внимательному наблюдению за «процессом формирования рыночных отношений и посильному облегчению этого процесса»²², а также «возможному в этих условиях направлению народного хозяйства в социалистическое русло». Планирующая активность центра проявлялась главным образом в моменты хозяйственных заминок и кризисов²³.

Период хозяйственной автономии. К осени 1922 г. в целом сложилась новая хозяйственная система. Активно функционировали тресты, синдикаты, укреплявшие рыночные позиции государственной промышленности, а также вновь созданные товарные биржи, кредитные и банковские учреждения. В это же время отчетливо проявились тенденция убыточности в работе госпромышленности и тенденция накопления в сфере частного предпринимательства²⁴.

С весны 1921 г. в стране начался ряд дискуссий по «левой» и «правой», «новой» и «новейшей» и т. п. линиям экономической политики. «Немало было сменено вех в организационных формах, немало испробовано принципов управления», — вспоминал один из участников дискуссии²⁵. Но еще в начале года между «левыми» (Ларин, Крицман) и «правыми» (работники Президиума ВЧХ и газеты «Экономическая жизнь») практически не было разногласий по вопросу о допустимости реализации госпредприятиями своей продукции на вольном рынке. Спор шел лишь о доле свободно реализуемой продукции. В июне 1921 г. было принято важное постановление «О расширении прав госпредприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами», а через два месяца — «О порядке приобретения советскими органами необходимых им продуктов на вольном рынке»²⁶. Согласно этим постановлениям в отношении госпромышленности практически снимались все ограничения, наложенные на нее в период военного коммунизма, делалась ставка на полную хозяйственную самостоятельность предприятий.

Весной 1921 г. был принят ряд законодательных актов, допускавших частное предпринимательство в области производства, но предоставлявших ему очень незначительные возможности для осуществления собственно торговых операций. Однако рыночные отношения довольно быстро вышли за определенные им узкие границы. Как отмечали наблюдатели, «весну и лето мы дискусирували, одновременно осуществляя товарооборот легально и участвуя в купле-продаже нелегально, вопреки декретам и распоряжениям»²⁷. Имея в виду именно этот период, В. И. Ленин говорил, что товарообмен сорвался в том смысле, что вылился в куплю-продажу, частный рынок оказался сильнее нас²⁸. Все дискуссии 1921 г. велись вокруг вопроса о пределах рыночной стихии.

Происходящие изменения в экономической жизни прежде всего коснулись промышленности и финансов, так как именно эти сферы были наиболее централизованы и, следовательно, более других поддавались регулированию и воздействию со стороны государства. Сельское хозяйство предполагалось перевести на новые пути посредством замены разверстки налогом и легализации торговли. Прямое вмешательство государства здесь еще не было возможным. Оно осуществлялось косвенным путем — через отмену правовых ограничений, так или иначе сдерживающих рост производительных сил деревни.

В законодательной деятельности чаще всего принимались диспозитивные нормы разрешительного характера. Государственные предприятия наделялись широкими правами, позволяющими оперативно действовать в новых экономических условиях. Исследователи отмечали: «Если период с марта до октября 1921 г. можно охарактеризовать как период отбора государственной базы, то последующий период характеризуется полным отказом от старых методов и переводом предприятий на начала хозяйственного расчета»²⁹.

В 1922 г. нэп осуществлялся уже «без особых колебаний, и мероприятия по освобождению рынка от связывающих его пут сыпались как из рога изобилия»³⁰. Вновь образовавшиеся тресты проявили стремление к хозяйственной автономии, но при этом столкнулись с такими серьезными трудностями, как нехватка оборотных средств и ограниченность оперативной свободы. В этой ситуации стала складываться концепция, ошибочно трактующая принципы самостоятельности госпредприятий. По мнению некоторых авторов, деятельность предприятия должна была определяться прежде всего его собственными хозяйственными интересами, в связи с чем ему якобы «становились чужды общие интересы народного хозяйства или во всяком случае, не этими общими интересами оно руководствовалось в своей деятельности». С этой точки зрения между госпредприятиями, переведенными на хозрасчет, и частнокапиталистическими образованиями не было большой разницы — те и другие являлись частными хозяйствами³¹. Характерно, что усиление роли планового и контролирующего начал в сфере промышленности сторонники этой концепции прямо связывали именно с развитием конкурентных отношений между трестами.

Поворот к централизации в развитии хозяйственных форм. Давление рынка на сформировавшиеся тресты требовало более согласованных действий с их стороны. В сентябре 1922 г. на Всеукраинской конференции губсовнархозов и губтрестов отмечалось: «Рынок приобретает значение главнейшего условия, определяющего размер и характер производства. Выявление его спроса должно явиться весьма существенной задачей для выработки рационального плана промышленности»³².

Автономистские устремления трестов натолкнулись на противоположную тенденцию — к централизации со стороны синдикатов. По мнению многих специалистов, именно благодаря деятельности синдикатов ВСНХ удалось преодолеть автономистские тенденции предприятий и сохранить за собой руководство промышленностью³³.

Давление на тресты осуществлялось и с другой стороны. Заинтересованность хозорганов в оборотных (и денежных) средствах ставила их в зависимость от Наркомфина и Госбанка³⁴. Последнему еще в июле 1921 г. было предоставлено право выпуска банковских билетов, обеспеченных золотом и дефицитными товарами³⁵. В 1922 г. под контролем этих органов оказалась быстро развивающаяся система кредитной кооперации и фондовых бирж (или фондовых отделов при товарных биржах)³⁶. Следует отметить, что сама кредитная система формировалась тогда по децентрализованной, плюралистической схеме: устанавливался особый порядок кредитования для промышленности, создавалась кредитная кооперация, смешанные кредитные общества, частные общества взаимного кредита и т. д.

Во второй половине 1922 — начале 1923 г. быстро развивались торговое, налоговое законодательства, и сравнительно немного принималось актов, относящихся непосредственно к управлению государственными предприятиями. Что касается вопроса о регулировании имущественного оборота, он неоднократно поднимался; попытки его решения чаще всего сводились к мерам экономического и организационного характера. Прямого законодательного вмешательства в торговые операции не наблюдалось вплоть до 2 января 1923 г., когда было принято постановление, разрешающее госпредприятиям торговать только предметами, необходимыми для их производственной деятельности³⁷.

В 1923 г. шел активный поиск оптимального соотношения принципов централизации и децентрализации в системе управления «трест — предприятие»³⁸. Неоднократно обсуждался вопрос о реорганизации трестов, о ликвидации определенных противоречий между легкой и тяжелой промышленностью и т. п.³⁹

Осенний кризис 1923 г. Кризисную ситуацию, проявившуюся осенью 1923 г., многие советские экономисты рассматривали как следствие сложившейся диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства. Создание более

оптимального соотношения этих отраслей должно было способствовать преодолению кризиса. При этом одна группа экономистов (Е. Преображенский и др.) подчеркивала важность и необходимость индустриализации, осуществляющей за счет сокращения кредитов и налоговых льгот для крестьянства. Другие настаивали на расширении экспорта хлеба за счет соответствующего сокращения оборотных средств промышленности, «видя в сельском хозяйстве ведущую силу нашей экономики» (Сокольников и др.)⁴⁰.

Однако кризисная ситуация и мероприятия по выходу из нее связывались не только с диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством, но и с торгово-промышленным подъемом, происходящим на основе кредитно-денежной экспансии и инфляции. Опережавшее в этой связи реальные нужды рынка кредитование привело в свою очередь к повышению цен на промышленные товары. «Именно в стыке между промышленностью и сельским хозяйством получилось одно из самых острых хозяйственных затруднений последнего времени»⁴¹, — отмечал Л. Н. Юровский. Вместе с тем опыт кризисов в условиях переходной экономики продемонстрировал большую устойчивость наших хозяйственных отраслей по сравнению с кризисными ситуациями в капиталистическом хозяйстве. По мнению ряда экономистов, наши хозяйствственные кризисы были обусловлены прежде всего ошибками в экономической политике, когда руководители плановых органов нередко сами подпадали под влияние стихийных факторов⁴². «Так, например, даже предложение регулировать цены было своеобразной реакцией на наше поражение на рынке, наше бессилие в борьбе с „ножницами“ (осенним кризисом 1923 г.— И. И.). Все это ее теоретическое обоснование объяснялось отсутствием или слабостью развития предпосылок планирования»⁴³.

«Левые» истолковали опыт кризисов по-своему. Они считали, что такие факторы, как рынок, конкуренция и т. п., в условиях смешанной многоукладной экономики не оказывают положительного регулирующего воздействия, как это имеет место в капиталистическом хозяйстве. Рынок стал им представляться серьезной опасностью для социализма.

«Новая торговая практика». Выявившиеся в ходе осеннего кризиса 1923 г. недостатки регулирующей работы в значительной мере сводились к ослаблению связей между трестами и синдикатами, с одной стороны, и ВСНХ — с другой⁴⁴. С учетом этого опыта деятельность плановых органов, направленная в первую очередь на совершенствование хозяйственных форм, значительно усилилась. Конец 1924 — начало 1925 г. исследователи часто называют временем «новой торговой практики». Чрезвычайно энергичный нажим на частный капитал, предпринятый весной 1924 г., вызвал определенную деформацию рыночного обращения. Частный торговец, вытесняемый с рынка, проявил явное стремление к делегализации своей организационно-хозяйственной деятельности и поспешил изъять часть своих средств из оборота. Кооперация же еще не готова была полностью принять на себя все его функции. Становилось очевидным, что полное вытеснение частного предпринимательства является преждевременным⁴⁵.

По мнению специалистов, основными факторами, вызвавшими к жизни «новую торговую практику», были: финансовый надлом перегруженного кооперативного аппарата, чрезмерно быстрое вытеснение частного капитала, стремление промышленности втянуть в свой оборот максимум свежих средств и высокая рыночная конъюнктура, обусловленная мощным нарастанием восстановительного процесса в сельском хозяйстве⁴⁶. «Новая торговая практика» базировалась на постоянном усилении вмешательства государственных и кооперативных организаций в товарооборот. Это вмешательство особенно активизировалось в ходе борьбы за хлебный рынок летом 1925 г. Как позже отмечал С. Г. Струмилин, плановое начало до 1926 г. в нашем хозяйстве «было в минимуме, а стихия была в весьма достаточном количестве». С 1926 г. соотношение сил существенно меняется, хотя однозначно определить момент, с которого начинается собственно плановое хозяйство, в условиях переходного периода

представлялось весьма затруднительным. Однако большинство экономистов полагали, что плановое начало как принцип постоянно присутствовало в «смешанной» экономике и, более того, именно оно, а не рыночная стихия направляло и определяло развитие всей экономической системы. В этом и заключалась сущность нэпа. Механистическое противопоставление плана и рынка представлялось методологической ошибкой, оно было бы оправданным лишь в отношении рыночной стихии, т. е. только «той области, где проявлял себя закон стоимости, но не к нему самому». В целом же всю систему нэпа можно условно определить так: «рынок плюс план»⁴⁷. Таким образом, еще в середине 20-х гг. сочетание «плана» и «рынка» представлялось вполне реальным. Требовалось только найти наиболее эффективные организационные формы.

Государственное и «корпоративное» начала в промышленности. В годы «военного коммунизма» наметилась определенная тенденция включать в организационную структуру государственного сектора все существующие хозяйствственные отношения и единицы, независимо от их социально-экономической природы. Это нередко приводило к своеобразному сочетанию легальных и нелегальных методов деятельности в частном секторе, смешению различных принципов хозяйствования и нечеткости организационно-правовых форм. При этом формальная сторона правового нормирования отступала на второй план, на первый же выдвигались чисто организационные аспекты правовой надстройки, ее регулятивные элементы. Теоретически это обосновывалось скорым исчезновением правовой формы вообще⁴⁸.

С переходом к нэпу вновь был поставлен вопрос о правовой форме как факторе, стабилизирующем и стимулирующем развитие производительных сил страны. Однако его решение наталкивалось на препятствия как хозяйственно-правового, так и психологического свойства. Законодателю необходимо было установить четкие правовые рамки функционирования частных предприятий, выявить такие формы организаций государственных предприятий, которые позволили бы им наиболее эффективно действовать в условиях рыночной конъюнктуры и т. п.

В 1922—1923 гг., когда для госпромышленности вопрос об изучении конъюнктуры народного хозяйства стал одним из жизненно важных, была выдвинута идея создания системы органов, «более тесно связанных с рынком, нуждами промышленности и местами». На совещании представителей крупной промышленности и транспорта в декабре 1922 г. его делегаты предложили создать специальный Совет государственной промышленности и торговли — общественную организацию, действующую на добровольных началах. В Совет могли входить отдельные тресты, синдикаты, акционерные общества и т. п. Совет ставил задачу восполнить пробелы в конъюнктурной работе ВСНХ, Госплана, Наркомфина, Наркомвноторга. Эти организации занимались преимущественно составлением различных отчетов. Их оценки базировались на чисто статистических данных; «субъективные мнения и впечатления хозяйственников», по существу, не учитывались⁴⁹.

Следует отметить, что съезды различных отраслей промышленности были весьма распространенной организационной формой, широко используемой в период децентрализации управления промышленностью,— в 1921—1922 гг. Президиум ВСНХ пытался лишь координировать их работу и не вмешивался непосредственно в их деятельность.

К концу 1922 г. было проведено свыше двадцати таких съездов. На них давалась оценка ситуации в промышленности в целом и в отдельных ее отраслях, шел поиск новых организационных форм хозяйствования, обсуждались вопросы налогообложения, кредита и пр. Отдельные отраслевые съезды делегировали своих представителей в состав постоянного Бюро съездов, игравшего роль связующего звена между ВСНХ и промышленностью. Необходимость этого Бюро мотивировалась следующим образом: «Потребность в создании специального органа, который мог бы взять на себя освещение интересов находящихся в ру-

ках государства отраслей народного хозяйства, ощущается особо остро благодаря проведению нэпа. Распространяясь с наибольшей быстротой в частных или получастных отраслях промышленности, захватывая те ветви народного хозяйства, которые обслуживают массового потребителя, новая экономическая политика с угрожающей силой выдвигает именно их привилегированное положение. В то же время крупная индустрия, определяющая все экономическое развитие страны, оттеснена нэпом и не может развернуть свою деятельность соответствующим темпом»⁵⁰.

В Президиум ВСНХ стали поступать многочисленные проекты, на основе которых было разработано положение о Совете по делам промышленности при Президиуме ВСНХ⁵¹. Наряду с этим представители ряда отраслей промышленности выражали сомнения в необходимости создания особого органа, противопоставляющего себя государственно-корпоративной промышленности. «Вся наша промышленность, — подчеркивали сторонники этой точки зрения, — является государственной и вмешательство общественно-корпоративной организации в эту область совершенно не должно иметь места... В настоящее время... защищать... интересы промышленности перед государством, организовав для этого специальный совет... едва ли необходимо». Их оппоненты, со своей стороны, предупреждали, что, «если естественные здоровые стремления промышленности к самоорганизации и выявлению своего опыта будут подавлены, это неизбежно отразится на нормальном развитии нашего процесса строительства промышленности»⁵².

Итоги дискуссии были подведены на заседании Экономического совета ВСНХ 21 октября 1922 г. В принятых тезисах говорилось: «Идея противопоставления правительственных общественных элементов в госпромышленности созданием параллельной ВСНХ общественно-корпоративной организации промышленников в виде Бюро или Совета промышленных съездов не имеет никаких социально-экономических и деловых оснований. Как показал кратковременный опыт, попытка осуществления этой идеи ведет к распылению руководства промышленностью... Поэтому существование Бюро съездов всех отраслей промышленности в настоящее время необходимо признать нецелесообразным». Кроме того, создание Совета по делам промышленности при Президиуме ВСНХ автоматически снимало вопрос о создании особого Бюро съездов⁵³.

На наш взгляд, в дискуссии о Бюро (Совете) съездов промышленности отразились бытовавшие в хозяйственной практике и хозяйствственно-правовой мысли 20-х гг. более фундаментальные установки на противопоставление — централизация и децентрализация в управлении, публичноправовое и частноправовое начала, государственные и корпоративные принципы хозяйствования и т. п. Подобные противопоставления (схематически сводимые к паре «план—рынок») выявились и на других уровнях обобщения: крупная промышленность — мелкая промышленность, синдикаты с их централистскими тенденциями — тресты с их стремлением к автономности, промышленность — торговля (как две самостоятельные отрасли хозяйствования)⁵⁴, функция руководства — функция управления народным хозяйством и т. д.

Регулирование и хозяйствование, промышленность и торговля. В литературе 20-х гг. неоднократно указывалось на то, что наиболее распространенной ошибкой при конструировании хозяйственного аппарата является смешение функций хозяйствования с функциями осуществления общей государственной экономической политики. Переходная экономика представляла собой «комбинацию», в которой государство энергично хозяйствовало, а в некоторых сферах являлось по существу монополистом. Но государственный сектор нельзя отождествлять со всем народным хозяйством. Промышленная политика и промышленное хозяйствование, как говорили в те годы, не могут совпадать. Однако техническое разделение этих функций неправомерно истолковывалось некоторыми экономистами как тенденция к хозяйственной обособленности промышленности от государства⁵⁵. На теоретическом уровне это противопоставление

обосновывалось так называемой корпоративной концепцией: «ВСНХ не может быть при настоящих условиях представителем промышленной корпорации в правительстве. Интересы промышленной корпорации очень часто не совпадают с интересами государства в целом. Привычка считать ВСНХ представителем трестов и синдикатов в правительстве уже привела к ряду нежелательных последствий. Преувеличенное влияние Наркомфина в делах промышленности⁵⁶ и чрезвычайное усиление деятельности секций Госплана являются прямым последствием такого положения. Поэтому задача правительства интересов промышленности должна быть представлена организациями промышленников и торговцев», — подчеркивал в ходе дискуссии о Совете съездов И. Смилга. По мнению сторонников этой точки зрения, ВСНХ может решать задачи по регулированию торговли в промышленности только при условии слияния его с НКВнугторгом и Комвнугром, т. е. ведомствами, руководившими торговлей.

Дискуссия о выработке наиболее гибкого механизма для выявления нужд промышленности привела к постановке вопроса о том, чем все же является ВСНХ по отношению к промышленности — органом управления (как считал его руководитель П. Богданов) или органом регулирования (по мнению И. Смилги)? Синтез этих функций в рамках единого органа предлагалось осуществить путем создания объединенного наркомата промышленности и торговли⁵⁷. В докладной записке в Промбюро один из экспертов ВСНХ отмечал, что структура комиссариата должна устанавливаться не с логическим схематизмом, а с учетом исторически сложившихся форм и способов управления промышленностью⁵⁸. Госпромышленность как база и символ планового начала и торговля как символ стихии рынка должны были быть включены в рамки единого процесса регулирования.

Уже на совещании представителей крупной промышленности и транспорта в декабре 1922 г. указывалось на необходимость в целях организационного единства госпромышленности создать объединенный наркомат промышленности и торговли, который будет в «отношении государственной промышленности и торговли — кооперативной и частной — осуществлять функции, сходные с функциями старого министерства»⁵⁹, т. е. функции контроля. Главная задача при этом виделась в предотвращении процессов «отрыва торговой деятельности от производственной базы»⁶⁰.

В разработанной Президиумом ВСНХ схеме объединенного наркомата предполагалось возложить руководство трестами на производственное управление, руководство синдикатами — на финансово-комерческое управление, решение вопросов ценообразования, регистрации и торгового законодательства — на управление по делам торговли. В этой связи указывалось, что «объединение регулирования торговли и управления промышленностью в одном наркомате имеет ту выгоду, что регулирование торговли может производиться из одного центра как путем декретирования различных циркуляров законов и т. д., так и путем оперативного маневрирования товарами» (П. Богданов)⁶¹. Однако объединенный наркомат промышленности и торговли так и не был образован. Победила противоположная точка зрения, отрицавшая целесообразность слияния двух хозяйственных сфер под общим организационным руководством: «Отдавать поле смычки, т. е. торговли, под регулирующую руку только промышленности или только сельского хозяйства нельзя, так как каждая из отраслей обязательно использует регулирующие средства в свою пользу». В результате вместо образования единого наркомата промышленности и торговли был только поставлен вопрос о расширении прав и обязанностей Комвнугтогра (Комиссия по внутренней торговле при СТО)⁶².

Государственный сектор и народное хозяйство. Противопоставление промышленности другим отраслям народного хозяйства основывалось на неадекватной оценке всей экономической ситуации. В литературе 20-х гг. нередко встречается утверждение о том, что и при Советской власти возможно противоречие интересов государственного сектора и народного хозяйства в целом (на-

пример, в случае налогового переобложения крестьян). «Традиции предыдущих эпох сказывались в том, что в Советской России точка зрения интересов государственного хозяйства как разновидности частнохозяйственной точки зрения иногда преобладает над народнохозяйственной точкой зрения как у теоретиков, так, в особенности, и у хозяйственников». По мнению некоторых экономистов, различие между народно- и частнохозяйственным накоплением прежде всего заключалось в том, что первое осуществлялось в процессе производства, а второе — в процессе распределения доходов через систему ценностных (стоимостных) отношений. В этой связи казалось вполне естественным, что в «обстановке частнохозяйственных отношений, регулируемых рынком, с идеологией, унаследованной от капиталистического частнохозяйственного строя, не так-то легко освободиться от фетишизма и частнохозяйственной точки зрения»⁶³. Поскольку государственная промышленность (составляющая основу государственного хозяйства) пользуется своеобразным «протекционизмом для подавления конкуренции других секторов», то вопрос о выборе средств для ее регулирования представляет особую важность для народного хозяйства в целом. Чтобы госпромышленность не отрывалась от остальных сфер народного хозяйства, в ее деятельности должны возобладать средства «хозяйственного процесса» (экономические регуляторы), а не директивные, «главкистские» методы⁶⁴. В этой связи подвергались критике «главкистские» устремления синдикатов, противопоставленные корпоративным началам в деятельности таких органов, как упоминавшийся Совет (Бюро) съездов.

Один из активных защитников корпоративных начал в промышленности писал: «ВСНХ существует не для того, чтобы выявлять и защищать цеховые интересы производства. Этот орган призван именно одергивать красных промышленников, когда цеховые интересы диктуют им противогосударственные решения... Эпоха госкапитализма, разделив регулирование и управление в промышленности, одновременно противопоставляет защиту интересов занятых на предприятиях рабочих защите „интересов производства“, в тесном смысле слова, как два полюса, одинаково необходимых для успешного хода производства». Отсюда — противопоставление двух «корпоративных органов» — Совета (Бюро) съездов как корпорации «красных хозяйственников» и ВЦСПС как корпорации рабочих⁶⁵. Таким образом, выводы из корпоративной концепции могли оказаться далеко идущими и в целом несовместимыми с принципами советского хозяйствования.

Быстрое изменение принципов хозяйствования и появление новых организационных форм в условиях нэпа вызвали у ряда советских экономистов и правоведов достаточно негативную или, по крайней мере, ошибочную реакцию на эти явления. В переходе госпредприятий на хозяйственный расчет некоторые из них увидели признак, характерный для частного хозяйства с «капиталистическими, предпринимательскими, а не потребительскими конструкций и идеологией». Соответственно в законодательных актах, закрепляющих новые начала хозяйствования, «отразились навыки и приемы частного хозяйства, стремление поставить каждое предприятие по отношению к другим в наиболее выгодное, прибыльное положение, как к контрагенту, конкуренту, клиенту»⁶⁶. Методы хозяйствования в обобществленном секторе, с этой точки зрения, оценивались по аналогии с методами частнопредпринимательскими. Предполагалось при этом, что понятие «народное хозяйство» не покрывается понятием «государственное хозяйство», из чего делается логичный вывод: «Нэп требует решительного, единого, централизованного законодательства, направленного ценой уступок интересам частных лиц и буржуазной идеологии на развитие производительных сил страны. В отношении гражданского права это означает восстановление основных положений гражданского законодательства, действующего в западноевропейских государствах»⁶⁷.

Подобная позиция была крайностью, преувеличением роли рыночных отношений в реальных условиях переходного периода. Но она же послужила

повородом для ответной реакции и последующего наступления административно-командных методов на развивающуюся систему хозяйственной автономии, рыночной самостоятельности частных, кооперативных и государственных предприятий. В сфере правовой идеологии это вытеснение происходило под лозунгом замены гражданского права правом административно-хозяйственным, законности — целесообразностью, юридических норм — нормами организационными. Правовая форма стала рассматриваться как анахронизм, реликт. Свертывание рыночных отношений должно было привести к исчезновению права как специфического юридического феномена⁶⁸.

Под идеологическими концепциями скрывалось реальное столкновение противоборствующих социальных сил. В народном хозяйстве страны нарастили новые явления, уже выходившие за рамки нэпа. Государственно-правовой аппарат всячески подчеркивал эти новые тенденции. Постоянное ограничение хозяйственно-правовой автономии, внедрение в экономику публичноправовых и плановых начал свидетельствовали о крутом повороте «генеральной линии», о переориентации механизма управления народным хозяйством страны. В конце 20-х гг. еще трудно было предположить, какие перспективы развития с этим связаны. Но такие категории, как «рынок», «товарность», «коммерческий расчет», исчезают из понятийного аппарата советской экономической и правовой наук. Ломка основных начал нэпа, радикальное преобразование всей экономической структуры, порождавшие (или возрождавшие) административно-командные методы управления, положили конец тому поиску альтернативных форм хозяйствования, который так интенсивно осуществлялся в течение 20-х гг.

Примечания

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 329.

² См., напр.: Сейд-Гусейнов А. Г. Государственный капитализм в переходный период от капитализма к социализму. М., 1960; Юферева Е. В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974; Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986 и др.

³ Отчасти эти вопросы затрагиваются в работах: Курицын В. М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972; Плотников А. А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917—1936. Рига, 1978; Исаев И. А. Становление хозяйствено-правовой мысли в СССР (20-е годы). М., 1986.

⁴ А. К. Стальевич увидел особенности этой дуалистической системы права в том, что она «выражает товарные отношения переходного периода» и вместе с тем опосредует «известные части отношений... социалистической плановости, причем последней принадлежит обусловливающая и ведущая роль. Под их возрастающим влиянием... меняются закономерности товарных отношений и формы их организации» (Архив Института государства и права АН СССР / далее — АИГП АН / . Ф. 1. Оп. 5. Д. 138. Л. 591).

⁵ Я. Берман отмечал: «Переходный период имеет переходные стадии, мы имеем переходные стадии в борьбе за новое социалистическое общество, переходные стадии, связанные друг с другом общими конечными целями и отличающиеся друг от друга... по степени укрепления социалистических форм хозяйства». Но параллельно с этим должен происходить и другой переход — от «права к неправу» (Там же. Л. 214).

⁶ Хмельницкая Е. Теоретическая экономия и советская хозяйственная система // Социалистическое хозяйство. 1925. № 5. С. 167. Некоторые авторы подчеркивали, что последовательно социалистическим элементом нашего хозяйства являются только национализированные государственные предприятия, но не «многочисленные хозяйствственные элементы, с которыми наша промышленность сожительствует и борется» (см.: Марекий К. К вопросу о социальном существе советской промышленности // Правда. 1925, 4 декабря).

⁷ Я. Ф. Миколенко полагал, что «остатки старых правовых институтов не являются существенной частью системы советского права», точно так же как не являются существенной составной частью народнохозяйственной системы такие уклады, как госкапиталистический и мелкотоварный (АИГП АН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 138. Л. 256—266).

⁸ Леонтьев А., Хмельницкая Е. Советская экономика. Опыт пособия для самостоятельного изучения теоретических проблем переходного хозяйства. М.; Л., 1928. С. 73—75.

⁹ Аскназий С. Н. Автономное и регулируемое правоотношение в хозяйственном праве СССР // Аскназий С., Мартынов Б. Гражданское право и регулируемое хозяйство. Л., 1927. С. 20—21.

¹⁰ На теоретико-экономическом уровне обоснование борьбы двух секторов вылилось в так называемую теорию «первоначального социалистического накопления» Е. Преображенского, суть

которой сводилась к поощрению интенсивной эксплуатации необщественного сектора исключительно в интересах госпромышленности. Эта установка совершенно игнорировала интересы трудового крестьянства и создавала угрозу для союза двух классов.

¹¹ Материалы Народного комисариата юстиции РСФСР. Вып. XVI—XVII. М., 1922. С. 8.

¹² Юровский Л. Н. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12. С. 21. Эксперты Наркомфина, анализировавшие конъюнктуру рынка в 1924/25 г., отмечали тот факт, что «режимом планового хозяйствования, которым обусловлены все направления экономической политики... в настоящее время уже поставлены пределы для дальнейшего расширения частнопромышленного хозяйства». Отмеченная к этому времени тенденция выявила стремление частного капитала склониться от планового воздействия,йти в область мелкой торговли, производства недостающих товаров и пр. Рыночная стихия не желала «сочетаться» с плановыми регуляторами (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1217. Л. 59, 75).

¹³ Бронский М. Элементы стихийности в нашем хозяйстве // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. 5. С. 10; егоже. План, стихия и кризисные явления нашего хозяйства // Там же. 1929. Кн. 1. С. 8, 52. Идею М. Бронского о «рациональной» и «иррациональной» стихии поддержали некоторые правоведы, например, О. П. Дзенис (АИГП АН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 102. Л. 78).

¹⁴ 25 октября 1921 г. Г. Крумин в «Экономической жизни» с тревогой отмечал: «Увлечение непом превращает даже плановые органы в торговые», поэтому «попытка введения на вольном рынке фиксированных твердых цен... должна быть убита в зародыше». Организованный в апреле 1921 г. Комитет мелкой промышленности, объединяющий частные предприятия, предложил этим предприятиям определенный производственный план, который давал возможность выявить во всей полноте и действенности их реальные силы. Очевидно, что подобные формы планирования предполагали прежде всего самый тщательный учет рыночной конъюнктуры (ЦГАНХ СССР. Ф. 1691. Оп. 6. Д. 290. Л. 9).

¹⁵ Сарбянов В. Основные проблемы нэпа. План, регулирование, стихия. М.; Л., 1926. С. 93, 97.

¹⁶ Предполагалось, что даже деятельность госпредприятий должна ориентироваться прежде всего на этот фактор: «Торгует друг с другом, государственные предприятия вовсе не занимаются перекладыванием денег из одного кармана в другой: для одного государственного треста касса другого треста — чужой карман. Эта разделенность интересов проявляется прежде всего в методах определения народнохозяйственной потребности в товарах. Спрос является результатом такого состояния потребителей товара... Эта разделенность интересов вполне определяется также и в методах установления финансовых потребностей предприятий» (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733, Оп. 2. Д. 970. Л. 127).

¹⁷ Подробнее см.: Базаров В. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 10.

¹⁸ Восстановительный процесс, по мнению некоторых специалистов Госплана (Базаров, Громан, Калинников и др.), являлся чисто стихийным процессом: рынок полностью «регулирует» план и постоянно выделяет из себя капиталистические элементы вопреки плану. (Подробнее см.: Геникина Э. Б. Деятельность Госплана в 1921—1925 гг. и борьба с буржуазной идеологией по вопросам планирования // История СССР. 1961. № 6. С. 38—59).

¹⁹ В марте 1922 г. «Экономическая жизнь», выражавшая позицию ВСНХ, отмечала: «Мы создаем наше плановое хозяйство рыночно-комерческими методами». Поскольку дальше «в сторону капиталистических методов хозяйствования отступать некуда» (уже введены хозрасчет, кредит, купля-продажа, биржа и т. п.), то остается один способ укрепления хозяйственных основ — переход от монопольного обладания к экономическому преобладанию». «Мы переходим к строительству смешанного хозяйства... в котором социалистическим элементам твердо обеспечено преобладание над капиталистическими». К этому времени выявилась невозможность регулирования быстро развивающегося товарного оборота из центра (Центральный торговый отдел ВСНХ был ликвидирован и стала очевидной необходимость более гибкой торговой политики). (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733, Оп. 2. Д. 1094. Л. 186).

²⁰ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 677.

²¹ Леонтьев А., Хмельницкая Е. Указ. соч. С. 24—25. В декабре 1925 г. эксперты Наркомфина отмечали: «Элементы стихийности в нашей экономике все еще в значительной степени превалируют над элементами плановости... Одним из сильнейших источников стихии является денежный капитал... в очень узких рамках поддающийся планированию... Здесь как раз и находится тот участок нашей хозяйственной жизни, где стихия сильнее наших плановых намерений». Торговля как сфера хозяйствования не рассматривалась в качестве генератора стихийных процессов. (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 156).

²² В. Милутин в статье «Хозяйственная политика ВСНХ в связи с продналогом» (Экономическая жизнь. 1921, 15 мая) настаивал на отмене твердых цен и предоставлении «свободы деятельности мелкой и кустарной промышленности», которая должна только «в особых случаях» затрагиваться государственными заказами».

²³ Канторович В. Я. Плановое начало в промышленности. М., 1925, С. 93—94.

²⁴ См.: Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927; Кондурушкин. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927.

²⁵ Сарбянов В. Экономика и экономическая политика СССР. М., 1924, С. 297, 298.

²⁶ СУ РСФСР. 1921, № 53. Ст. 458; № 68, Ст. 527.

²⁷ Сарбянов В. Экономика и экономическая политика СССР. С. 299.

²⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 207—208.

²⁹ Перцов Н. Советские тресты и синдикаты. Организация крупной промышленности. М., 1925. С. 37.

³⁰ Там же. С. 41.

³¹ Намарский Л. Организационные проблемы нэпа // Народное хозяйство. 1921. № 10. С. 4—5.

³² В этот период законодатель стал более тщательно определять составляющие формы рыночного оборота, применяя к ним различные (по объему и степени) методы регламентирования. Нарконтрорг выработал особые правила для различных категорий торговых операций — «опта», «полупота», «розницы». (ЦГАНХ СССР. Ф. 3915. Оп. 1. Д. 318. Л. 90).

³³ Перцов Н. Указ. соч. С. 47—52.

³⁴ Отдельные группы хозяйственников реагировали на это негативно: «Банки не должны ставить ограничений госпромышленности и госторговле в приеме к учету векселей частных капиталистов, руководствуясь общими правилами кредитования». Однако даже коммерчески выгодные контакты с частным капиталом таили для госорганов серьезную угрозу в будущем. Поэтому законодатель не мог пойти по пути юридического уравнивания всех получателей кредитов, независимо от их «специальной окраски». (ЦГАНХ СССР. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 63. Л. 33).

³⁵ СУ РСФСР. 1921. № 75. Ст. 615.

³⁶ Там же. 1922. № 28. Ст. 318.

³⁷ Там же.

³⁸ При газете «Правда» в 1922/23 г. образовался Клуб директоров, «члены которого настоятельно требовали большей хозяйственной самостоятельности для включенных в состав треста предприятий».

³⁹ В резолюции XII съезда партии отмечалось: «Взаимоотношения между легкой и тяжелой промышленностью никак не могут разрешиться только рыночным путем, что фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основе частной собственности» (Двенадцатый съезд РКП(б). С. 678). По наблюдениям экспертов Комитета мелкой промышленности, в конце 1922 — начале 1923 г. на арену выступают предприятия, «не принимавшие ранее участия в промыслах только потому, что они привыкли и могут работать в массовом масштабе, строя свое производство на наемном труде и ведя его по определенному, достаточно широкому плану». Процесс укрупнения организационно-хозяйственных форм, стимулированный рыночными факторами, необходимо было контролировать и направлять, не оставляя его на волю «стихии». (ЦГАНХ СССР. Ф. 1691. Оп. 6. Д. 290. Л. 19).

⁴⁰ Причины кризиса видели и в некоординированной погоне за прибылью, в которую пустились тресты, в высоких накладных расходах, в бедности ассортимента потребительских товаров, в сокращении кредитов для промышленности и пр. (Торгово-промышленная газета. 1923. 3 и 23 ноября).

⁴¹ См.: Юровский Л. Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М., 1929. С. 22—29.

⁴² См.: Милютин В. П. История экономического развития СССР. С. 339—340.

⁴³ Сарафьян В. Экономика и экономическая политика СССР. С. 361. Усиление позиций госсектора позволяло перейти от административного воздействия к более общим мерам экономического порядка. Эксперты Наркомфина отмечали: с началом нэпа в городе «экономическая борьба» с частником велась методами более общего характера; в деревне преобладали меры административного, диктационного характера. Здесь «полное развязывание капиталистических отношений и переход к чисто экономическим способам борьбы был бы рискованным». После 1923 г. ситуация изменилась: «... теперь мы констатируем наличие опорных пунктов в деревне. Теперь надо менять административные методы борьбы с частным капиталом на экономические. Теперь вопрос не стоит «быть или не быть», а какие методы эффективнее». Усиление регулирующего воздействия не означало ужесточения и администрирования. (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203. Л. 215—216).

⁴⁴ Одним из предполагаемых мероприятий, обеспечивающих выход из кризиса, была ликвидация синдикатов. Но неизбежным последствием этой меры стало бы развертывание стихии рынка. Противники такого мероприятия справедливо отмечали: нелогично думать, что при возможности подчинения государственному регулированию синдикатов можно преодолеть кризис через развертывание конкурентной борьбы между отдельными трестами. (См.: Киринг Э. Очерки развития промышленности СССР: 1917—1927. М.; Л., 1929. С. 83).

⁴⁵ В докладе эксперта комиссии по внутренней торговле (Комвнторга) при СТО Удинцева отмечалось, что во многих губерниях после 1923 г. «частная торговля по сравнению с другими видами торговли и за счет их заметно развивается». Кроме того, весьма активно происходит «развитие посредничества в форме крупного капитала, наблюдаемое в двух видах: контрагентства и посредничества между учреждениями». Это развитие шло за счет сокращения производственных и отрасли торговых форм легального частного предпринимательства. (ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1018. Л. 2—3).

⁴⁶ В качестве целей «новой торговой практики» назывались: привлечение в народное хозяйство незадействованных частных капиталов и стимулирование самостоятельности в работе кооперативных организаций (по материалам анкеты Совета съездов биржевой торговли: ЦГАНХ СССР. Ф. 3600. Оп. 2. Д. 110. Л. 70—72).

⁴⁷ Плановое хозяйство, 1930. № 4. С. 157 (выступление С. Г. Струмилина на дискуссии «Методологические проблемы советского хозяйства» в Институте экономических исследований Госплана СССР в начале 1930 г.).

⁴⁸ Е. Б. Пашуканис полагал, что эффективность регулирования определяется в первую очередь такими моментами, как правильный статистический подсчет, научное предвидение, «правильно рассчитанное экономической воздействие. Иными словами, политико-организационное воздействие класса, осуществляющего диктатуру, выступает здесь на первый план по сравнению с теми специфическими методами, которые присущи юридической надстройке». (АИГП АН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 102. Л. 5.).

⁴⁹ Совещание государственной промышленности и торговли в 1924 г.: Отчетный сборник к Пленуму Совета 10.XII.24. М., 1924. С. 28—29.

⁵⁰ Декларация Временного бюро съездов // Вестник промышленности и транспорта. 1922. № 1 (ноябрь).

⁵¹ См.: Б о г д а н о в П. ВСНХ и Совет съездов // Экономическая жизнь. 1922. 11 сентября.

⁵² 1 января 1925 г. председатель Совета съездов промышленности, торговли и транспорта И. Смилген сообщил о своем уходе с занимаемого поста. В. Межлаук призвал всех членов Совета (71 член) и возглавляемого им общества «Съезд государственной промышленности, торговли и транспорта» (147 членов) к решению дальнейшей судьбы Совета съездов.— ЦГАНХ СССР. Ф. 3913. Оп. 2. Д. 22. Л. 1, 19, 20).

⁵³ Организационные вопросы промышленности: Сб. материалов к совещанию представителей промышленности и транспорта. М., 1922. С. 11, 108. 3 августа 1926 г. СНК поставил перед РКИ вопрос о целесообразности существования Съезда биржевой торговли и Совета промышленности, торговли и транспорта (ЦГАНХ СССР. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 395, Л. 9).

⁵⁴ В сентябре 1922 г. председатель Комвноторга А. М. Лежава выразил протест по поводу изданного циркуляра ВСНХ, в котором последний возлагал на себя функции по регулированию торговли (ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 6. Д. 564. Л. 8).

⁵⁵ Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик в середине 1922—23 гг. М., 1923. С. 119—120.

⁵⁶ В протоколе № 2 Организационной комиссии по подготовке объединения Совета съездов промышленности, торговли и транспорта и Совета синдикатов (17 декабря 1923 г.) отмечалось: «Промышленность отнюдь не стремится к борьбе с фискалом, но видит выход из положения в налоговой политике, дающей возможность расширения оборота» (ЦГАНХ СССР. Ф. 3913. Оп. 2. Д. 4. Л. 26).

⁵⁷ Против этой идеи довольно резко выступил официальный орган ВСНХ «Экономическая жизнь» (1922. 16 августа).

⁵⁸ Организационные вопросы промышленности. М., 1927. С. 10, 11, 16.

⁵⁹ Резолюции Совещания представителей крупной промышленности и транспорта. М., 1922, С. 4.

⁶⁰ Вопросы промышленности и торговли: Материалы к XII съезду РКП(б). М., 1923. С. 16.

⁶¹ Организационные вопросы промышленности. С. 8.

⁶² См.: С а р а б ь я н о в В. Экономика и экономическая политика СССР. С. 344.

⁶³ М а с л о в П. Народное и частное хозяйство // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. 6. С. 144—145, 149.

⁶⁴ См.: К у п е р м а н О. Социально-экономические формы промышленности СССР // Социалистическое хозяйство. 1927. Кн. 1. С. 160.

⁶⁵ М е ж л а у к В. ВСНХ и Совет съездов промышленности, транспорта и торговли // Экономическая жизнь. № 237. 1922. 25 августа.

⁶⁶ С а м о й л о в Б. Промышленность и право // Народное хозяйство. 1922. № 2. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 28. «Торгово-промышленная газета» от 2 июня 1922 г. писала: «В условиях нашей экономической политики, пытающейся найти компромисс для примирения начал советского и буржуазного правопорядков, чрезвычайно трудно установить должную меру допускаемого вмешательства государственных органов во внутренние дела торговых предприятий».

⁶⁸ В ходе обсуждения доклада Е. Б. Пашуканиса «Экономика и правовое регулирование» на секции общей теории государства и права 15 января 1929 г. Дзенисом были высказаны характерные соображения о соотношении правовой формы и товарных отношений: «Нужно отличать действие закона стоимости в переходный период и в рациональной и в иррациональной форме. Когда формы рыночной связи действуют лишь внешне, прикрывая совершенно другое содержание, то только лишь потому, что социалистический сектор должен устанавливать связь с сектором разрозненных хозяйствующих субъектов. А эту связь можно установить лишь рыночным методом. Именно поэтому и в социалистическом секторе прибегают к этой рыночной форме... здесь форма покрывает уже другое содержание, чуждое этой форме... здесь мы имеем перед собой иррациональную форму» (АИГП АН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 108. Л. 78).

СООТНОШЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ И ОТРАБОТОЧНОЙ СИСТЕМ В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ ГУБЕРНИЙ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА В 80—90-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

(По материалам земской статистики)

Изучение аграрного строя России эпохи капитализма прежде всего требует всестороннего анализа социально-экономического строя помещичьего хозяйства, выявления в нем капиталистической и отработочной систем, стадий и форм капитализма. По этим вопросам имеется немалая литература¹. Среди ее значительных достижений выделим предложенный А. М. Анфимовым способ характеристики социально-экономических типов хозяйств (по данным материалов земской статистики)², а также его замечание о том, что недостаточно говорить о развитии капитализма вообще, смешивая процессы расслоения деревни «как в результате торговли, ростовщичества, так и в процессе развития аграрного капитализма»³. Очень ценной является постановка И. Д. Ковальченко вопроса о необходимости различать в процессе изучения аграрного строя России в соответствии с ленинским учением низшие и высшие формы капитализма⁴. Л. П. Мишарик исследовала системы ведения хозяйства группы крупнейших земельных собственников Европейской России. На основе описаний имений, заложенных в дворянском земельном банке, она вычислила соотношение капиталистической и отработочной систем хозяйства на экономических запашках, обрабатываемых помещичьим и крестьянским инвентарем, и на всей пашне; при вычислении соотношения капиталистической и отработочной систем на всей пашне учитывался характер аренды — капиталистическая или полуфеодальная⁵. П. Г. Рындзюнский сформулировал вопрос о необходимости различать в соответствии с ленинским учением две ступени или формы развития капитализма: «зачаточный», «средневековый», «деревенский» и вполне сложившийся капитализм в крупных формах⁶. Он пишет: «У нас недостаточно учитывается это ленинское учение о 2-х ступенях капитализма, что сильно мешает решению больших и важных вопросов социально-экономической истории»⁷. Автор считает необходимым при изучении уровня развития капитализма чисто количественную постановку вопроса дополнить «анализами качества учитываемых капиталистических элементов»⁸.

К успехам изучения социально-экономического строя помещичьего хозяйства можно отнести: монографическое обследование отдельных хозяйств и групп хозяйств (например, самых крупных владений); погубернское, региональное изучение помещичьих хозяйств и в целом, в пределах Европейской России; анализ тенденций и уровня развития капитализма, соотношения капиталистической и отработочной систем, внутреннего строя помещичьего хозяйства. Расширилась источниковоедческая основа исследования — стали использоваться материалы ипотечных банков и земской статистики. Широко стали применяться наряду с традиционными приемами и методы математического моделирования, в частности корреляционного и регрессионного анализа⁹.

Бородин Николай Прокофьевич, кандидат исторических наук, доцент Куйбышевского планового института.

Недостатки исследования социально-экономического строя помещичьего хозяйства, на наш взгляд, следующие: не проведен комплексный анализ помещичьих хозяйств — одновременное изучение их по размерам владений, по сословиям, по наличию экономической запаски, по аренде и т. д.; не исследованы должным образом тенденции развития и внутренний строй помещичьих хозяйств; нет их характеристики по регионам; слабо использовались материалы земской статистики и другие массовые источники (материалы ипотечных банков и т. д.); часто еще низок уровень анализа и обобщения, ряду работ присуща иллюстративность, описательность; недостаточна глубина изученности ленинской методологии и методов исследования. Нуждаются в дальнейшей разработке механизм подсчета как на традиционной основе, так и на основе использования математической статистики, методы подсчета соотношения капиталистической и отработочной систем, особенно развитых и неразвитых форм капитализма. Остается нерешенным и вопрос об уровне, степени развития капитализма в помещичьих хозяйствах, степени его зрелости, вопрос о соотношении развитых и неразвитых форм капитализма как по отдельным регионам, так и в целом по Российской России. Следовательно, нельзя считать окончательно решенным вопрос о характере аграрного строя России эпохи капитализма.

Некоторые исследователи пришли к выводу, что в России в конце XIX и начале XX в. преобладали полуфеодальные и вообще докапиталистические формы хозяйства и производства¹⁰. Другие исследователи определяют аграрный строй России того времени как буржуазно-капиталистический¹¹.

В настоящей работе ставится задача исследовать социально-экономический строй помещичьего хозяйства с присущими ему капиталистической и отработочной системами, определить уровень, степень развития и зрелости капитализма, соотношение между развитыми и неразвитыми его формами¹². Автор использует традиционный подход: социально-экономический строй помещичьего хозяйства изучается посредством учета объема производственных операций (производство — главная сфера экономики), выполненных на условиях отработок или вольного найма. Методологической основой исследования являются выводы из ленинских работ, посвященных анализу социально-экономической жизни страны, наиболее значительным среди которых является труд «Развитие капитализма в России».

В. И. Ленин, характеризуя помещичьи хозяйства пореформенного периода, писал: «При всем бесконечном разнообразии форм, собственном переходной эпохе, экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе *отработочной* и *капиталистической*»¹³. Отработочная система, по словам Ленина, состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, причем форма платы не изменяет сущности этой системы: будет ли эта плата деньгами, как при издольном найме, или плата продуктом, как при испольщике, или плата землей или угодьями, как при отработках в узком смысле слова¹⁴. Что же касается капиталистической системы, то она, писал Ленин, «состоит в найме рабочих (годовых, сроковых, поденных и пр.), обрабатывающих землю инвентарем владельца»¹⁵. Указанные системы «переплетаются в действительности самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам»¹⁶. Ленин различал следующие типы отработок: отработки первого вида, которые мог выполнить только крестьянин-хозяин своим рабочим скотом и инвентарем, и отработки второго вида, которые мог выполнить сельский пролетарий рабочим скотом и инвентарем помещика. «Очевидно, что как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства,— сообщал Ленин,— отработки первого и второго вида имеют противоположное значение, и что последние отработки составляют прямой переход к капитализму, сливааясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов»¹⁷. Заключая рассмотрение вопроса о природе отработок, Ленин отмечал: «Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму»¹⁸.

Разные стадии и формы развития капитализма были характерны не только для промышленности (мелкотоварное производство, мануфактура, фабрика), но и для сельского хозяйства. Применительно к аграрной сфере Ленин неоднократно говорил о зачаточных, «средневековых», примитивных, неразвитых (ранекапиталистических) ¹⁹ и развитых ²⁰ формах капитализма. К первым он относил формы кабального найма, отработки второго вида, торгово-ростовщическую эксплуатацию крестьянства, мелкое товарное производство (на определенной стадии развития) и т. д.; ко вторым — крупное капиталистическое производство, основанное на купле-продаже рабочей силы и полном отделении производителя от средств производства. Ленин отмечал, что в земледелие капитализм проникает особенно медленно и в условиях чрезвычайного разнообразия форм ²¹. Оценивая в 90-х гг. XIX в. степень развития в России аграрного капитализма, он писал: «...нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать степень развития капитала... на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней» ²². Ленин указывал, что «буржуазная эволюция сельскохозяйственных отношений находится у нас только еще в начале» ²³, что «в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки» ²⁴.

В предлагаемой читателю работе были использованы сборники статистических сведений по 16 уездам Черноземного центра: Мценскому, Елецкому, Болховскому, Дмитровскому, Орловскому (Орловской губернии), Козловскому, Усманскому, Шацкому, Борисоглебскому, Спасскому (Тамбовской губернии), Рыльскому, Путивльскому, Щигровскому, Грайворонскому (Курской губернии), Воронежскому, Острогожскому (Воронежской губернии) ²⁵. Земскими статистиками было обследовано в 80—90-е гг. XIX в. не менее 2/3 средних и крупных помещичьих имений (если иметь в виду описанную земельную площадь) ²⁶. В. И. Ленин высоко оценивал сообщаемые сведения. «Нельзя себе представить,— писал он,— экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики» ²⁷.

В. И. Ленин подчеркивал громадные преимущества земской статистики перед официальными правительственными источниками, отмечая, что она «всегда бывала, так сказать, оазисом в пустыне крепостнической темноты, бюрократической рутины и всяческой тупой канцеляршины» ²⁸. Земские статистики, писал он, «относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом» ²⁹. Касаясь изучения помещичьего хозяйства, Ленин отмечал: «Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство посредством отрезных земель» ³⁰.

Целью земских статистических обследований являлось определение доходности земель и выработка норм обложения земскими налогами, а также изучение общих экономических условий жизни населения. Земские статистики применяли главным образом, экспедиционный метод, при котором первичные данные добывались посредством разъездов специальных агентов и осмотра ими исследуемого объекта. Широко использовались при этом планы имений, документы нотариальных учреждений, земских управ, волостных правлений, хозяйственные книги и арендные договоры, межевые планы, купчие крепости, раздельные акты, духовные завещания, окладные книги и т. д., а также словесные показания владельцев, управляющих, крестьян. Земская статистика характеризовалась полнотою сведений и высокой степенью достоверности и представительности, в большинстве случаев привлекаемые данные были сопоставимы. Фискальные цели обследований предопределяли принципиальное единство собиравшихся земскими статистиками сведений.

Земской статистике были присущи, однако, и некоторые недостатки: неодновременность порайонных обследований частновладельческих хозяйств, излишняя детализация обрабатываемых данных — статистическая «игра в цифрики»³¹, и т. п.

Нами обработаны данные земской статистики по 2929 крупным и средним имениям. В использованных нами материалах содержатся следующие сведения: имя, отчество, фамилия владельца, сословие; распределение земли по угодьям; мертвый и живой инвентарь владельца (виды и количества земледельческих орудий и машин, поголовье и породы рабочего и продуктивного скота); число наемных рабочих — годовых, сроковых, мужчин, женщин; сдача земли в аренду (долгосрочно и участками, погодно и подесятинно); размер экономической запашки; засеваемые культуры — площадь их; севооборот; количество удобряемой ежегодно земли и т. д.

Земские статистики пользовались следующей группировкой владений: а) имения с экономической запашкой³²; б) имения, полностью сданные арендаторам; в) имения без экономической запашки, в которых в аренду сдана вся пахотная земля; г) имения без различия способа пользования (по этим имениям сведения получены как сумма соответствующих данных по имениям с экономической запашкой, по имениям, сданным в аренду в полном составе, и по имениям без экономической запашки).

Этот подход к группировке помещичьих имений, исключая владения размером до 50 дес. (мелкие), был использован и нами. В работе исследуются приемы ведения земледелия (в помещичьих хозяйствах). Согласно нашим подсчетам, касающимся прежде всего обработки земли — главной операции в земледелии, наиболее распространенными были помещичьи имения с экономической запашкой: на них в целом по 16 уездам приходилось 79,7% всей пахотной земли, находившейся в частной личной собственности, на хозяйства арендаторов — 12,9% и на имения без экономической запашки — 7,4%*.

Несмотря на известный хозяйственный паразитизм помещиков, экономическая запашка в имениях составляла большую часть всей пашни (60,2%). Что же касается сдачи земли в аренду, то помещики предпочитали предоставлять ее арендаторам не столько долгосрочно и участками, сколько погодно и подесятинно. На долю мелкой полукрепостнической аренды приходилось 30% всей пашни, а долгосрочной и участковой — 9,8%.

Полученные результаты лишь приблизительно устанавливают соотношение капиталистической и отработочной систем. О невозможности точного определения указанного соотношения заявлял В. И. Ленин: «Если мы зададимся вопросом о сравнительной распространенности обеих систем, то придется сказать прежде всего, что точных статистических данных по этому вопросу нет, да и вряд ли бы они могли быть собраны: для этого потребовался бы учет не только всех имений, но и всех хозяйственных операций во всех имениях»³³. Невозможно, да и не нужно, писал Ленин, «пытаться пересчитать все отдельные случаи извесить каждый отдельный случай, определить с точностью аптекарских весов, где именно кончается крепостничество и начинается чистый капитализм»³⁴.

Обеспеченность помещичьего имения рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем и рабочей силой — основа характеристики способа ведения хозяйства, его производственно-технического и социально-экономического уровня. Наличием рабочего скота определялась энергетическая вооруженность сельскохозяйственного производства. В рассматриваемый период другие источники энергии (паровые двигатели, двигатели внутреннего горения и т. д.) значительной роли не играли.

Для определения масштаба распространения развитых и неразвитых форм капитализма, вместе взятых, на экономических запашках мы пользовались такими данными, как наличие у владельца собственного рабочего скота и размер запашки, обрабатывавшейся им (экономическая запашка, обрабатывавшаяся вольнонаемным трудом, плюс отработки 2-го вида). Развитые формы капита-

лизма на экономических запашках зависели от распространения вольнонаемного труда и количества обрабатывавшейся им запашки. Во всех этих случаях учитывались наличие в помещичьих имениях собственного сельскохозяйственного инвентаря и другие показатели. Наиболее распространенными в земледельческом хозяйстве орудиями являлись плуг, соха и косуля³⁵.

Нами принятые единые нормы запашки на рабочую лошадь и наемного работника. Такой подход широко применялся земскими статистиками (см. работы С. А. Короленко, Ф. А. Баталина и др.). При определении масштаба распространения развитых и неразвитых форм капитализма, вместе взятых, на всей пашне нами кроме способа обработки экономической запашки также учитывалась аренда зажиточной группы крестьян: непосредственно капиталистическое и простое товарное производство этой группы сельского населения необходимо считать капиталистическим (простое товарное производство здесь — первая стадия капитализма). У бедной и средней групп крестьян аренда преимущественно была потребительской (продовольственной). Аренду более или менее состоятельных середняков, получавших хотя бы небольшой доход от земледелия, мы также относим к мелкотоварной. При определении степени распространения развитых форм капитализма на всей пашне нас, естественно, интересовали и те крестьяне-арендаторы, которые использовали наемных рабочих. Мы исходили также из того обстоятельства, что сдачей помещиками земли в аренду характеризовалась втянутость имений в сферу буржуазно-капиталистических или полукрепостнических отношений³⁶.

Необходимо дать некоторые пояснения к таблицам 1—2. По нашим подсчетам, арендованная крестьянами пахотная земля распределялась между группами крестьянских хозяйств следующим образом. Зажиточные крестьяне (с посевом более 10 дес., или имевшие более 3 лошадей на двор) арендовали 36,2% всей арендованной крестьянами земли; средняя группа (с посевом 4,1—10 дес. или с 2—3 лошадьми на двор) соответственно — 47,4%; бедная группа (без посевов, с посевом до 4 дес. или безлошадные и однолошадные дворы) — 16,4%. Эти подсчеты основывались на данных о крестьянской аренде в целом для Землянского (вненадельная), Задонского (вненадельная), Коротоякского (вненадельная и надельная), Нижнедевицкого (вненадельная и надельная), Елецкого (вненадельная), Трубчевского (вненадельная), Дмитровского (вненадельная) и Кромского (вненадельная) уездов³⁷. По остальным уездам рассматриваемых губерний Черноземного центра аналогичные данные отсутствуют.

Аренда крестьянами, имевшими наемных рабочих, подсчитана таким образом: для каждой крестьянской группы уезда была определена аренда на наличный крестьянский двор, а затем на дворы с наемными рабочими; потом была определена аренда у крестьян с наемными рабочими в каждом из уездов; после этого вычислена аренда крестьян, которые имеют наемных рабочих, для всех уездов вместе. При этом занижается капиталистическая аренда у высшей группы крестьян с наемными рабочими, в то же время она завышается у остальных групп крестьян с наемными рабочими: это обстоятельство смягчает неточность подсчета капиталистической аренды. По всем перечисленным уездам аренда крестьянскими дворами с наймом рабочей силы составила от всей аренды 10,9%, т. е. была в 3,3 раза меньше, чем аренда зажиточных крестьян.

При подсчетах рабочих лошадей не учитывались заводские лошади; рабочие волы приравнены к рабочим лошадям по норме: 3 вола — 2 лошади³⁹. В случае наличия общих сведений о волах, рабочих и гулевых, и быках, условно принятые следующие соотношения: рабочие волы составляли 0,5 от всех волов и 0,45 от всех волов и быков. Эти соотношения определены на основании подсчетов по данным таблиц статистических сведений о частном землевладении по уездам Тамбовской губернии (Козловскому, Шацкому, Спасскому, Усманскому, Борисоглебскому).

Теперь о подсчете годовых и сроковых — летних (постоянных) наемных полевых рабочих. «Сборники статистических сведений» содержат данные о числе

Имения без различия способа пользования. А

Уезды	Число владений ^a	Вся земля (дес.)	Пахотная земля с паром		Экономическая запашка (дес.)		Сдача долгосрочно и участками
			всего (дес.)	% от всей земли	всего с паром ^b	в том числе посевы интенсивных культур	
Елецкий ^г	197	70 340,2	58 162,2	82,7	43 732,4	1 141,7	2 098,9
Мценский	239	75 432,8	54 086,5	71,7	41 052,1	1 533,1	4 540,8
Болховский	140	46 339,0	35 004,3	75,5	27 899,6	228,5	2 444,5
Орловский	145	78 620,2	59 575,8	75,8	45 159,6	698,5	4 159,5
Дмитровский	101	92 559,3	46 049,9	49,7	29 689,7	2 636,9	2 948,7
Козловский	420	174 684,0	139 153,9	79,7	102 443,0	7 191,0	10 310,0
Шацкий	178	189 745,1	74 146,8	39,1	41 740,4	3 782,0	13 805,0
Спасский	61	42 228,6	22 238,3	52,7	14 228,5	1 289,0	2 188,0
Усманский	190	91 355,0	67 395,0	73,8	52 584,0	4 362,0	7 169,0
Борисоглебский	223	166 471,4	109 747,9	65,9	55 948,0	6 112,0	24 179,0
Щигровский ^д	279	76 638,7	63 019,8	82,2	36 389,8	254,6	2 672,5
Рыльский ^е	131	74 081,2	50 220,6	67,8	18 616,0	1 833,0	1 195,5
Путивльский [*]	129	73 709,1	45 028,3	61,1	9 066,8	1 105,0	5 482,5
Грайворонский ^з	71	68 797,4	52 725,5	76,6	15 173,5	1 810,5	5 434,5
Воронежский	249	126 855,7	86 824,0	68,4	57 218,6	1 965,3 ^h	5 026,5
Острогожский	176	251 871,6	100 737,1	40,0	49 996,0	196,5 ^k	10 579,4
	2 929	1 699 729,3	1 064 115,9	62,6	640 938,0	36 239,6	104 243,3

Источники: Сборник статистических сведений по Орловской губернии, Т. 1. Вып. 1, 2; Т. 2. Вып. 2; Т. 6. Вып. 2; Т. 7. Вып. 2; Т. 8; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, Т. 20, 21, 22, 23, 24; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. 6, 7, 8 (ч. 2); 9; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1, Вып. 1; Т. 2, Вып. 3.

^a По числу владельцев.

^b По Козловскому, Шацкому, Спасскому, Усманскому, Борисоглебскому уездам плуги имелись лишь в имениях с экономической запашкой.

^g В том числе экономическая запашка имений с экономической запашкой и экономическая запашка имений, сданных в аренду в полном составе,— хозяйств арендаторов. В таблицах «Сборников статистических сведений» имеются данные о посевах, аренде долгосрочной и участками, погодной и подсевиной, о паре. При подсчете экономической запашки с паром, погодной и подсевиной аренды с паром, пар распределялся пропорционально между экономическим посевом и погодной, подсевинной арендой.

^г Неизвестны земледельческие орудия, используемые на экономической запашке с паром — 151 дес.

^д Неизвестны земледельческие орудия, используемые на 2205 дес. экономической запашки с паром; нет

постоянных рабочих (сведения о поденщиках, как правило, отсутствуют). При подсчете постоянных рабочих по уездам Орловской губернии учтены полуработники (2 полуработника = 1 рабочему: так было принято земскими статистиками Орловской губернии). «Сборники статистических сведений» по Курской, Тамбовской и Воронежской губерниям не имеют данных о числе полевых рабочих, а указывают число всех наемных рабочих (полевых и неполевых) у частных владельцев. При подсчете наемных полевых рабочих автор исходит из того обстоятельства, что число полевых рабочих больше числа остальных рабочих в 2,5 раза (см., например, у частных владельцев Орловской губернии). «Сборники статистических сведений» по уездам Тамбовской губернии не содержат данных о числе наемных сроковых работниц. По нашим подсчетам и подсчетам Ф. А. Баталина (средние показатели для уездов Орловской, Курской и Воронежской губерний), число наемных полевых работниц равняется 25% от числа наемных полевых рабочих-мужчин⁴⁰. При подсчете постоянных наемных полевых рабочих по Грайворонскому, Рыльскому, Путивльскому уездам Курской губернии нами учитывались лишь годовые рабочие, так как считалось, что летние рабочие, в том числе поденщики, использовались для обработки интенсивных культур, на винокуренных заводах и в животноводстве. То же самое — для имений Острогож-

Таблица 1

пахотной земли в аренду (дес.)		Аренда пашни (дес.)		Рабочий скот (в лошадях)	Наемные полевые рабочие (постоянные)	Земледельческие ⁶ орудия	
погодно и подсевы	вся аренда	зажиточными крестьянами	крестьянами с наемными рабочими			соха	плуг
12 330,9	14 429,8	5 223,6	1 582,9	3 519	1 671	1 363	445
8 493,6	13 034,4	4 718,4	1 429,8	4 045	1 813	нет свед.	305
4 660,2	7 104,7	2 571,9	779,4	2 378	896	826	108
10 256,7	14 416,2	5 218,7	1 581,4	4 187	2 473	1 601	594
13 411,5	16 360,2	5 922,4	1 794,7	2 415	1 312	891	420
26 400,9	36 710,9	13 289,4	4 027,0	4 808	2 744	нет свед.	888
18 601,4	32 406,4	11 731,1	3 554,9	3 343	1 586	нет свед.	479
5 821,8	8 009,8	2 899,5	878,6	958	651	нет свед.	121
7 642,0	14 811,0	5 361,6	1 624,7	2 398	1 534	нет свед.	505
29 620,9	53 799,9	19 475,6	5 901,7	2 524	1 469	нет свед.	442
23 957,5	26 630,0	9 640,1	2 921,2	3 133	1 788	955	213
30 409,1	31 604,6	11 440,9	3 466,9	1 811	852	351	346
30 479,0	35 961,5	13 018,1	3 944,9	1 171	389	211	327
32 117,5	37 552,0	13 593,8	4 119,3	1 228	642	136	407
24 578,9	29 605,4	10 717,1	3 247,6	2 488	1 980	860	492
40 161,7	50 741,1	18 368,3	5 566,1	2 661	2 177	359	1 154
318 943,6	423 177,9	153 190,5	46 421,1	43 067	23 977		

сведений об интенсивных культурах и травах, о ежегодном внесении удобрений, о рабочем скоте — для 120 дес. экономической запашки с паром.

⁶ Относительно 50 220,6 дес. пашни с паром в «Сборнике статистических сведений...» имеются данные лишь о лошадях; относительно 50 220,6 дес. минус 605 дес. пашни с паром имеются все остальные сведения; для 18 616 дес. экономической запашки с паром имеются сведения лишь о лошадях; для 18 616 дес. минус 605 дес. экономической запашки с паром имеются все остальные сведения. Кроме того, неизвестны земледельческие орудия: экономическая запашка с паром — 863,5 дес. Неизвестна площадь удобряемой пашни для 205 дес. пара при экономической запашке. На 400 дес. посева неизвестны площади посевов трав и интенсивных культур.

* Неизвестны земледельческие орудия на 1202 дес. пашни с паром и на 381 дес. экономической запашки с паром.

³ Неизвестны земледельческие орудия на 916 дес. пашни с паром и на 472 дес. экономической запашки с паром.

⁴ Подсчитаны площади посевов под интенсивными культурами и травами и процент этих посевов в общей массе культур.

⁵ Из интенсивных культур в сборнике есть сведения лишь о посевах картофеля. Данные в графе «остальные культуры» отнесены к травам.

ского уезда Воронежской губернии, где летние рабочие, в том числе поденщики, использовались главным образом в животноводстве⁴¹.

При подсчете пашни с паром, обрабатывавшейся владельцеским рабочим скотом, земские статистики Курской губернии исходили из того, что одна рабочая лошадь при трехпольном севообороте может обработать 10 дес. пашни с паром⁴². Согласно «Календарю» Ф. А. Баталина, по правилам трехпольного севооборота на одну лошадь полагается 7—10 дес. пашни с паром⁴³. Статистики полагали, что при интенсивной системе одна лошадь может обработать 5 дес. пашни⁴⁴.

При подсчете пашни с паром, обрабатывавшейся наемными полевыми рабочими, исходя из указаний Ф. А. Баталина, принималось, что для полной обработки 100 дес. пашни (включая уборку) при трехпольном севообороте требуется 8 постоянных рабочих, а при интенсивной системе — 15 постоянных рабочих⁴⁵. По расчетам земских статистиков Курской губернии, на одного работника при трехпольном севообороте приходилось 10 дес. пашни в год⁴⁶. При наших подсчетах, по Острогожскому и другим уездам залежь исключалась. Приведенные положения и расчеты послужили основой для составления таблиц 1—2.

Имения без различия способа пользования. Б

Уезды	Пашня с паром, обрабатывавшаяся владельческим рабочим скотом		Пашня с паром, обрабатывавшаяся владельческим рабочим скотом + аренда зажит. крестьян		Пашня с паром, обрабатывавшаяся наемными полевыми рабочими	
	дес.	% от эконом. запашки с паром	дес.	% от всей пашни с паром	дес.	% от эконом. запашки с паром
Елецкий	34 051,7	77,9	39 275,3	67,5	19 891,7	45,5
Мценский	38 844,9	94,6	43 563,3	80,5	21 333,1	52,0
Болховский	23 548,5	84,4	26 120,4	74,6	11 003,5	39,4
Орловский	41 168,5	91,2	46 387,2	77,9	30 298,5	67,0
Дмитровский	21 516,9	72,5	27 439,3	59,6	14 069,2	47,4
Козловский	40 891,0	39,9	54 180,4	38,9	28 003,5	27,3
Шацкий	29 639,4	71,0	41 370,5	55,8	16 519,5	39,6
Спасский	8 318,2	58,5	11 217,7	50,4	7 014,0	49,3
Усманский	19 632,0	37,3	24 993,6	37,1	15 362,0	29,2
Борисоглебский	19 022,0	34,0	38 497,6	35,1	12 924,5	23,1
Щигровский	31 084,6	85,7	40 724,7	64,7	22 129,6	61,0
Рыльский	16 283,0	90,4	27 723,9	55,9	12 483,0	69,3
Путивльский	9 066,8	100,0	22 084,9	49,0	5 967,5	65,8
Грайворонский	9 545,6	62,9	23 139,4	43,9	9 365,0	61,7
Воронежский	22 915,3	40,0	33 632,4	38,7	23 027,8	40,2
Острогожский	26 416,5	52,8	44 784,8	44,4	27 059,0	54,1
	391 944,9	61,2	545 135,4	51,2	276 451,4	43,1

Источники: Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Т. 1. Вып. 1, 2; Т. 2. Вып. 2; Т. 6. Вып. 2; Т. 7. Вып. 2; Т. 8; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 20, 21, 22, 23, 24; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. 6, 7, 8 (Ч. 2), 9; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1. Вып. 1; Т. 2. Вып. 3.

По Козловскому, Шацкому, Спасскому, Усманскому, Борисоглебскому уездам — лишь для имений с экономической запашкой. По 10 уездам есть полные сведения о земледельческих орудиях — 12 059 сох и плугов. В этих же уездах при обработке 235 597,4 дес. экономической запашки с паром использовалась 24 991 рабочая лошадь. На одно орудие приходилось 19,5 дес. экономической запашки с паром, обрабатываемой рабочими лошадьми. Т. е. на одно орудие приходилось 2 рабочие лошади. Дело в том, что имелись многолемешные плуги, в которые впрягались 2 и более лошадей; кроме того, лошади использовались и на бороновании пашни. В целом же земледельческие орудия использовались более интенсивно, чем тягловая сила. В то же время приведенные подсчеты свидетельствуют об избытке рабочих лошадей в имениях в расчете на наличный сельскохозяйственный инвентарь и, следовательно, об использовании крестьянского инвентаря

Из таблиц 1—2 вытекает следующее. В 12 уездах преобладающая часть экономических запашек обрабатывалась владельцеским рабочим скотом, следовательно, владельцеским инвентарем⁴⁷: в Путивльском уезде — 100% экономической запашки с паром, Мценском — 94,6%, Орловском — 91,2%, Рыльском — 90,4%, Щигровском — 85,7%, Болховском — 84,4%, Елецком — 77,9%, Дмитровском — 72,5%, Шацком — 71%, Грайворонском — 62,9%, Спасском — 58,5%, Острогожском — 52,8%. Лишь в 4 уездах владельцеским рабочим скотом обрабатывалось менее 1/2 экономических запашек: в Воронежском уезде — 40% экономической запашки с паром, Козловском — 39,9%, Усманском — 37,3%, Борисоглебском — 34%.

В целом по 16 уездам владельцеским рабочим скотом обрабатывалось 61,2% экономической запашки с паром. Что касается использования наемных полевых рабочих, то преобладающая часть экономических запашек обрабатывалась ими лишь в 7 уездах: в Рыльском — 69,3% экономической запашки с паром, Орловском — 67%, Путивльском — 65,8%, Грайворонском — 61,7%, Щигровском — 61%, Острогожском — 54,1% и Мценском — 52%. В 9 уездах наемными рабочими обрабатывалось менее 1/2 экономических запашек: в Спасском уезде — 49,3% экономической запашки с паром, Дмитровском — 47,4%, Елецком —

Таблица 2

Пашня с паром, обрабатывавшаяся наемными полевыми рабочими + аренда крестьян с наемными рабочими		Экономической запашки (дес.) с паром на 1 земледел. орудие ^a		Экономическая запашка с паром, обрабатывавшаяся посредством использования отработков ^b	
дес.	% от всей пашни с паром	на 1 соху и плуг	на 1 плуг	1-го вида (% от эконом. запашки с паром)	2-го вида (% от эконом. запашки с паром)
21 474,6	36,9	24,1	97,9	22,1	32,4
22 762,9	42,0	—	134,6	5,4	42,6
11 782,9	33,7	29,9	258,3	15,6	45,0
31 879,9	53,5	20,6	76,0	8,8	24,2
15 863,9	34,4	22,6	70,7	27,5	25,1
32 030,5	23,0	—	93,2	60,1	12,6
20 074,4	27,0	—	82,9	29,0	31,4
7 892,6	35,5	—	109,3	41,5	9,2
16 986,7	25,2	—	82,4	62,7	8,1
18 826,2	17,1	—	84,1	66,0	10,9
25 050,8	39,8	29,3	160,5	14,3	24,7
15 949,9	31,7	24,6	49,6	9,6	21,1
9 912,4	22,0	16,1	26,6	—	34,2
13 484,3	25,6	27,0	36,0	37,1	1,2
26 275,4	30,3	42,3	116,3	60,0	—
32 625,1	32,4	33,0	43,3	47,2	—
322 872,5	30,3			38,8	18,1

в помещичьих имениях. Отсюда вытекает, что капиталистически обрабатывавшаяся запашка подсчитана по максимальному уровню. В этих же уездах (с полными сведениями о земледельческих орудиях) насчитывалось 14 180 постоянных наемных рабочих, которые обрабатывали 175 294,8 дес. экономической запашки с паром. На одного наемного рабочего приходилось примерно 0,8 орудия. На одно орудие же приходилось 14,5 дес. экономической запашки с паром, обрабатываемой наемными рабочими. Эти подсчеты также свидетельствуют об избытке наемных рабочих в имениях в сравнении с имевшимся сельскохозяйственным инвентарем об использовании крестьянского инвентаря в помещичьих имениях. Следовательно, и в данном случае капиталистически обрабатывавшаяся запашка подсчитана по максимальному уровню.

^a Отработки 1-го вида исчислены: экономическая запашка с паром сверх обрабатывавшейся владельцеским рабочим скотом. Отработки 2-го вида исчислены как разность показателей экономической запашки с паром, обрабатывавшейся владельцеским рабочим скотом, и экономической запашки с паром, обрабатывавшейся наемными полевыми рабочими. Показатели исчислены в процентах от всей экономической запашки с паром.

45,5%, Воронежском — 40,2%, Шацком — 39,6%, Болховском — 39,4%, Усманском — 29,2%, Козловском — 27,3% и Борисоглебском — 23,1%. В целом по 16 уездам наемными полевыми рабочими обрабатывалось 43,1% экономической запашки с паром.

Ясно, что при обработке экономических запашек преобладали капиталистические методы над полуфеодальными, если под капитализмом иметь в виду развитые и неразвитые формы капитализма, вместе взятые. Если же под капитализмом иметь в виду лишь развитые формы капитализма, преобладания его при обработке экономических запашек не наблюдалось, более того, имело место преобладание полуфеодальных методов. В рамках капитализма на экономических запашках имений без различия способа пользования в 15 уездах из 16-ти преобладали развитые формы над неразвитыми, хотя последние были сильно выражены; лишь в Болховском уезде неразвитые формы капитализма преобладали над развитыми его формами ⁴⁸.

Таблицы показывают, что лишь в 4 уездах экономическая запашка обрабатывалась преимущественно посредством использования отработков 1-го вида: в Борисоглебском уезде — 66% экономической запашки с паром, Усманском — 62,7%, Козловском — 60,1% и Воронежском — 60%.

Использование отработков 2-го вида при обработке экономической запашки ни в одном из уездов не являлось преимущественным способом ее обработки. В 9 уездах экономическая запашка обрабатывалась посредством использования отработков как 1-го, так и 2-го вида: в Борисоглебском уезде — 76,9% экономической запашки с паром, в Козловском — 72,7%, Усманском — 70,8%, Болховском — 60,6%, Шацком — 60,4%, Воронежском — 60% (лишь отработки 1-го вида), Елецком — 54,5%, Дмитровском — 52,6% и Спасском — 50,7%. Отработки 1-го и 2-го вида порознь не являлись преимущественным способом обработки экономических запашек; отработки 1-го и 2-го вида вместе являлись преимущественным способом обработки экономических запашек. В 8 уездах — Дмитровском, Козловском, Спасском, Усманском, Борисоглебском, Грайворонском, Воронежском, Острогожском — преобладали отработки 1-го вида, а в других восьми уездах — Елецком, Мценском, Болховском, Орловском, Шацком, Щигровском, Рыльском, Путивльском — преобладали отработки 2-го вида.

В целом по 16 уездам 38,8% экономической запашки с паром обрабатывалось посредством использования отработков 1-го вида и 18,1% ее обрабатывалось посредством использования отработок 2-го вида.

Что касается всей пашни имений без различия способа пользования, то из анализа таблиц 1—2 вытекает следующее: пашня с паром, обрабатывавшаяся владельцеским рабочим скотом и владельцеским инвентарем, плюс взятая в аренду зажиточными крестьянами пахотная земля составляли в 8 уездах преобладающую часть всей пашни с паром (в Мценском уезде — 80,5% всей пашни с паром, Орловском — 77,9%, Болховском — 74,6%, Елецком — 67,5%, Щигровском — 64,7%, Дмитровском — 59,6%, Рыльском — 55,9%, Шацком — 55,8%), в одном уезде (Спасском) — 50,4%; в 7 уездах соответствующий показатель был менее 50%; Путивльском уезде — 49%, Острогожском — 44,4%, Грайворонском — 43,9%, Козловском — 38,9%, Воронежском — 38,7%, Усманском — 37,1% и Борисоглебском — 35,1%. В целом по 16 уездам пашня с паром, обрабатывавшаяся владельцеским рабочим скотом, плюс арендованная зажиточными крестьянами пашня составляли 51,2% всей пашни с паром.

Таким образом, если под капитализмом иметь в виду развитые и неразвитые его формы, вместе взятые, то на всей владельческой пашне имений без различия способа пользования было некоторое преобладание капиталистических методов ее обработки над полуфеодальными методами.

Если же под капитализмом иметь в виду лишь развитые его формы, то применительно ко всей владельческой пашне рассматриваемых имений со всей очевидностью вытекает вывод о преобладании полуфеодальных приемов обработки ее над капиталистическими: лишь в одном уезде (Орловском) площадь пашни с паром, обрабатывавшейся наемными полевыми рабочими, плюс арендованной крестьянами, которые имели наемных рабочих, составляла более 50% (точнее 53,5%) всей помещичьей пашни с паром, в 15-ти же уездах соответствующие показатели были менее 50%: в Мценском уезде — 42%, Щигровском — 39,8%, Елецком — 36,9%, Спасском — 35,5%, Дмитровском — 34,4%, Болховском — 33,7%, Острогожском — 32,4%, Рыльском — 31,7%, Воронежском — 30,3%, Шацком — 27%, Грайворонском — 25,6%, Усманском — 25,2%, Козловском — 23%, Путивльском — 22%, Борисоглебском — 17,1%. В целом по 16 уездам пашня с паром, обрабатывавшаяся наемными полевыми рабочими, плюс пашня, арендованная крестьянами, которые имели наемных рабочих составляли 30,3% всей пашни с паром.

В имениях без различия способа пользования, если иметь в виду всю пашню, в 12 уездах — в рамках капитализма преобладали развитые формы капитализма над неразвитыми формами, хотя неразвитые его формы в этих же уездах были сильно распространены; в 4 уездах — Болховском, Шацком, Борисоглебском и Путивльском — во всем капитализме преобладали неразвитые его формы над развитыми⁴⁹.

Выводы: 1. В помещичьих имениях без различия способа пользования не было преобладания капиталистических методов ведения хозяйства над полуфеодальными ни на экономических запашках, ни на всей пашне, если под капитализмом иметь в виду лишь развитые его формы. Капиталистические методы значительно преобладали над полуфеодальными на экономических запашках и имели некоторое преобладание на всей пашне, если под капитализмом иметь в виду развитые и неразвитые его формы, вместе взятые.

2. В целом в помещичьих имениях Черноземного центра в 80—90-х гг. XIX в. наблюдалось господство капитала в земледелии, если под капитализмом иметь в виду развитые и неразвитые его формы, вместе взятые (причем, в самом капитализме преобладали развитые формы капитализма над неразвитыми его формами), и широкое распространение неразвитых форм капитализма; до полного развития земледельческого капитализма, выражаясь словами В. И. Ленина, было «еще много промежуточных ступеней»⁵⁰.

Кроме того, можно сказать так: в рассмотренных помещичьих имениях в целом отработочная система преобладала над капиталистической, если под отработками иметь в виду отработки 1-го и 2-го вида (вместе), а под капитализмом — развитые его формы; отработочная система не преобладала над капиталистической, если под отработками иметь в виду лишь отработки 1-го вида, а отработки 2-го вида отнести к неразвитым формам капитализма наряду с мелким товарным производством (на определенной стадии развития)⁵¹.

Примечания

¹ См.: Иванов Л. М. О капиталистической и отработочной системах в сельском хозяйстве помещиков на Украине в конце XIX в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Шагин Э. М. К вопросу об уровне развития капитализма в деревне среднерусской полосы России в конце XIX — начале XX в. (по неопубликованным материалам Рязанской статистики) // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та. 1961. Т. 9; Анимиров А. М. Карловское имение Мекленбург-Стрелицких в конце XIX — начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: Сб. 5. М., 1962; ежели же. Хозяйство крупного помещика в XX в. // Исторические записки. 1962. Т. 71; ежели же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969; Минарик Л. П. Системы помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900—1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: Сб. 5; ежели же. Об уровне развития капиталистического земледелия в крупном помещичьем хозяйстве Европейской России конца XIX — начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (ЕАИВЕ). 1964. Кишинев. 1966; ежели же. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971; Шабуна Е. И. О развитии капитализма в помещичьем хозяйстве Белоруссии в конце XIX — начале XX в. // ЕАИВЕ. Рига. 1963; Будаев Д. И. Соотношение капиталистической и отработочной систем в земледельческом хозяйстве помещика Барышникова Дорогобужского уезда Смоленской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // ЕАИВЕ, 1964; ежели же. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX в. Смоленск, 1972; ежели же. Особенности вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве в конце XIX — начале XX в. (по материалам Смоленской губернии). // Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории. Вып. 2. Вологда, 1976; Дружинин и Н. М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. (по данным Валуевской комиссии 1872—1873 гг.) // Исторические записки, 1972, Т. 89; Рындзюнский П. Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм (к вопросу взаимоотношений укладов капиталистической России) // Вопросы истории капиталистической России: проблемы многоукладности. Свердловск, 1972; ежели же. Утверждение капитализма в России. М., 1978; Ковалченко И. Д., Селунская Н. Б., Литvakов Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982 и др.

² См.: Анимиров А. М. К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России и др.

³ Ежели же. О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 144.

⁴ См.: Ковалченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 32—33.

⁵ См.: Минарик Л. П. Об уровне развития капиталистического земледелия... С. 615—626; ежели же. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России... С. 136—138, 140.

⁶ См.: Рындзюнский П. Г. О мелкотоварном укладе в России XIX в. // История СССР. 1961, № 2. С. 51.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Там же.

⁹ См.: Селунская Н. Б. К вопросу об изучении описаний помещичьих имений (по материалам дворянского земельного банка) // Математические методы в исторических исследованиях: Сб. М., 1972; ее же. Источники по истории помещичьего хозяйства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Смыков Ю. И., Перельман С. Б. Математико-статистические методы изучения помещичьих хозяйств конца XIX — начала XX в. (по материалам Казанского отделения дворянского земельного банка) // Татария в прошлом и настоящем. Казань, 1975; Kovalevchenko I. D., Selunskaya N. B. Metody izuchenija sootsialno-ekonomicheskogo stroya pomeshchich'ego khozyaistva Evropejskoj Rossii nachala XX veka (po dannym sel'skoho-zoizyaystvennoj perepisi 1917 g.) // Sovetskaja istoriografija agrarnoj istorii SSSR (do 1917 goda). Kishinev, 1978.

¹⁰ См. указанные выше работы Л. П. Минарики.

¹¹ См.: Kovalevchenko I. D. V. I. Lenin o kharaktere agrarnogo stroya kapitalisticheskoy Rossii; ego же. O burzhuaznom kharaktere krest'yaninskogo khozyaistva Evropejskoj Rossii v konце XIX — nachale XX v. (po budzhetnym dannym srednечernozemnykh gubernij) // Istorija SSSR. 1983. № 5; Kovalevchenko I. D., Millov L. V. Vsesrossijskij agrarnyj rynek. XVIII — nachalo XX v. M., 1974; Rynduzinskij P. G. Ekonomicheskiy stroy krest'yaninskogo nadel'nogo khozyaistva Rossii v poreformennoe vremya // Voprosy istorii. 1971. № 11.

¹² К. Н. Тарновский отмечает, что с середины 60-х гг. «на первый план выступила проблема не уровня, а характера, „качества“ капиталистических отношений, и не только в собственно земледельческом производстве, а в сельском хозяйстве в целом» (Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма — дискуссии начала 1960-х годов // Проблемы социально-экономической истории России: Сб. М., 1971. С. 310).

¹³ Lenin V. I. PSS. T. 3. C. 186.

¹⁴ Там же. С. 186—187.

¹⁵ Там же. С. 187.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 199—200.

¹⁸ Там же. Т. 17. С. 72.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 240, 311, 333, 390—391, 490, 518; Т. 4. С. 56.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 490; Т. 27. С. 155, 226.

²¹ Там же. Т. 3. С. 171.

²² Там же. Т. 1. С. 490. Нам представляется, что здесь речь идет о капитале в земледелии применительно как к помещичьему, так и к крестьянскому хозяйствам, взятым в целом (совместно).

²³ Там же. Т. 6. С. 318.

²⁴ Там же. Т. 17. С. 32.

²⁵ См.: Сборник статистических сведений по Орловской губернии.. Т. 1. Вып. 1. Мценский уезд (таблицы статистических сведений об отдельных имениях свыше 50 десятин по Мценскому уезду). М., 1886; Вып. 2. Очерк хозяйства частных владельцев Мценского уезда.— Орел, 1887; Т. 2. Вып. 2. Материалы по частновладельческому хозяйству Елецкого уезда (таблицы статистических сведений о частновладельческих хозяйствах). М., 1888; Т. 6, Вып. 2. Болховский уезд (таблицы статистических сведений о частновладельческих хозяйствах). Орел, 1892; Т. 7. Вып. 2. Очерк среднего и крупного частновладельческого хозяйства Дмитровского уезда (таблицы статистических сведений о частновладельческих хозяйствах). Орел, 1893; Т. 8. Орловский уезд (таблицы статистических сведений о частновладельческих хозяйствах). Орел, 1895; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 20 (таблицы статистических сведений о частном землевладении Козловского уезда). Тамбов, 1898; Т. 21 (таблицы статистических сведений о частном землевладении Усманского уезда). Тамбов, 1898; Т. 22 (таблицы статистических сведений о частном землевладении Шацкого уезда). Тамбов, 1898; Т. 23 (таблицы статистических сведений о частном землевладении Борисоглебского уезда). Тамбов, 1900; Т. 24 (таблицы статистических сведений о частном землевладении Спасского уезда). Тамбов, 1900; Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. 6. Рыльский уезд (таблицы по частновладельческому хозяйству и землевладению Рыльского уезда). Курск, 1884; Вып. 7. Путивльский уезд (таблицы по частновладельческому хозяйству и землевладению Путивльского уезда). Курск, 1884; Вып. 8. Ч. 2. Щигровский уезд (частное землевладение — таблицы землевладения свыше 50 дес.). Курск 1885; Вып. 9. Грайворонский уезд (таблицы по частновладельческому хозяйству и землевладению Грайворонского уезда). Курск, 1885; Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1. Вып. 1. Воронежский уезд (таблицы статистических сведений об отдельных имениях, имеющих свыше 50 дес земли, по Воронежскому уезду). Воронеж, 1884; Т. 2. Вып. 3. Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земли по Острогожскому уезду (таблицы частновладельческих хозяйств, имеющих свыше 50 дес., по Острогожскому уезду). Воронеж, 1887.

²⁶ К помещичьим имениям отнесены имения дворян, купцов, мещан, крестьян и пр. размером свыше 50 дес.

²⁷ Lenin V. I. PSS. T. 3. C. 632.

²⁸ Там же. Т. 27. С. 182.

²⁹ Там же. С. 181.

³⁰ См. там же. Т. 17. С. 66. В работе «Развитие капитализма в России» Ленин пользовался материалами земской статистики помещичьего хозяйства Курской губернии. (См.: Т. 3. С. 191).

³¹ Там же. Т. 27. С. 182.

³² Экономическая запашка — часть пашни, хозяйственно осваиваемая самим помещиком; следует отличать от пашни, сдаваемой в аренду.

³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 187—188.

³⁴ Там же. Т. 12. С. 46.

³⁵ См.: Очерк хозяйства частных владельцев Мценского уезда. Орел, 1887. С. 64.

³⁶ См. об этом: Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 4; Т. 3. С. 188, 194; Т. 17. С. 85.

³⁷ В данном случае и ниже привлекаются данные по некоторым уездам, не входящим в составленный выше список.

³⁸ См.: Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 3. Вып. 1. Землянский уезд. Воронеж, 1886 (комбинационная поуездная таблица по надельной земле и рабочему скоту); Т. 4. Вып. 1. Задонский уезд. Воронеж, 1887 (комбинационная поуездная таблица по надельной земле и рабочему скоту); Т. 5. Вып. 1. Коротоякский уезд. Воронеж, 1888 (итоговая таблица хозяйственных групп); Т. 6. Вып. 1. Нижнедевицкий уезд. Воронеж, 1889 (итоговая таблица хозяйственных групп); Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Т. 2. Елецкий уезд. М., 1887 (таблица хозяйственных групп наличных дворов); Т. 3. Трубчевский уезд. Орел, 1887 (таблицы хозяйственных групп наличных дворов); Свод экономических данных по крестьянскому хозяйству Дмитровского уезда. Орел, 1904 (сводные групповые таблицы по уезду); Свод экономических данных по крестьянскому хозяйству Кромского уезда. Орел, 1904 (сводные групповые таблицы по уезду).

³⁹ См.: Баталин Ф. А. Календарь и справочная книжка русского сельского хозяина на 1884 г. СПб, 1883. Ч. 2. С. 68.

⁴⁰ Там же. С. 67.

⁴¹ Земские статистики применительно к Острогожскому уезду отмечали: «Имения с экономической запашкой представляют собой не столько земледельческие, сколько скотоводческие хозяйства». (Частновладельческое хозяйство и материалы для определения ценности и доходности земель по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887. С. XI).

⁴² Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. IX. Грайворонский уезд. Курск, 1885. С. IX и др.

⁴³ См.: Баталин Ф. А. Указ. соч. С. 68; Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 66 (прим.).

⁴⁴ См.: Баталин Ф. А. Указ. соч.; Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1892. С. 114 и др. Данные С. А. Короленко по существу применимы к интенсивной системе. В. И. Ленин цифрам и фактам из указанной работы Короленко давал следующую оценку: «Несмотря на то, что приемы расчетов г-на С. Короленко далеко не всегда удовлетворительны, его общие выводы... следует считать приблизительно верными» (Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 234).

⁴⁵ См.: Баталин Ф. А. Указ. соч. С. 52, 67.

⁴⁶ См.: Сборник статистических сведений по Курской губернии. Вып. IX. Грайворонский уезд. С. IX (введение к статистико-экономическим таблицам).

⁴⁷ Если по данной системе обрабатывалось более 1/2 экономической запашки с паром или пашни с паром, она (система) считалась преобладающей.

⁴⁸ Необходимо сравнить по каждому из уездов процент экономической запашки, обрабатывавшейся владельцеским рабочим скотом, и процент экономической запашки, обрабатывавшейся наемными полевыми рабочими.

⁴⁹ Необходимо сравнить по каждому из уездов процентные показатели, выражавшие отношения ко всей владельческой пашне: с одной стороны, пашни с паром, обрабатывавшейся владельцеским рабочим скотом, плюс аренда зажиточной группы крестьян, и, с другой стороны, пашни с паром, обрабатывавшейся наемными полевыми рабочими, плюс аренда пашни крестьянами, которые имели наемных рабочих.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 490.

⁵¹ Пользуясь картограммой Н. Ф. Анненского о географическом размежевании губерний России по преобладанию той или иной системы помещичьего хозяйства (см.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посников. Т. 1. СПб., 1897. С. 170), В. И. Ленин составил таблицу, на основе анализа которой заключил о некотором преобладании в Европейской России капиталистической системы помещичьего хозяйства (см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 188, 191). Согласно этой таблице, в черноземной полосе преобладают отработки. Нам представляется, что в данном случае под отработками надо иметь в виду отработки 1-го и 2-го вида вместе. В работе «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» В. И. Ленин пришел к выводу: «В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостническо-кабальной, чем капиталистической системой хозяйства» (Т. 12. С. 249). Оба ленинских вывода взаимно дополняют друг друга. Они правильно могут быть поняты лишь с позиций различия развитых и неразвитых форм капитализма. И в том, и в другом случаях Ленин имеет в виду все помещичьи имения (или, согласно нашей терминологии, имения без различия способа пользования) и развитые формы капитализма. В первом случае взяты развитые формы капитализма на экономических запашках, во втором случае — на всей пашне.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ПРИБОРНОГО ВОЙСКА

Стрельцы, городовые казаки, пушкари и другие категории служилых людей «по прибору» составляли во второй половине XVI и XVII в. значительную часть населения России, особенно на ее южной окраине, западных рубежах, в Поволжье и Сибири. Сформированное в свое время в дополнение к феодальному поместному ополчению, приборное войско получило права, сближавшие его с низшим слоем господствующего класса, но вместе с тем в его социальном облике было много общего с тяглыми слоями — главным источником его комплектования.

В исторической литературе давно утверждилось и господствует в настоящее время мнение о промежуточном положении приборных людей по отношению к феодалам и народным массам¹. Тем не менее и в рамках этой концепции их социальная природа не вполне ясна и поныне рождает немало вопросов. Причина, возможно, в том, что до последнего времени служилые «по прибору» крайне редко становились объектом специального рассмотрения: их изучали выборочно и главным образом в связи с разработкой других тем, а потому нередко и очень поверхностно. Видимо, сказалось отсутствие среди исследователей единства в исходных позициях теоретического плана.

Прежде всего неоднозначно трактуется место приборных служилых людей в сословной структуре феодальной России. Одни историки рассматривают их как внутрисословную группу, относящуюся к единому, общему с основной массой феодалов служилому сословию², другие предпочитают говорить об особом сословии приборных людей³. По-разному определяется и степень близости приборных служилых к трудящимся массам: от противопоставления интересов тех и других⁴ до их отождествления⁵.

Исследования последних лет показали, что при всей своей социальной неоднородности служилые «по прибору» были, безусловно, ближе по социальному положению к трудовому населению, чем к классу феодалов, но пока не решен вопрос о том, к каким именно слоям приборные люди были близки по характеру своих занятий. Определение социального облика приборных служилых, живших главным образом за счет обрабатываемой ими пашни, не вызывает у историков особых затруднений. Так, размещенные на южной окраине страны и служившие «с земли» городовые казаки, стрельцы и другие категории ратных людей сближаются с крестьянами⁶. Сложнее решить тот же вопрос применительно к тем приборным людям, которые размещались в городах и получали основные виды «государева жалованья» (деньги, хлеб, соль). Аксиоматичной стала точка зрения, согласно которой стрельцы и другие категории городовых приборных служилых были близки по своему социально-экономическому положению торгово-ремесленному населению посада. Посмотрим, однако, насколько оправдано это представление.

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Дореволюционные историки в своих трудах уподобляли приборных людей посадским и обосновывали это, как правило, ссылкой на активное участие тех и других в ремесле и торговле. О хозяйственных занятиях стрельцов, пушкарей и т. д. говорилось, хотя и в самой общей форме, как о чем-то само собой разумеющемся и мешавшем их военным занятиям. Например, по мнению Н. Г. Устриялова, причиной восстаний стрельцов в царствование Петра I было то, что, «пустившись в промыслы, которыми приобретали значительные богатства, они думали только о корысти, нерадиво исполняли свои прямые обязанности, тяготились службою и самые справедливые меры строгости считали жестоким для себя притеснением»⁷. «Стрелец со своим потомством был настолько же солдат, насколько и посадский, занимавшийся разными промыслами или торговлею», — писал военный историк П. Бобровский⁸. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что, обладая податными привилегиями, «служилые люди низших разрядов... вели свои дела успешнее многих посадских людей и были довольно крупными капиталистами того времени»⁹, а по наблюдениям Н. П. Павлова-Сильванского, приборные служилые, «живя в городах, занимались торговлей и промыслами и благодаря податным льготам вели свои дела успешнее многих посадских людей»¹⁰.

Высказывания этих исследователей (и ряда других) объединяет одно: они не сообщали практически никаких сведений статистического характера, доказывающих активное и широкое вовлечение приборных людей в городские «торги и промыслы».

В этой связи определенный интерес представляет монография Н. Д. Чечулина о русских городах XVI в., написанная на материале писцовых книг и содержащая целый ряд любопытных подсчетов. Автор пришел к выводу о необходимости строго дифференцированного подхода к характеристике русских городов (справедливо расценив отсутствие такого подхода как главный недостаток работ своих предшественников). По его мнению, приборные служилые «по своему составу, как и по занятиям... были весьма близки к черным людям»¹¹. Прямых подтверждений этой точки зрения Н. Д. Чечулин в писцовых книгах найти не мог, и главным в системе его доказательств стал вывод о распределении торговых мест между основными категориями городского населения «почти совершенно пропорционально числу представителей в городе тех, других и третьих»¹². Вместе с тем он неоднократно отмечал разную степень участия в «торгах и промыслах» служилых людей различных городов. Иногда она, по признанию самого исследователя, вообще не поддавалась определению (например, в Туле)¹³.

Поднятая Н. Д. Чечулиным тема нашла свое продолжение применительно к первой половине XVII в. в работе П. П. Смирнова. Однако, говоря о близости размещенных в городах приборных служилых к посадским людям, автор активное участие в экономической жизни, по сути дела, признавал лишь за гарнизонами внутренних районов Русского государства: «Население городских слобод служилых по прибору людей, вдали от границ имевшее достаточный досуг, постоянно искало дополнительных источников существования и, естественно, находило их в торговле и промыслах по городам»¹⁴.

Примером такого города могла служить Москва, имевшая самый крупный в стране стрелецкий гарнизон. В начале нынешнего столетия в связи с выходом в свет роскошного многотомного издания «Москва в ее прошлом и настоящем» он и стал объектом изучения. О приборных служилых писали в нем широко известные историки — М. М. Богословский, М. В. Довнар-Запольский, С. К. Богоявленский¹⁵. Каждый из них отмечал занятия московских стрельцов ремеслом и торговлей, но ссыпался при этом на отрывочные и несистематизированные данные, носившие в основном лишь иллюстративный характер. Таким образом, и тезис о большой роли приборных служилых в экономической жизни столицы Русского государства скорее декларировался, чем доказывался.

Положение московских стрельцов рассматривал А. И. Заозерский в своей работе о Приказе тайных дел¹⁶. Автор показал привилегированный характер службы столичного гарнизона и пришел к заключению, что роль, которую московские стрельцы играли при царском дворе второй половины XVII в., сближала их с янычарами и русской гвардией в XVIII в.¹⁷ Во втором издании книги (1937 г.) А. И. Заозерский эту характеристику счел нужным сопроводить оговоркой, что до 1648 г. стрельцы «никаким особым образом не связаны с правительством. Наоборот, занятые торговыми и промыслами, они в силу общности хозяйственных интересов близко стоят к посадскому населению Москвы, разделяют его недовольство... Но в дальнейшем их поведение постепенно меняется»¹⁸. Причины такого изменения остались, однако, для читателей не вполне ясными, как и причины убежденности автора в активном занятии московских стрельцов торговыми и промысловыми. Мнение А. И. Заозерского о московских стрельцах разделил Н. А. Рожков¹⁹. В 20—30-е гг. советские исследователи при характеристике служилых людей по прибору оперировали практически лишь тем материалом, который содержался в работах дворянских и буржуазных историков. Следуя за ними, М. Н. Покровский полагал, что стрельцы в массе своей «это мелкие торговцы и ремесленники», которые по своему хозяйственному положению находились в одном ряду с посадскими людьми²⁰. Указанная точка зрения, по-прежнему не будучи подкрепленной каким-либо конкретно-историческим материалом, в свете теории «торгового капитализма» превратилась в широко бытовавшее в 1920-е гг. мнение о принадлежности стрельцов (как и посадских людей) к «классу мелкой буржуазии»²¹.

По «стрелецкому вопросу» не было полного единства мнений и среди представителей школы Покровского. Так, А. Н. Штраух не устраивала характеристика стрельцов как мелкой буржуазии, правда, не по существу этого определения, а из-за его неполноты и неточности. «Стрелецкое войско,— писал он,— не представляло в экономическом отношении единого целого, но, напротив, отражало в себе всю пестроту социальных группировок московского посада — от крупных капиталистов до типичной мелкой буржуазии включительно». Как полагал А. Н. Штраух, состав стрельцов «сравнительно однороден» был лишь в провинциальных городах: там это была уже «типичная мелкая буржуазия»²². Восставших в 1682 г. московских стрельцов он назвал «вооруженными силами демократической части посада», а само восстание характеризовал как «мелко-буржуазную революцию».

Уловив социальную неоднородность стрелецкого войска, А. Н. Штраух при всей ошибочности своих построений сделал несомненно ценное наблюдение. Но высказанное им мнение о прогрессивности Московского восстания 1682 г. вплоть до 1960-х гг. не находило поддержки в советской историографии. Столичных стрельцов (а потом и не только столичных) в исторической литературе все чаще изображали как реакционную силу — вначале со ссылкой на А. И. Заозерского, как у Б. Н. Тихомирова, а позднее и без нее²³. Важную роль в утверждении этой точки зрения сыграло постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР, опубликованное в августе 1937 г. Оно осудило за «недостаточность марксистского подхода к историческим событиям» тех «авторов», которые «идеализируют даже такие реакционные движения, каким был, например, стрелецкий мятеж, направленный против попыток Петра цивилизовать современную ему Россию»²⁴. Тем не менее положение о социальной неоднородности приборного войска получило дальнейшее развитие в том числе в трудах, уже свободных от ошибок теории М. Н. Покровского, по-прежнему не подтверждаясь, однако, конкретными ссылками на торгово-промышленные занятия служилых людей.

Так, К. В. Базилевич указывал на сходство некоторых слоев приборных служилых с «эксплуатируемыми элементами города». Исследуя причины Московского восстания 1662 г., он писал, что «в наиболее тяжелом положении... оказались средние и низшие слои торгового и ремесленного населения посадов...

Очень близко к этому населению стояли мелкие служилые люди (стрельцы, пушкари и др.), испытывавшие двойное влияние торгового застоя и денежного кризиса: в качестве людей, связанных с торговлей и промыслами, и в качестве людей, получавших жалование в обесцененной денежной системе»²⁵.

П. П. Смирнов внес в трактовку положения приборных людей ряд иных моментов. В монографии «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» он охарактеризовал служилых по прибору как категорию, существенно не отличавшуюся от посадского населения, но при этом отвел им «первое место среди врагов посадских людей», ибо полагал, что служилые по прибору «являлись их постоянными конкурентами в ремесле и торговле». В некотором противоречии с этими слабо документированными выводами находились данные П. П. Смирнова о приборных служилых, взятых по Уложению 1649 г. в тягло и вообще затронутых «посадским строением» (2% от общего их числа). В то же время «расчет отчуждения» орудий торга и ремесла приборных людей, произведенный ученым по отдельным областям государства, заставлял вспомнить его первую работу (см. выше), в которой об активной торгово-промышленной деятельности служилых говорилось лишь применительно к центральным, отдаленным от границ районам (так, в Псковской области, согласно данным П. П. Смирнова, из приборных людей было взято в тягло 1,3% их состава, в городах южной окраины — 2,2%, а в городах Замосковного края — 21,8%)²⁶.

Исследование истории приборного войска продолжал в советское время С. К. Богоявленский. Рассматривая стрельцов как косную и консервативную силу, он видел главную причину их реакционности в торгово-промышленной деятельности, не позволявшей заняться военными упражнениями. Исследователь, видимо, нисколько не сомневался в том, что «стрельцы были столько же воинами, сколько купцами и ремесленниками», и что торговля и ремесла «кормили их больше, чем получаемое ими жалованье», однако не привел конкретных данных, подтверждавших эту точку зрения²⁷.

Определенный вклад в изучение положения приборных служилых внес М. Н. Тихомиров своими работами о Псковском и Новгородском восстаниях 1650 г.²⁸ Он также считал, что приборные люди были близки к посадским как по происхождению, так и «по характеру своих повседневных занятий ремеслом и торговлей», но рассматривал стрельцов в отличие от П. П. Смирнова не как врагов, а как «естественных союзников посадских людей». Вместе с тем приведенные М. Н. Тихомировым данные о хозяйственных занятиях стрельцов ограничиваются примерами, выходящими, по его же словам, «из ряда обыденных»²⁹.

Интересный материал о приборном населении Пскова и Новгорода привел В. И. Шунков³⁰. Он отметил факт комплектования стрельцов в значительной мере за счет посадского населения, определил количество ремесленников из служилой среды (весьма, кстати, небольшое).

Н. И. Павлицкая, разделяя освященную правительственным авторитетом точку зрения о реакционности «стрелецкого движения» и прогрессивности уничтожения стрелецкого войска вообще, ссыпалась при этом на активную торгово-промышленную деятельность московских стрельцов, правда, без достаточных обоснований³¹.

Экономическое развитие Москвы второй половины XVII в. углубленно исследовала Д. И. Тверская. Однако, касаясь торгово-промышленных занятий приборного населения столицы, она лишь у пушкарей отмечала высокую хозяйственную активность. В целом же участие приборных служилых в торговле Москвы осторожно характеризовалось ею как «довольно видное»³².

Более категоричными в своих суждениях были в 1950-х гг. те историки, которые, не приводя нового конкретного материала о хозяйственной деятельности приборных людей, основывались при этом главным образом на трудах своих предшественников. Так, в исследовании А. В. Чернова, внесшего важный вклад в изучение военной организации Русского государства XV—XVII вв., вопросы социально-экономического положения многих категорий служилых людей были

затронуты в самой общей форме, и признаком, сближившим стрельцов и посадских людей, как и прежде бездоказательно названы «занятия торговлей и промыслами»³³.

Первая серьезная попытка выяснить степень вовлечения приборных служилых в городские «торги и промыслы» была, однако, предпринята в те же 50-е годы. С. Л. Марголин в большой и обстоятельной статье, основываясь не на источниках, дающих отдельные примеры, а главным образом на материалах статистического характера (писцовых книгах и стрелецких «сказках»), в числе других важных вопросов исследовал «относительную роль стрелецкой торговли и промыслов на городском торге или внутри стрелецких коллективов»³⁴. Результаты работы показали разную степень торговой и промысловой активности стрельцов в различных городах и вместе с тем утвердили автора в том, что для большинства стрельцов рассматриваемых им регионов как в XVI, так и в XVII в. торговля и ремесло не играли существенной роли. Исключение он готов был сделать для стрельцов московских, но не имел возможности «учесть» их торговые и промышленные занятия. Даже в тех городах, отмечал он, «где участие стрельцов в торговой и промысловой жизни очень заметно, оно все же отстает от соотношения численности стрельцов к населению посада. Для значительной части стрельцов оно должно было ограничиваться спорадическими приработками». В связи с этим С. Л. Марголин выступает против «полного приравнивания социально-экономического положения стрельцов к положению массы посадского населения», ибо в противном случае «мы неверно представили бы себе специфику положения стрельцов». Причины их слабого участия в торгово-промышленной жизни С. Л. Марголин усматривал в узости рынка, «общей экономической неустойчивости», а также в служебных обязанностях и перебросках стрельцов из одного города в другой, обрывавших «завязавшиеся связи с местным посадом и торгом»³⁵. Было сделано, таким образом, очень ценное наблюдение, однако призыв С. Л. Марголина «известным образом ограничить представление о всей массе стрельцов как постоянно и повсеместно торгующей и промышляющей» не был, по сути, замечен советскими историками. Тем не менее примечательно, что выводы целого ряда работ, вышедших в свет как до, так и после названной статьи, перекликались именно с этим ее положением.

Так, В. А. Александров в своей чрезвычайно интересной, но, к сожалению, полностью так и не опубликованной кандидатской диссертации, пришел к заключению, что «участие... стрельцов в хозяйственной жизни города определялось степенью обеспечения их правительством за ратную службу». «При небольших размерах южных городов,— писал исследователь,— далеко не все стрельцы могли найти себе побочные занятия», и, в частности, регулярно заниматься торговлей. «Поэтому следует считать, что правительственные обеспечение (земля или деньги и хлеб), сколь незначительно оно ни было, являлось для большей части стрелецкого гарнизона основным источником существования». В связи с этим В. А. Александров не согласился «с мнением П. П. Смирнова и Н. Л. Рубинштейна о значительной роли торгов и промыслов для всех стрельцов того или иного гарнизона» и заметил, что источники «не дают возможности говорить о какой-либо особой борьбе стрелецкого приборного населения с имеющимися посадами». Активно участвовавшие в городской жизни стрельцы, по мнению В. А. Александрова, «очень мало чем отличались от посадских людей», «потому и те, и другие становились естественными союзниками в борьбе против феодального правительства»³⁶.

Е. В. Чистякова, исследуя торгово-промышленную жизнь Воронежа середины XVII в., отметила, что, «несмотря на численное превосходство служилых людей над посадскими, наиболее активно занимались торгом именно последние». В этой связи она не согласилась с выводом П. П. Смирнова о повсеместном вытеснении на окраинах посадских людей служилыми и, как В. А. Александров, не видела в южных городах XVII в. антагонизма между приборными и посадскими людьми³⁷.

В коллективном обобщающем труде по истории Карелии автор одного из разделов — Т. В. Старостина, остановившись на хозяйственных занятиях олонецких стрельцов (торговле, ремесле, строительных работах по найму и т. д.), подчеркнула, что «для большинства стрелецких семей жалованье, получаемое за стрелецкую службу, было основным средством существования»³⁸. М. Я. Волков в связи с изучением процесса генезиса капитализма в России также затронул вопрос о побочных занятиях приборных людей и сделал вывод, что «сравнительно с посадскими тяглецами, служилые люди были слабее связаны с развивающимся товарно-денежным хозяйством. Для стрельцов, например, торговля и ремесло являлись хотя и существенным, но все же дополнением к жалованью за службу»³⁹. К сожалению, в обеих работах столь важные для понимания природы приборного войска положения более декларировались, чем доказывались, не будучи в должной мере подкрепленными (в силу специфичности стоявших перед авторами задач) систематическими данными массовых источников.

Интерес к «стрелецкой проблеме» обострился в конце 60-х — начале 70-х гг., когда вышли работы В. И. Буганова и Н. Б. Голиковой. В них показан двойственный и противоречивый характер стрелецких выступлений конца XVII — начала XVIII в. и пересматривался тезис о реакционности стрельцов и их восстаний, подчеркивалась близость приборных людей к трудящимся массам⁴⁰. Наиболее активно эту точку зрения отстаивал В. И. Буганов, аргументируя ее прежде всего тем, что «по условиям жизни (проживание в городах, участие в городской торговле и промыслах) стрельцы приближались к посадским людям», что, таким образом, «основная масса» стрельцов «принадлежала к народным низам»⁴¹.

Концепция В. И. Буганова встретила резкие возражения Н. И. Павленко, В развернутой рецензии на работу В. И. Буганова⁴² он изложил традиционный взгляд на характер Московского восстания 1682 г. и социальную природу стрелецкого войска. Высказав ряд отнюдь не бесспорных суждений (например, о наличии «убедительных оснований... для противопоставления» московских стрельцов посадским людям и крестьянам), рецензент вместе с тем верно подметил уязвимость широко бытующей концепции о близости стрельцов к торгово-промышленному населению посада.

Более четырех десятилетий назад вышли работы Штрауха, писал Павленко, однако «фактического материала относительно торгово-промышленных занятий стрельцов в литературе не прибавилось». «В дополнение к приводимым предшественниками данным о торговле и промыслах стрельцов В. И. Буганов, ссылаясь на переписные книги Москвы 1671—1677 гг., пишет о наличии в столице десятков стрелецких лавок... Стрельцов же в Москве накануне восстания насчитывалось 14 198 чел. Даже если исходить из максимума этих „десяток“, т. е. принять число лавок за 90, то и в этом случае лавками владели 0,6% стрельцов, находившихся в Москве»⁴³.

В ответной статье В. И. Буганов отметил неточности в аргументации своего оппонента, дополнительно обосновал мнение о «наличии принципиального сходства в положении столичных и провинциальных стрельцов»⁴⁴, но в качестве основного признака, сближавшего приборных людей «с народными низами», вновь выдвигал тезис об их «близости к посадским людям по занятиям торговлей и промыслами», не приводя при этом веских доказательств⁴⁵. (Его ссылки на свидетельства современников — Котошихина, иностранных послов и т. п.— об участии стрельцов в торгах и промыслах выглядят не вполне убедительно: заключения такого рода современники могли делать, черпая сведения из случайных и недостоверных источников, а также распространяя единичные или характерные лишь для одной местности явления на все стрелецкое войско.)

Замечу, что оба исследователя прошли мимо имевшейся в историографии характеристики служилых по прибору как промежуточной по отношению к феодалам и тяглым слоям социальной группы, допустив тем самым крайности в своих оценках. В целом дискуссия о Московском восстании 1682 г. показала слаб-

бую степень разработки вопроса о социально-экономическом положении даже наиболее изученной (по сравнению с другими) группы служилых людей по прибору, какой были стрельцы, и выдвинула в число первоочередных задачу глубокого, порайонного изучения приборного войска в масштабе всей страны и прежде всего хозяйственных занятий служилых.

* * *

Такая работа в значительной степени уже проделана применительно к ряду районов Русского государства, и среди них в первую очередь следует назвать Сибирь. Самой многочисленной категорией населения Сибири вплоть до конца XVII в. являлись приборные служилые люди, и это делает ее чрезвычайно интересным объектом именно для изучения социально-экономического положения приборного войска.

В настоящее время в научный оборот введен большой материал, убедительно свидетельствующий о важной роли служилых в хозяйственном освоении края и особенно в экономическом развитии сибирского города. Еще Н. Н. Оглоблин, выпустив в свет в 1895—1901 гг. подробное и тщательное описание архива Сибирского приказа, предсказал, что специальное изучение некоторых материалов должно раскрыть «не последнюю роль» служилых людей в торговле XVII в.⁴⁶ М. П. Головачев, начав исследование «экономического быта» сибирских городов, также обратил внимание на видное место в их хозяйственной жизни торгов и промыслов служилого населения⁴⁷. В советское время на этот счет были сделаны уже более определенные выводы на базе изучения главным образом материалов статистического характера.

Так, Е. И. Заозерская, рассматривая зарождение капиталистических отношений в мелкой промышленности, проанализировала ведомости «о ремесленных людях», присылавшиеся в 1719—1720 гг. с мест по запросам Берг- и Мануфактур-коллегии. Она выяснила, что в сибирских городах основная масса ремесленников происходила из служилых людей по прибору⁴⁸.

Р. М. Кабо, обобщив первые результаты углубленного изучения истории сибирского города, пришел к заключению, что в Западной Сибири XVII в. служилые люди составляли «основное экономическое ядро городской жизни»⁴⁹. Н. В. Устюгов в рецензии на книгу Р. М. Кабо подчеркнул, что сибирские служилые занимались ремеслами и торговлей «часто в более крупных размерах, чем собственно посадское население»⁵⁰.

Применительно к Восточной Сибири (Иркутскому и Нерчинскому уездам) такое же положение было позднее зафиксировано Г. А. Леонтьевой в ходе изучения большого количества самых разнообразных источников, в том числе комплексных документов хозяйственной отчетности, материалов I ревизии и т. п. Она отметила, что «преобладающая численность служилых людей-ремесленников в XVII — начале XVIII в. не являлась спецификой только отдельных городов Иркутского и Нерчинского уездов... В некоторых сибирских городах на определенном этапе развития (преимущественно раннем, когда посадское население еще было малочисленным), служилые люди-ремесленники нередко могли превосходить другие категории населения, обладавшие ремесленными специальностями, и прежде всего посадских людей»⁵¹.

Большой вклад приборного служилого населения в экономическое развитие Сибири был убедительно показан в 70-е гг. работами исследователей истории западносибирского города. Так, А. А. Люцидарская пришла к обоснованному выводу, что «именно служилому сословию принадлежала заслуга превращения Томска в торгово-промышленный центр». В. Н. Курилов аналогичным образом доказал «ведущую роль» приборных служилых «в развитии Тюмени как торгово-промышленного центра»⁵².

Видная роль служилого населения в экономической жизни западносибирских городов никогда не вызывала сомнений и у автора этих строк⁵³. Поэтому

нет никаких оснований противопоставлять его точку зрения по данному вопросу мнению «большинства исследователей»⁵⁴.

Действительно несколько особую позицию здесь занимает исследователь истории западносибирского казачества А. Р. Ивонин, но его расхождения с «большинством исследователей» по этому вопросу скорее терминологического, чем принципиального характера. Отмечая большой вклад городовых казаков в экономическое развитие Западной Сибири рубежа XVII и XVIII в., А. Р. Ивонин не считает при этом возможным говорить об их ведущей роли в хозяйственной жизни региона ни на одном из этапов его развития, ибо «торгово-промышленная деятельность казаков не имела исторической перспективы...». «Превращение городов Сибири в центры ремесла и торговли шло одновременно с „преодолением“ казачьих торгов и промыслов», — подчеркивает исследователь, упрекая историков сибирского города в том, что ими «не всегда достаточно четко проводится различие между *численным преобладанием* представителей той или иной социальной группы (например, в сфере ремесла) и ее *ведущей* (то есть наиболее полно отвечающей потребностям развития, наиболее полно их выражающей) ролью»⁵⁵.

Определенный резон в таком подходе, несомненно, есть: давая оценки тем или иным явлениям, нельзя упускать из виду историческую перспективу. Однако и абсолютизировать этот принцип вряд ли правомерно. На определенных этапах исторического развития роль той или иной социальной группы в том или ином процессе может и уменьшаться, и увеличиваться с изменением численности этой группы (вплоть до ее исчезновения), и не зависеть от нее. И было бы, например, странным считать деятельность посадских людей в экономической жизни какого-нибудь города «ведущей», если их было там всего несколько человек со скромными «капиталами», лишь на том основании, что торги и промыслы нескольких десятков проживавших там же служилых не имели даже при значительном размахе «исторической перспективы». А ведь в Сибири были и такие города, где посадских людей долгое время не было совсем, а все городское ремесло (пусть и слабо развитое) и вся торговля сосредоточивались в руках служилого населения. Кому же в таком случае принадлежала ведущая роль в экономике города на данном этапе его развития?

Как бы то ни было, в целом по Сибири XVII в. приборные служилые, видимо, внесли в развитие городских торгов и промыслов больший вклад, чем посадские люди. Такое положение, кстати, для XVII в. не уникально, а достаточно характерно и для других окраинных областей России, в том числе на юге⁵⁶. Но закономерен вопрос: всегда ли можно на этом основании считать приборных служилых экономически активной категорией населения, как это делает большинство исследователей сибирского города XVII в.?⁵⁷

Достаточно полную и объективную картину здесь могут дать лишь документы массового учета и вообще те источники, анализ которых позволяет получить сведения статистического характера. Попытаемся обратиться именно к ним. В нашем распоряжении имеется прекрасный материал для изучения степени охвата торгово-промышленной деятельностью различных категорий городского населения Сибири. Это так называемые «сборные книги десятой деньги», составленные во второй половине XVII — начале XVIII в. в ходе обложения торгово-промышленного населения 10-процентным налогом («с рубля по гривне») от общей стоимости принадлежащих им средств труда или торговли. Основой обложения являлись «сказки» самих жителей, а организация сбора «сказок» и «десятой деньги» обычно поручалась значительному числу выбранных из той же социальной среды «окладчиков».

По нашим подсчетам, в «сборной книге» Тобольска 1655 г. упомянуто 124 служилых человека, а это значит, что служилые по прибору, принимавшие активное участие в экономической жизни сибирской столицы, составляли в середине XVII в. лишь 12% общего их числа⁵⁸. К концу же XVII в., как установил О. Н. Вилков, в торги и промыслы было втянуто всего 17% состава тобольского гарнизона⁵⁹.

Подсчеты показали, что в «сборной книге десятой деньги» Тюмени 1701 г. в качестве торговцев, ремесленников и «промышленников» названо 173 ратных человека, общая же численность приборных служилых тюменского гарнизона в том году составляла (без юртовских служилых татар) 759 человек⁶⁰. Таким образом, к торгово-промышленному населению Тюмени в конце XVII — начале XVIII в. можно было отнести лишь 23% ее приборных служилых.

По нашим подсчетам, в Верхотурье из 110 приборных служилых «по торгам и промыслам» было обложено «десятой деньгой» в 1687/88 г. 38 человек (около 35%), а в 1701 г. — 33 (30%)⁶¹. В Туринске в 1655 г. в «сборную книгу» по промыслам оказался записан 21 приборный служилый, т. е. 37% состава немногочисленного гарнизона этого города⁶², а в Таре в том же году служилые люди в своих «сказках» заявили, что «никакими торговами не торгуют и никакими промыслами не промышляют» (лишь один пятидесятник сообщил, что «ходит по соль» и имеет «рыбные ловли»)⁶³.

Нельзя, разумеется, полностью доверять подобным показаниям. Например, у некоторых тарских служилых, согласно тем же «сказкам», имелись и «товары», и «кабалы» (правда, на небольшие суммы — 1,5—3 руб.), но если на этом основании отнести их к торгово-промышленному населению, то для Тары 1655 г. мы получим всего 57 человек (из которых «товары» были лишь у пяти), что не составит и 10% общей численности тарского гарнизона в то время.

Думается, однако, что в целом «сказки» сибирских служилых людей о «торгах и промыслах» отражают верную картину. В частности, о слабом развитии экономики Тары (город стоял далеко от торговых путей и близко к вражеским кочевьям) свидетельствуют и другие источники⁶⁴. Утаить же от выбранных из своей среды «окладчиков» сколько-нибудь хорошо поставленные «торги и промыслы» было практически невозможно. Н. Б. Голикова, изучив аналогичные источники, подчеркнула, что «попытки преуменьшить свой капитал... не могли выходить за определенные рамки, вне пределов которых контраст между показаниями и фактическим состоянием мог бы сразу быть замечен»⁶⁵. И с этим нельзя не согласиться.

Во время сбора «десятой деньги» часть служилых могла, правда, отсутствовать в городе, находясь на всякого рода «дальнних», «отъезжих» службах. Такие отсутствия были обычным явлением в жизни сибирских гарнизонов и, конечно же, должны учитываться. Известно, однако, что загруженность гарнизонов «дальными посылками» не была одинаковой в течение года⁶⁶, и вряд ли местная администрация выбирала для сбора «десятой деньги» времена, когда служилые из городов «разъезжались» по службам, а не «съезжались» с них. В Туринске, например, «десятую деньги» в 1655 г. со служилых собирали с 24 сентября по 7 ноября⁶⁷, а в Таре они подавали «сказки» в конце сентября и различных числах октября того же года. Осенние месяцы в «пашенных» городах Западной Сибири как раз и были временем, когда служилые люди «съезжались» со служб⁶⁸, таким образом, и сроки, и порядок проведения переписей гарантировали проводимым сборам максимальную полноту, и показательно, что в той же Таре в 1655 г. переписью оказалось охвачено 552 человека — около 77% состава гарнизона.

От «сборных книг», разумеется, нельзя ожидать абсолютного охвата торгово-промышленного населения и большой точности в оценке его «капиталов», но при всех вариантах критики этого источника, учитывая в том числе и неполноту сообщаемой им информации, следует признать, что большинство западносибирских служилых стояли в стороне от широкой и активной (т. е. ведущейся в заметных размерах) торгово-промышленной деятельности и не занимались постоянно ни «торгами», ни «промышленами». Следовательно, мнение об активном участии западносибирских служилых в торгово-промышленных занятиях не подтверждается конкретно-историческим материалом и потому неправомерно.

Отметим в этой связи некоторую непоследовательность (или, может быть, просто терминологическую нечеткость) уже упоминавшейся работы А. Р. Иво-

нина. Справедливо подчеркивая то обстоятельство, что большинство городовых казаков Западной Сибири на рубеже XVII и XVIII вв. не принимали участия в развитии местных ремесел, торговли и земледелия, А. Р. Ивонин вместе с тем считает возможным говорить об их «высокой активности» в хозяйственной жизни⁶⁹. Получается явно логическое противоречие.

Столь же неправомерно и допускаемое некоторыми исследователями отождествление понятий «торгово-промышленная активность» и «вклад в развитие торговли и ремесла», проведение прямой связи между ними⁷⁰. Непосредственный вклад какой-либо категории населения в экономическое развитие своего города мог быть значительным при слабой в целом ее торгово-промышленной активности и наоборот. Все зависело прежде всего от численного соотношения этой социальной группы с другими и с той ее частью, которая более или менее постоянно занималась «торгами и промыслами». Стрельцы какого-нибудь города в большинстве своем могли стоять в стороне от его хозяйственной жизни, но при этом вносить по сравнению с посадскими людьми в развитие городской экономики больший вклад (если, например, число стрельцов, занятых «торгами и промыслами», превышало численность посадского населения, как это нередко было в Сибири⁷¹).

* * *

Торгово-промышленная активность служилых упомянутых выше западносибирских городов не представляла собой исключения на общесибирском фоне. Так, в Красноярске в середине XVII в., как выяснил еще С. В. Бахрушин, лишь 18 служилых (примерно из 350) занимались торговлей, причем 15 из них определяли свои предприятия как «базарный небольшой промышилко и торжишко»⁷².

П. Н. Павлов убедился, что в пушном промысле, наиболее привлекавшем служилых, была занята меньшая их часть. «Большинство служилых людей,— заключает исследователь,— даже в восточных уездах совсем не участвовало в промысле и перекупке пушнины»⁷³.

В Березове и Сургуте, как полагает Н. А. Миненко, деятельность казаков, связанная с «мастерствами», носила нерегулярный характер⁷⁴. Характерно, что при сборе «десятой деньги» в 1703 г. сургутские служилые облагались не по «торгам и промыслам» (которых просто не оказалось), а по «пожиткам» (в большинстве случаев, кстати, не превышавшим рубля)⁷⁵.

Особая позиция по этому вопросу выявилась у известного исследователя арктического судоходства и русских географических открытий XVII в. М. И. Белова. В своем кратком очерке «Газовские стрельцы» в коллективной монографии, подводящей итог многолетнего (прежде всего археологического) изучения заполярного сибирского города Мангазеи⁷⁶, М. И. Белов пришел к заключению о тесной связи мангазейских стрельцов с посадскими людьми. Ее наличие он обосновал фактами привлечения стрельцов наряду с «жилецкими» и «торговыми» людьми к работам по строительству казенных зданий (гостиного, воеводского дворов, съезжей избы и т. д.), а также факторами, имевшими, по его мнению, обще-русский характер. Ссылаясь на упомянутую выше работу Н. И. Павлицкой, М. И. Белов утверждал, что в 30—70-х гг. XVII в. московские стрельцы «по существу превратились в ремесленников». «Таким образом,— заключает исследователь,— из военной организации стрельцы превратились в почти гражданскую, близкую к посаду и отстаивающую его интересы... Подобный же процесс срастания стрельцов с посадом отмечен и в Мангазее». В обосновании своей точки зрения М. И. Белов не пошел далее отдельных «примеров участия» стрельцов в торговле и промыслах. Но даже если они и были действительно «довольно часты» (что, однако, совсем не вытекает из исследования), их еще никак нельзя считать доказательством постоянного и массового участия мангазейских стрельцов в торговле и ремесленном производстве. Тут необходимы дополнительные

изыскания с обязательным привлечением источников статистического характера.

Как бы в итоге ни решился вопрос о степени вовлечения служилых людей Мангазеи в торги и промыслы, совершенно очевидно, что чаще всего в Сибири мы получаем картину, близкую той, какую дал на основании стрелецких «сказок» С. Л. Марголин в отношении ряда городов Европейской России: Гдова, Опочки, Ладоги, Изборска, Твери, а также таких крупных военных центров, как Новгород и Псков⁷⁷. Но не только. Аналогичная ситуация отмечена и применительно к некоторым городам Поволжья и юга России. Например, в Казани XVI в. ремеслом было занято 13% стрельцов, а торговлей — 7%; в Туле, по данным В. А. Александрова, «торгово-ремесленной деятельностью занималась лишь пятая часть стрельцов»; в Смоленске в 1609 г., как сообщает Д. П. Маковский, из 200 указанных в списках приказной избы стрельцов ремесленников было 45⁷⁸.

Видимо, как в Сибири, так и во многих других районах Русского государства XVI—XVII вв., причины, препятствовавшие приобщению приборных служилых к активной хозяйственной деятельности, часто оказывались сильнее факторов, стимулировавших такое приобщение.

В документах XVI—XVII вв. нередко можно встретить сообщения о недостаточности жалованья для обеспечения семей служилых людей всем необходимым⁷⁹, и стремление стрельцов или казаков найти дополнительные источники существования выглядит естественным и вполне объяснимым. Но излишне доказывать, что развитие «торгов и промыслов» приборных служилых требовало прежде всего соответствующих экономико-географических и политических условий. Никакие привилегии не могли широко вовлечь служилых в ремесло и торговлю, если их город находился далеко от торговых путей и не имел прочных хозяйственных связей с окружной (т. е. являлся административным центром и крепостью, а не городом в социально-экономическом значении этого слова). Нельзя ожидать включения большинства служилых в активную торговую-промышленную деятельность и в том случае, если их численность в каком-либо городе в силу его особого стратегического или административного значения была слишком велика, чтобы все обладавшие ремесленными навыками жители могли найти себе заказчика и преодолеть конкуренцию заезжих купцов. Но если в городе существовали вполне благоприятные для торгово-ремесленной деятельности условия, то и здесь имелось немало причин, препятствовавших активному включению служилых по прибору в «торги и промыслы».

Надо заметить, что приобщение к хозяйственной деятельности в известной мере облегчал сам характер отбывания приборными людьми службы: он предполагал поочередность выполнения обязанностей, позволял откупаться от многих из них, нанимая вместо себя других людей. Однако служба являлась и главным препятствием для хозяйственной деятельности стрельцов и казаков, ибо круг их обязанностей был очень широк (особенно на малонаселенных окраинах), а очередность «служб» часто нарушалась⁸⁰. Хозяйственная деятельность служилого человека в любой момент могла быть прервана, в условиях же общей экономической неустойчивости и сравнительной узости рынка частое нарушение связей с торгом и посадом, как справедливо отметил С. Л. Марголин, не могло не явиться серьезным препятствием для развития торгово-промышленной деятельности⁸¹.

Кроме того, далеко не у каждого служилого человека имелись ремесленные и промысловые навыки. И сколь ни мало было у приборных людей жалованье, оно все же служило важным источником их существования даже при нерегулярной и неполной выплате, и тем более, если выплачивалось большинству служилых полностью и в срок, как это, например, было в городах Тобольского разряда до конца 60-х гг. XVII в.⁸²

Иностранец (видимо, немецкий офицер на русской службе), находившийся в Тобольске около 1666 г., заметил, что служилые люди этого города «ленивы и не хотят работать», потому что «получают каждый свое годовое жалованье»

и «полагаются на дешевизну всего, особенно же прекрасной рыбы»⁸³. Вряд ли такое наблюдение было случайным.

Основания для подобных суждений, действительно, имелись, хотя было бы, разумеется, рискованно доверяться им целиком. Исходя из годовых норм потребления хлеба и цен на основные виды товаров, можно произвести элементарные подсчеты и убедиться, что большинство семей служилых несмотря на жалованье было крайне заинтересовано в дополнительных источниках существования⁸⁴. Но найти их можно было не в одних лишь ремесле и торговле.

Известно, что не только на южной окраине, но и в некоторых районах Российской «глубинки» (преимущественно в «тихих», со сравнительно малочисленными гарнизонами городах) приборные люди не получали постоянного жалованья и жили на абсолютно законных основаниях лишь «с земли» и «промышлов». О практически поголовном и активном участии таких служилых в экономической жизни своего города и уезда сомневаться не приходится, только вот данные о хозяйственных занятиях служилого населения и в этом случае показывают, что они никак не ограничивались торговлей и ремеслом, а имели довольно широкий (в пределах возможностей города) диапазон.

Так, владимирским стрельцам вместо денежного жалованья были вполне официально даны «лавочные и каменные места и сусленой и квасной промысел, а вместо хлебного жалованья... земля и сенные покосы»⁸⁵. В небольшом волжском городе Васильсурске в 1664 г. было всего 34 стрельца. Все они, по словам Н. А. Баклановой, «получали вместо денежного и хлебного жалованья пашню и сенные покосы, на которых... сами работали или сдавали бобылям». В целом же «в Васильсурске, как и в других поволжских городах, чрезвычайно резко оказывается зависимость жителей от Волги. Значительная часть населения занималась работать на волжские суда...»⁸⁶. Характерно, что И. В. Степанов, исследовав еще в 1930-х гг. положение нижневолжских стрельцов XVII в., пришел к следующему выводу: «Хозяйственная деятельность большей части их в условиях большого спроса на рабочую силу выражалась в работе по найму на рыбных и соляных промыслах и волжских судах»⁸⁷. Участие нижневолжских стрельцов в работах по найму, а также в таких «промыслах», как рыбная ловля, соледобыча, садоводство и огородничество, отмечалось (естественно, наряду с торговлей, откупами и ремеслом) и в капитальной монографии Н. Б. Голиковой о населении городов Астраханского края конца XVII — начала XVIII в.⁸⁸ Во многих же других городах Европейской России дополнительные средства обеспечения большинству приборных служилых вообще давали в основном лишь спорадические приработки⁸⁹.

Хлебопашеством, как известно, приборные служилые нередко занимались и в Сибири. В частности, в пригодных для него уездах Тобольского разряда — Верхотурском, Туринском, Тюменском, Тобольском, Пельмском и Тарском — к концу XVII в. пашни в общей сложности имели около 30% служилых людей (эта область хозяйственной деятельности выходит за рамки данной статьи, но также исследовалась автором)⁹⁰. Однако наряду с «торгами и промыслами» и помимо хлебопашства у служилого населения Западной Сибири имелось еще немало путей и способов для улучшения своего материального положения. Они также находят отражение в источниках, но плохо поддаются статистической обработке. Сибирские служилые, подобно своим собратьям из Европейской России, заменяли за плату своих товарищ в «караулах» и «посылках», продавали захваченную в военных походах добычу, устраивались площадными подъячими, занимались на работу, не требовавшую ремесленной квалификации: пасли скот, возили дрова на казенные нужды, заготовляли веники к «государеве бане» и даже (тут уже своя специфика) работали по найму вместо крестьян на казенной («десятинной») пашне⁹¹. Наконец, видимо, почти каждая служилая семья имела при своих дворах домашний скот и птицу, огороды⁹², и редкие из нуждавшихся в дополнительных источниках существования служилых не ловили рыбу «про свой обиход» — богатства сибирских озер и рек того времени хорошо известны⁹³.

Вряд ли деятельность такого рода можно безоговорочно называть «торгово-промышленной». С торгово-промышленным населением Русского государства приборных служилых не сближали ни подобные занятия, ни, например, распространившаяся в конце XVII в. в Сибири практика продажи полученных в счет жалованья «товаров», носившая характер простого обмена натуральной части окладов на деньги, ни совершившиеся время от времени торговые сделки другого рода.⁹⁴

Так можно ли говорить о сходстве большинства приборных служилых западносибирских городов с посадскими людьми по своему социально-экономическому положению? Если в качестве сближающего эти категории населения призыва выдвигать широкое и «повседневное» (по выражению М. Н. Тихомирова)⁹⁵ занятие служилых ремеслом и торговлей, то на поставленный вопрос следует дать отрицательный ответ. Хозяйственные занятия большинства стрельцов и казаков Сибири XVII в. не соответствуют традиционному представлению о городовых приборных людях, как постоянно торгующей и «промышляющей» ремеслами социальной группе. Не исключено, что диапазон побочных занятий большинства приборных людей русского города в XVI—XVII вв. вообще не отличался стабильностью и был слишком широк, чтобы сблизить их с какой-то одной категорией населения феодальной России. Это, впрочем, только рабочая гипотеза. Пока несомненно лишь то, что по характеру хозяйственных занятий одни группы мелких служилых близки крестьянам, другие посадским, третий промышленным или гуляющим людям, а часть приборных служилых отличалась от всех названных слоев. Численное соотношение всех этих групп в различных регионах в различные хронологические периоды было разным, и выяснение его — одна из первоочередных задач в исследовании социальной природы приборного войска.

Примечания

¹ Ключевский В. О. История сословий в России. Пг., 1918. С. 168; его же. Сочинения. Т. 6. М., 1959. С. 411—412; Барщевский С. В., Новосельский А. А. Московское восстание 1648 г. // История Москвы. Т. 1. М., 1952. С. 577—578; Беляевский М. Т. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник МГУ: Истор. 1970. № 2. С. 68—70; Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 23; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 243; Скобелкин О. В. Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII в.: Автoref. канд. дис. Воронеж, 1986. С. 20; Глазьев В. Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII в. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма.— Воронеж, 1987. С. 32.

² Беляевский М. Т. Указ. соч. С. 68—70; Демидов Н. Ф. Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. 1972. Т. 90. С. 332.

³ Буганов В. И. Об оценке Московского восстания 1682 г. (По поводу рецензии Н. И. Павленко) // История СССР. 1973. № 2. С. 241; Голиков Н. Б. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М., 1975. С. 60; Скобелкин О. В. Указ. соч. С. 20.

⁴ Павленко Н. И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г./По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.» (М., 1969) // История СССР. 1971. № 3. С. 79, 81, 94.

⁵ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 80.

⁶ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 293—296; Александров В. А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 294; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. С. 57; Швецова Е. А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х гг. XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964; ее же. Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. // Там же. 1964. Кишинев, 1966; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 30.

⁷ Устрилов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 21—22.

⁸ Борцовский П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII ст. (по русским и иностранным памятникам). М., 1882. С. 27.

⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 50—51.

¹⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909. С. 216.

¹¹ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 326.

¹² Там же. С. 336.

¹³ Там же. С. 218—219, 305.

¹⁴ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Вып. 1. Киев, 1917. С. 27.

¹⁵ Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 4. М., 1910. С. 62—83; его же. Управление Москвой в XVI—XVII вв. // Там же. Вып. 3. С. 81—96; Богословский М. М. Состав московского населения в XVI—XVII вв. // Там же. С. 44—45; Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. // Там же. Вып. 6. С. 5—67.

¹⁶ Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.

¹⁷ Уподобление стрельцов турецким янычарам имеет давнюю традицию. По различным поводам такое сравнение проводили иностранные наблюдатели в XVII в., а в начале XVIII в.—авторы «Гистории Свейской войны» (см.: Марголин С. Л. Вооружение стрелецкого войска // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 20. М., 1948. С. 93—94).

¹⁸ Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. (Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича). М., 1937. С. 295.

¹⁹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 5. Пг., 1922. С. 59.

²⁰ Покровский М. Н. Стрельцы // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41, V. М., 1927. С. 16—19.

²¹ См., напр.: Тихомиров Н. Н. Народные движения в России до XIX в. Историко-социологические очерки. М., 1924. С. 110; его же. Крестьянская революция на Руси в XVII в.: Исторический очерк. М.; Л., 1927. С. 71; Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. Ч. 1. М.; Л., 1934. С. 207.

²² Штраух А. Н. Стрелецкий бунт 1682 г. М., 1928. С. 16, 54.

²³ Тихомиров Б. Н. Разинщина. М.; Л., 1930. С. 27; Богоявленский С. К. Хованщина // Исторические записки.—1941. Т. 10. С. 181—182; История Москвы. Т. 1. М., 1952. С. 480—484; Калинчев Ф. И. Русское войско во второй половине XVII в. // Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. Вып. 2. М., 1954. С. 75; Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 305.

²⁴ Правда, 1937, 22 августа.

²⁵ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 83.

²⁶ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947—1948. Т. 1. С. 196—197; Т. 2. С. 625—626.

²⁷ Богоявленский С. К. Хованщина, с. 181—182. См. также написанный им раздел в кн. «История Москвы», т. 1 (с. 480—484).

²⁸ Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. М.; Л., 1935; его же. Новгородское восстание 1650 г. // Исторические записки. 1940. Т. 7.

²⁹ Его же. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 41, 141.

³⁰ Шунков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1649 гг. // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 102—117.

³¹ Павликая Н. И. Исторические судьбы стрелецкого войска во второй половине XVII в.: Рукопись канд. дис. ЛГУ, 1941.

³² Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в.—центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 21, 58.

³³ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954. С. 163.

³⁴ Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки Московского обл. пед. ин-та. 1954. Т. 27. Вып. 2. С. 74.

³⁵ Там же. С. 77—78.

³⁶ Александрев В. А. Стрелецкой войско на юге Русского государства в XVII в.: Рукопись канд. дис. М., 1947. С. 208, 327—328, 342, 369—370.

³⁷ Чистякова Е. В. Ремесло и торговля на воронежском посаде в середине XVII в. // Труды Воронежского ун-та. 1954. Т. 25. С. 50, 61.

³⁸ Очерки истории Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 1957. С. 134.

³⁹ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 184.

⁴⁰ Буганов В. И. К истории Московского восстания 1682 г. // Города феодальной России; его же. Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. М., 1969; его же. Московские восстания конца XVII в.; Голиков А. Н. Б. Очерки по истории городов Нижнего Поволжья в конце XVII—I четверти XVIII в.; Автореф. докт. дис. М., 1970.

⁴¹ Буганов В. И. Стрелецкое восстание 1698 г. ... С. 45—46; его же. Московские восстания конца XVII в. С. 80.

⁴² Павленко Н. И. Об оценке стрелецкого восстания 1692 г./По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.» М., 1969 // История СССР. 1971. № 3.

⁴³ Там же. С. 79.

⁴⁴ Буганов В. И. Об оценке Московского восстания 1682 г. По поводу рецензии Н. И. Павленко // История СССР. 1973. № 2. С. 241.

⁴⁵ Там же. С. 240.

- ⁴⁶ О г л о б л и н Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 154.
- ⁴⁷ Г о л о в а ч е в М. П. Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в. // Тюмень в XVII ст. М., 1903. С. 161.
- ⁴⁸ З а о з е р с к а я Е. И. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 76.
- ⁴⁹ К а б о Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX в.). М., 1949. С. 57.
- ⁵⁰ См.: Вопросы географии: Сб. 20, М., 1950. С. 304.
- ⁵¹ Л е о н т ѿ в а Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. канд. дис. М., 1972. С. 16.
- ⁵² Л ю ц и д а р с к а я А. А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. Новосибирск. 1972. С. 14; К у р и л о в В. Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 86.
- ⁵³ См.: Н и к и т и н Н. И. Торгово-промышленная деятельность военно-служилых людей Тобольска в середине XVII в. // Проблемы отечественной истории: Сб. статей аспирантов и соискателей Ин-та истории АН СССР. Ч. 1. М., 1973. С. 6—7, 18; е г о ж е. Торги и промыслы служилых людей Западной Сибири в XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв.: Сб. ст. М., 1983. С. 19—20.
- ⁵⁴ К в е ц и н с к а я Т. Е. Русская и советская историография торговли городов Сибири XVII в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX в. Новосибирск, 1987. С. 218.
- ⁵⁵ И в о н и н А. Р. Городовое казачество Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX в.: Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1987. С. 5, 17.
- ⁵⁶ См., напр.: Ш в е ц о в а Е. А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. С. 213; З а г о р о в с к и й В. П. Указ. соч. С. 35. Характерен следующий отрывок из жалобы Владимирской чети Пушкарскому приказу в 1636 г.: «А в Переяславле Рязанском то и торговых людей, что пушкари и затинщики» (цит. по: В е с е л о в с к и й С. Б. Помадская соха в первой половине XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 5. С. 5—6.).
- ⁵⁷ К у р и л о в В. Н. Указ. соч. С. 84; Л ю ц и д а р с к а я А. А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 66; Л е о н т ѿ в а Г. А. Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII — первой четверти XVIII в. (историография).// Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в. Новосибирск, 1984. С. 118; К в е ц и н с к а я Т. Е. Указ. соч. С. 217.
- ⁵⁸ Подсчитано по: Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII ст. М., 1885. С. 36—42; ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 312. Л. 210—218, 228 об.—229.
- ⁵⁹ В и л к о в О. Н. Социальная структура сибирского города XVII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 2. № 6. Новосибирск, 1970. С. 35; е г о ж е. Тобольск — административно-демографический, ремесленный и торговый центр Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 2. Новосибирск, 1971. С. 25..
- ⁶⁰ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 471. Л. 31 и сл., 565 и сл.
- ⁶¹ Там же. Кн. 885. Л. 1—17.
- ⁶² Там же. Кн. 861. Л. 156 об.—191.
- ⁶³ Там же. Стб. 489. Л. 2—554, 228.
- ⁶⁴ Прежде всего дозорные книги (см., напр.: там же. Кн. 5. Л. 234 и сл.).
- ⁶⁵ Г о л и к о в а Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982. С. 80.
- ⁶⁶ См.: М и л л е р Г.-Ф. История Сибири. Т. 2. М.—Л., 1941. Приложения. № 61. С. 196; № 410. С. 490.
- ⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 861. Л. 161 и сл.
- ⁶⁸ См.: Б у ц и н с к и й П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 157; Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссию (далее — РИБ). Т. 8. СПб., 1884. Стб. 464.
- ⁶⁹ И в о н и н А. Р. Указ. соч. С. 15—18.
- ⁷⁰ К в е ц и н с к а я Т. Е. Указ. соч. С. 218.
- ⁷¹ Как писал В. И. Шунков, «в конце XVII в. посадских людей по всей Сибири насчитывали лишь 2500 человек, т. е. почти в пять раз меньше, нежели военного населения» (Очерки истории СССР. XVII в. С. 861).
- ⁷² Б а х р у ш и н С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 78.
- ⁷³ П а в л о в П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск, 1965. С. 38.
- ⁷⁴ М и н е н к о Н. А. Березов и Сургут в XVIII — первой половине XIX в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). С. 107.
- ⁷⁵ См.: ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1326. Л. 509—520 об.
- ⁷⁶ Б е л о в М. И., О в с я н н и к о в О. В., С т а р к о в В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. Ч. 2. М., 1981. С. 6—7.

⁷⁷ Марголин С. Л. К вопросу об организации... С. 75—78.

⁷⁸ Пинегин М. Казань в прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. СПб., 1890. С. 97; Александров В. А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны.— М., 1967. С. 243; Города Смоленщины. Смоленск, 1948. С. 154.

⁷⁹ Пожалуй, один из наиболее красноречивых документов такого рода — челобитная царю служилых Тары 1629 г.: «И нам, холопьям твоим, в прежние годы, покамест женишками и детьшками не осеньянилися... хлебное жалование нам на год ставало, а как мы... женишками и детьшками осеньянилися, и нам... хлебнова жалованья на год наших окладов ставать не стало» (РИБ. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 569).

⁸⁰ Указаниями на эти нарушения буквально пестрят жалобы сибирских служилых. См., напр.: ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 76. Л. 195, 196, 198, 200, 202; Стб. 186. Л. 117; Стб. 977. Л. 17, 18, 21—24, 30—31, 33, 48; Стб. 1402. Л. 404—406.

⁸¹ Марголин С. Л. К вопросу об организации... С. 78.

⁸² См.: Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России: Сб. ст. М., 1985. С. 51—70.

⁸³ Алексеев М. П. Сибирь в извещениях западноевропейских путешественников и писателей. XIII—XVII вв. Изд. 2. Иркутск, 1941. С. 346.

⁸⁴ Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда. С. 52—53.

⁸⁵ При этом сусляной и квасной «промышлены», как следовало из переписи 1625—1626 гг., были у них в общем пользовании, а о том, как стрельцы реализовали свое право на «лавочные места», говорила следующая запись: «Лавки всяких чинов людей, торгуют всякими товары, а под лавками земля стрелецкая, нанимают те люди ту землю у стрельцов...» (Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 78—79).

⁸⁶ Бакланова Н. А. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в. // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 285—286.

⁸⁷ Степанов И. В. Промыслы и промысловые работные люди на Нижнем Поволжье в XVII в. Тезисы канд. дис. Л., 1939. С. 5—6.

⁸⁸ Голиков Н. Б. Очерки по истории городов России... С. 58—82.

⁸⁹ В Туле, где, напомним, ремеслом и торговлей занималась лишь пятая часть стрелецкого гарнизона, в 1637 г. стрельцы — московские сведенцы — сообщали об источниках своего существования: «Кормятца... которые мастеровые люди, своим промыслом, а которые беспромысленные, и те наймующа на караулы у своей братии, у промышленных людей». (Цит. по: Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1914. С. 40). Преобладание среди хозяйственных занятий стрельцов «черной работы» по найму в ряде городов Европейской России убедительно показал С. Л. Марголин (Марголин С. Л. К вопросу об организации... С. 77—78).

⁹⁰ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 141—167.

⁹¹ См.: Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. 2, С. 585—586; Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 2. М., 1897. С. 103; его же. Происхождение провинциальных подьячих XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. С. 144; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972. С. 89; ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 186. Л. 155; Кн. 966. Л. 171 об., 258 об.—271 об.

⁹² Так, тюменская и тарская переписные книги 1700—1701 гг. регистрируют домашний скот у подавляющего большинства служилых; даже в северных сибирских городах (например, Сургуте) источники отмечают наличие у казаков коров и иной «животины». Часто встречаются и упоминания об огородах сибирских служилых (См.: Буцинский П. Н. Заселение Сибири... С. 140; Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 2. С. 137; Ч. 3. С. 228; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М., 1965. С. 12; ЦГАДА. Ф. 214. Кн. 1276, 1182; Стб. 76. Л. 204; Стб. 186. Л. 154—155; Стб. 8. Л. 90).

⁹³ Особенно часто занимались рыбной ловлей (а также охотой) служилые северных сибирских городов, где не было условий ни для хлебопашества, ни для широкого развития ремесла и торговли. Примечательно наблюдение, сделанное уже в середине XIX в. Ю. А. Гагемайстером. Он отметил, что из городовых казаков Сибири «осанкой и расторопностью отличаются пред всеми березовские и сургутские, закаленные с малолетства трудами, переносимыми при ловле зверей и рыбы» (Гагемайстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 83.).

⁹⁴ Сибирским служилым, например, приходилось, «подымаясь на службу», покупать или продавать «всякое скотинишко, и платьишко, запунишка и щубенка» (РИБ. Т. 8. № 11. Стб. 571).

⁹⁵ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 141.

РУСЬ И ГЕРМАНИЯ ПРИ СВЯТОСЛАВЕ ИГОРЕВИЧЕ

История правления Святослава (после 959—972) более, чем любого другого князя, есть история внешней политики Руси. Ареал ее широк, но в то же время четко очерчен — это Волга, Кавказ, Балканы. И хазарской, и балканской войнам Святослава посвящена немалая литература, и она продолжает пополняться¹. Значительно реже исследователи задумываются о том, что грандиозная по размаху, притом последовательная и, несомненно, хорошо продуманная военно-политическая² стратегия этого незаурядного государственного деятеля вне связи с общеевропейским политическим контекстом осуществляется едва ли могла. Так, например, бесспорно, что многие обстоятельства как предыстория балканских войн Святослава 968—971 гг., так и самого русско-болгаро-византийского конфликта не могут быть правильно и до конца поняты без учета византийско-германских отношений той поры³. Поэтому ясно, что Западная империя саксонских королей так или иначе должна была быть в поле зрения киевского князя. Между тем ни в Повести временных лет, ни в иностранных (главным образом византийских и отчасти восточных) источниках, на которых основаны наши знания о русско-византийской войне при Святославе⁴, никаких сведений о сношениях между Русью и Германией в ту пору нет. Понятно, что и в историографии о внешней политике Святослава тема взаимоотношений Руси с «латинским Западом» полностью отсутствует. Было отмечено только, что военные действия против Византии Святослава во Фракии и Оттона I на юге Италии летом 970 г. удивительным образом синхронны⁵. Этот скучный историографический итог еще раз дает повод «с ужасом думать о той хрупкой фактической основе, на которой возводим мы здание средневековой истории русской внешней политики»⁶.

Одновременная война против Византии в 970 г. делала Русь и Германскую империю фактическими союзниками. Было ли это обстоятельство случайным совпадением или результатом договоренности? Если верно последнее, то когда и в связи с чем возникли дипломатические сношения Германии и Руси при Святославе? Объяснялись ли они только специфическими хитросплетениями политической конъюнктуры или были стабильным звеном во внешней политике обоих государств? Мы впервые решаемся поставить эти вопросы, которые были бы обречены остаться без ответа, если бы мы не надеялись значительно расширить базу исследования за счет немецких источников, благодаря которым нам известно о тесных политических контактах между Русью и Германией как до Святослава, в правление его матери княгини Ольги (944/945 — после 959), так и сразу после его гибели, в первые годы княжения Ярополка Святославича (972—978).

Следует сразу оговориться, что прямых сведений о русско-германских политических связях при Святославе нет и в немецких материалах, иначе они, разумеется, были бы давно замечены историками. В то же время внимательный анализ этих материалов помогает выявить ряд новых, пусть косвенных, но довольно красноречивых данных, которые, по нашему мнению, позволяют предпо-

Назаренко Александр Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

лагать известный континуитет и цельность внешнеполитических связей Древней Руси и Западной империи в течение десятилетий, предшествовавших официальному крещению Руси при Владимире Святославиче в 988 г.

Как известно, в 959 г. Ольга отправила к германскому королю Оттону I (936—973) посольство с просьбой назначить для Руси епископа и священников. Отбывшая в 961 г. в Киев миссия во главе с членом королевской капеллы Адальбертом, поставленным в епископы Руси, успеха не имела, и уже в следующем году Адальберт вернулся в Германию⁷. В науке существуют различные точки зрения относительно целей, которые могла своим посольством в Германию преследовать киевская княгиня, равно как и относительно причин неудачи миссии Адальберта. Здесь не место вдаваться в эти различия⁸. Важно другое. Как бы ни расценивать акцию Ольги, надо признать, что за ней стояли определенные политические силы при киевском дворе, стояла, условно выражаясь, партия княгини Ольги, т. е. партия христианская, партия «внутреннего устроения», которой обычно приписывают произошедшие в правление Ольги административные преобразования. Оттону, конечно же, было ясно, что прохристианская группировка в Киеве, пусть и отодвинутая в первой половине 60-х гг. на второй план языческой партией возмужавшего Святослава, продолжала существовать. Следовательно, неуспех Адальберта не мог тогда рассматриваться в Германии как безупречный и окончательный. Логично думать поэтому, что Русь как фактор международной политики и именно в смысле возможного восстановления церковно-политических связей между ней и Германией должна была так или иначе учитываться в масштабной внешнеполитической программе германского императора периода его третьего итальянского похода в 966—972 гг. Такое предположение тем более оправданно, что на имперском съезде в Кведлинбурге на Пасху 973 г., целью которого было продемонстрировать латинской Европе итоги урегулирования германо-византийских противоречий, среди других иностранных представительств присутствовало и русское посольство⁹.

Кведлинбургский съезд был мероприятием чрезвычайным. Это был апофеоз имперской политики Оттона I. Чопорный Константинополь наконец-то признал de jure за саксонским королем многообещающий титул императора; особый блеск новому императорскому двору придавало присутствие супруги соправителя и престолонаследника Оттона II гречанки Феофано, родственницы царствовавшего тогда вассалеса Иоанна Цимисхия (969—976). Несомненно, «имперская аура» придавала совершенно новое качество и восточной политике германского короля, направленной не в последнюю очередь на создание в государствах, лежавших за непосредственными границами Германского королевства, церковной организации, руководимой немецкими митрополиями. Так, в частности, в Кведлинбурге обсуждался вопрос об учреждении Пражской епископии. Значение Кведлинбургского съезда для северо- и центральноевропейских соседей новой империи очевидно уже из одного необычайно представительского списка иностранных посольств: кроме послов Ярополка Киевского здесь присутствовали лично польский князь Мешко I¹⁰ и чешский Болеслав II, посольства из Дании, Венгрии, Болгарии. В силу итогового характера Кведлинбургского съезда факт участия в нем представителей Руси как бы отсылает нас к предшествующим годам, т. е. к периоду правления Святослава. Выделив в политике Оттона I 966—972 гг., успех которой венчали кведлинбургские торжества, два стратегических направления: во-первых, борьбу за признание Византией в лице властного и несговорчивого узурпатора Никифора Фоки (963—969) императорского титула за германским королем и, как следствие, признание германского суверенитета над Центральной Италией, в том числе и Римом, а во-вторых, стремление учредить в Магдебурге митрополию с практически неограниченными миссионерскими полномочиями по отношению к славянским народам к востоку от Германии, нельзя не отметить, что оба эти направления вряд ли могли миновать Русь, которая, как уже говорилось, была фактическим союзником Оттона I.

в своей войне против Византии и, кроме того, с 959/960 г. формально являлась миссийной епископией, подчиненной немецкой церкви. Эти соображения помогают конкретизировать область нашего поиска.

Прежде всего важно ответить на два вопроса. Где проходила восточная граница миссийной Магдебургской митрополии в момент ее учреждения Оттоном I в 968 г.? Иными словами, мыслилась ли Русь в то время частью этой митрополии? И далее, поскольку первым магдебургским архиепископом стал, как известно, именно миссийный епископ Руси Адальберт, возникает другой вопрос: слушен ли такой высокий взлет миссионера-неудачника?

Начать необходимо с краткого очерка предыстории Магдебургской архиепископии. Впервые план устройства миссийной архиепископии для славян был представлен Оттоном I на рассмотрение папы в 955 г. Агапит II (946—955) одобрил его, оставив конкретную организацию митрополии на усмотрение короля — речь шла о переносе Хальберштадтской кафедры в Магдебург и о передаче подчинении ему Хафельбергской и Бранденбургской кафедр, входивших тогда в состав Майнцской митрополии. Единственным условием папы было соблюдение канонических правил, т. е. согласие на реорганизацию со стороны Майнца. Однако тогдашний майнцский архиепископ Вильгельм (954—968), внебрачный сын Оттона I и славянки, наотрез отказался поступиться частью своей епархии. Впрочем, через некоторое время, к 959—960 гг., компромисс между Оттоном и Вильгельмом был достигнут; во всяком случае, синод в Риме решением от 12 февраля 962 г., принятым в присутствии папы Иоанна XII (955—964) и только что коронованного императором Оттона I, подтвердил магдебургский проект. Адальберт тогда, скорее всего, еще не вернулся из Руси, и о неудаче его миссии в Риме известно не было¹¹. Но планам императора вновь не суждено было осуществиться, на этот раз из-за решительного сопротивления хальберштадтского епископа Бернхарда (924—968), который, согласно новой редакции проекта, должен был выделить Магдебургу часть территории своей епархии. Оттон предпочел выждать. 2 или 3 февраля 968 г.¹² престарелый Бернхард скончался, а его преемника Хильдеварда (968—996) император утвердил в должности только после того, как добился от него желаемых уступок. Как бы предчувствуя приближение решающего момента, император еще за год до смерти Бернхарда получил санкцию на создание Магдебургской митрополии от нового папы Иоанна XIII (965—972) на равенском синоде в апреле 967 г. Эта санкция была оформлена официально учредительными грамотами Иоанна XIII и Оттона I в октябре 968 г.

Вопрос о восточной границе Магдебургской архиепископии при Оттоне I спорен. Разногласия вызваны тем, что многие историки, следуя авторитетному суждению А. Бракманна, усматривают различие в формулировках на этот счет между решением римского синода при Иоанне XII в 962 г. и документами периода понтификата Иоанна XIII¹³. 12 февраля 962 г. папа предоставил Оттону I и его преемникам право основывать в стране славян «епископства по обстоятельствам и в подходящих местах», а будущему магдебургскому митрополиту — право рукополагать их¹⁴. Постановление равенского синода от 20 апреля 967 г. и формально, и по существу дела выглядит не более, чем возобновлением папской санкции 962 г.; никаких принципиально новых формулировок оно не содержит, а только уточнения: говорится о передаче Магдебургу Хафельбергской и Бранденбургской кафедр и об основании новых епископий, но не анонимных, а конкретно в Мерзебурге, Цайце и Майсене, равно как и в любом другом «подходящем месте, где благодаря их (магдебургских архиепископов.—А. Н.) проповеди произрастет христианство»¹⁵. В булле же, врученной Адальберту в Риме в связи с получением им паллия 18 октября 968 г., сказано, что магдебургскому митрополиту «подчиняются епископы в подходящих местах за Эльбой и Салой, как уже посвященные, так и подлежащие посвящению в будущем... дабы столь многочисленный славянский народ, недавно приобщенный к Богу, не оказался бы в пленах происков ненавистника веры, лукавого врага

[рода человеческого], чего да не будет»¹⁶. Согласно А. Бракманну и его сторонникам, документы Иоанна XIII ограничивают митрополию с востока Одером вследствие изменившегося взгляда курии на церковное подчинение христианизированной части Польши Магдебургу. Поскольку сам Оттон I в учредительной грамоте Магдебурга в 968 г. совершенно определенно высказывается в том смысле, что новой архиепископии подчиняются все славяне восточнее Эльбы, «как недавно обращенные, так и подлежащие обращению» в будущем¹⁷, то неизбежным следствием гипотезы А. Бракманна будет вывод о каком-то конфликте между императором и папой относительно Магдебурга¹⁸.

Прежде всего, нам кажется, неправомерно противопоставлять решения равеннского синода 967 г. постановлению римского синода 962 г., так как санкция, данная в 967 г. магдебургским архиепископам, основывать епископии везде, «где благодаря их проповеди произрастет христианство», явно несовместима с каким бы то ни было изначальным ограничением будущей епископии с востока¹⁹. Такое ограничение при известном желании можно было бы видеть только в буллах от октября 968 г., если придавать решающее значение словам о «славянском народе, **недавно** (подчеркнуто мной.—А. Н.) приобщенном к Богу». Тем самым тезис А. Бракманна сильно проигрывает, ибо по логике вещей следовало бы ожидать, что Иоанн XIII уже в булле 967 г. должен был бы высказать свое отношение к восточной границе Магдебургской митрополии, коль скоро оно отличалось от взгляда Иоанна XII. Главное, однако, в другом.

Трудно поверить в существование реальных противоречий между Оттоном I и Иоанном XIII, причем настолько принципиальных, что они отразились даже в официальных документах. Одно дело употреблять символические формулы в духе геласианского примата духовной власти над светской, не имевшие в X в. никакого реального содержания²⁰, и совсем другое дело — практически зачеркнуть далеко идущие планы императора в Центральной и Восточной Европе. Мыслить империю и папство второй половины X в. как две противоборствующие в европейском масштабе политические силы значило бы проецировать на эту эпоху отношения, сложившиеся только через столетие, в пору борьбы за инвеституру. Все, что мы знаем о папах X в., рисует их политиками, озабоченными практически исключительно борьбой партий и группировок в самом Риме; именно этими внутриполитическими обстоятельствами диктовались, как правило, и внешнеполитические союзы пап. В этом отношении Иоанн XIII является собой типичный пример. Он был избран в октябре 965 г. в присутствии императорских легатов²¹; изгнанный враждебной партией из Рима уже в декабре, Иоанн XIII возвратился на папский престол через год с военной помощью Оттона I²², папа был в полном смысле слова креатурой императора; их взаимопонимание было скреплено не только сотрудничеством в магдебургском вопросе, но и восстановлением папского суверенитета над рядом центрально-итальянских территорий, прежде всего Равенской областью (так называемый *patrimonium sancti Petri*)²³, а также коронацией Оттона II императором-соправителем в Риме на Рождество 967 г.²⁴ Неудивительно поэтому единодушные источников, свидетельствующих, что папа вернулся из Равенны в Рим в мае 967 г. «в великой радости»²⁵.

Итак, мы не видим достаточных оснований для утверждения о принципиальном различии позиций императора и папы в магдебургском вопросе. Позиция же Оттона I у историков споров не вызывает: издавая в конце 968 г. грамоту об учреждении Магдебургской архиепископии, император, как было указано, имел в виду всех славян, т. е. руководствовался представлением о Польше и Руси как потенциальной пастве нового миссионного архиепископства. По всей вероятности, такое представление сложилось уже в феврале 962 г., в эпоху издания санкции Иоанна XII, когда этот последний обсуждал с императором в соборе св. Петра вопросы «управления всем христианским миром»²⁶ и когда Адальберт еще не вернулся из Руси²⁷. Идея подвижности восточной границы Магдебургской митрополии как мотив имперской политики проявлялась и поз-

же, во второй половине X в. Так, в связи с ней, на наш взгляд, следует рассматривать возникновение в то время претензий Магдебурга на Познанскую церковь²⁸ и издание в декабре 995/996 г. Оттоном III (983—1002) подтвердительной грамоты Майсенской кафедре с продвинутой далеко в глубь Силезии и Чехии восточной границей²⁹. Видимо, стабилизацию восточной границы Магдебургской митрополии следует относить лишь ко времени учреждения польской архиепископии в Гнезне в 1000 г.

Но если в 968 г. император принципиально настаивал на разомкнутости восточной границы новой миссионной митрополии, то назначение ее главой именно безместного миссионного епископа Руси выглядит не случайным. Догадки о связи магдебургского проекта в редакции 968 г. с планами Оттона I относительно Руси высказывались неоднократно. Так, по мнению А. Бракманна, тот факт, что император остановил свой выбор на Адальберте, а не на каком-нибудь монахе из магдебургского монастыря св. Маврикия (которому этнополитическая ситуация между Эльбой и Одером была, разумеется, известна много лучше, чем Адальберту), свидетельствует о внимании в 968 г. Оттона I именно к дальним славянам³⁰. Этот продолжавшийся интерес германского императора к Киеву Т. Мантейфель объясняет неудачей германо-византийского сближения при Никифоре Фоке³¹. Однако этим общим соображениям не хватает определенности, основанной на анализе текстов, связанных с постановлением Адальберта. Обратимся же к текстам.

Отметим сначала одну многозначительную деталь в сообщении об Адальберте из хроники мерзебургского епископа Титмара (ум. в 1018 г.): император «возвел в архиепископское достоинство Адальберта, трирского монаха, **но** (подчеркнуто мной.— А. Н.) ранее назначенного епископом Руси и изгнанного оттуда язычниками»³². Между монашеством Адальберта и его назначением русским епископом нет никакого противоречия, поэтому «но» Титмара приходится понимать так, что в представлении хрониста противоречили друг другу старое и новое назначения Адальберта, т. е. он был поставлен на митрополию, несмотря на то, что прежде уже был рукоположен в епископы для Руси. С точки зрения канонического права, сомнения Титмара вполне понятны. Дело в том, что каждый отдельный случай перемены епископом своей кафедры нуждался в специальном правовом обосновании, так как связь между предстоятелем и его епархией мыслилась раз и навсегда данной и, вообще говоря, не подлежавшей расторжению³³. Это — одно из стабильных церковно-правовых установлений; оно содержалось уже в 14-м апостольском правиле, неоднократно подтвержденном затем и постановлениями вселенских соборов³⁴. Епископа, оставившего свою епархию, ждало отлучение от церкви. Единственным исключением мог быть случай, когда епископ бывал не принят не по собственной вине, а «по злонравию паства»³⁵. На необходимость соблюдения этого канона в самой категорической форме было указано в решениях Латеранского собора 826 г.³⁶, вошел он и в известный сборник канонического права, составленный в начале XI в. вормсским епископом Бурхардом³⁷.

В таком случае очевидно, что указание на насильственное удаление Адальберта из Руси, его изгнание оттуда было совершенно необходимым для того, чтобы его назначение на магдебургскую кафедру выглядело юридически безупречно. Действительно, Титмар после своего знаменательного «но» не преминул, как мы видели, добавить: «... и изгнанного оттуда язычниками». Характерно, что такую же оговорку мы находим и в других источниках, упоминающих о назначении Адальберта на Магдебургскую кафедру. Укажем лишь те из них, которые имеют самостоятельное значение, т. е. текстуально не зависят от других источников. В хильдесхаймском протографе записи о русской миссии Адальберта, возникшем, вероятно, после 968 г. и легшем в основу известий об этом событии в анналах так называемой херсфельдской традиции, также акцентируется мысль, что русские послы «во всем соглали, ибо упомянутый епископ (Адальберт.— А. Н.) не избежал даже смертельной опасности от

их происков»³⁸. (Об аналогичной формуле в магдебургском документе 995 г. см. примеч. 43.) Равным образом и в «Деяниях магдебургских архиепископов» (сер. XII в.) читаем: «Адальберт... был послан для проповеди ругам (Руси.—A. H.)³⁹, но [этот] грубый народ, свирепый на вид и неукротимый сердцем, изгнал его из своих пределов... ибо по божественному промыслу ему должен был быть препоручен народ в наших краях, недавно обращенный»⁴⁰. Достойно внимания, что в этом последнем случае оправдание бегства Адальберта из Руси логически прямо увязывается с его поставлением на митрополию в Магдебурге.

Таким образом, следовало бы ожидать, что в официальных, папских и императорских, грамотах, сопровождавших назначение Адальберта магдебургским архиепископом, этот момент его канонической легитимации будет представлен в наиболее отчетливой форме. И тут мы сталкиваемся с неожиданностью. Хотя и в папской булле Адальберту, и в учредительной грамоте, изданной для Магдебургской митрополии в канцелярии Оттона I, упоминание «русского прошлого» Адальберта присутствует, но ни в одном, ни в другом документе нет ни слова о том, что Адальберт покинул русскую епархию не по своей воле. В грамоте Оттона I сказано, что «мы назначили архиепископом... досточтимого мужа Адальберта, некогда назначенного и посланного епископом к ругам»⁴¹. Можно, конечно, предположить, что императора могли не интересовать тонкости канонического права, хотя такое предположение кажется нам маловероятным ввиду той обстоятельности, с какой Оттон I в течение многих лет готовил базу для создания Магдебургской архиепископии. Но зачем тогда вообще упоминать о «русском эпизоде», тем более неудачном? Ведь не упоминается же, например, о том, что Адальберт был аббатом Вайсенбургского монастыря в Эльзасе, хотя именно с поста вайсенбургского настоятеля он попал на митрополичью кафедру⁴². Это обстоятельство удивляет не только современного исследователя; оно вызвало законное недоумение и в канцелярии магдебургского архиепископа Гизилера (981—1004), когда там около 995 г. составляли заготовку подтвердительной грамоты Магдебургу со стороны папы, используя документы 968 г. В то время специфическая связь между Русью и магдебургским проектом Оттона I была уже неясна, так что формулировки учредительных грамот воспринимались как канонически некорректные и были дополнены обычным, как мы видели, оправданием: «... епископ Адальберт, поначалу поставленный для земли ругов, но изгнанный [оттуда] не по своему нерадению, а вследствие их злонравия»⁴³.

Итак, создается впечатление, что какие-то соображения, диктовавшиеся ситуацией конца 60-х гг. (ибо через четверть века они уже были непонятны или неактуальны), побуждали императора напомнить о пребывании Адальберта на Руси, но с характерным умолчанием о причинах его удаления оттуда. Что это могли быть за соображения?

Определенный свет проливает на них, как нам кажется, папская булла первому магдебургскому архиепископу. Если император мог обойти молчанием канонические нюансы, связанные с поставлением русского епископа на новую кафедру, то этого, разумеется, не мог себе позволить римский первосвященник. И в самом деле, в булле Иоанна XIII Адальберту читаем: «Так как тебя (Адальберта.—A. H.), собрата и соепископа нашего, некогда посланного к язычникам, клир и прихожане святой магдебургской церкви, памятуя о том, что блаженной памяти предшественник наш пapa Захарий поставил во главе майнцкой церкви блаженного Бонифация, [до того] посланного к язычникам, просят возвести в архиепископский сан ... считаю тебя достойным быть их архиепископом»⁴⁴. Зачем папе понадобилось ссылаться на прецедент со св. Бонифацием (ум. в 754 г.)? Правильный ответ на этот вопрос дал в свое время А. Хаук, причем ответ, для нас уже очевидный: Иоанн XIII старался тем самым предупредить сомнения относительно каноничности назначения на магдебургскую кафедру иерарха, уже рукоположенного в епископы другого диоцеза⁴⁵. Но почему в таком случае он не сделал этого самым простым и верным спо-

собом — указав на «злонравие» пастыры, как это несколько позже сделали магдебургские легисты при архиепископе Гизилере? Думается, тому должны были быть определенные причины и, скорее всего, те же самые, которые побудили и Оттона I, с одной стороны, упомянуть о «русском эпизоде», а с другой — избегать прямых антируссских формулировок. Присмотримся внимательнее к аналогии Адальберт — Бонифаций, коль скоро именно она избрана папой в качестве юридического оправдания. Бонифаций, часто именуемый в литературе «апостолом Германии», до своего поставления на пост первого (титулярного) майнцского митрополита был миссионером епископом Гессена и Тюрингии, которые затем в числе прочих земель к востоку от Рейна вошли в состав его митрополии. Следовательно, если оставаться при параллели Адальберт — Бонифаций, выходит, что в представлении папы Адальберт оставался главой русской миссионерской епархии⁴⁶.

Однако даже если император и рассматривал Русь как возможное поле деятельности магдебургских миссионеров, он отнюдь не был обязан при этом назначать на митрополию епископа Руси. Трудно избавиться от впечатления, что, выбрав именно Адальberta, Оттон I, а вслед за ним и Иоанн XIII настойчиво и в то же время политически деликатно подчеркивали как раз «русский аспект» магдебургского проекта. Они как будто хотели представить дело так, что речь шла не просто о новом назначении экс-епископа Руси, а о логическом развитии славянской миссии немецкой церкви на Востоке, в ходе которой миссионерский епископ Руси естественным образом становился митрополитом всех славян, как миссионерский епископ Гессена и Тюрингии Бонифаций стал некогда митрополитом майнцским. Назначение Адальберта выглядит тем более многозначительным, что император шел при этом на вполне определенный риск в отношении церковно-юридического статуса первого магдебургского архиепископа. Уязвимость положения иерархов, лишившихся своих первоначальных епархий, пусть даже по уважительной причине, хорошо иллюстрирует история передачи Бременской кафедры, до тех пор подчинявшейся Кёльнской митрополии, гамбургскому архиепискому Ансгару после того, как он в середине IX в. вынужден был покинуть Гамбург в результате постоянных датских набегов. Вот как пишет об этом историк гамбургской церкви Адам Бременский (70-е гг. XI в.): «Тогда Людовик Благочестивый (надо: Людовик Немецкий.— А. Н.) ...сожалея о запустении гамбургской церкви, передал достопочтенному Ансгару Бременское епископство. Тот же, хотя и знал, что каноническими правилами предусмотрено, чтобы епископ, изгнанный из своего города в результате преследования, мог быть принят на другую, пустующую [кафедру], все же долго противился королю в этом деле, опасаясь стать соблазном для зависти других»⁴⁷. Опасения Ансгара были не напрасны: его переход на Бременскую кафедру был неоднократно опротестован кёльнским архиепископом; вопрос о законности этого шага обсуждался на трех синодах (в 846, 847 и 848 гг.), и окончательное решение в пользу Гамбурга было вынесено папой Николаем I только в 864 г. Известно, что неустойчивым было и положение Госберта в Оsnabрюке⁴⁸. Вспомним, сколько препятствий, и именно церковно-канонического порядка, пришлось преодолевать Оттону I, прежде чем в 968 г. были улажены, наконец, взаимоотношения Магдебурга с Майнцской и Хальберштадтской кафедрами. Выжидать так долго, чтобы в конце концов уже по собственной воле создать юридический казус, способный если не сразу, то в будущем осложнить судьбу новообразуемой митрополии,— для этого император должен был иметь веские причины.

Кандидатура Адальберта в 968 г. возникла не сразу. На этот счет сохранилось уникальное свидетельство Титмара, согласно которому император поначалу собирался поставить митрополитом аббата магдебургского монастыря св. Маврикия Рихара: «Император вызвал к себе (в Италию.— А. Н.) Рихара, третьего аббата магдебургской церкви... желая украсить его епископским званием. Но, ознакомившись с каким-то тайно доставленным ему письмом, передумал»

и назначил Адальберта⁴⁹. Эти данные ценные тем, что позволяют установить довольно подробную хронологию событий. Дело в том, что уже 14 мая 968 г. прибывший в Италию аббат Рихар умер⁵⁰. Это значит, что вся история с его внезапной отставкой разыгралась до этого срока, но, разумеется, после смерти хальберштадтского епископа Бернхарда, которая последовала 2 или 3 февраля 968 г. Следовательно, получение Оттоном некоего тайного донесения и возникновение в связи с этим кандидатуры Адальберта надо отнести к марту—апрелю.

Для того, чтобы уяснить возможные причины столь резкого поворота в планах императора относительно Магдебурга, в которых с выступлением на сцену Адальберта важную роль начинает играть Русь, необходимо бросить взгляд на политическую ситуацию, в которой оказался Оттон I к весне 968 г.

К 967 г. германский император был хозяином практически всей Италии за исключением только греческих провинций Апулии и Калабрии. Весной того года он принимал в Равенне послов Никифора Фоки, прибывших с предложениями союза против сицилийских арабов и, как кажется, с требованием отказаться от суверенитета над Беневентом и Капуей⁵¹. Оттон I ставит условием брак своего сына Оттона II с дочерью покойного императора Романа II (959—963). С этим к Никифору отправляется посольство венецианца Доминика, вернувшееся незадолго до Рождества 967 г.⁵² Вслед за ним ко двору Оттона I прибыло новое греческое посольство, о котором мы знаем благодаря письму самого германского императора в Саксонию от 18 января 968 г.: «... к нам едут послы константинопольского короля с настойчивыми, насколько нам известно, просьбами о мире. Как бы ни обернулось дело, начать войну против нас они, с божьей помощью, не посмеют. Если мы не договоримся, они лишатся провинций Апулии и Калабрии, которыми владели до сих пор»⁵³. Так как уже в марте немецкое войско вступает в пределы Апулии и осаждает Бари⁵⁴, ясно, что переговоры оказались безуспешными. По Лиутпранду, Никифор соглашался на брак порфирогениты не иначе, как ценой отказа германского короля от суверенитета над Римом⁵⁵, т. е. выдвигал требование, заведомо неприемлемое для Оттона I, ибо его выполнение было бы равносильно отказу от политики восстановления Западной империи. Итак, подвергнув осаде Бари, главный опорный пункт Византии на юге Италии, Оттон начал открытую войну с греками. Логического продолжения эта кампания, однако, не имела; по меньшей мере, уже в апреле он внезапно снимает осаду, покидает пределы Апулии, а в Константинополь отправляет посольство во главе с Лиутпрандом⁵⁶. Цель Лиутпранда была та же, что и год назад у Доминика: переговоры о браке Оттона II и дочери Романа II. В чем же дело? Безуспешная осада Бари не могла, разумеется, породить у германского императора надежды на смягчение жесткой позиции Константинополя. Следовательно, к марту—апрелю 967 г. при германском дворе стали известны какие-то новые обстоятельства в международной политической ситуации, которые, с его точки зрения, могли повлиять на характер германо-византийских отношений. Какие?

Не вдается здесь в ученый спор, прав или неправ Лев Диакон, сообщая о прямом военном конфликте между Болгарией и Византией в 967 г., имел ли место на самом деле поход Никифора на болгар летом этого года или дело ограничилось инспекцией фракийских крепостей, как пишет о том Скилица⁵⁷. Ясно одно (и именно это сейчас важно для нас): непосредственно или потенциально Болгария в 967 г. угрожала Ромейской державе. Вот почему в январе 968 г. германский император был так уверен, что греки не решатся на войну с ним. Гипотеза о наличии в это время какого-то германо-болгарского союза⁵⁸ представляется нам основательной. После не состоявшегося летом 967 г. примирения с Болгарией⁵⁹ Никифор засыпает в Киев Калокира, направляя Святослава на болгар⁶⁰, и вступает в затяжные переговоры с немцами. Характер византийских требований в этих переговорах показывает, как мы уже отмечали, что главным для греков было выиграть время. Никифор не отваживался идти

на открытую войну с Германией (в этом Оттон был прав) и выступить на стороне Адальберта, сына свергнутого Оттоном итальянского короля Беренгара, пока не получит известий о результатах миссии Калокира. Судя по тому, что 19 июля в Италию был отправлен флот, везший деньги для наемников Адальберта, а 22 июля сам Никифор выступил против арабов⁶¹, эти результаты к тому времени были налицо, хотя русское войско появилось на Балканах только в первой половине августа 968 г.⁶² Несомненно, в планы Никифора не мог входить полный разгром Болгарии Святославом, что было бы гибельно для Византии; Константинополю было вполне достаточно нейтрализовать Болгирию с помощью русской угрозы, а еще лучше — связать руки обеим державам затяжной взаимной войной. Именно поэтому переговоры Калокира в Киеве едва ли были тайной для болгарского двора. Дружественные переговоры, которые в июне 968 г. вели в Константинополе болгарское посольство⁶³, свидетельствуют о том, что в тот момент угроза готовившегося вторжения Руси на Балканы стала действенным фактором злободневной политики. Естественно, что это обстоятельство, которое к июню 968 г. определило поворот в болгарской политике по отношению к Византии, вполне могло повлиять также на византийскую, болгарскую и русскую политику Германской империи.

В пользу такого вывода говорят и некоторые наблюдения над хронологией событий. Мы видели, что неожиданная отставка Рихара и не менее внезапное посольство Лиутпранда относятся к марта — апрелю, т. е. возрождение идеи «русской миссии» немецкой церкви и резкий поворот в позиции Оттона I относительно Византии в 968 г. произошли одновременно. Более того, синхронными оказываются также крах миссии Лиутпранда и официальное поставление Адальберта на митрополию. Такое совпадение достойно внимания. В самом деле, получив, наконец, после смерти епископа Бернхарда долгожданную свободу рук в магдебургском вопросе, Оттон, казалось бы, должен поспешить с его окончательным решением. Так оно поначалу и было, судя по тому, что уже не позднее марта — апреля 968 г., если верить Титмару, кандидат в архиепископы Рихард пребывал в Италии. Однако вместе с отставкой Рихара в деле вдруг наступила заминка, так как официальное назначение Адальберта приходится, вероятно, только на 3 октября⁶⁴. Это малопонятное промедление⁶⁵ окажется вполне логичным, если допустить связь между сменой кандидатур в магдебургские митрополиты и отправлением в Византию посольства Лиутпранда. Похоже, что Оттон I повел себя так, как уже поступил однажды в аналогичной ситуации в 959—961 гг. Тогда, приняв посольство из Киева, он, хотя и назначил епископа для Руси (Рождество 959 г.), но не торопился с его отправлением до 961 г., ибо пытался сначала использовать «русский фактор» как средство давления на Византию. С этой целью к Рому II в 960 г. был отправлен, кажется, все тот же Лиутпранд⁶⁶.

В 968 г. ситуация повторилась: Адальберта прочат в архиепископы уже весной, одновременно с отправлением Лиутпранда, но с его инвеститурой медлят до тех самых пор, пока не определилась неудача посольства в Константинополь, что должно было случиться в конце августа — сентябре. Греческий флот, покинувший берега Босфора 19 июля, не мог прибыть в Италию раньше начала августа. Однако война еще не была окончательно решена, потому что греки собирались поддержать Адальберта только в случае его военной состоятельности (он обещал выставить против немцев 8 тыс. панцирных воинов), в противном же случае выдать его Оттону⁶⁷. Следовательно, некоторое время должно было уйти на ознакомление византийских эмиссаров с обстановкой. Положение дел стало ясно грекам, скорее всего, в середине или второй половине августа, поскольку окончательный отрицательный ответ, выдержаный в самых резких тонах, Лиутпранд получает 17 сентября⁶⁸. Ответ был дан после длительных проволочек, заставивших нервничать немецкого посла⁶⁹; объяснялись они, среди прочего, и тем, что в Константинополе ждали вестей из Италии. Примерно в это же время, т. е. во второй половине августа — сентябре, надо полагать,

и произошло то внезапное нападение греческого войска на немецкий отряд, поджидавший возвращения Лиутпранда, которое драматично, но без указания даты описал Видукинд⁷⁰. Узнав об этом, Оттон I, что характерно, реагирует двояким образом: первым делом он проводит на равенском синоде в начале октября официальное поставление Адальберта в магдебургские архиепископы, а затем немедленно, еще в октябре, выступает с армией на юг⁷¹.

Это дает основания полагать, что к марта — апрелю 968 г. германскому императору стало так или иначе известно о планах Руси на Балканах, и он попытался в этой связи еще раз урегулировать отношения с Константинополем дипломатическим путем. Однако легко видеть, что само по себе согласие Руси выступить против Болгарии, союзницы Германии, лишь усиливало позиции Византии в греко-немецком противостоянии в Италии. В таких условиях миссия Лиутпранда могла рассчитывать на успех только в случае значительных уступок с немецкой стороны. Но ведь это было отнюдь не так, ибо Лиутпранду было поручено, кроме всего прочего, дезавуировать предыдущего немецкого посла Доминика как согласившегося на уступки, не санкционированные Оттоном⁷². Далее, не лишенная риска затея с назначением епископа Руси на пост магдебургского митрополита едва ли имела бы смысл, если бы была только preventivной демонстрацией интереса Германии к потенциальному участнику событий на юге Европы. Отмеченная нами выше броская аналогия с дипломатической игрой вокруг треугольника Византия — Германия — Русь в 959—961 гг. подводит нас к следующему решению вопроса.

Извлекая из политического небытия экс-епископа Руси и отправляя Лиутпранда в Константинополь, Оттон I не просто был осведомлен о планах Руси на Балканах (скажем, через болгарских сторонников союза с Германией), но и располагал сведениями об антивизантийских намерениях Святослава, а это было возможно только в случае прямых русско-германских контактов накануне появления Руси на Дунае в августе 968 г. Мы склонны предполагать, что именно с этими русско-германскими переговорами и связано то «тайное письмо», полученное германским императором во время его похода в Апулию, которое столь роковым образом повлияло на течение этого похода и на карьеру аббата Рихара.

Русско-византийская война 969—971 гг. со всей ясностью показала, что Святослав не подходил на роль простого исполнителя в рамках имперской политики Константинополя, а преследовал собственные цели. Нам кажется, было бы упрощением думать, будто антивизантийский поворот в политике киевского князя на Балканах был вызван «обидой» на «льстивых греков» после инспирированного византийской дипломатией набега печенегов на Киев в период между осенью 968 и весной 969 гг.⁷³ Причинно-следственная связь была, скорее, обратной. Если положиться на сведения Льва Диакона, что Святослав с самого начала намеревался поддержать претензии патриархия Калокира на трон василевсов⁷⁴, то придется признать, что уже в момент переговоров с Калокиром (т. е. осенью 967 — весной 968 гг.) киевский князь имел далеко идущие планы войны не только с Болгарией, но и с Византией. Такие планы предопределяли и выбор союзников. Не только Калокир, посвященный в хитроплетения византийской политики, но и опыт русской дипломатии, всего лишь несколько лет назад с успехом использовавшей Германию как противовес Византийской империи, могли навести Святослава на мысль о союзе с Оттоном I. Вероятно, одним из условий предложенного германскому императору союза была готовность Святослава допустить возобновление миссионерской епископии в Киеве. Оттону же русские предложения давали в руки, кроме всего прочего, еще и инструмент нажима на Константинополь, которым он не преминул воспользоваться. Главным козырем Лиутпранда в его спешном посольстве как раз и был потенциальный русско-германский союз против Византии, от которого германский император, как и в 960 г., готов был отказаться ценой признания византийским двором *genovatio Imperii* на латинском Западе. Эта сторона

посольства Лиутпранда была, разумеется, секретной, поэтому неудивительно, что она осталась не освещенной в его записке о поездке в Константинополь. Вполне возможно, что тайной была и вся миссия Лиутпранда, так как сведений о ней не сохранилось ни в одном источнике, помимо труда самого кремонского епископа. Никифор затягивал переговоры, из чего можно заключить, что аргументы немецкого посла произвели на него известное впечатление. Однако, в конце концов, он предпочел прибегнуть к испытанному средству —нейтрализации Руси с помощью печенегов; не исключаем возможности, что именно полученные от Лиутпранда сведения об антивизантийских планах Святослава стали причиной печенежского наезда на Киев. Коль скоро Лиутпранд потерпел неудачу, а Адальберт был утвержден на Магдебургской кафедре, следует думать, что предполагаемый нами русско-германский союз состоялся. Формулировки как императорской, так и папской грамот Магдебургу в октябре 968 г. в отношении Адальберта носят явно демонстративный характер, подчеркивая преемственность между «русской миссией» и задачами новой митрополии. Вскоре после августа 968 г. Святослав вынужден был удалиться в Киев и вернулся в Болгарию только через год. Поэтому нам остается лишь гадать, как мог бы проявиться русско-германский союз в военных действиях против Византии в эти годы; но синхронность таких действий в 970 г. бросается в глаза.

Не совсем ясно, в какой мере скорая гибель Святослава повлияла на логическое развитие сближения между Русью и Германией. Одно, впрочем, можно сказать твердо: это сближение не было прервано ни русско-византийским миром 971 г., ни германо-византийским миром 972 г. Характер русско-византийского договора не располагал к особой доверительности отношений, а вероятная причастность греков к убийству Святослава должна была усугубить в Киеве настороженность по отношению к Византии. Во всяком случае, присутствие послов Ярополка Святославича в Кведлинбурге в марте 973 г. говорит о сохранении между Русью и Германией взаимной политической заинтересованности. Допускаем, что немецкие миссионеры в Киеве в это время продолжали действовать и что как раз в конце 60-х — начале 70-х гг. формируются те «латинские» симпатии Ярополка, о которых, по другим косвенным данным, издавна принято говорить в литературе⁷⁵.

Подведем итоги сказанному. Нам кажется, что анализ актовых источников, связанных с организацией в 968 г. в Магдебурге миссионной митрополии для славян и с поставлением на пост первого магдебургского архиепископа миссионного епископа Руси Адальберта, позволяет по-новому взглянуть на некоторые хорошо известные науке события европейской политики конца 60-х гг. X в.: посольство Лиутпранда в Константинополь, начальный период балканских войн Святослава и др. Мы вправе предполагать, что годы правления Святослава вовсе не были совершенной цезурой в русско-германских отношениях. С тех пор, как христианизация Руси становится при Ольге фактором ее внешней политики, а Германия в связи с политикой Оттона I, направленной на восстановление Западной империи, примерно в то же время (50—60-е гг.) вступает в принципиальную конфронтацию с Византией, складывается прочная основа для стабильного политического сотрудничества между Русью и Германией, которое обеспечивало обеим державам свободу дипломатического маневра в отношении Константинополя. Ситуация принципиально меняется после официального крещения Руси «от грек» при Владимире в 988 г., и в дальнейшем главным фактором, определявшим состояние русско-германских политических взаимоотношений, стали центральноевропейские дела, в частности политика Руси и Германской империи относительно Польши.

Примечания

¹ Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

² Пожалуй, даже geopolитическая — вспомним знаменитые слова Святослава: «Хочу жити в Переяславці в Дунаї, яко то есть серда земли моєї, яко ту вся благая сходяться» (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1928. Стб. 67; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 55).

³ См., напр.: Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг. // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 88—100.

⁴ Из критический разбор см. в работах П. О. Карышковского: К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // КСИС. М., 1952. С. 53—61; Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // Византийский временник. Т. 6. 1953. С. 36—71; К истории балканских войн Святослава // Там же. Т. 7. 1953. С. 224—243.

⁵ Пашута В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 71; Manteuffel Th. Les tentatives d'entraînement de la Russie de Kiev dans la sphère d'influence latine // Acta Poloniae Historica. Т. 22. Warszawa, 1970. S. 41.

⁶ Пашута В. Т. Указ. соч. С. 127.

⁷ Подробное изложение обстоятельств, связанных с русским посольством и миссией Адальберта, содержится в так называемом трирском продолжении хроники Регинона Прюмского: Reginonis abbatis Prümensis chronicon cum continuatione Treverensi / Ed. F. Kurze. Hannoover, 1890 (далее — Cont. Reg.). Р. 170—172. См. также примеч. 38. Рассказ продолжателя Регинона является рассказом современника событий и, как принято считать, принадлежит перу самого Адальберта: Wattenbach W., Holtzman R. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Die Zeit der Sachsen und Salier / Neu bearb. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1967. Bd. 1. S. 167—170.

⁸ Подробнее см.: Назаренко А. В. Попытка крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений эпохи // Общество, религия и церковь в феодальной России. М., 1990 (в печати). В работе предпринята попытка продемонстрировать непосредственную связь посольства Ольги в Германию с обстоятельствами русско-византийской и немецко-византийской политики после неудачной поездки княгини в Константинополь, которую мы, вопреки мнению Г. Г. Литаврина, по-прежнему склонны относить к 957 г. (Назаренко А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // Византийский временник. Т. 50. 1989. С. 66—83).

⁹ Lamperti monachi Hersfeldensis opera / Ed. O. Holder-Egger. Hannoover, 1894. Р. 43. Сообщение Ламперта о русском посольстве 973 г. старались дискредитировать как вымыселное (Севердов М. Б. Политические отношения Руси и Германии в X — первой половине XI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 286—287). Скептицизм М. Б. Свердлова разделяет и Х. Рюс: Russ's H. Das Reich von Kiev // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1980. Bd. I/1. S. 304, Ann. 2. Однако ни текстологически, ни исторически это предположение не выглядит достаточно обоснованным. См. подробнее: Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-х годах X в. // Russia Mediaevalis. München, 1987. Т. VI, I. S. 38—89 (особенно S. 69—73). Здесь же и другие данные о русско-германских связях при Ярополке Святославиче.

¹⁰ В такой оценке съезда в принципе ничего не могут изменить сомнения Г. Лябуды, отрицающего свидетельство Титмара о пребывании Мешка I в Кведлинбурге и считающего, что дело ограничилось присутствием Болеслава, сына польского князя: La buda G. Studia nad początkami Państwa Polskiego. Poznań 1987. Т. I. Wyd. 2. S. 325—341, 511—519.

¹¹ Адальберт вернулся в Германию ко двору Оттона II в. 962 г. (Cont. Reg. Р. 172). Если полагаться на последовательность изложения событий на продолжателя Регинона, то это должно было произойти после коронации Оттона I в Риме 2 февраля, но до смерти мецкого епископа Адальберта (т. е. до 26 апреля: Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Leipzig, 1920. Bd. 3. S. 999), однако уверенности в такой датировке нет. Чтобы известие о возвращении Адальберта достигло Рима до 12 февраля, возвращение пришлось бы отнести ко времени не позднее второй половины января. Совершенно исключить такую возможность нельзя, но ясно, что она маловероятна.

¹² Köpke R., Dümmler E. Kaiser Otto der Große. Leipzig, 1876. S. 438, Ann. 3.

¹³ Bräckmann A. Die Ostpolitik Ottos des Grossen // Historische Zeitschrift. München; Berlin, 1926. Bd. 134. S. 242—256 (см. также: idem. Gesammelte Aufsätze. Berlin, 1941. S. 140—153); idem. Magdeburg als Hauptstadt des deutschen Ostens im frühen Mittelalter. Leipzig, 1937; Seppelt F. X. Geschichte der Päpste. München, 1955. Bd. 2. S. 365; Baethge F. Die Kurie und der Osten im Mittelalter // idem. Mediaevalia. Stuttgart, 1960. Т. 1. S. 56—57; Schmid H. F. Otto I. und der Osten // Festschrift zur Jahrtausendfeier der Kaiserkrönung Ottos des Grossen. Graz; Köln, 1962. Teil 1. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Erg. Bd. XX. H. 1.). S. 85; Schlesinger W. Kirchengeschichte Sachsen im Mittelalter. Köln; Graz, 1968. Bd. 1. (Mitteldeutsche Forschungen. Bd. 27/1). S. 30—31; Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1972. Teil 1 (Mitteldeutsche Forschungen. Bd. 67/1). S. 90—95; Böhmer J. F. Regesta Imperii. Wien, 1969. Bd. II: Sächsische Zeit (919—1024). Abt. 5: Papstregesten (911—1024) / Neu bearb. H. Zimmermann (далее — RI II/5). № 304, 418, 450; Papsturkunden 896—1046 / Bearb. H. Zimmermann. Wien, 1984. Bd. 1: 896—966. S. 374, 378 etc.

¹⁴ Papsturkunden... № 154. Р. 284: «... in convenientibus locis secundum oportunitatem episcopatus constitui et in eisdem... ab archiepiscopo Magdeburgensi-episcopos consecrari volumus suffraganeos».

¹⁵ Ibid. № 177. Р. 348: «Postea vero idem archiepiscopus et successores eius habeant potestatem per congrua loca, ubi per illorum predicationem Christianitas creverit, episcopos ordinare, nominative nunc et presentaliter Merseburg, Cici et Misni».

¹⁶ Papsturkunden... № 190. Р. 375: магдебургский архиепископ «ultra Albiam et Salam in congruentibus locis subiectos episcopos, qui nunc ordinati sunt et ordinandi futuris post temporibus erunt, habeat... ne per invidiam fidei tanta Sclavorum plebs Deo noviter acquisita callidi hostis, quod absit, rapiatur insidiis». Такие же формулировки содержатся и в изданной одновременно булле Иоанна XIII о полномочиях магдебургских митрополитов: Papsturkunden... № 192. Р. 379.

¹⁷ *Monumenta Germaniae Historica* (далее — MGH). *Die Urkunden Konrads I., Heinrichs I. und Ottos I.* / Hrsg. Th. Sickel. Hannover, 1884. № 366: «... totius ultra Albiam et Salam Sclavorum gentis modo ad deum conversae vel convertendae».

¹⁸ Так, В. Шлезингер и Д. Клауде (см. примеч. 13) усматривают в грамоте Оттона I несомненные признаки раздражения императора поведением Иоанна XIII в магдебургском вопросе. Еще решительнее о противоречиях между императором и папой пишет Х. Циммерманн: *Z im m e r m a n n H. Parteien und Papstwahl in Rom zur Zeit Kaiser Ottos des Grossen // Römische Historische Mitteilungen*. Rom; Wien, 1965/66. Bd. 9. S. 79 ff.

¹⁹ На это указал недавно и Г. Телленбах, охарактеризовавший точку зрения А. Бракманна как «насильственную интерпретацию» (*Überinterpretation*): *T e l l e n b a c h G. Zur Geschichte der Päpste im 10. und früheren 11. Jahrhundert // Institutionen, Gesellschaft und Kultur im Mittelalter. Festschrift für Josef Fleckenstein zum 65. Geburtstag*. Sigmaringen, 1984. S. 171—172.

²⁰ Такие формулы действительно обнаруживаются в анализируемых буллах Иоанна XIII: *S chlesinger W. Op. cit. S. 29—31.*

²¹ RI II/5. № 386.

²² Ibid. № 391, 406.

²³ Ibid. № 413.

²⁴ Ibid. № 433.

²⁵ См. источники, перечисленные в RI II/5. № 423.

²⁶ Ibid. № 154. P. 283: «Cumque in ecclesia beati Petri apostoli de statu et regimine totius Christianitatis tractantes...»

²⁷ Судя по тому, что планы учреждения Магдебургской митрополии возникли в связи с решительной победой Оттона I над венграми в 955 г. (В e u m a n n H. Laurentius und Mauriteus. Zu den missionspolitischen Folgen des Ungarnsieges Ottos des Grossen // Festschrift für Walter Schlesinger. Köln, Wien, 1974. Bd. 2. S. 238—275), эти планы первоначально отнюдь не ограничивались непосредственными славянскими соседями Саксонии.

²⁸ Вопрос о статусе Познанской кафедры, существовавшей уже в 60-е гг. Х в., и ее отношении к митрополии в Магдебурге крайне сложен и историографически запутан. Обзор литературы по проблеме см. в работе: *L a b u d a G. Chrystianizacja Polski i poszuki organizaçji kościelnej w Polsce // Stosunki polsko-niemieckie w historiografii. Poznań, 1974. Cz. 1. S. 174—182*. Мы следуем здесь точке зрения Г. Бойманна и В. Шлезингера (см. примеч. 43), согласно которой первые данные о претензиях Магдебурга на церковный суверенитет над познанскими епископами относятся примерно к 995 г.

²⁹ MGH. *Die Urkunden Otto des III.* / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1893. № 186.

³⁰ Brackmann A. *Gesammelte Aufsätze*. S. 144.

³¹ Manteuffel Th. *Les tentatives...* P. 41.

³² Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935 (далее — Thietm.). II, 22. P. 64: «Aethelbertum Treverensem, professione monachum, sed Rusciae prius ordinatum presulem et hinc a gentilibus expulsum, ad archiepiscopatum apicem... promovit».

³³ T r u m m e r J. *Mystisches im alten Kirchenrecht. Die geistige Ehe zwischen dem Bischof und Diözese // Österreichisches Archiv für Kirchenrecht*. Wien, 1951. Bd. 2. S. 62—75; Z i m m e r m a n n H. *Rechtstradition in Papsturkunden // Congrès International des Sciences Historiques. Vienne, 1965. Rapports*. Horn, Wien [1965]. Bd. 4. S. 132—134, Ann. 15, 24.

³⁴ См., напр., греческий оригинал в кн.: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Изд. В. Н. Бенешевич. СПб., 1906. Т. I. С. 64, 90 (15-й канон Никейского собора), 115 (5-й канон Халкидонского собора), 262 (21-й канон Антиохийского собора), 280 (1-й канон Сардикского собора).

³⁵ Там же. С. 69 (36-е апостольское правило: «ον παρα την εαυτον γνωμην, αλλα παρα την τον λαον μοχθηριαν»). Так, например, в 592 г. папа Григорий Великий дал одному бежавшему от авар епископу новую кафедру, но с условием, что тот вернется назад, как только это станет возможным: *G r e g o r ii I papa Registrum epistolarum* / Ed. P. Ewald, L. M. Hartmann // MGH. *Epistole*. Hannover, 1891. Т. I. № 37. P. 133.

³⁶ Seppelt F. X. Op. cit. S. 211.

³⁷ Liber decretale I, 123 // Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. Rarisiis, 1853. Т. 140. Col. 585.

³⁸ Annales Altahenses maiores / Ed. E. von Oefele. Hannover, 1891. P. 9: «... illique per omnia mentiti sunt... ut vix ille predictus episcopus evaserit letale periculum ab insidiis eorum». Подобные обороты см. также: *Annales Hildesheimenses* / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. P. 21—22; *Annales Quedlinburgenses* // MGH. *Scriptores*. Hannover, 1839. Т. 3. P. 60; Lamperti... opera. P. 30; *Annales Ottenburani* // MGH. *Scriptores*. Hannover, 1844. Т. 5. P. 4. Перечисленные анналы так же, как и ряд других, в части до 973 г. восходят к утраченным Херсфельдским анналам, откуда и название традиции. Однако в херсфельдском протографе сведений об Адальберте, вероятнее всего, не было, они происходят из дополнительного хильдесхаймского источника: Назаренко А. В. Попытка крещения...

³⁹ О термине «руги» применительно к Руси см.: Л о в м я н с к и й Г. Русы и руги // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 43—59; Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-х годах X в. С. 59 и примеч. 59—60.

⁴⁰ *Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium*. Cap. 9 // MGH. *Scriptores*. Hannover, 1883. Т. 14. P. 381: «Adelbertus... ad predicandum Rugis fuerat destinatus, sed populus exasperans dura

fronte et indomabili corde, expulit illum de finibus suis... quia Dei providentia in terra nostra illi populus committendus erat nove acquisitionis».

⁴¹ MGH. Die Urkunden... Ottos I. № 366: «... virum venerabilem Adalbertum episcopum Rugis olim praedicatorem destinatum et missum, archiepiscopum et metropolitanum... fieri decrevimus». См. примеч. 39.

⁴² Cont. Reg. P. 177.

⁴³ Urkundenbuch des Erzbistums Magdeburg / Bearb. F. Israel, W. Möllenbergs. Magdeburg, 1937. Bd. I. № 130: «... Athelbertum episcopum in primis Rugorum provincie destinatum, non sua autem ignavia, sed illorum nequitia depulsum»; RI II/5. № 738. Об этом документе и его датировке см.: Веуманн Н., Schlesinger W. Urkundenstudien zur deutschen Ostpolitik // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. Münster; Köln, 1955. Bd. I. S. 132—256 (перепечатано в кн.: Schlesinger W. Mitteldeutsche Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1961).

⁴⁴ Papsturkunden... № 190. P. 375: «Unde quia, confrater et coepiscope noster, clerus et populus sancte Magadaburg [ensis] ecclesie te olim ad gentes missum ad archiepiscopalem sedem promoveri... querit, sicut bone memorie predecessorum nostrum, Zachariam papam, beatum Bonifacium and gentes destinatum ecclesie Mogonciensi in thronezasse sciunt... dignum te eis esse archiepiscopum judico».

⁴⁵ Найд A. Op. cit. S. 129, Ann. I. Эта высказанная мимоходом мысль не была развита ее автором и осталась не замеченной в последующей историографии. Чаще всего в апелляции к Бонифацио усматривают выражение претензий папства на организационное оформление миссионерской деятельности среди славян (Schlesinger W. Kirchengeschichte... S. 30 и др.). Но, во-первых, это значило бы доказывать очевидное для X в. через проблематичное для VIII в. Во-вторых, остается неясным, к чему тогда папа дважды упоминает о миссии к язычникам как факте, и в том, и в другом случае предшествовавшем главному назначению.

⁴⁶ В этом отношении показательна также следующая аналогия. В 832 г. реймский архиепископ Эбон, бывший тогда папским легатом по вопросам миссионерской деятельности среди язычников Скандинавского Севера, назначил с санкций императора Людовика Благочестивого (814—840) миссионерским епископом в Швецию некоего Госберта (*Vita Anskarii auctore Rimberto. Cap. 14* / Hrsg. G. Waitz. Hannover, 1884. P. 36). Около 845 г. Госберт в результате языческой реакции был изгнан из Швеции и почти сразу же оказался на епископской кафедре в Оsnабрюке (*Vita Anskarii... Cap. 17. P. 38; Querimonium Egilmari // Osnabrücker Urkundenbuch / Hrsg. W. Philipp. Osnabrück, 1892. Bd. I. S. 54*; Найд A. Op. cit. Berlin; Leipzig, 1954a. Bd. 2. S. 812). Характерно, однако, что, будучи аснабрюйским епископом, Госберт рассматривался одновременно юридическим главой шведской миссионерской епископии, поскольку в 50-е гг. гамбургский архиепископ Ансгар вынужден согласовывать с ним планы продолжения проповеди в Швеции (*Vita Anskarii... Cap. 25. P. 54*). Об истории Госберта см.: Seegünn W. Das Papsttum und Skandinavien bis zur Vollendung der nordischen Kirchenorganisation (1164). Neumünster, 1967 (Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holsteins. Bd. 51). S. 27—33.

⁴⁷ Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Ed. B. Schmeidler. Hannover, 1917. I. 24. P. 30.

⁴⁸ Seegünn W. Op. cit. S. 30. См. примеч. 46.

⁴⁹ Thietm. II. 22. P. 64: «Imperator vocavit ad se Richarium, Magadaburgensis ecclesie abbatem tertium... volens hunc dignitate sacerdotali decorare. Sed visa quadam epistola, quae clanculum sibi deferebatur, omisit». Сомнения в достоверности этого рассказа вряд ли обоснованы (Thietm. P. 64, not. 2; Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg... Teil I. S. 114). Даже если, как подозревает А. Хаук, история с Рихаром не более чем «монастырские сплетни» (Найд A. Op. cit. S. 127, Ann. 3.), это вовсе не означает, что она непременно вымыщена (рискнем предположить, что сведения о Рихаре действительно почерпнуты Титмаром из той же устной традиции, что и сентиментальный рассказ о беседе Оттона с епископом Хильдевардом: Thietm. II, 20—21. P. 54). Назначение Рихара магдебургским архиепископом было бы совершенно естественным. Монастырь св. Маврикия был основан в 937 г. самим Оттоном I, который в течение десятилетий щедро одаривал его, готовя в нем базу будущей митрополии; из этого расчета подбирались, конечно, и кандидаты в аббаты св. Маврикия.

⁵⁰ Под 14 мая его смерть отмечена в Магдебургском некрологе (Thietm. P. 64, not. 1), а год следует из *Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium* (Cap. 8. P. 380).

⁵¹ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1924. Bd. I. № 709; Böhm e r J. F. Regesta Imperii. Innsbruck, 1893. Bd. II, Abt. I: Die Regesten des Kaiserreiches unter Heinrich I. und Otto I. (919—973) / Bearb. E. von Ottenthal (далее — RI II/1). № 450a; Longhi T. C. Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des états barbares jusqu'aux croisades (407—1096). Anhènes, 1980, P. 204.

⁵² Cont. Reg. P. 179; Liudprandi de legatione Constantinopolitana. Cap. 31 // Die Werke Liudprandi von Cremona / Hrsg. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915₃ (далее — Liudpr. legat.). S. 188; RI II/1. № 461a.

⁵³ Widukindi Corbeiensis rerum gestarum Saxoniarus libri tres / Ed. R. Hirsch, H.-E. Lohmann. Leipzig, 1935. III, 70. P. 122.

⁵⁴ RI II/1. № 468a, 4686.

⁵⁵ Liudpr. legat. Cap. 15. P. 184.

⁵⁶ Körke R., Dümmler E. Op. cit. S. 437; RI II/1. № 468c.

⁵⁷ Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem. IV, 5 / E. rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828 (далее — Leo Diac.). P. 62—63; Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / Ed. J. Thurn, Berlin; New York,

1973 (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae. T. V.*) (далее: Scyl.). Р. 276.23—277. 28. У Льва Диакона год похода Никифора не обозначен; см. подробнее: Иванов С. А. Указ. соч.

⁵⁵ Иванов С. А. Указ. соч. С. 97. Ибрагим ибн Якуб видел в 965/966 г. при дворе Оттона I болгарское посольство: Куник А., Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки имп. Академии наук. СПб., 1878. Т. 32. Прилож. № 2. С. 52; Relacja Ibrahim ibn Ja'kuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego / Ed. T. Kowalski // *Monumenta Poloniae Historica*, ser. II. Kraków, 1946. T. I. S. 51, 148.

⁵⁹ Ioannis Zonarae epitome historiarum / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. Т. III. Р. 513.

⁶⁰ Leo Diac. IV, 6. Р. 63; Scyl. 277. 28—31; Dölgereg F. Regesten... № 711.

⁶¹ Liudpr. legat. Cap. 29. Р. 191; Cap. 34. Р. 193.

⁶² Датировка по П. О. Карышковскому на основе данных Scyl. 277. 32—34 (Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // Византийский временник. Т. V. 1952. С. 127—138, особенно 133). Эта точка зрения представляется нам наиболее обоснованной, хотя до сих пор в науке остаются сторонники летописной версии, относящей появление Святослава в Болгарии к 967 г.; см., напр.: Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 134—139. У нас нет возможности виникать здесь в этот источниковоедчески сложный вопрос.

⁶³ Liudpr. legat. Cap. 19. Р. 185—186.

⁶⁴ Рукоположение Адальберта папой имело место, как указывалось, 18 октября; следовательно, официальное его поставление императором должно было произойти раньше. Действительно, первым документом, в котором Адальберт титууется архиепископом, является грамота Оттона II от 3 октября: MGH. Die Urkunden Otto II. // Ed. Th. Sickel. Hannover, 1888. № 18. Поскольку в аналогичной грамоте Оттона I от 2 октября Адальберт еще не поименован (MGH. Die Urkunden... Ottos I. № 361), думаем, что 3 октября — наиболее вероятная дата его поставления.

⁶⁵ Оно представляется тем более странным, что весной 968 г. Адальберт уже находился в Италии, прибыв туда вместе с двором Оттона II осенью предыдущего года (Cont. Reg. P. 178); тем самым в хронологических расчетах не приходится учитывать время на переход Адальберта из Германии.

⁶⁶ Leyser K. The Tenth Century in Byzantine-Western Relations // Relations between East and West in the Middle Ages. Edinburgh, 1973. Р. 30; Назаренко А. В. Попытка крещения...

⁶⁷ Liudpr. legat. Cap. 30. Р. 191.

⁶⁸ Ibid. Cap. 56. Р. 206.

⁶⁹ Ibid. Cap. 53. Р. 203.

⁷⁰ Widuk. III, 71. Р. 123.

⁷¹ RI II/1. № 485b.

⁷² Liudpr. legat. Cap. 26. Р. 189.

⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53.

⁷⁴ Leo Diac. V. 1—2. Р. 77. 2—78. 2.

⁷⁵ См., напр.: Голубинский Е. История русской церкви. Изд. 2. М., 1901. Т. I/1. С. 91—93, 222—223; Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischer Kurie. Halle, 1911. С. 83; Пашутов В. Т. Указ. соч. С. 121, 325—326, примеч. 11; Vlasto A. P. The Entry of the Slavs into Christendom. Cambridge, 1970. Р. 253—254 и др. Подробнее об этом см.: Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-х годах X в.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1990 г.

В. А. САВЧЕНКО

ИЗМЕНА «БАТЬКИ» МАХНО И «ЖЕЛЕЗНАЯ МЕТЛА» Л. Д. ТРОЦКОГО

(Причины и следствия махновского мятежа 1919 г.)

С начала 20-х гг. не только в художественной литературе, но и в исторических работах создается и утверждается образ Н. И. Махно как уголовника, а не политической фигуры. Имя «махновец» стало нарицательным для разного рода бандитов, бунтующих без особых целей и программы, просто из-за своей природной склонности к грабежам, разрушению, беспорядкам.

Показательна в этой связи заметка в бердянских «Известиях», в которой утверждалось, что «... у Махно нет программы, как у Петлюры. Он просто носился с места на место, находя дикое удовольствие в удали разгулов и убийств. Это был ненормальный человек, находящий упение в зверских убийствах»¹.

Первые попытки разобраться в причинах и следствиях махновского движения, в его эволюции и социальной основе были сделаны еще в 1921 г. в книгах видных партийных деятелей Я. А. Яковлева и Д. З. Лебедя². Несмотря на использование в этих работах значительного фактического материала, они носят больше пропагандистский, чем исторический характер, а имеющиеся в них оценки отражают политические потребности момента.

На рубеже 20—30-х гг. вышли книги М. Кубанина, В. Руднева и статья Д. Ерде³. В работе М. Кубанина, до сих пор являющейся наиболее полной, да, пожалуй, и единственной монографией по проблеме, на основе большого фактического материала показана эволюция махновщины от революционно-освободительного движения к движению враждебному Советской власти. Книга В. Руднева во многом повторяет монографию М. Кубанина, подчеркивая контрреволюционность и бандитизм махновцев. В статье Д. Ерде рассматривается идеология махновского движения.

В 60—80-е гг. появилось несколько статей, представляющих краткий очерк истории махновского движения или описывающих эпизоды борьбы с ним⁴. Ни одна из названных работ не освещает вопрос о причинах перехода махновцев из лагеря союзников в лагерь противников Советской власти.

В условиях утверждения гласности в исторической науке настало время разобраться в этих причинах.

Возникнув летом 1918 г., махновское движение представляло собой революционно-освободительное движение украинского крестьянства против австро-германских захватчиков и их приспешников из марионеточного правительства «Украинской державы» гетмана П. Скоропадского, против белогвардейцев и реставрации помещичьего землевладения, против петлюровской националистической Директории. Движение охватило различные слои украинского крестьянства на территории нескольких южных губерний Украины (район, охватывающий нынешнюю Запорожскую область и соседние районы Днепропетровской, Донец-

Савченко Виктор Анатольевич, аспирант Одесского педагогического института.

кой, Херсонской областей). На первом этапе своего развития в 1918—1919 гг. оно выступало за изгнание интервентов и уничтожение власти гетмана и Директории, за уравнительное распределение помещичьей земли и развитие общинного землевладения.

Возникнув на территории знаменитого Запорожья, казацкого Войска Запорожского, махновское движение возрождало дух запорожской вольности. Позже, весной 1919 г., среди махновских повстанцев утверждаются анархистские идеи немедленного установления «безвластного анархического строя», возобладавшие в условиях калейдоскопичности власти на Украине, когда некоторые города и села по 20—30 раз переходили из рук в руки. В. П. Затонский (в 1919 г.— нарком образования УССР, в дальнейшем член Политбюро ЦК КП/б/У), указывая на частую смену власти в украинских селах, отмечал, что в таких условиях в 1919 г. села и даже некоторые волости стали фактически независимы от центральной власти и имели свой отряд или полк, который оборонял независимость своей «деревенской республики»⁵.

Махновцы выступали за независимую от центра советскую форму правления, и опирались на исполкомы местных Советов.

За беспартийные, независимые от центральной власти Советы, выражающие интересы мелкобуржуазной массы села, выступали анархисты, левые эсеры, меньшевики, видя в них альтернативу диктатуре пролетариата. Лидеры мелкобуржуазных, социалистических партий стремились воспользоваться демократическим в принципе лозунгом — «Больше независимости местным Советам!», стихийным недовольством крестьянства, ущемлением прав Советов в период «военного коммунизма» и экономических прав середняка для подрывания структуры советских республик. Анархистская идеология, проникнув в махновское движение, подталкивала повстанцев к неприятию всякой власти, в том числе и пролетарской.

Хотя в 1918—1919 гг. махновцы не выступали за «Советы без коммунистов», допуская в контролируемые ими Советы большевиков, все же большинство членов исполкомов Советов в махновском районе были беспартийные и анархисты.

Выступая за «вольные Советы», махновцы полагали, что с их помощью они ограничат экономический и политический диктат центра, силовые методы политики «военного коммунизма», в своем районе избавятся от «назначенцев». Объективно же выступления за «вольные» Советы вели к расхождению с централизмом Советской власти и подрывали его.

В 1918 — первой половине 1919 г. махновское движение находилось в начале своего эволюционного пути, в поисках политического выбора.

Нестор Иванович Махно (1889—1934) родился в бедняцкой семье, в с. Гуляйполе Екатеринославской губернии. Работал пастухом, маляром, рабочим в своем селе. В 1906—1908 гг. был членом анархистской группы «Вольный союз анархистов-хлеборобов», которая пробыла ряд террористических актов и экспроприаций, за что в 1908 г. Н. И. Махно был арестован и до 1917 г. отбывал срок в Бутырской тюрьме. В 1917 г. он возвращается в Гуляйполе, где избирается главой крестьянского союза и представителем местного Совета. Махно создает анархистский отряд, который в сентябре 1917 г. изгоняет администрацию Временного правительства из волости и участвует в боях за установление Советской власти в г. Александровске (Запорожье). Летом 1918 г. Махно создает партизанский отряд для борьбы с оккупантами, тогда же он избирается партизанами «батькой» по традиции запорожских казаков за организаторские способности, талант военачальника и храбрость. В декабре 1918 г. подпольным Екатеринославским губкомом партии и ревкомом Махно назначается командующим повстанческими войсками Екатеринославщины. Под его руководством на несколько дней г. Екатеринослав (ныне г. Днепропетровск) освобождается от петлюровцев и становится советским⁶.

В августе 1918 г.— феврале 1919 г., в первый период существования махновского движения, силы повстанцев выросли с нескольких десятков человек до

15 тыс. Махно объединил большинство повстанческих отрядов Приазовья. Объективно махновское движение стало союзником Украинской Красной Армии и способствовало ее победам.

С февраля 1919 г. махновские отряды вливаются в части Заднепровской Советской дивизии, позднее в части 2-й Украинской Красной Армии как отдельная бригада с выборным командованием и внутренней самостоятельностью. Военный союз предполагал оперативное подчинение махновцев советскому командованию, введение в махновскую бригаду политработников. За махновцами сохранялось право добровольной мобилизации, право невывода бригады из Приазовья, сохранялись черные знамена как символ анархо-махновского движения.

В начале 1919 г. советская пресса восторженно отзывалась о Н. И. Махно и махновцах. Так, в «Известиях Екатеринославского Совета» отмечалось, что обвинения махновцев в бандитизме есть выдумки «полицейских чинов и правых социалистов». Газета прославляла военные успехи махновцев⁷. Ю. П. Гавен (председатель Таврического ВРК и комиссар по военно-морским делам Таврической Советской Республики) писал в «Правде», что Н. И. Махно борется за «советскую форму правления», что «батько» — «любимец крестьян-повстанцев, находчивый и смелый командир, умеющий установить дисциплину, и что махновцы тянутся к большевикам»⁸. Подобные отзывы о Н. И. Махно и махновцах можно найти и в других газетах начала 1919 г.

Советское строительство в украинском селе шло в условиях разрухи и голода в городах. На селе Совет Народных Комиссаров Украины и руководство КП(б)У допустили ряд ошибок, которые надолго определили аграрную политику и подрывали основу союза тружеников города и деревни.

Руководитель СНХ УССР Э. И. Квириング и нарком земледелия В. Н. Мещеряков уклонились от выполнения установок по земельному вопросу, изложенных в Манифесте Советского правительства Украины о конфискации и уравнительном распределении помещичьих земель. Из 14,5 млн. дес. конфискованных земель только 5 млн. дес. было передано середнякам и беднякам, остальная часть перешла к колхозам и государственным хозяйствам. На Юге Украины крупные товарно-зерновые помещичьи хозяйства, составляющие основу производства хлеба, были превращены в колхозы и совхозы. Эти меры восстановили против Советской власти часть крестьянства, не получившего ожидаемой земли. Несмотря на то, что В. И. Ленин неоднократно указывал на недопустимость принудительного отчуждения земли и нарушения добровольности в создании колхозов и требовал исправления ошибок, до февраля 1920 г. на Украине этого сделано не было. Кроме того, Наркомпрод Украины установил для всей ее территории одинаковый показатель для определения кулацких хозяйств, и эти меры, направленные против кулачества, задевали интересы середняков, поскольку на юге Украины на одно хозяйство середняка приходилось 7—10 дес. земли, в то время как на Севере Украины — 4 дес.⁹

1 апреля 1919 г. на Украине была введена продразверстка. Она велась без учета классовой структуры села, неимущие слои не были заинтересованы в оказании содействия продотрядам. В организации продовольственной политики были совершены серьезные ошибки. Часто продразверстка производилась бесконтрольно, изъятия хлеба превышали допустимые нормы. В. И. Межлаук в телеграмме В. И. Ленину категорически возражал против попыток некоторых продработников рассматривать «Украину как обетованную страну, откуда можно многое черпать без учета»¹⁰.

Кроме того, заявив на III съезде КП(б)У о недопустимости всяких политических соглашений с демократическими и социалистическими партиями и группами, большевики обрекли себя на одиночество в борьбе с реакцией. В январе 1919 г. Л. Д. Троцкий писал, что на Украине «... на голову анархистов, левых эсеров и просто уголовных искателей приключений сразу опустилась тяжелая рука революционных репрессий». Он призвал руководство ударами «железной метлы» «... загнать их в такие щели, из которых им лучше никогда не выходить»¹¹.

В этих условиях в феврале 1919 г. на Втором съезде махновцев и делегатов крестьян контролируемого ими района, махновцы потребовали автономии района и своих отрядов в решении внутренних вопросов, независимости местных «вольных Советов», созданных на беспартийных, бесклассовых началах. На съезде был организован Военно-революционный Совет, «совмещающий функции парламента и совещательного военного органа», определяющий политику и идеологию движения¹². Съезд потребовал недопущения чекистских организаций и руководителей — «назначенцев» от центральной власти в район, выдвинул условия выборности руководства местным населением. В Харьков от имени съезда была направлена делегация с целью добиваться от правительства независимости района. В то же время съезд утвердил резолюцию о необходимости единства всех революционных сил и дал отповедь сторонникам разрыва с Советской властью¹³.

В апреле 1919 г. состоялся Третий съезд махновцев и представителей крестьянства от 72 волостей Юга Украины. На съезде была подвергнута острой критике земельная и продовольственная политика Советской власти на Украине. Были приняты резолюции против большевизации Советов, «комиссародержавия», против Чрезвычайных комиссий. Несмотря на экстремистские, анархистские лозунги, и этот съезд высказался за политику «единого фронта» с большевиками и указал, что свержение Советской власти или мятеж против нее приведет к торжеству реакции¹⁴.

Ошибки большевиков в аграрной, продовольственной политике, конфронтация с мелкобуржуазной демократией помогали враждебным Советской власти элементам провоцировать крестьянские мятежи. В апреле 1919 г. на Украине как следствие обострившихся классовых противоречий, экономических неурядиц и ошибок руководства они вспыхнули в сельской местности и среди солдат Украинской Красной Армии, которая в основном состояла из бывших партизанских и повстанческих частей. Мятежи атаманов Зеленого, Кацюры, Струка, Соколовского, Ангела продолжались до августа 1919 г., когда Украина была захвачена белогвардейцами и петлюровцами. Общим требованием мятежников различной политической окраски было изменение аграрной и продовольственной политики.

На съездах махновцев были приняты резолюции, призывающие к строительству анархистского общества на основе надклассовых экономических организаций — «вольных Советов», рабочих союзов, крестьянских общин. Политическая борьба за центральную политическую власть объявлялась обманом народа и несовместимым с анархизмом действием. Критика ошибок Советской власти весной 1919 г. не имела целью подготовку мятежа, а была лишь проявлением недовольства крестьянских масс политикой «военного коммунизма» и установлением командно-административной централизованной системы управления. Старый анархистский лозунг «Брэзь идти, вместе бить», характерен и для отношения махновцев к пролетарской партии весной 1919 г.

Н. И. Махно приходилось сдерживать недовольство и открытую враждебность к коммунистам, которая наблюдалась у отдельных повстанцев его крестьянской армии. Он выступал против враждебности к коммунистам, одергивал наиболее ретивых анархистов из Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат». Махно категорически отказался давать деньги на борьбу против большевиков известной анархистке Марусе Никифоровой¹⁵.

В то же время политика «единого фронта», за которую ратовали махновцы, не означала, что они готовы поступиться своими интересами. Махновское движение в поисках «своего» пути в революции скатывалось на позиции «третьей силы», заявляя о временном союзе с «государственниками» — большевиками «из тактических соображений», чтобы разладом в лагере революционных сил не помочь реакции.

Двойственная социальная природа мелкой буржуазии выражалась в колебании середняков, интересам которых не отвечала политика «военного коммунизма». В условиях противоборства реакции и революции середняк, зная об опас-

ности восстановления помещичьего землевладения, воздерживался от выступлений против Советской власти, однако под тяжестью проразверстки и различных повинностей произошло «... превращение этой мелкобуржуазной силы в анархический элемент, который выражает свои требования в волнении»¹⁶.

Колебания настроений мелкой буржуазии приводили к попыткам организоваться в «третью» силу для защиты своих интересов в условиях всероссийской бойни. На третий путь, балансируя между двумя основными лагерями классовой борьбы, пытались выйти представители большинства партий средних слоев, от эсеровских «учредиловцев» до «мятежных» кронштадцев. За «третью» силу в лице среднего крестьянства, которое часто было далеко от понимания объективных законов классовой борьбы, боролись лидеры враждебных большевикам партий. Лидеры мелкобуржуазных партий стремились подтолкнуть к борьбе крестьянские слои, которые относились с сочувствием к лозунгам «улучшения», «исправления» политики Советской власти, стремились под лозунгом «демократизации» растворить пролетариат в мелкобуржуазной стихии.

Некоторые экстремисты из анархистских групп призывали готовиться к «третьей» революции (не учитывалась революция 1905—1907 гг.), которая, по их мнению, разрушит социалистическое государство и приведет к безвластию.

Махновцы в период 1918 — первой половины 1919 г., признавая с оговорками Советскую власть как единственную силу, способную сокрушить реакцию, выражали середняцкие настроения и в зависимости от усиления или ослабления давления властей поддерживали пролетариат, пытаясь, не входя в военный конфликт, добиваться от власти уступок с помощью требований съездов, сходов, посыпки делегаций с требованием в центр. Такая позиция отличала махновцев от мелкобуржуазной контрреволюции, которая в лице атамана Григорьева призывала уничтожать коммунистов и воплощала свои лозунги на практике.

И хотя, как пишет В. А. Антонов-Овсеенко, махновское движение было «серезным и резко заостренным против петлюровцев и деникинцев» и поначалу стремилось ограничить кулацкое влияние на селе, оно страдало от электризма идеологии и от неосознанности своего места в событиях, которые привели его к трагической развязке¹⁷.

С апреля 1919 г. в отношениях между Н. И. Махно и его штабом, с одной стороны, и командованием Красной Армии и РВС Республики — с другой — утверждается обстановка взаимного недоверия, перерастающего во вражду. Вызвано это было не только сопротивлением махновцев политике «военного коммунизма», но и дальнейшим развитием и утверждением анархистской идеологии в махновском движении. К чему с 1919 г. стремилась анархистская Конфедерация «Набат»¹⁸? Анархисты-«набатовцы» Эмигрант (И. Готман), А. Барон, Я. Алый и др. возглавили махновский культпросветотдел и редакции махновских газет; В. Волин (В. Эйхенбаум) во второй половине 1919 г. возглавлял махновский ВРС. Лидеры Конфедерации «Набат» пытались объединить различные течения — анархизм-коммунизм, анархизм-синдикализм и анархизм-индивидуализм — на основе отрицания переходной стадии от капитализма к анархическому коммунизму и требовали от своих единомышленников закладывать основы анархии, создавая не контролируемые государством экономические, синдикалистские организации, кооперативы, заводские комитеты, коммуны для постепенного захвата ими средств производства. Они утверждали, что на Украине, благодаря широкому повстанческому движению, сложились все условия для первой анархической революции, которая начнет всемирную анархическую революцию. С апреля 1919 г. «набатовцы» отказались от всяского сотрудничества и «компромиссов» с Советской властью, постепенно сползали на антибольшевистские позиции и толкали на них махновцев¹⁹.

В центральные органы Советской власти и командования приходили самые противоречивые сведения о состоянии дел в махновской бригаде и Гуляйпольском районе. Бюро Украинской Советской прессы сообщало о хорошей дисциплине у махновцев, о том, что у них отмечается отсутствие бандитизма, «нежелание отступать перед добровольцами» и «дружественное отношение» к населению.

нию²⁰. Политком и политинструктор Заднепровской дивизии, докладывая о состоянии махновских частей, отмечали, что политработники принимаются в махновские части и ведут там работу, что у махновцев замечаются «порывы в бой с неприятелем», хорошая дисциплина и расположение к Советской власти. Они отметили, что, благодаря авторитету «батьки» Махно, «популярность которого невероятна», его отряды быстро растут за счет добровольцев²¹.

Однако наряду с положительными отзывами было много донесений о царивших в рядах махновцев антибольшевистских настроениях и «хулиганстве». Высшая военная инспекция РККА во главе с ее председателем Н. И. Подвойским советовали переформировать махновскую бригаду, отстранить от должности Махно и предать его и командиров суду²². Член Реввоенсовета Г. Я. Сокольников в телеграмме В. И. Ленину и Х. Г. Раковскому (Председателю СНК УССР) сообщал, что «... Махно ведет решительную, открытую борьбу против коммунистов», грабит население, и предлагал, воспользовавшись военными неудачами махновцев, «убрать Махно»²³.

Сложно сейчас определить точность тех или иных утверждений, однако есть факты, свидетельствующие о том, что весной 1919 г. махновцы не собирались поднимать мятеж. Так, ни в махновских газетах, ни в воззваниях весны 1919 г. нет призывов к немедленному мятежу и вооруженной борьбе против Советской власти; напротив, в них утверждается необходимость военного союза «левых сил». Взаимоотношения Махно и центра ухудшались и в связи с тем, что в 1919—1920 гг. на Украине остро стоял вопрос о злоупотреблениях ЧК. Во всех крестьянских мятежах того времени присутствовал лозунг разгрома ЧК. В июне 1919 г. В. И. Ленин писал М. И. Ласису (председателю Всеукраинского ЧК): «Каменев говорит — и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся. Надо построже проверить состав,— на-деюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной окazии сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы²⁴. В махновской печати было много высказываний против чрезвычайных комиссий на Украине и призывов к их ликвидации. От слов махновцы переходили к делу. Они упразднили Мариупольское и Бердянское уездные ЧК, отряд Бердянского ЧК отправили на фронт²⁵.

В апреле 1919 г. А. Е. Скачко (командующий 2-й Украинской Красной Армией, куда входила махновская бригада) в телеграмме командующему Украинским фронтом сообщал, что «... местные ЧК ведут усиленную кампанию против махновцев»; в то время, когда махновцы сражаются на фронте, в тылу их преследуют за одну принадлежность к махновскому движению. Скачко подчеркивал, что «... глупыми, бестолковыми выходками мелкие чрезвычайки определенно провоцируют махновские войска и население на бунт против Советской власти». О ненужной работе в «области чрезвычаек» сообщал и политкомиссар Заднепровской дивизии²⁶. Большевистская газета «Звезда» (Екатеринослав) в мае 1919 г. указывала, что местные, южноукраинские ЧК «... далеки от совершенства и идеала» и «не выдерживают критики с точки зрения революционного правосознания и социализма». Газета указывала на «всеобъемлющую компетенцию» и «бесконечные права» ЧК, в частности на право внесудебной расправы, и предлагала реорганизовать ЧК и подчинить их ревтрибуналам²⁷.

С конца апреля 1919 г. в советской печати начали появляться обвинения по адресу Н. И. Махно. В газете «Известия» (Харьков) была напечатана статья, в которой говорилось об антисоветском характере махновского движения и призывалось положить ему предел²⁸. Появились подобные статьи и в других изданиях. В. А. Антонов-Овсеенко, понимая, что конфронтация с махновцами может привести к тяжелым последствиям, в телеграмме правительству УССР требует «... немедленно прекратить газетную травлю махновцев „носящую“ провокационный характер»²⁹.

Клубок противоречий, скопившихся к июню 1919 г., грозил обратиться в трагедией. Против Махно было выдвинуто обвинение в том, что его отряды задерживают эшелоны с углем и хлебом, идущие из Донбасса в центр России. Действительно, это имело место. В мае 1919 г. в связи с обострением отношений между махновцами и центральным военным командованием махновская бригада после перевода ее из подчинения Украинскому фронту в подчинение Южному фронту фактически перестала получать от командования провиант, боеприпасы, амуницию. Снабженческий саботаж поставил махновцев в очень тяжелое положение. Хотя по военному союзу между Красной Армией и махновцами командование обязалось снабжать всем необходимым махновскую бригаду, с мая 1919 г. это не делалось. Махновцы пытались путем задержки некоторых эшелонов и требований о налаживании товарообмена «выбить» у командования амуницию и боеприпасы³⁰.

Однако цифры о задержке эшелонов были резко завышены. Следует учесть также, что в феврале 1919 г. махновцы передали в дар рабочим Москвы и Петрограда 90 вагонов трофейной муки³¹. В дальнейшем многие эшелоны беспрепятственно проходили в центр России через махновский район.

Позднее Л. Д. Троцкий в своем приказе о разгроме махновцев, мотивируя их измену, выдал секреты снабжения махновской бригады. Так, Троцкий обвиняет махновцев в том, что они захватывали «... продовольствие, обмундирование, боевые припасы... где попало...», совсем забывая, что за снабжение частей Красной Армии отвечает командование. В том же приказе Троцкий обвиняет махновцев в том, что они «... отказываются отпускать уголь и хлеб иначе как в обмен на разные припасы»³². Из всего этого следует, что снабженческая блокада махновской бригады, державшей важный участок фронта подорвала боеспособность махновских частей и создала экономические трудности для советского тыла.

Троцкий в донесении от 22 мая 1919 г. в Москву и Харьков предлагал с помощью большого отряда из чекистов, балтийских матросов и рабочих разгромить махновцев и вывезти хлеб и уголь из района, утверждая, что, только ликвидировав махновщину, возможно осуществить наступление на Ростов, хотя махновская бригада приковывала к себе значительные силы белогвардейцев, ведя с ними бои³³. В. И. Ленин в телеграмме СНК Украины, предупреждая поспешные и жесткие меры в отношении махновцев, указывал, что отношения с махновцами по поводу вывоза угля и хлеба из Мариуполя должны решаться не силой, а налаживанием товарообмена³⁴.

В первых числах мая 1919 г. командир 6-й дивизии 3-й Красной Украинской армии Н. А. Григорьев поднял антисоветский мятеж. Внезапность выступления позволила мятежникам захватить Центральную Украину с городами Екатеринослав, Елизаветград, Черкассы, Кременчуг, Николаев, Херсон. В выпущенном мятежниками «Универсале» (воззвании) лозунги антисемитизма и украинского национализма соседствовали с требованиями отмены продразверстки, ликвидации колхозов, свободы торговли. Григорьевцев поддержали некоторые другие советские воинские части — матросский экипаж в Николаеве, Черноморский полк в Екатеринославе³⁵.

Положение складывалось очень серьезное, речь шла о существовании Советской власти на Украине. В. П. Затонский, указывая на критическую ситуацию в Украинской армии, писал: «По существу любой полк в то время мог поднять против нас восстание» и неизвестно было «...почему, та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас? Так, например, Махно оказал безусловно нам поддержку в борьбе против Григорьева»³⁶. Борьба с мятежниками заставила советское командование напрячь все силы и отвлечь многие части с фронтов. В конце мая 1919 г. главные силы мятежников были разбиты, но сам атаман Григорьев с небольшим отрядом продолжал борьбу до июня 1919 г.

Во время григорьевского мятежа у советского командования возникли опасения, связанные с возможностью поддержки григорьевцев махновцами. 12 мая 1919 г. Н. И. Махно был предъявлен ultimatum с требованием немедленно вы-

пустить возвзвание против мятежников и сообщить расположение своих частей. Невыполнение этого приказа грозило объявлением махновцев вне закона³⁷. Махновский штаб выполняет эти требования и издает прокламацию «Кто такой Григорьев», в которой объявляет атамана Григорьева врагом революции. В прокламации говорилось о необходимости держать фронт против белогвардейцев и о том, что повстанцам не надо обращать внимание «... на распри Григорьева с большевиками за политическую власть»³⁸. Против мятежников впоследствии был выслан махновский Крымский полк³⁹.

Троцкий и его единомышленники поспешили воспользоваться подходящей ситуацией для обвинения и разгрома махновского движения. В телеграмме Раковскому Троцкий предлагает «... после сокрушения главных григорьевских сил» ликвидировать махновское движение. «Задача сводится к тому,— утверждал он,— чтобы использовать эффект григорьевского бандитизма, подтянув достаточно надежные части, расколоть Махно. В целях, устранив верхушку, подтянуть внизу»⁴⁰. Эту задачу должна была выполнить группа войск под командованием К. Е. Ворошилова.

В мае 1919 г. Троцкий телеграфирует Раковскому о необходимости начать кампанию в печати против Махно. «... В противном случае ликвидация Махно не будет понята»⁴¹. В это время распространяются ложные слухи о расстреле махновцами всех своих политкомов во главе с Г. А. Колосовым. Эти слухи проникли в печать, и, хотя политкомы махновской бригады потребовали опровергнуть провокационное заявление, сообщив, что со стороны махновского руководства они не терпят насилия, опровержения слухов не последовало⁴².

Эти приготовления к борьбе против махновцев наносили вред политическому и военному положению Украины. Весной 1919 г. махновцы как союзники Красной Армии были необходимы. Они удерживали важный участок Южного фронта протяженностью около 100 верст (от Азовского моря до Волновахи и Гришино). В марте — апреле 1919 г. махновская бригада выбила войска белогвардейцев из Мелитополя, Бердянска, Волновахи, Мариуполя. За ряд побед над деникинцами Махно был награжден орденом Красного Знамени. В мае махновская бригада начала наступление на Таганрог — Ростов. Но фактически оказавшись без боеприпасов и амуниции, без связи и поддержки соседней 9-й дивизии, она потерпела поражение от кубанского корпуса генерала Шкуро, прорвавшего фронт на стыке 1-й бригады 9-й дивизии, 13-й армии и махновской бригады в районе Гришино. Части 13-й армии и махновские полки начали отступление. Этот момент и был выбран сторонниками «железной метлы» для объявления махновцев мятежниками.

На заседании Совета Обороны УССР 26 мая сторонникам Троцкого удалось провести решение о «ликвидации Махно в кратчайший срок». Совет постановил ввести в махновский район чекистский полк и принять решительные меры по искоренению махновщины, в течение суток разработать военный план и скординировать действия в этом направлении между Реввоенсоветами УССР и Южного фронта⁴³.

Б. А. Антонов-Овсеенко (командующий Украинским фронтом) высказывался против конфронтации с махновцами. В телеграмме Раковскому он заявил, что на основании его инспекционной поездки в махновскую бригаду, можно сделать вывод, что махновцы против Советской власти не выступят. Махновцы, писал он, «кадр великолепный», их отряды «проникнуты желанием сломить контрреволюционное кулачество и офицерство», допускают в бригаду комиссаров и партийную литературу. Антонов-Овсеенко подчеркивал, что, хотя вблизи Н. И. Махно и «вертится несколько прохвостов», сам «батько» и его командиры ведут агитацию против антисемитизма и бандитизма, за создание «единого революционного фронта», против реакции. Командующий сообщил, что на апрельском съезде махновцев «батько» не был и документов съезда не подписывал. Саботаж в снабжении махновцев и нападки на Махно озлобляют повстанцев и население, и Антонов-Овсеенко требовал прекратить эти нападки и наладить снабжение⁴⁴.

Уполномоченный Совета Обороны Л. Б. Каменев, побывавший в начале мая 1919 г. у махновцев с инспекцией, положительно отзывался о них.

Восьмой съезд РКП(б), определяя курс военной политики, высказался за необходимость решительного перехода к централизованному управлению войсками. Перед армией была поставлена задача — изжить партизанщину.

Опираясь на решения VIII съезда, Л. Д. Троцкий стал ликвидировать партизанские части. Он призывал к репрессивным мерам, заявляя, что даже попытки сохранения партизанских форм в Красной Армии означают «вооруженное восстание», что партизанщину надо выжигать «каленым железом»⁴⁵. С таких же позиций он подходил и к Махно.

Конфликт между командованием и махновцами обострялся также из-за недоразумений, связанных с переводом бригады махновцев из подчинения Украинскому фронту в подчинение Южному фронту, и нежелания Троцкого и командования Южным фронтом разворачивать переукомплектованную бригаду (более 20 тыс. штыков и сабель) в дивизию. Несмотря на согласие о развертывании махновской дивизии, полученное от командующего 2-й Украинской Красной Армии наркома по военным делам УССР, Троцкий запретил создание махновской дивизии.

Объединение вооруженных сил республик и линия на искоренение партизанщины в целом отвечали требованиям обострившейся классовой борьбы. Но принимаемые с этой целью меры приводили часто к негативным результатам; выступлениям и протестам в воинских частях.

Махновский штаб в конце мая 1919 г. в телеграмме В. И. Ленину — Х. Г. Раковскому выразил свое несогласие с запретом Л. Д. Троцкого на развертывание махновской дивизии, которое фактически уже было начато. Члены штаба предупредили, что этот запрет вызвал просьбу Махно об отставке с поста комбрига, что в свою очередь может привести к неприятию махновцами другого командования. Они утверждали, что обвинения в адрес Махно вызваны «неверной информацией агентов властей». Махновский штаб предложил преобразовать махновские отряды в Повстанческую армию, которая, сохранив внутреннюю автономию, в оперативном отношении подчинялась бы центральному командованию⁴⁶. В телеграмме об образовании Повстанческой армии Махно призвал повстанцев вступать в ее ряды для борьбы с белогвардейцами. Объявляя о своем уходе с поста комбрига, Махно призывал сплотиться перед лицом наступления белогвардейцев и бросить «тайные разногласия»⁴⁷.

В конце мая 1919 г. комиссия по проведению съездов махновцев объявила о созыве очередного, четвертого съезда 15 июня 1919 г. в Гуляйполе. На съезде предполагалось выработать меры по обороне махновского района, по созданию Повстанческой армии, по укреплению автономии района и местных Советов.

Попытка созыва несанкционированного центральными властями съезда, перевода бригады в статус особой армии дали новые козыри для обвинения махновцев в измене и мятеже.

2 июня 1919 г. газета штаба РВС Республики «В пути» опубликовала статью Л. Д. Троцкого «Долой махновщину», в которой автор объявлял Н. И. Махно мятежником и «гуляйпольским анархо-григорьевым»⁴⁸. Через несколько дней приказом Троцкого был запрещен махновский съезд на основании подозрения в том, что результатом его может быть только «... новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам». За организацию съезда, участие в нем и распространение возвзваний о съезде по приказу полагалася суд Ревтрибунала.

Съезд, намеченный на 15 июня, не состоялся из-за того, что к этому времени Гуляйпольский район был захвачен белогвардейцами.

6 мая 1919 г. Троцкий призвал разгромить махновщину, которая, по его словам, «приступила к организации заговора». 8 мая в новом приказе Н. И. Махно и его окружение объявлялись вне закона и подлежали суду Ревтрибунала. «Махновщина должна быть стерта с лица земли», — отмечалось в приказе⁴⁹.

На махновцев возлагалась вина за то, что они «открыли фронт» белогвардейцам. Обвинения против махновцев были надуманны и имели целью оправдать «превентивный» удар по махновщине. В приказе от 8 июня 1919 г. утверждалось, что на съезде махновцев «...Махно открыто призывал к восстанию против Советской власти»⁵⁰, хотя съезд так и не состоялся, а Н. И. Махно до объявления его вне закона не призывал к мятежу против Советской власти.

Когда издавались эти приказы, махновцы вели тяжелые бои, стремясь не допустить белогвардейцев в свой район. После прорыва фронта конным корпусом генерала Шкуро стремительно отступила 9-я советская дивизия, открывая путь белогвардейцам на Гуляйполе, в то время как отдельные махновские полки продолжали вести оборонительные бои. В двухнедельных кровопролитных боях махновцы понесли значительные потери из-за отсутствия боеприпасов и военной поддержки. Собрать Повстанческую армию не удалось. 6—9 июня 1919 г. несколько собранных Н. И. Махно полков гибнут в боях за Гуляйполе и Токмак. 8—10 июля 1919 г. Махно телеграфирует Ленину и Раковскому о своем уходе с поста комбрига из-за необоснованных обвинений в заговоре и мятеже и «личной вражды Троцкого». Махно утверждал, что, несмотря на положительные результаты инспекций и длительную борьбу с белогвардейцами, нагнетается вражда к махновцам. Чтобы ее избежать и предотвратить столкновение Красной Армии с махновцами «батько» решает уйти с поста, выразив надежду, что после этого с повстанцев снимут все подозрения в заговорах⁵¹. Однако ответа на телеграммы не последовало.

Н. И. Махно и его штабу было приказано явиться на ст. Гайчур (в 20 верстах от Гуляйполя) для переговоров с К. Е. Ворошиловым (тогда наркомом внутренних дел УССР и командующим 14-й армией). На станциях Чаплино и Гайчур были сосредоточены красноармейские части, которые занимали выжидательную позицию и не вмешивались в бои у Гуляйполя. После разгрома белогвардейцами махновцев 9 июня 1919 г. красноармейские части вошли в Гуляйпольский район для борьбы как с белогвардейцами, так и с разгромленными махновцами. Части особого назначения под командованием комбрига К. Медведева и автобронедивизион арестовали в Гуляйпольском районе более тысячи махновцев из разбитых белогвардейцами полков⁵². Прибывшие на ст. Гайчур члены махновского штаба были расстреляны как изменники, такая же участь постигла махновскую делегацию в Харькове⁵³. Однако сам Н. И. Махно был предупрежден о возможности ареста и ушел с небольшим отрядом вдоль линии фронта в тыл к белым для борьбы с ними. С ним ушли командиры, объявленные вне закона,— Ф. Шусь, С. Правда, П. Коробка, М. Никифорова⁵⁴.

Некоторые махновские части, не явившиеся в начале июня 1919 г. к Гуляйполя на призыв Н. И. Махно, продолжали вести оборонительные бои против белогвардейцев. Части махновских командиров — В. Куриленко, А. Буданова, П. Калашникова — находились в составе Красной Армии до середины августа 1919 г., когда, арестовав политработников, они перешли в Повстанческую армию Махно. Первая повстанческая махновская бригада (командир В. Куриленко, политком Манкевич), состоявшая из четырех полков, в середине июня 1919 г. занимала оборону по линии Столово — Инзовка — Азовское море, задерживая продвижение белогвардейцев к Мелитополю⁵⁵. На эти махновские части не распространялись репрессии, в отличие от махновских частей Гуляйпольского района, где организовывалась Повстанческая армия.

К. Е. Ворошилов, командующий войсками, посланными против махновцев, торжествовал победу — руками белогвардейцев была практически уничтожена формировалась Повстанческая армия. Ворошилов 9 июня 1919 г. телеграфировал Троцкому: «Махновия разбита Шкуро вдребезги, отдельные махнята во-пят о защите и покорности Сов. власти. Момент ликвидации этого гнойника самый удачный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса»⁵⁶.

8 июня 1919 г. Троцкий приезжает в Екатеринослав, чтобы лично руководить борьбой с махновщиной. Тогда же он издает приказ об образовании Военно-революционного Чрезвычайного трибунала, которому были даны чрезвычайные карательные полномочия для того, чтобы «каленым железом» выжечь махновское движение. В числе мер борьбы с махновцами применялись круговая порука в селах и расстрел заложников, военная блокада сел и расстрел за сокрытие оружия, позже — карательные и заградительные отряды⁵⁷.

Л. Д. Троцкий требовал «беспощадных мер не только в отношении врага, но и в собственной среде», «суворой расправы с нездоровым элементом»⁵⁸. Он утверждал, что «главной» опасностью являются махновцы, которые «...должно считают себя коммунистами. Махновцы под коммунистическим флагом гораздо опаснее, чем под анархистским и левоэсеровским»⁵⁹.

В июне 1919 г. Н. И. Махно с отрядом уходит из тыла белогвардейцев в район Александровска, в Черный лес. Там он собирает несколько тысяч своих приверженцев, контролируя Кичкасский мост через Днепр, препятствуя белогвардейцам переправиться на Правобережье Украины. В дальнейшем под ударами белогвардейцев махновцы отступают к Елизаветграду (ныне Кировоград). В июле — августе махновцы стремятся контролировать Елизаветградский уезд, ведя оборонительные бои против белогвардейцев. В эти дни Махно заключает временный союз с атаманом Григорьевым, но вскоре убивает его, обвинив в контрреволюции, сговоре с белогвардейцами, и предлагает военный союз командующим Красной Армии⁶⁰. В августе у Махно вновь собралось многотысячное войско, куда входили бывшие части бригады махновцев, крестьянские отряды Екатеринославской и Херсонской губерний, выступавшие против как Советской власти, так и белогвардейцев, бывшие григорьевские мятежники, пленные красноармейцы и несколько полков Красной Армии из Южной группы И. Э. Якира, которые вошли в Повстанческую армию, не пожелав отступать с Украины.

Осенью 1919 г. махновцы сыграли значительную роль в разгроме деникинской армии. Внезапный рейд махновцев по деникинским тылам, создание в глубоком тылу белых «Вольного махновского района» с охватом большой территории, утверждение махновцев в крупных городах — Екатеринославе, Александровске, Мариуполе, Мелитополе, Бердянске, Никополе — подорвали тылы и силы белогвардейцев, заставили их перекинуть крупные военные силы с главного направления наступления на Москву, на Юг Украины против махновцев. Это ослабило давление белых на главном участке фронта и облегчило их разгром⁶¹.

Семена вражды, посеянные летом 1919 г., не давали утвердиться военному союзу Красной Армии с махновскими повстанцами. В декабре, когда Красная Армия, громя белогвардейцев, начала освобождать территорию Украины, Л. Д. Троцкий заявил, что «после освобождения Украины махновщина станет смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства»⁶². Тогда же в специальной секретной директиве № 108 он приказал при встрече с махновскими отрядами разоружать их, арестовывать командиров и расстреливать подозрительных и несогласных. «Разоружение, следствие и расправа должны совершаться в кратчайший срок, по возможности не больше 24 часов», — говорилось в приказе⁶³.

Части 45-й и 46-й советских дивизий, войдя в соприкосновение с махновцами у г. Александровска, приступили в январе 1920 г. к разоружению и ликвидации Повстанческой армии. Успешно боровшиеся с белогвардейцами махновские корпуса, дивизии и бригады, которые насчитывали до 50 тыс. повстанцев, практически не оказывали сопротивления частям Красной Армии. Махновцы ждали нового соглашения с Красной Армией и, не желая с ней бороться, целыми полками переходили на ее сторону и сдавались⁶⁴. Повстанческая армия быстро таяла, часть повстанцев была поглощена Красной Армией, часть расходилась по домам, считая свою миссию по борьбе с белогвардейцами выполненной, в махновских частях свирепствовала эпидемия тифа. В Александровске, Мелитополе, Никополе махновские полки сдавались частям Красной Армии. В Никополе

у махновцев были отобраны основные оружейные склады, 10 орудий, 2 бронепоезда, аэроплан⁶⁵.

Реввоенсовет 14-й армии приказал махновским частям немедленно двинуться на Польский фронт в район г. Ковеля для борьбы в рядах Красной Армии с белополяками. Этот приказ являлся по сути предлогом для разгрома махновцев, так как ко времени его издания махновская армия не имела никакого соглашения или договора с Красной Армией и по сути находилась вне закона, согласно директиве № 108. Командующий 14-й армией И. П. Уборевич признавал, что это приказ «... является известным политическим маневром и только. Мы меньше всего надеялись на положительные результаты в смысле его выполнения Махно»⁶⁶.

В этот момент, в начале января 1920 г., махновский ВРС распался, часть его членов выразили недоверие Н. И. Махно в связи с расстрелом махновского командира-коммуниста А. Полонского за попытку создать в Повстанческой армии большевистский ревком и убить Н. Махно. Часть членов ВРС перешла на сторону Красной Армии и выпустила воззвание, в котором призывала махновцев вступать в советские части. Председатель ВРС анархист В. Волин был арестован, а «батько», больной тифом, находился в бессознательном состоянии. Махновцы оказались предоставлены сами себе. Несколько тысяч их ушли из Александровска в Гуляйполе, увезя с собой больного командира⁶⁷.

9 января 1920 г. Н. И. Махно и его единомышленники были снова объявлены вне закона. Начались военные операции против них. Все не сложившие оружия и поддерживающие Н. И. Махно повстанцы по приказу командования должны были «беспощадно истребляться»⁶⁸. Предвзятость и неправильность этого решения была понятна даже некоторым советским военным специалистам⁶⁹. Опять, как и летом 1919 г., неправильное решение командования порождало братоубийственную бойню, опять на махновцев обрушились обвинения в мятеже и бандитизме. Так, Я. А. Яковлев утверждал, что Н. И. Махно — «помощник» Деникина, что махновцы — это сборище «...налетчиков, воров, всех анархо-деникинцев...»⁷⁰. Эта ложь распространялась спустя несколько месяцев после того, как махновцы разгромили деникинские тылы, после того, как тысячи повстанцев пали в боях с белогвардейцами, после того, как в конце 1919 г. большевистская газета «Звезда» писала о «...неокупаемой заслуге перед революцией и огромной революционной ценности махновского движения, о его „ярко революционном происхождении“, о заслугах в разгроме белогвардейского тыла»⁷¹.

Н. И. Махно и махновцы обвинялись в антисемитизме, хотя в их прессе постоянно велась кампания против антисемитизма и национализма, а в руководстве махновского культпросветотдела и ВРС было много членов конфедерации «Набат» еврейского происхождения, которые во многом определяли идеологию движения (В. Волин, А. Барон, И. Готман, Я. Алый, И. Тепер, А. Коган).

Бандитизм, в котором махновцев обвиняли и «красные», и «белые», в виде отдельных проявлений у несознательных элементов безусловно существовал, да и не мог не существовать в крестьянской армии. Но в 1918—1919 гг. он не был главной линией движения, как пытаются изобразить это некоторые историки, напротив, в махновских приказах и газетах постоянно порицался бандитизм, а на практике он нередко карался расстрелом. Лидеры махновцев старались удержать повстанческую массу от грабежей местного населения, так как, опираясь на местное крестьянство, Н. И. Махно стремился к популярности в его среде, ограничивая поборы своих отрядов и часто прибегая к раздачам среди крестьянства трофейного имущества⁷². Опора на середняка была главной политической линией махновского движения. Л. Д. Троцкий, игнорируя эту особенность махновского движения, заявлял в 1919 г., что махновцы «причинили крестьянству столько ущерба, сколько, пожалуй, не причинял ему и царизм, который грабил и насиловал систематически»⁷³. Это была ложь.

Конечно, превращать махновцев в безгрешное воинство было бы фальсификацией. Летом 1919 г., после объявления махновцев вне закона, они с оружием

в руках выступили за сохранение своего движения, против войск Красной Армии. В боях с махновцами и при налетах махновцев на города и села гибли красноармейцы, коммунисты, милиционеры. После объявления Н. И. Махно вне закона, в январе 1920 г., мстя за аресты и расстрелы, за несправедливые обвинения, махновцы переходят к жестокой борьбе с Советской властью. С марта по сентябрь 1920 г. махновские отряды сеют смерть и разрушение, проводя рейды по всей Левобережной Украине. В борьбе с махновщиной, которая постепенно вырождается в реакционное движение, гибнут тысячи коммунистов, красноармейцев, советских работников. Осенью 1920 г., когда врангелевская армия захватила Приазовье, крестьянство единым фронтом выступило против белогвардейцев. Н. И. Махно несколько раз предлагал свой военный союз командованию Красной Армии для совместной борьбы с белогвардейцами. В октябре 1920 г. был подписан военный союз Красной Армии с Повстанческой армией, по которому махновцы переходили в оперативное подчинение советскому командованию, сохранив внутреннюю самостоятельность, старые порядки и своих командиров. При подписании договора махновцы старались достигнуть утверждения автономии Гуляйпольского района, но этот пункт договора так и не был подписан. Махновские полки, войдя в состав Красной Армии, участвовали в разгроме врангелевцев в Северной Таврии и Приазовье, в боях за Крымский полуостров, в штурме Сиваша и чонгарских укреплений. Условия договора с советским командованием иногда махновцами не выполнялись. Отдельные махновцы были уличены в бандитизме, антисоветской агитации, в убийствах красноармейцев⁷⁴.

23 ноября 1920 г., после полного освобождения Крыма от белогвардейцев, командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе отдал приказ, по которому махновские полки должны были быть переформированы и подготовлены к переброске на Кавказский фронт. «Существование Повстанческой армии с особой организацией приводит к совершенно недопустимым явлениям», — говорилось в приказе⁷⁵.

25 ноября начались операции против махновцев, а на следующий день был издан приказ, в котором за неподчинение и бесчинства махновцы и Н. И. Махно объявлялись врагами революции. С конца 1920 г. части Красной Армии ведут упорные бои по разгрому махновских войск, в которых насчитывалось около 15 тыс. человек. Борьба с махновцами затянулась до августа 1921 г. Еще более года взаимное озлобление приводило к тысячам жертв. После введения нэпа Махно лишился массовой поддержки со стороны крестьянства и его малочисленные отряды пополнялись лишь за счет активных врагов Советской власти. В этот период зверства и бандитизм махновцев стали массовыми⁷⁶. В августе 1921 г. основная часть махновцев во главе с «батькой», потеряв всякую надежду на продолжение борьбы, бежала в Румынию⁷⁷. Но еще до конца 1921 г. отдельные махновские банды продолжали свой кровавый террор на Украине.

Трагедия махновского движения была порождена как экстремизмом и нетерпимостью руководства УССР и Красной Армии, пошедшего на конфронтацию с махновщиной, на чем настаивал Троцкий, так и попытками анархистов столкнуть махновщину на «третий путь» в революции, оторвав ее от союза с Красной Армией. В 1919 — начале 1920 г. конфликта с махновцами можно было избежать, если бы советское командование проявило больше гибкости.

Разрыв с махновцами стал не просто разрывом с группой анархистов и махновских командиров, он привел к разрыву с определенными слоями южноукраинского крестьянства, идущего за Махно, к развалу последних звеньев политики «единого революционного фронта», всех социалистических сил против реакции. Махновщина с ее анархистской фразеологией особенно раздражала сторонников «закручивания гаек», хотя махновцы в 1919—1920 гг. объективно являлись потенциальными союзниками Красной Армии в борьбе с контрреволюцией. В. А. Антонов-Овсеенко подчеркивал, что Н. И. Махно, мог быть сильным союзником и мог бы быть «...великолепно использован нами»⁷⁸.

Конечная цель махновского движения — создание анархистского, безвластного общества на ограниченной территории — была утопична и не соответствовала ни экономическим, ни политическим возможностям того времени. Романтизм анархических идеалистов шел вразрез с очередными задачами Советского государства. Перед махновским движением стояло не три, а два пути: отказавшись от анархистских идей, от автономии района и отрядов, от возможности проводить свою политическую линию под руководством большевиков защищать завоевания революции, или, последовательно отстаивая анархистские цели, вступить в конфликт с Советским государством, и, требуя свободы и равенства, стать по сути врагами нового общества. Объявление махновцев вне закона толкнуло их на второй путь. События июня 1919 г. и января 1920 г. предопределили эволюцию махновского движения.

Примечания

¹ Известия Бердянского уездного ВРК и парткома. 1920, 4 октября.

² Яковлев Я. А. Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921; Лебедь Д. З. Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. Харьков, 1921.

³ Кубанин М. Махновщина. Л., 1927; Руднев В. Махновщина. Харьков, 1928 (укр.); Ерде Д. Д. Программа анархо-махновщины // Летопись революции (Харьков), 1930. № 1—2 (укр.).

⁴ Семенов С. Н. Махновщина и ее крах // Вопросы истории. 1966. № 9; Бильный П. Х. Разгром махновщины // Український історичний журнал. 1971. № 5; Комин В. В. Махновщина в гражданской войне в России // Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны: Сб. 1982.

⁵ Затонский В. Водоворот // Октябрьская революция. Первое пятилетие: Сб. Харьков, 1982. С. 518.

⁶ Белаш В. Махновщина // Летопись революции (Харьков), 1928, № 3. С. 191—235; Аршинов П. История махновского движения. Берлин, 1923; Махно Н. И. Русская революция на Украине. Кн. 1. Париж, 1929; его же. Под ударами контрреволюции. Кн. 2. Париж, 1936; его же. Украинская революция. Кн. 3. Париж, 1937; Герасименко Н. В. Батько Махно. М. Л., 1928 и т. д.

⁷ Известия Екатеринославского Совета. 1919. 4 февраля.

⁸ Правда. 1919. 14 февраля.

⁹ Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966. С. 200; Кубанин М. К истории кулацкой контрреволюции // На аграрном фронте. 1925. № 7—8. С. 108—110.

¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 3. Д. 628. Л. 54.

¹¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: Сб. док. и ст. Т. 2. Кн. 1. М., 1924. С. 163—164.

¹² Еремов Н. Деятствия против Махно с января 1920 г. по январь 1921 г. // Сб. трудов Военно-научного общества. Кн. 1. М., 1921. С. 196.

¹³ Протокол заседаний съезда фронтовиков, Советов и подотделов. 12—16 февраля 1919 г. Гуляйполе, 1919. С. 1—25.

¹⁴ Чего добиваются повстанцы-махновцы. Гуляйполе, 1919. С. 2—13.

¹⁵ Кубанин М. Махновщина. С. 196.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 138.

¹⁷ Антонов-Овseenko B. A. Записки о гражданской войне. Т. 4. М.—Л., 1933. С. 97; Кубанин М. Махновщина. С. 32.

¹⁸ Конфедерация «Набат» была создана летом 1918 г. в условиях подпольной и партизанской борьбы против интервентов на Украине, в которой участвовали и анархисты. Окончательно сформировалась в ноябре 1918 г. на первой конференции в Курске, утвердив идеологическую платформу «единого анархизма». В 1919 г. имела около 30 организаций в городах и селах Украины. Издавала в 1919—1920 гг. 5 газет. Руководил ею секретариат в составе: В. Волина, А. Барона, Я. Алого, Эмигранта и др. С весны 1919 г. организация подвергается репрессиям со стороны карательных органов Советской власти, летом 1919 г. уходит в подполье. Ликвидирована в ноябре 1920 г.

¹⁹ Первая конференция анархистских организаций «Набат». [Б. М.]. 1918; Резолюции Первого съезда конференции «Набат». [Б. М.]. 1919.

²⁰ ЦГАОР УССР. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 32. Л. 92.

²¹ Гражданская война на Украине: Сб. док. и материалов. Т. 1. Кн. 2. Киев, 1967. С. 193, 224, 248.

²² ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 60.

²³ Там же. Ф. 130. Оп. 3. Д. 682. Л. 7.

²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 338.

²⁵ ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 14; Лебедь Д. З. Указ. соч. С. 21. Весной 1919 г.

на Украине «разгоны» ЧК красноармейскими частями были распространенным явлением. Так, солдатами местных гарнизонов были ликвидированы уездные ЧК в Бердичеве, Белой Церкви, Новомосковске. ЦГАОР СССР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 60; Д. 18. Л. 42; Д. 19. Л. 47.

²⁶ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т. VIII. М., 1974. С. 697—698.

²⁷ Цит. по: Лебедь Д. З. Указ. соч. С. 19.

²⁸ Известия ВУЦИК и Харьковского Совета. 1919. 25 апреля.

²⁹ Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч. С. 113.

³⁰ В конце мая 1919 г. Комиссия военной инспекции, разобравшись в деле о задержании товарных эшелонов по приказам П. Е. Дыбенко и Н. И. Махно, полностью оправдала Дыбенко и признала задержку махновцами незначительного количества вагонов оправданным действием, вызванным «исключительной обстановкой» (Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч. С. 101).

³¹ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 3. Д. 691. Л. 32.

³² Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 189—191.

³³ Peters V. Nestor Machno. Canada, Winnipeg, 1970. Р. 80 (ссылка на архивы Л. Д. Троцкого).

³⁴ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М., 1976. С. 230.

³⁵ Ряппо Я. Революционная борьба в Николаеве // Летопись революции (Харьков). 1924. № 4(9), с. 62; Аверин В. К борьбе против григорьевщины и денкинщины за Днепропетровск (укр.) // Там же. 1931. № 3, с. 119.

³⁶ Затонский В. Указ. соч. С. 519.

³⁷ Семанов С. Н. Указ. соч. С. 45.

³⁸ ЦГАСА СССР. Ф. 40808. Оп. 1. Д. 14. Л. 186.

³⁹ Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч. С. 304.

⁴⁰ ЦГАОР УССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 52.

⁴¹ ЦГАСА СССР. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 62.

⁴² Там же. Ф. 199. Оп. 2. Д. 129. Л. 269.

⁴³ На защите революции. Киев, 1971. С. 86.

⁴⁴ Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч. С. 102, 107—113.

⁴⁵ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 180.

⁴⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 574. Л. 24.

⁴⁷ Там же. Оп. 3. Д. 574. Л. 24; ЦГАОР УССР. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 54. Л. 80.

⁴⁸ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 201—202; Звезда (Екатеринослав). 1919. 5 июня.

⁴⁹ Известия Екатеринославского Совета. 1919. 9 июня.

⁵⁰ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 181—191.

⁵¹ ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 3. Д. 574. С. 25.

⁵² Селявин А. И. В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981. С. 95.

⁵³ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 210; Voline V. The Unknown Revolution. N. Y., 1955.

P. 132—136.

⁵⁴ ЦГАОР УССР. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 52. Л. 60.

⁵⁵ ЦГАСА СССР. Ф. 2283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

⁵⁷ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 199, 261.

⁵⁸ Там же. С. 207.

⁵⁹ Там же. С. 99.

⁶⁰ Годы борьбы. Зиновьевск, 1927. С. 99; Аршинов П. Убийство Григорьева // Летопись революции (Харьков). 1924. № 2. С. 130; ЦГАСА СССР. Ф. 199. Оп. 2. Д. 156. Л. 26.

⁶¹ Коневец (Гришути). 1919 год в Екатеринославе и Александровске. Коммунисты среди партизан // Летопись революции (Харьков). 1925. № 4(13). С. 160; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 234—236.

⁶² Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 28.

⁶³ Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 540; Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 308.

⁶⁴ Ефремов Н. Указ. соч. С. 195.

⁶⁵ Харьковский обл. архив. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Звезда (Екатеринослав), 1920.

15 января; Одесский коммунист. № 146. 1920. Январь.

⁶⁶ Семанов С. Н. Указ. соч. С. 52.

⁶⁷ Левензон Ф. Я. Против Махно на деникинском фронте (укр.) // Летопись революции (Харьков). 1929. № 4 (37); Аршинов П. Указ. соч. С. 156—161; Беленко С. Махно и Половинский // Минувшее. Париж, 1987. № 4. С. 274—290.

⁶⁸ Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 638.

⁶⁹ Ефремов Н. Указ. соч. С. 195.

⁷⁰ Яковлев Я. Советская власть на Украине и махновщина. Харьков, 1920. С. 7—10.

⁷¹ Звезда (Екатеринослав), 1919. 23 ноября, 6 и 31 декабря.

⁷² Яковлев Я. Махновщина и анархизм // Красная новь. 1921. № 2. С. 252.

⁷³ Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 218.

⁷⁴ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. док. М., 1941. С. 452.

⁷⁵ Там же. С. 453.

⁷⁶ Карапельная политика в отношении махновцев и сочувствовавших ей была также очень жестокой. Расстрелы заложников, пособников, укрывателей, артиллерийские обстрелы мятежных сел, карапельная деятельность чрезвычайных троек Ревтрибунала и карапельных отрядов озлобляли население.

⁷⁷ После бегства в Румынию Н. И. Махно некоторое время вынашивает планы возобновления борьбы с Советской властью. Но в 1922 г. его арестовывают в Польше по обвинению в попытках поднять восстание в Западной Украине, принадлежавшей Польше. После освобождения из тюрьмы он перебирается в Париж, где пишет свои мемуары и статьи для анархистских эмигрантских изданий. В 1934 г. он умирает от туберкулеза.

⁷⁸ А н т о н о в - О в с е е н к о В. А. Указ. соч. С. 335.

Р. ДЭВИС — В. ДАНИЛОВ: ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ

20 октября 1989 г. в редакции журнала состоялась встреча с известным английским ученым, профессором Бирмингемского университета **Р. Дэвисом** и заведующим отделом Института истории СССР АН СССР, доктором исторических наук **В. П. Даниловым**. Разговор шел об актуальных проблемах экономического развития СССР в 20—30-е гг., о некоторых аспектах историографии и сотрудничества советских и английских историков. Предлагаем вниманию читателей сокращенный вариант записи беседы, в которой также принимали участие и. о. главного редактора журнала **И. Е. Зеленин** и сотрудники редакции.

Прежде чем перейти непосредственно к теме нашей сегодняшней встречи, хотелось бы попросить профессора Дэвиса немного рассказать о себе, о своем творческом пути, научных интересах.

Р. Дэвис: Во время войны я служил механиком в военно-воздушных силах Великобритании. СССР и Англия, как известно, были тогда союзниками. В ту пору у меня и начал появляться интерес к истории вашей страны. Поскольку до призыва в армию я был всего лишь школьником, в конце войны передо мной встала проблема выбора жизненного пути. Один мой друг сообщил мне, что есть возможность изучать в Лондоне русский язык и русскую историю. Я решил попробовать и поступил в Лондонскую школу славянских и восточноевропейских наук. Там я учился с 1946 по 1950 г. Очень заинтересовался советской экономикой, советским планированием и т. д. В результате я написал диссертацию о развитии советской бюджетной системы в 1917—1941 гг. Моим руководителем был русский эмигрант Александр Михайлович Байков — ученик известного экономиста Прокоповича. Диссертация была опубликована. Почти 10 лет мне довелось работать с Э. Х. Карром над предпринятым им многотомным трудом «История Советской России». Вместе с ним я написал первый том, посвященный основам советской плановой экономики (1926—1929 гг.).

После того, как была завершена эта работа, я решил, что не следует останавливаться на 1929-м году и надо продолжить исследование. Конечно, я неставил перед собой цель охватить всю советскую историю, подобно Карру. Меня интересовали прежде всего вопросы экономики. Сейчас я работаю над большим исследованием о советской индустриализации 30-х гг.

Семь лет назад наш журнал рецензировал две Ваши книги по истории колLECTивизации в СССР, посвященные периоду 1929—1930 гг. Как этот сюжет вписывается в Ваше новое исследование?

Р. Дэвис: Я придерживаюсь расширенной концепции индустриализации, в рамках которой учитывается развитие всего народного хозяйства. Четвертый том будет посвящен анализу экономики в целом, но прежде всего вопросам развития промышленности и торговли, а пятый — сельского хозяйства в 1931—1933 гг. — в трудный и страшный период голода в СССР. Этот том я буду писать вместе со своим коллегой из Австралии Стивеном Виткрафтлом, специалистом по проблемам народонаселения и сельского хозяйства.

В. П. Данилов: Мне бы хотелось добавить несколько слов о нашем знакомстве с профессором Дэвисом. Мы знакомы уже около 30 лет. Наше научное общение с самого начала приобрело довольно интенсивный характер, причем интересно, что обсуждение проблем истории советского общества 20-х — начала 30-х гг. сразу же вышло на рассмотрение возможности и других, отличных от сталинского вариантов экономического и социального развития. Уже тогда, в начале 60-х гг., было названо имя Н. И. Бухарина. Однако надо заметить, что в то время в целом преобладала скептическая оценка позиции Бухарина и у профессора Дэвиса, в значительной мере сохранившего ее и до сих пор, и у меня, существенно изменившего свой взгляд на бухаринский вариант развития. Однако конец хрущевской оттепели привел к тому, что эти темы практически перестали возникать в наших разговорах, поскольку обсуждать их было в общем-то беспредметно и даже как-то неловко. И вдруг в прошлом году на конференции советских и английских историков в Лондоне обнаружилось (это заметил профессор Дэвис), что мы возобновили старые споры, хотя, повторяю, моя оценка бухаринской альтернативы за прошедшие годы во многом изменилась.

Р. Дэвис: Наш главный спор с Виктором Петровичем 30 лет назад был собственно не о Бухарине, а о реальности того варианта плана первой пятилетки, который одобрило советское руководство в апреле—мае 1929 г. Я считаю, что этот вариант в экономическом плане (с точки зрения продолжения нэпа) был преувеличенным и неосуществимым. Уже по крайней мере с начала 1927 г. в Госплане и в некоторой степени в ВСНХ старались сочетать высокий темп индустриализации со сбалансированностью рынка, надеясь на сохранение рыночных отношений с крестьянством. На съезде плановиков в апреле 1927 г. был большой спор между С. Г. Струмилиным и Г. М. Кржижановским, с одной стороны, и экономистами Наркомфина и Госплана, например, Н. Д. Кондратьевым и В. Г. Громуном, — с другой. Сторонники нэпа считали, что финансовые планы Струмилина взяты с потолка и несовместимы с существованием рыночного хозяйства. Однако осенью 1927 г. ВСНХ под руководством В. В. Куйбышева уточнил показатели проекта своего плана, которые во многом первоначально совпадали с госплановским вариантом весны 1927 г. С помощью так называемых коэффициентов был увеличен план повышения производительности труда, производства продукции, капиталовложений. Более резко должна была снизиться себестоимость. 1928 г.— начало 1929 г.— время интенсивной инфляции и разрушения рыночных отношений. Это происходило и вследствие ошибок политического руководства страны, и из-за существенного увеличения капиталовложений в промышленность. Вариант первого пятилетнего плана, одобренный весной 1929 г., в основе которого лежал проект, разработанный ВСНХ в декабре 1928 г., предусматривал, например, увеличение производительности труда в промышленности на 110%, уменьшение себестоимости промышленной продукции на 36% и т. д. Это было попыткой сбалансировать все показатели плана. Мне кажется, что уже в 1929 г. не было возможности осуществить этот план. Для восстановления баланса на рынке требовалось заметное уменьшение размера капиталовложений и других плановых показателей. В конце 20-х гг. перед страной стояло много проблем, прежде всего политических, но одной из главных была проблема существенного увеличения промышленного производства. Чтобы правильно разобраться во всех этих вопросах, сегодня очень важно выяснить, была ли необходимость в резком скачке в развитии индустрии в начале 30-х гг. Если принять точку зрения руководителей Госплана, весной 1929 г. считавших, что надо в громадной степени увеличить капиталовложения в промышленность, то следует признать, что безболезненный переход было бы очень трудно осуществить. Это не значит, конечно, что то, что произошло в реальной жизни, было неизбежно. Вряд ли можно назвать нормальным с точки зрения здравого смысла уничтожение 25% скота в течение одного года. Я считаю, что нэп имел определенные возможности

для дальнейшего развития. Думаю, что индустриализация в СССР умеренными темпами могла осуществляться и в условиях нэпа. Но и Троцкий, и Бухарин, на мой взгляд, надеялись на ускоренную индустриализацию страны, что предполагало отказ от нэпа.

В. П. Данилов: Я вполне согласен с тем, что вопрос, связанный с осуществлением индустриализации ускоренными темпами, был во второй половине 20-х гг. центральным. Но мне кажется, что помимо вопроса об ускоренной или неускоренной индустриализации важно рассмотреть вопрос: как, каким образом проводить ускоренную индустриализацию?

Мне тоже представляется, что и Бухарин, и Троцкий были сторонниками ускоренной индустриализации. Но вспомним, что, с точки зрения Троцкого, тот слом нэпа, который был осуществлен Сталиным в конце 20-х гг., был «не шаг вперед от нэпа, а шаг назад к военному коммунизму». Для Троцкого «шаг вперед от нэпа» не был отказом от рыночных методов. Если мы внимательно рассмотрим экономические взгляды Троцкого, как они складывались в 20-х гг., то увидим, что он не был противником рыночной концепции экономического развития, как это до сих пор часто представляется у нас. В современной публицистике можно встретить утверждение, что Троцкий был сторонником административно-командной системы. Ничего подобного. Он включал в свою концепцию будущего развития момент насилия в виде изъятия 100—150 млн. пуд. хлеба у 10% зажиточной части деревни. Но сами по себе эти величины не идут ни в какое сравнение со сталинской практикой. Кроме того, для него это был лишь начальный момент, толчок для будущего развития. Изъятие этих 100—150 млн. пудов в порядке принудительного займа ни в коей мере не исключало использования рынка. Предполагалось (а внешнеэкономические условия в 1926—1927 гг. с точки зрения цен на хлеб были превосходными) на вырученные средства закупить оборудование для текстильной промышленности, чтобы ускорить включение рыночного механизма накопления средств для индустриализации. И другие предложения Троцкого были направлены в целом на более эффективное использование экономических рычагов.

В чем Троцкий был, на мой взгляд, выше и Бухарина, и других тогдашних руководителей? В том, что он боролся за демократический внутрипартийный режим. В 1922—1923 гг. в партии в связи с этим развернулась борьба, исходом которой могло быть развитие советского общества на иных, несталинских путях. Сейчас я прихожу к выводу, что основная альтернатива сталинизму была связана с именем Троцкого. К сожалению, судьба его решилась уже в конце 1923 г. Поэтому, согласившись с профессором Дэвисом в вопросе о сущности того выбора, тех решений, которые принимались во второй половине 20-х гг., я считаю, что остается предметом для обсуждения вопрос о способах и средствах их реализации.

Для меня вопрос о реальности или нереальности тех или иных плановых показателей не является главным. Первый пятилетний план в том виде, в каком он был принят в 1929 г., представляет интерес с точки зрения заложенного в нем механизма решения экономических проблем: в основу всего был положен подъем сельского хозяйства. Эта задача в плане ставилась и была обеспечена какой-то системой мер. Все остальные проблемы, в том числе и промышленного накопления, должны были решаться на базе поднимающегося сельского хозяйства. Та система мер, которая планировалась на первую пятилетку, предусматривала рост всех форм сельскохозяйственного производства. Правда, конкретные задания по сельскому хозяйству были нереальны, но сам принцип был единственно возможным.

Можно ли на основании новых источников, введенных в научный оборот в последнее время, исследований советских и зарубежных ученых более или менее четко определить, когда все-таки начался отход от нэпа?

Р. Дэвис: Я бы сказал, приблизительно весной—летом 1927 г. В феврале того года, например, было принято решение понизить отпускные и розничные цены в промышленности, несмотря на то, что это усугубляло товарный голод. В апреле 1927 г. на съезде плановиков Струмилин и Кржижановский предлагали очень высокие показатели. Летом 1927 г. произошло резкое сокращение частной торговли; осенью Рабкрин начал настаивать на резком увеличении плановых показателей урожайности. И, наконец, летом 1927 г. в партии шла большая дискуссия о военной опасности. Конечно, размеры этой опасности преувеличивались, но нельзя забывать, что в 1927 г. изоляция Советского Союза как отдельной коммунистической страны стала заметной. С одной стороны, вследствие победы Чан Кай-ши в Китае, а с другой — из-за разногласий между советским правительством и твердолобыми консерваторами в Англии. Исходя из этого, все течения в партии летом 1927 г. очень опасались угрозы извне.

В. П. Данилов: Действительно, переоценка военной угрозы в 1927 г. была характерна для всех течений в партии. Лето и осень этого года — время резкого обострения борьбы с объединенной оппозицией. К сожалению, тогда все исходили из того, что военная угроза возросла необычайно и приобрела непосредственный характер. Это удивительно, но такая позиция отражает настроения того времени. Поэтому все то, о чем говорил сейчас профессор Дэвис, очень важно, и конечно, имело реальное значение для судьбы нэпа. Но я считаю, что и эти обстоятельства не вели неизбежно к слому нэпа, реально начавшемуся со времени хлебозаготовок 1928 г., когда стали применяться чрезвычайные меры. То, что содержалось в решениях XV съезда партии, в обосновании этих решений у Бухарина, было направлено на развитие и дальнейшее использование рыночного механизма. У Бухарина я мог бы отметить одну существенную, пожалуй, ошибку, связанную с анализом развития страны в конце 1927 г. В его докладах накануне XV съезда партии упоминалась проблема товарного голода, но глубокого анализа этой проблемы он не давал. Все силы уходили на полемику с «новой оппозицией». И до конца 1929 г. не только Бухарин — теоретик, который в своих построениях мог легко ошибаться, но и такие практики, как Рыков, анализируя изменяющуюся действительность, экономические возможности, исходили из сохранения и развития нэпа.

Читателям журнала «История СССР» было бы интересно узнать о феноменальном характере той большой работы, которую начал Э. Кэрр и которую сейчас продолжает Р. Дэвис. Нельзя ли на этом остановиться подробнее?

В. П. Данилов: В чем я вижу феноменальное значение этой работы? Мы живем в век крайней специализации всех наук. Специализация решающим образом вторглась и в историческую науку. И современный историк — это специалист чаще всего по одной проблеме, реже — по двум-трем, ну а уж если ученый разрабатывает какое-то направление в развитии общества, то это специалист весьма высокого класса. В нашей историографии последними, кто писал работы по истории страны в целом, были Покровский и Рожков. После них уже никто из советских историков и не пытался взяться за такую работу. Многотомные же «Истории...» были лишь суммой разработок отдельных ученых. И вот, представьте себе, что в Англии нашелся ученый — Э. Кэрр, который взялся за написание истории одной страны и довольно много успел сделать. Он написал историю Советской России начиная с 1917 г. и до 1929 г.— 14 томов!

Р. Дэвис: Э. Кэрр всю жизнь стремился к изучению крупных проблем истории и современности. Это не значит, конечно, что его не интересовали подробности вашей истории. Каждый, кто прочтет его работы, легко убедится в том, что он приводит массу отдельных фактов и частных эпизодов. Но главным для него было определить место Октябрьской революции и советского опыта во всемирной истории.

Он родился в 1892 г. До первой мировой войны был, как и его отец, либералом с большой буквы. Кэрр являлся сторонником частного предпринимательства, выступал за свободную торговлю между странами без таможенных барьеров. После окончания войны он разочаровался в либеральной концепции. В 1907 или 1908 г. он работал в русской секции Форин оффис. Все его коллеги считали, что большевики, пришедшие к власти в России,— случайность, временное явление. Кэрр же думал иначе, хотя, как он потом признавал, многого еще тогда не понимал. В 20-е гг. он служил в английском посольстве в Риге. Там начал изучать русский язык и писать (в качестве хобби) о великих русских революционерах-демократах, о деятелях литературы XIX в., в том числе о Герцене, Чернышевском, Достоевском. В их трудах он увидел очень острую критику либеральных взглядов Запада. Изучая произведения русских демократов, представителей других течений русской философской и интеллектуальной мысли (но не марксистов), он пришел к убеждению, что его взгляды на мир были упрощенными.

В конце 20-х — начале 30-х гг., как известно, Запад охватил острый экономический кризис. Анализируя его причины, Кэрр пришел к выводу, что капитализм «не работает», но не знал, какая система должна прийти ему на смену. Он начал интересоваться Советским Союзом, написал много рецензий на книги, содержащие различные точки зрения об СССР в начале 30-х гг. Потом, во времена ежовщины, он посещал Советский Союз и был разочарован — он решил, что это такое же тоталитарное государство, как и гитлеровская Германия, и что его взгляды начала 30-х гг. были ошибочными.

Во время войны Кэрр являлся заместителем редактора английской газеты «Таймс». Вместе с редактором они активно выступали за англо-советское сотрудничество.

Кэрр не считал, что сталинщина — закономерное следствие Октября. Более того, он был убежден, что перемены, происходившие в вашей стране после революции, — явление огромного масштаба и что советский опыт необходимо изучать самым тщательным образом. Уже в 1944 г. он начал работать над своей «Историей Советской России». Этой работой он занимался более 30 лет и завершил ее к 60-летию Октябрьской революции. Кэрр пытался понять, как развивался Советский Союз. Он считал, что развитие социализма в СССР, развитие государственного планирования — это часть всемирного процесса возникновения новой общественной системы. В 1950 г., в разгар «холодной войны», Кэрр написал книгу «Новое общество». Он имел в виду не только Советский Союз, но и крупные перемены в регулировании народного хозяйства на Западе в послевоенный период. Общая политическая концепция Кэрра состояла в том, что Запад должен внести вклад в развитие всего мирового сообщества, необходимо добиться сочетания новой системы государственного регулирования и нового социального порядка, где бы сохранялась индивидуальная свобода, которой не существует в Советском Союзе, как он думал, из-за глубоких исторических факторов, сыгравших важную роль в возникновении сталинской фазы советского развития.

Кэрр был крупным историком. Он всегда старался глубоко вникнуть и разобраться в исследуемых явлениях. Интересно, что историки всех течений могут найти в его работах аргументы в свою пользу. Если работы Кэрра когда-нибудь будут переведены на русский язык и опубликованы в вашей стране (а, по-моему, они того заслуживают), я думаю, и сторонники Троцкого, и сторонники Бухарина, и даже, может быть, некоторые сторонники Сталина найдут в них доказательства своих взглядов. Мне кажется, что это хорошо. Кэрр имел свою концепцию, но как ученый-профессионал он был объективен. Я думаю, что самому Кэрру больше всего импонировал Троцкий. Он думал о Троцком как о представителе утопического течения в советской истории. Кэрр был убежден, что в жизни всегда идут рядом реалисты и утописты. Его обычно считали трезвым реалистом. Нет. Он полагал, что для того, чтобы определить более эффективные пути развития, надо обязательно учитывать мнения и реалистов, и утопистов.

В. П. Данилов: С конца 50-х гг. мы переписывались с профессором Карром вплоть до его смерти. Наша переписка не была интенсивной, но и никогда не прекращалась. К сожалению, мои письма, по условиям того времени, были во многом формальными. Его же — содержали много интересного. Из этих писем я понял, что концепция Карра была достаточно открыта, способна к развитию, к изменению. Она не была жестко замкнутой, как наша концепция до последнего времени. Его вопросы ко мне касались чаще всего фактической стороны дела. Меня привлекало в Карре стремление использовать все имеющиеся факты, даже если они и не вписывались в его концептуальную схему. Думаю, что если бы материалы, раскрывающие позицию Бухарина в 1928—1929 гг., были тогда известны Карру, то его оценка Бухарина была бы несколько иной. Но, к сожалению, мы только сейчас начинаем читать эти материалы. Надеюсь, что в скором времени они будут опубликованы.

Р. Дэвис: За последние три года я читал в советских журналах, в том числе и исторических, много статей о 20-х гг., которые во многом повторяют то, что уже давно сделал Карр, но в которых даже не упоминается его имя. Как жаль!

В. П. Данилов: Это в значительной мере результат нашего изолированного пребывания в мире, продолжавшегося до самого последнего времени.

С какими трудностями столкнулся профессор Дэвис, продолжая работу Э. Карра?

Р. Дэвис: Прежде всего отмечу, что я не такой крупный историк, который мог бы продолжать работу Карра по всем направлениям. Поэтому я взял только один аспект — экономический. Я обсуждал этот вопрос и с советскими, и с западными историками. Мне говорили, что по данной проблеме существует большая специальная литература. Но специалисты узкого профиля, как правило, просто не знают многих общих вопросов советской экономической политики. Поэтому я решил, что, если создать работу, в которой будут преобладать общие экономические подходы, она может быть полезной.

В. П. Данилов: Значит, все-таки особенности времени, эпоха специализации и здесь продиктовали свои объективные требования. Но, может быть, такое ограничение Вашей работы социально-экономической тематикой связано не только с тем, что специализация берет свое, но и с тем, что материалы по политической истории начала 30-х гг. даже и советским историкам по-настоящему недоступны?

Р. Дэвис: Да, это верно. Я помню, Карр неоднократно подчеркивал, что написать политическую историю вашей страны начиная с 1929 г. невозможно из-за «облака вокруг Кремля», как он говорил. И это правда. Сейчас доступ к архивам, конечно, значительно расширился. Но для меня удивительно: в вашей стране всех интересует вопрос о Сталине и сталинском режиме, но материалы высших органов даже по чисто экономическим проблемам тех лет недоступны. Мы можем изучать советское общество «снизу», но не можем ознакомиться ни с материалами Совнаркома, ни с материалами Политбюро и даже Пленумов ЦК. Это очень существенное ограничение, которое не позволяет всесторонне и глубоко исследовать проблемы.

В. П. Данилов: Действительно, эти ограничения еще сохраняются, но мы надеемся, даже можно сказать — мы уверены, что потребуется еще немного времени, чтобы последние препятствия на пути историка-исследователя к этим материалам были сняты.

Р. Дэвис: Было бы желательно, чтобы это время наступило быстрее. А то мне уже 64 года, и если придется ждать, например, 10 лет, то, боюсь, я могу и не дождаться.

В. П. Данилов: Недавно в английской печати прошла довольно острая полемика о Карре, о его работах, о его месте в историографии, в общественно-политической жизни британского общества. Вы были активным участником этой полемики. Расскажите, пожалуйста, немного об этой дискуссии — каково ее происхождение и каковы итоги?

Р. Дэвис: Важную роль здесь сыграли различия в политических подходах, я бы сказал даже — нетерпимость тех, кто не согласен с общей концепцией Карра. Но большинство ученых, занимающихся исследованием проблем советской истории, по крайней мере, в Англии, очень уважают Карра, хотя многие и не во всем разделяют его взгляды.

В. П. Данилов: Наверное, можно сказать так: сейчас на Западе нет историка-профессионала, который внимательнейшим образом не проштудировал бы труды Карра. Я хочу выразить надежду, что работа самого Карра и продолжающие его замыслы работы Дэвиса будут переведены в скором времени на русский язык и получат (я в этом не сомневаюсь) положительную оценку советских читателей.

Профессор Дэвис, Вы на протяжении многих лет активно сотрудничаете с советскими историками. Вы неоднократно бывали в Советском Союзе, часто посещали Институт истории СССР АН СССР. Интересно было бы узнать, как, на Ваш взгляд, изменилось отношение наших ученых к западным противникам (как говорили раньше), или к западным коллегам (как говорим сейчас)?

Р. Дэвис: Я бы сказал, у вас сейчас происходит целая революция в умах. Даже невозможно сравнивать общую атмосферу взаимоотношений между историками сейчас и несколько лет назад. Сейчас идут свободные интересные дискуссии, высказываются различные точки зрения. Я бы не сказал, что это атмосфера такая же, как на Западе. Там обсуждения идут более скучно, потому что мы рассматриваем общие проблемы за какой-то определенный период развития вашей страны. Здесь же обсуждаются и какие-то частные вопросы, причем очень подробно, профессионально. В дискуссиях, которые идут у вас, очень широкий диапазон мнений. Все это очень привлекает. Я, правда, не хотел бы всю жизнь участвовать в таких больших спорах, но иногда это очень важно. Раньше обстановка была, конечно, хуже, но не стоит и преувеличивать. Я и в 70-х гг. имел возможность выступить перед советскими учеными с откровенным изложением своей позиции. Дискуссии, конечно, были ограниченны, но дружеские отношения существовали и тогда.

В. П. Данилов: И 30, и 7 лет назад, когда мы встречались с профессором Дэвисом, мы никогда не чувствовали себя противниками, а считали, что мы — коллеги. Споры между нами велись так же, как они ведутся и сейчас. Всякий, кто беседовал с ним, мог убедиться, что это человек, которого интересует прежде всего познание исторической действительности, существование проблемы.

(Материал к печати подготовили
М. Ф. Гржебин, С. С. Секиринский)

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.

Краткий очерк (1917—1945 гг.)

Глава вторая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ¹ (Поиски нового видения)

© 1990 г.

Ю. А. ПОЛЯКОВ, член-корреспондент АН СССР

О гражданской войне, огненным смерчом пронесшейся 70 лет назад по стране, в последнее время пишут много, поминая ее преимущественно резким, недобрым словом. Повысился (и это естественно) интерес к воспоминаниям деятелей белогвардейского лагеря. Однако во многих современных публикациях преобладают эмоции, стремление (не подкрепленное достоверными документами) напечатать нечто сенсационное в ущерб научной объективности и обоснованности.

В то же время многие авторы правильно ставят вопрос о необходимости внесения принципиальных изменений в историю гражданской войны. Но, прежде чем говорить по существу, следует вспомнить историографию, ее непростые пути, оценить нынешнее состояние изученности данной проблемы.

В значительной мере история гражданской войны в ее общих чертах воссоздана. Мы имеем представление об основных сражениях, вехах общественно-политической жизни, главных чертах социально-экономической политики, о состоянии народного хозяйства. Самое главное — показана, хотя и со многими упрощениями, пробелами, жизнь трудящихся масс в эти годы. По большинству республик, областей, городов написаны исследования, в которых живут и действуют десятки тысяч тружеников. Именно они решали исход войны. Опубликовано огромное количество документов. Отрицать наличие этой историографии бессмысленно.

Вместе с тем на протяжении семи десятилетий под воздействием различных обстоятельств менялись взгляды, оценки, трактовки многих явлений и событий, накапливались неисследованные вопросы, дискуссионные проблемы.

Продолжение. Начало см.: История СССР. 1990. № 1.

От редакции. Написанная Ю. А. Поляковым глава «Гражданская война в России» для готовящегося в Институте истории СССР АН СССР научно-популярного очерка «История советского общества» состоит из следующих разделов: 1. Братоубийственная? Нет, гражданская, справедливая. 2. Непростые пути историографии. 3. Соотношение классовых сил — величина непостоянная. 4. Политическая разобщенность контрреволюции. 5. Территориальное размежевание борющихся сил. 6. Диктатура революции и диктатура контрреволюции. 7. Армия красная и армия белая. 8. Главные сражения. Борьба в тылу. 9. Жестокость рождает жестокость.

Общий объем главы — более 5 авторских листов. Из-за недостатка места редакция не могла, к сожалению, опубликовать ее полностью. Сокращать же материал до 2 листов автор считал нецелесообразным, так как в таком случае читатель не получил бы достаточно полного представления о всей работе. Учитывая это, автор подготовил проблемную статью, отражающую поиски новых подходов к изучению истории гражданской войны. Эту статью мы и помещаем в данном разделе. В качестве приложения публикуется разработанный Ю. А. Поляковым план-проспект «Очерков истории гражданской войны в России», к подготовке которых приступает Институт истории СССР. Думаем, что он также вызовет интерес научной общественности. Предлагаем читателям высказать свои замечания и предложения по публикуемым материалам.

В начале 20-х гг. было написано немало интересных работ, прежде всего участниками отгремевших битв. В них — живость и непосредственность восприятия, горячее дыхание событий. Но с конца 20-х гг. мертвящее влияние культа личности Сталина с особой силой стало сказываться в первую очередь на истории гражданской войны. Имена большинства ведущих деятелей, славных полководцев были преданы забвению или упоминались только в сочетании со словами «враг народа». Появились не отвечавшие исторической правде концепции ряда событий на фронтах. Написание начатой по инициативе М. Горького многотомной «Истории гражданской войны» практически прекратилось.

После XX съезда КПСС произошли коренные изменения в изучении истории гражданской войны. Были восстановлены многие имена. Нереабилитированными остались лица, проходившие по открытым процессам 30-х гг., и некоторые другие. С конца 50-х гг. фронты, армии, корпуса и дивизии получили в книгах и статьях имена своих командующих и комиссаров — от В. К. Блюхера до К. Ю. Янеля, А. Я. Лапина, Е. И. Ковтюха.

Заполнялись также пробелы в освещении деятельности центральных и местных партийных и советских органов, во главе которых стояли люди, репрессированные в 30-х гг. Были отброшены многие оказавшиеся попросту фальсификаторскими схемы и положения. Это относилось прежде всего кискажениям, связанным с И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Отпали ведущие в историографии 30—40-х гг. положения о том, что решающие победы Красной Армии связаны с деятельностью Сталина, а все неудачи с предательством Троцкого (правда, критика Троцкого оставалась значительной). Изучение документов показало, что место обороны Царицына в 1918 г. в общем ходе войны было явно преувеличено. Неверной оказалась выдвинутая К. Е. Ворошиловым в 1929 г. и ставшая стереотипом схема о «сталинском плане разгрома Деникина». Было показано, что план отпора наступлению Деникина на Москву осенью 1919 г. и перехода Южного фронта в контрнаступление явился не следствием сталинской записи, «разоблачившей преступные замыслы Троцкого и наметившей единственное гениальное решение задачи», а результатом коллективных разработок ЦК, Главного командования, Реввоенсовета в соответствии с быстро менявшейся военной обстановкой.

В широком объеме была восстановлена роль Восточного фронта в 1919 г. Стала многомерной оценка военных действий в советско-польской войне в противовес прежним представлениям: Юго-Западный фронт (где был Сталин) — главный, он наступает, но предательские действия Троцкого, приказавшего перебросить Конную армию Буденного на Западный фронт, привели к поражению.

Долго оставалась дискуссионной схема о трех походах Антанты. Выдвинутая Сталиным еще во время гражданской войны и ставшая затем общепринятой, она привлекала своей простотой и наглядностью: весной 1919 г. Антанта организовала первое антисоветское военное наступление, в котором главной силой была армия Колчака; во втором походе Антанты (осень 1919 г.) главной силой стали войска Деникина, в третьем (1920 г.) — войска Врангеля и буржуазно-помещичьей Польши. Само название — «походы Антанты» — не вызывает возражений. Оно подчеркивает руководящую роль иностранных сил в развязывании и углублении гражданской войны, в организации, вооружении белогвардейских армий, координации их действий. В. И. Ленин не раз говорил именно о «походах Антанты».

Однако сталинская схема не учитывает всей сложности борьбы. Почему первый поход отнесен к весне 1919 г.? Ведь антисоветское наступление огромного масштаба Антанта организовала еще весной и летом 1918 г., спровоцировав мятеж чехословацкого корпуса, высадив свои десанты на Севере и Дальнем Востоке, оккупировав Закаспийскую область и т. д. Второе наступление было организовано осенью 1918 г., когда после поражения Германии страны Антанты получили возможность направить свои военные корабли в Черное море,

послать оккупационные силы в южные районы страны, усилить поддержку белогвардейских войск. Кроме того, очень трудно отделить первый поход (по данной схеме) от второго, ибо весь 1919 год прошел в непрерывных боях. Во время наступления Колчака действия Юденича и особенно Деникина представляли серьезную угрозу, а когда осенью 1919 г. Деникин приближался к Москве, Колчак, хотя и потерпевший поражение в Приуралье и на Урале, вовсе не был сброшен со счета. По существу в 1919 г. было единое наступление контрреволюционных сил, хотя центр тяжести его перемещался с Востока (весна) на юг (осень).

С 60-х гг. схема «трех походов Антанты» практически перестала фигурировать в научной литературе.

Общие и конкретно-исторические труды 60—70 гг. значительно расширили и углубили историографию гражданской войны, повысили научную значимость и объективность в исследовании исторического процесса. Однако развернувшаяся во второй половине 80-х гг. перестройка потребовала новых подходов. Но, конечно, решение вставших вопросов не может происходить автоматически.

Возникли новые дискуссии. Многие проблемы получили в широкой печати решение одностороннее, механическое. Появились дилетантские, необоснованные схемы, новые искажения фактов. Иные ответы лишь намечены, как бы обозначены пунктиром и требуют серьезных исследований.

Широкое, по-разному толкуемое понятие «белое пятно», включает в себя самые различные проблемы. Это — «запретные зоны», «острые» темы (исследование «красного террора», показ нарушенй революционной законности органами ВЧК, дезертирство, его причины и масштабы и т. п.); мало или слабо изучавшиеся вопросы — конкретные боевые операции (например, действия на советско-германском фронте в феврале — марте 1918 г., на Северном фронте в 1918—1919 г. и др., история ликвидации бандитских формирований на Украине, в Поволжье, в Сибири), политические настроения рабочих, крестьян, служащих в 1918—1920 гг., «теневая» экономика (мешочничество, частное производство и торговля, спекуляция).

Хотя имена большей части ведущих участников гражданской войны, реабилитированных после XX съезда КПСС, вошли в научный оборот, довольно значительная группа военных и политических деятелей еще оставалась в «запретной зоне». Нуждается в объективном изучении деятельность Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина, Х. Г. Раковского, Г. П. Розенгольца, Л. П. Серебрякова, Г. Я. Сокольникова, М. П. Томского и др. Неоднозначные суждения высказываются в отношении крупных командиров, подвергшихся репрессиям еще в годы гражданской войны, — Б. М. Думенко, Ф. К. Миронова.

В 1988—1989 гг. было высказано немало критических соображений в связи с традиционной оценкой (которая ныне считается многими необоснованной и явно преувеличенной) роли С. М. Буденного и особенно К. Е. Ворошилова.

Сейчас задача состоит, видимо, не в том, чтобы механически перетасовать колоду и, убрав прежнего героя, поставить на его место другого, а в том, чтобы глубоко, тщательно, документированно и аргументированно определить место и роль каждого военного, партийного, государственного деятеля в событиях того времени.

Когда началась гражданская война в нашей стране? Когда она закончилась? Эти, казалось бы, простые вопросы продолжают вызывать споры между историками. Одни считают, что война началась летом 1918 г. и закончилась осенью 1920 г. штурмом Перекопа. Другие говорят: помилуйте, ведь всем известно, что сразу после победы Октября против Советской власти поднимались Керенский, Краснов, Дутов, Каледин и др., — это и было началом гражданской войны. А закончилась война — это тоже неопровергимый факт! — освобождением Владивостока в октябре 1922 г.

Кто же прав? Дело в том, что надо видеть разницу между временем, когда вооруженная борьба носила сравнительно ограниченный характер, и временем, когда она составляла основное содержание жизни страны. Да, непосредственно после Октября враждебные революции силы начали наряду с экономическим саботажем и политической борьбой развертывать вооруженную борьбу, стремясь свергнуть Советскую власть и восстановить старые порядки. Они создавали подпольные антисоветские организации, формировали вооруженные отряды, поднимали мятежи.

Но все же весной 1918 г. главным в жизни государства было заключение мира с Германией, а затем — мирное строительство. Лишь с лета 1918 г. вооруженная борьба внутренней и внешней контрреволюции против Советского государства приняла такой масштаб, что Республике пришлось сосредоточить главное внимание на своей военной защите. Период, когда отпор вражескому нашествию составлял основное содержание нашей жизни, длился до конца 1920 г. Хотя военные действия в ряде районов продолжались, они носили уже ограниченный, локальный характер.

Длительность споров по этому вопросу может быть объяснена скорее всего непониманием специфики гражданской войны в России, ее отличием от войн между государствами. Эти войны начинаются обычно сразу — или официальным объявлением (как было в 1914 г.), или массовым вторжением (как поступила Германия против СССР в 1941 г.), или масштабным внезапным нападением на флоты и базы другой страны (как Япония против России в 1904 г. и против США в 1941 г.). Но, повторим, в России не враз, а постепенно возникли противоборствующие армии и стали обозначаться линии фронтов, не враз снова зарабатали на армию фабрики и заводы. Происходило — неровно, рывками — перерастание отдельных вспышек, локальных схваток в подлинную крупную войну.

То же относится и ко времени окончания войны. Если межгосударственные войны обычно завершаются сразу заключением перемирия, мира или капитуляцией одной из сторон, то грохот гражданской войны в России затихал медленно, как уходит грозовая туча, долго напоминая о себе слабеющими раскатами грома и отблесками молний.

В советской историографии практически нет исследований по истории белогвардейского лагеря. Правда, в 70—80-е гг. появились монографии о мелко-буржуазных партиях, о кадетах и монархистах. Но это лишь в незначительной мере закрывает имеющиеся пустоты. Нет сомнения, что нашей науке необходимы крупные работы по истории социальных и политических сил контрреволюции, анализирующие структуру и политику белогвардейских режимов, их войсковые формирования.

В книгах, затрагивающих положение трудящихся на оккупированных противником территориях, речь идет в основном о большевистском подполье и партизанских действиях. Это, бесспорно, важнейшая проблема. Однако жизнь большинства населения не сводилась лишь к борьбе против белогвардейцев и интервентов. Как была организована система государственного, общественного и хозяйственного управления, как действовало народное образование и здравоохранение — изучение подобных вопросов представляется полезным и нужным. Кстати, это позволит с большей наглядностью и доказательностью отразить преимущества Советской власти. Думается, настало время отказаться от односторонности и предвзятости в оценках. Сохранявшаяся в нашей литературе терминология эпохи гражданской войны, называвшая белогвардейские войска «ордами» и «бандами», а их генералов и офицеров — «палачами» и «карателями», нуждается в замене терминологией спокойной и объективной. Резкость, жесткость, яростная категоричность оценок, объяснимые в период острой борьбы и накала страсти, когда речь шла о жизни и смерти, вовсе не обязательны для исторических исследований.

Применительно ко всей истории гражданской войны относительно давно

наметилась тенденция к более глубокому изучению социально-экономических проблем (по сравнению с чисто военными). Видимо, они и в дальнейшем будут занимать ведущее место. При этом особое внимание следует уделить ранее слабо изучавшимся вопросам реальной народной жизни — демографии, условий труда и быта.

По-новому встает вопрос об историографии зарубежной и эмигрантской. Раньше мы или скидывали ее со счета вовсе, или оценивали как обязательно «супротивную». Не говоря о достоинствах, обходя имеющиеся в ней бесспорные факты или выводы, считали необходимым оспаривать и критиковать ее в целом.

Конечно, эта литература в подавляющем большинстве содержит резко негативную оценку деятельности Советской власти. Значительной части английских, американских, французских авторов свойственно замалчивание или преуменьшение роли антисоветской интервенции в разжигании гражданской войны.

Вместе с тем в эмигрантских изданиях приводятся уникальные свидетельства многочисленных мемуаристов, масса документов, не сохранившихся в советских архивах, интересные наблюдения и соображения о характере войны, ее особенностях. Без них мы не сможем объективно отобразить всестороннюю картину одного из самых сложных, пестрых, противоречивых этапов истории нашей страны, недосчитаемся многих важных штрихов в жизни и борьбе самой Советской Республики.

В западной — немецкой, французской, американской, английской — литературе, основанной в подавляющем большинстве на небогатой источниковом базе, наряду с тенденциозностью содержится немало интересных попыток объективного анализа.

Вернемся к вопросам современной советской историографии. Сейчас ведутся конкретные исследования (к сожалению, не столь уж многочисленные) по ряду проблем гражданской войны. Рассматриваются события на различных фронтах, в различных регионах. Вместе с тем назрела необходимость подготовки многотомного труда по истории страны тех лет. Это издание, основанное на огромном накопленном ранее фактическом материале, на новых источниках, имеющихся в большом количестве в центре и на местах, а также на анализе обширной эмигрантской и зарубежной литературе, должно, мне кажется, существенно (а в ряде вопросов принципиально) отличаться от предыдущих крупных сводных работ по истории гражданской войны. Эти отличия (в самой общей форме) таковы. Поскольку гражданская война есть война двух сторон в пределах одного государства, то, исследуя историю данного государства, надо показывать обе стороны, включая и жизнь народных масс, находившихся на территории, подвластной противникам Советов. Деятельность — социальная, экономическая, политическая, военная — представителей контрреволюционного лагеря являются составной частью истории страны и подлежат исследованию и освещению.

Разумеется, история Советов, Коммунистической партии, Красной Армии остается приоритетной, а ее исследование — преобладающим направлением научной деятельности в этой области.

В новом издании следовало бы показать гражданскую войну в России как сложное явление, в котором переплетались классовые, национальные, политические линии, боролись силы социалистические, анархистские, буржуазно-демократические, реакционно-монархические, сталкивались центробежные и центростремительные тенденции; исторический процесс отражал как влияние передовой теоретической мысли, достижений российской науки, культуры, так и общую отсталость страны, уникальное многообразие ее регионов.

Жизнь подвела нас к необходимости глубокого отражения политico-психологического фактора во всей его противоречивости. Обостренность классового сознания достигла в ходе революции и гражданской войны апогея с обеих сторон. Классовые интересы и классовый подход вышли на первый план, оттесняя и подавляя такие общечеловеческие ценности, как милосердие, терпимость,

нравственность. Убежденность большинства трудящихся масс в неизбежности и необходимости изменения существующего строя, в возможности и близости создания общества социальной справедливости сталкивалась с мощью вековых традиций. Неотвратимое во время революции отрицание старого перерастало в отрицание всего прошлого со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Вера в скорую мировую революцию сплошь и рядом входила в столкновение с патриотическими настроениями. Отсюда возник широко распространенный ныне, имеющий глубокий подтекст вопрос: «Революция для России, или Россия для революций?»

Исходя из этих положений, следует расширить тематический спектр наших исследований, стремясь показать различные стороны происходившего, его богатство и многообразие. Это вовсе не значит, что надо предать забвению классовый подход. Но надо избавиться от зашоренности, схематизма и односторонности в понимании классового принципа. Забвение классовости так же ненаучно, как ее гипертрофия. Общечеловеческие ценности существовали всегда, но и классовая борьба, классовые интересы тоже существовали всегда и всегда лежали в основе исторического процесса. Очевидно и то, что во время революций и гражданских войн классовая борьба обострилась, и классовое сознание превалировало над общечеловеческими ценностями и принципами. Забывать об этом — значит переносить понятия, рожденные в сегодняшних условиях, на обстановку иного времени, т. е. нарушать принцип историзма, без которого невозможно объективное постижение прошлого.

В этой связи следует коснуться характеристики той эпохи как братоубийственной войны, характеристики, получившей широкое распространение во второй половине 80-х гг. Сторонники этой точки зрения исходят из того, что борьба развертывалась внутри самого народа, русский сражался против русского, украинец стрелял в украинца, шашка чеченца звенела, ударившись о шашку его соплеменика. Более того, война порой проводила огненную межу через семейные очаги, ставила по разные стороны баррикад родных братьев, отцов и сыновей. Архивы и воспоминания современников содержат немало таких фактов, а художественная литература отразила их с большой глубиной и силой. Сложный, порой трагический переплет человеческих судеб в гражданской войне показали М. Шолохов («Тихий Дон»), К. Тренев («Любовь Яровая»), И. Бабель («Конармия»), М. Булгаков («Белая гвардия»), А. Веселый («Россия, кровью умытая»), С. Залыгин («Соленая падь»), Б. Пастернак («Доктор Живаго»), А. Толстой («Хождение по мукам»), К. Федин («Необыкновенное лето») и мн. др.

Но за драматическими коллизиями в людских душах нельзя забывать о главном — во имя чего шла борьба, почему она началась, почему приняла такой ожесточенный характер. Никто не опроверг еще марксистского положения о том, что вся история человечества есть история борьбы классов. А классовая борьба, хотя и имеет международный характер («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), развертывается прежде всего в национальных и государственных рамках. И революционная борьба трудящихся России была направлена против русских помещиков и капиталистов, их украинских, еврейских, кавказских, среднеазиатских и других собратьев. «Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы», «гражданская война является в России войной рабочих и беднейших крестьян против помещиков и капиталистов»², — говорил В. И. Ленин.

Таким образом, нельзя путать классовую борьбу с братоубийственной. Если мы встанем на такую точку зрения, то все действия всех революционеров придется назвать братоубийственными. По этой логике Разин и Пугачев, декабристы и народовольцы, герои «Потемкина» и пресненских баррикад поднимались не против царского гнета, а против братьев своих.

Вопрос заключается не в сложности определения существа происходившей борьбы — это представляется ясным, а в сложности жизни, которая так много-

образна в своих проявлениях. Беда ученых в том, что они — в данном случае применительно к гражданской войне — не отразили этой сложности.

Выстраивая схему расстановки классовых сил, историки часто писали: контрреволюция — это миллионер Рябушинский, это защищающий свои несметные богатства князь Феликс Юсупов, это фабриканты, банкиры, владельцы латифундий, царские сановники, генералы и прислуживающие им преданные адвокаты типа Керенского. Им противостоят потомственные пролетарии, которым нечего терять кроме своих цепей, измученный непосильной работой батрак, однолошадный, бескоровный, с одной десятиной посева бедняк.

Эта схема в своей основе правильна. Но схема есть схема, за ней не видно многослойности общества, бесчисленных переходных групп, сложности их взаимосвязей. Линия баррикад, разделившая общество, является не геометрической прямой, а линией извилистой, зигзагообразной. Получалось порой, что выходцы из дворян и имущих слоев беззаземельно сражались за революцию, а представители рабочих или крестьян оказывались на стороне белогвардейцев. Это также порождает суждение о войне братоубийственной. Но, повторим еще раз, оценивая исторические явления в целом, нужно видеть главное и определяющее. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что на деле «гражданская война идет между пролетариатом и буржуазией»³. Вместе с тем гражданская война не может быть «без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев». Всякий грамотный человек признает, что француз, который бы во время восстания крестьян в Вандее за монархию и за помещиков стал оплакивать „гражданскую войну среди крестьян“, был бы отвратительным по своему лицемерию лакеем монархии⁴.

Непонятно, почему сторонники взгляда на граждансскую войну как братоубийственную сводят дело к национальной проблеме. Почему стрелять русскому солдату (крестьянину или рабочему) в немецкого, американского, французского солдата (крестьянина или рабочего) во имя чуждых и непонятных народу интересов было не братоубийственно? С общечеловеческой точки зрения, всякая война (а любая война сопровождается гибелью и военных, и мирного населения) братоубийственна и потому безнравственна. Водораздел проходит не только и не столько по национальному признаку, сколько по тому, во имя чего идет война, правому или неправому делу служит.

С этим связан и вопрос о революционном насилии, об эскалации жестокости. Советская историография на протяжении длительного времени идеализировала и романтизировала революционное насилие. Сегодня нам ясно, что идеализация насилия в любой его форме не приносит ничего, кроме вреда. Его надо не восхвалять, не оправдывать, а объяснять. Насилие — историческая реалия, и, понимая это, надо не закрывать глаза на неоспоримый факт его существования, а выявлять, в соответствии с принципами историзма, причины, порождающие насилие на каждом историческом этапе, видеть условия, обстоятельства, в которых оно происходило.

Революция и гражданская война вызвали глубочайший раскол общества. Противоборствующие стороны столкнулись в непримиримой схватке. Ожесточение, нараставшее с обеих сторон, порождало насилие и жестокость. Все это не только наложило отпечаток на характер происходившей борьбы, но и оставило глубокий след на долгие годы, сказалось на мышлении народа, на политической жизни последующих лет.

С момента Февральской революции стихийно происходила эскалация насилия и жестокости, взаимного подозрения и недоверия. Сразу после Февраля 1917 г. рабочие, крестьяне, солдаты активно вымешивали накопившуюся веками классовую ненависть и озлобление на генералах и офицерах, помещиках и фабрикантах. Заодно доставалось и интеллигенции, особенно ее высшим, высокооплачиваемым слоям.

Нелегко найти ответ на известный вопрос «кто виноват?» Легковесные и наивные рассуждения типа: «Если бы помещики сами отдали землю...», «Если

бы капиталисты сами поделились своими прибылями с рабочими...», «Если бы офицеры не унижали солдат...», «Если бы большевики не распалили классовую вражду...» и т. п.— не объясняют и не могут объяснить суть происшедшего. Неубедительны и рассуждения относительно «низменных инстинктов черни», «распоясавшихся люмпенов». Конечно, в революционном водовороте было много пеня, были всплески личной мести, зависти. Но это не могло определять стержневые пути классовых столкновений, объяснять массовость классовой вражды.

Корни происшедшего — в социальной несправедливости, существовавшей веками, в колоссальном различии между властью имущими и бесправной массой, в укоренившемся психологическом противостоянии бедных и богатых, господствующих и подчиненных. Взрыв был объективно неизбежен, классовая ненависть должна была выплеснуться, и ее проявления не могли облекаться в академические формы.

Бытует мнение, что в цивилизованных странах подобная классовая вражда невозможна. Но достаточно вспомнить обоюдную жестокость во время Парижской коммуны 1871 г., в ходе революций в Германии и Венгрии в 1918—1919 гг., в гражданской войне в Испании в 1936—1939 гг.

Разумеется, спокойные, ненасильственные формы развития общества желательнее, продпочтительнее. Но история, как многократно доказывалось, развивается не по благим пожеланиям теоретиков, и действия масс не идут по гладким и отлаженным путям. Если бы исторический процесс можно было уподобить культурному садику, где заботливый хозяин аккуратно подстригает кусты, вовремя срезает распустившиеся цветы, собирает с деревьев созревшие плоды, содержит в идеальном порядке газон и клумбы! История развивается по законам, определяющим в конечном счете ее поступательный ход. Но проявляются эти законы в разных странах и в разное время по-разному. Они, законы, не обнаруживаются в чистом виде, подобно дистиллированной воде. Они выступают в причудливом переплетении всевозможных обстоятельств — войн и неурожаев, династических коллапсов и столкновений честолюбий, трагедии потерпевших поражение и триумфа одержавших победу, в бесчисленных проявлениях позора, славы, чести и бесчестия. Видимо, историки-марксисты, увлекаясь справедливой мыслью о том, что революции — локомотивы истории, праздник угнетенных и обездоленных, часто забывали о драмах и трагедиях побежденных. А главное — о той цепи взаимного ожесточения, которая тянется дальше и дальше и обагряется кровью.

Вопрос о характере гражданской войны, об ее издержках и потерях не частный, не праздный. Он неразрывно связан с коренными проблемами истории человечества. Массы стремятся к социальной справедливости, борются за нее. И если им не удается добиться осуществления своих требований мирным путем — они прибегают к насилию. Таков закон революций. Таков закон истории. Но насилие рождает насилие. Народ прав в своем гневе, но не всегда справедлив. Революция защищается, но ее меч в пылу битвы карает и невинных. Летом 1918 г. падает под пулями не только бывший царь, виновный во многих прегрешениях перед своим народом, не только царица, но и ни в чем неповинные царевич и царевны.

Классовое размежевание приняло резкие формы сразу после Февраля. Октябрь еще больше обострил обстановку. В ряде городов (прежде всего в Москве) офицеры, юнкера, буржуазное студенчество с оружием в руках выступили против революции. После этого чуть ли не любой офицер казался рабочим и солдатам потенциальным врагом. И значительная часть офицеров уходила на Дон к Корнилову или включалась в подпольную деятельность. Уходила не только потому, что ненавидела новую власть, но и из-за боязни за свою жизнь. Подозрительность и недоверие выходили на новый виток. Взаимное неприятие возрастало.

Советская власть предложила разумную форму сотрудничества — службу

офицеров в Красной Армии. Хотя на практике было много искривлений, подозрений, с одной стороны, фактов измены и саботажа — с другой, это не только позволило создать регулярную, хорошо организованную армию, но и привело к тому, что многие офицеры из потенциальных врагов стали приверженцами и защитниками нового строя.

Советская власть сумела наладить также отношения с массой служащих и творческой интеллигенцией, привлекая их к созидательной работе. Но как много интеллигентов из-за ненависти к «возомнившим себя господами кухаркам» и из-за неприязни кухарок к барам оказалось в рядах контрреволюции, а затем и в эмиграции!

Это не оправдание происходившего, а лишь попытки понять причины жестокости и механизм ее эскалации.

В 1988—1989 гг. в советской литературе проявилась унизительная для науки тенденция умолчания. Стало чуть ли не нормой умалчивать о явлениях, которые объяснять по-старому уже нельзя, а по-новому еще не научились. В данном случае я имею в виду диктатуру пролетариата. В большинстве книг, вышедших за последние годы, о ней не встретишь ни слова.

Но ведь диктатура пролетариата в России существовала. Куда же ее девать? Выбрасывать из истории, считая миражем или мифом? Нет, конечно. Надо объяснить, почему она возникла, надо рассматривать ее в динамике, а главное — показать своеобразное сочетание диктатуры и демократии. На протяжении всей гражданской войны это ни на что не похожее сочетание находило множество проявлений.

Пролетариат России крепко держал власть в своих руках. Он не просто провозгласил диктатуру, а именно установил ее (на основе и в форме Советов) и осуществлял на практике. Твердость, строгость — неотъемлемые свойства диктатуры — сочетались с максимумом возможного в тех условиях демократизма. Это была демократия для основной массы населения, для трудящихся, веками угнетавшихся и не имевших никаких прав.

Да, диктатура была жесткой и жестокой, но все же большинство рабочих и крестьян, во-первых, понимали ее необходимость в условиях войны; во-вторых, поддерживали ее, поскольку она была направлена против бывших угнетателей; в-третьих, она осуществлялась не кем-нибудь, а именно представителями рабочих, крестьян, солдат.

Советская диктатура покончила с анархией и хаосом. Солдаты, еще недавно вместо службы лузгавшие семечки на Невском и Тверской, толпами уходившие с фронта, с улюлюканьем прогонявшие офицеров, были снова поставлены под ружье, подчинены комиссарам и командирам — большей частью тем же старым офицерам. Крестьян, безбоязненно громивших поместья имения, по своему разумению деливших дворянскую землю, скот, инвентарь, заставили сдавать хлеб и другие продукты по разверстке, запретили их свободную продажу. От рабочих, многие из которых завоеванное положение хозяина заводов и фабрик восприняли как разрешение бездельничать и растаскивать ставшее «ничейным» имущество, потребовали напряженного труда, милитаризировав значительную часть предприятий.

Крестьянин получил землю, и, хотя он был крайне недоволен невозможностью свободно распоряжаться продуктами своего труда, раздражен все-властью Компартии, бюрократизмом сельского, волостного, уездного начальства, он все же чувствовал себя хозяином на земле, свободно высказывался на сходках, беспартийных конференциях, съездах Советов, выбирал делегатов, понимал, что военные тяготы должны кончиться, что зазнавшихся бездельников в Совете — своих же сельчан — он может, если захочет, переизбрать, хотя они и цепляются за председательские места.

Сознательный рабочий, хотя далеко не всегда был доволен порядками на фабрике или заводе, понимал главное — бывшего хозяина-эксплуататора больше нет. Он видел и понимал, что власть делает многое для улучшения его

положения — осуществляет переселение в квартиры буржуазии и интеллигентции, создает прогрессивное трудовое законодательство, налаживает бесплатное здравоохранение, систему образования.

Разумеется, поддержка Советской власти основными классами страны не происходила стихийно, самотеком. Ведение кратковременной борьбы возможно на энтузиазме, революционном порыве. Но длительная борьба требует проведения длительной правильной политики, закрепления и углубления завоеваний революции. Советская власть проводила такую политику.

Говоря о противоречивости морально-политического состояния граждан России, нельзя забывать о региональных отличиях. Сказывалась историческая, национальная, географическая, экономическая специфика. Различной была степень влияния политических партий, в том числе националистических. По-разному проявлялось настроение населения в районах, не подвергавшихся вражескому нашествию, и в губерниях, испытавших длительную, а то и неоднократную оккупацию. Это настроение зависело от продовольственной ситуации, близости или удаленности фронта и т. д. Доминирующими негативными факторами были, во-первых, колебания мелкого, единоличного крестьянства, во-вторых, огромная усталость людей. Это особенно проявилось в конце войны. Недовольство крестьян прореволюционной, недовольство значительной части рабочих, нашедшее, в частности, выражение в начале 1921 г., дезертирство, принявшее немалые размеры, — все это факты общеизвестные.

Однако было бы неправильным преувеличивать значение этих теневых сторон. Надо видеть главное и основное. А оно заключается в том, что революция обладала не просто количественным перевесом в поддержке основных слоев населения. На ее стороне были принципиально новые факторы; ее морально-политическое превосходство состояло в новом качестве народной поддержки.

Острым и сложным является вопрос о ликвидации эксплуататорских классов, о коренных социально-экономических преобразованиях в первые годы Советской власти. Несомненно, ломка старых отношений в промышленности, сельском хозяйстве, торговле — огромная тема, заслуживающая особого исследования. Не рассматривая в данном случае ее специально, отмечу, что в ряде статей, опубликованных в 1988—1989 гг., настойчиво проводится мысль о скоропалительной, преднамеренной полной ломке существующих ранее отношений. Утверждается, что сразу после победы Октября была осуществлена всеобъемлющая национализация экономики, введен «военный коммунизм», власть государства распространялась на все отрасли народного хозяйства, что привело к его разрушению. Иными словами, экономика России была принесена в жертву социалистическим экспериментам («Россия для революции»). Эти утверждения тенденциозны, противоречат фактам.

Ликвидация помещичьего землевладения и соответственно ликвидация помещиков как класса была осуществлена самими крестьянами, полностью соответствовала их воле и отнюдь не преследовала целей непосредственно социалистического преобразования деревни. Попытки форсирования коллективизации, имевшие место в 1918 г. и не получившие поддержки крестьян, были решительно осуждены партией и Советской властью. Слова Ленина на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) о том, что у нас нет материально-технической базы, при которой крестьянин высказался бы «за коммунизм», хорошо известны.

Были дезавуированы романтико-догматические настроения многих коммунистов (главным образом на Украине), мечтавших преобразовать большинство крупных помещичьих латифундий в государственные предприятия, осуществив тем самым немедленную «коммунизацию» деревни.

Что касается прореволюционистов, то вопрос о ее значении изучен, мне кажется, достаточно основательно. В историографии показаны как ущерб, нанесенный ею, так и вынужденность ее, жизненная необходимость в условиях иностранного нашествия, потери основных житниц, разгула мелкобуржуазной стихии. Не

разверстка вызвала длившийся четыре года голод, как писали в 1988—1989 гг. многие авторы, а голод вызвал к жизни разверстку.

И национализация промышленности была осуществлена отнюдь не сразу после октябрьской победы. В конце 1917 — начале 1918 г. национализация носила ограниченный характер, касаясь главным образом предприятий, владельцы которых участвовали в саботаже, оказались «в бегах» и т. д.

Иными словами, ломка старого вовсе не предполагалась немедленной, категорической и полной. Она была осуществлена столь радикально и глубоко в силу сложившихся обстоятельств, в ходе навязанной внутренними и внешними врагами революции непримиримой борьбы. Об этом мы имеем достаточно ясные и недвусмысленные высказывания Ленина: «Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений чем мы предполагали»⁵.

Конечно, неправильно было бы отрицать значение идеологического фактора, стремление ускорить и радикализировать социально-экономические преобразования, попытки осуществить «непосредственный переход к коммунизму». Но эти стремления и попытки приобрели общегосударственный масштаб после того, как суровость и ожесточенность борьбы принудили страну к введению разверстки, к полной национализации, запрету торговли.

Возвращаясь к вопросу о ликвидации эксплуататорских классов, следует отметить, что наша историография не дает ясного представления о происходившем процессе. В ней подчеркивается, что революция — праздник угнетенных и порабощенных. Но ведь победившая революция — трагедия для побежденных. Эту трагедию незачем скрывать. Ее надо изучить и соответствующим образом отразить в исторических статьях и книгах. Ведь речь идет о многих сотнях тысяч людей (в 1917 г. в 38 губерниях Европейской России существовало 78 801 частнособственническое хозяйство с более 600 тыс. человек)⁶, о владельцах десятков тысяч промышленных и торговых предприятий, доходных домов, средств транспорта, об офицерах и чиновниках, о значительной части интеллигенции. Уровень исследований не позволяет сейчас дать более или менее точное определение численности этих слоев. В литературе называется цифра — 4—5 млн. человек (без сельской буржуазии)⁷.

К. Маркс писал применительно к истории Французской революции о плебейском способе борьбы с феодализмом. Используя это выражение, можно сказать, что в России крестьяне плебейским способом осуществляли аграрную революцию, громя поместья усадьбы, изгоняя с чадами и домочадцами порой хороших хозяев, квалифицированных агрономов, не занимавшихся эксплуатацией, с насиженных мест. Плебейским способом расправлялись и рабочие с владельцами предприятий, управляющими, толковыми администраторами, большей частью высококвалифицированными специалистами.

Это оттолкнуло от революции и значительную часть интеллигенции. Многие писатели, художники, артисты, ученые, врачи, учителя приняли революцию — суровую, голодную, зовущую к обновлению, открывающую путь к подлинному творчеству, дающую возможность быть с народом, творить для него. Но для многих революция стала злой мачехой, предстала перед ними грязной, кровавой, несущей только разрушения.

Ожидание революции, ее приход неизбежно рождают у интеллигенции иллюзии. Она готовит революцию во имя народа, представляя его благостным, преисполненным благодарности за дарованную ему свободу. Но жизнь разбивает иллюзии. Народ оказывается совсем не таким, каким рисовался в умных книжках. Он сам берет власть, пользуется ею по своему разумению, сам «по-плебейски» расправляется с теми, кого считает врагами и не выражает благодарности интеллигенции. Более того, видя в ней чуждую силу — «белую кость», смотрит на нее хмуро и косо.

Весь «пакет проблем», связанных с судьбой классов, групп, слоев, отстранных от власти, лишившихся доходов и привилегий, следует изучить основ-

вательно, не скрывая сложностей и противоречий. В частности, представляется важным проследить судьбы тех, кого мы на протяжении десятилетий называли «бывшими». Тех, кто искренне и честно остался с победившим народом,— офицеров, ученых, писателей, артистов. Тех, кто, принял на свои плечи тяжкий крест сталинских репрессий. Тех, кто под скромной толстовкой 20-х гг. таил ненависть к Советской власти. Тех, кто в период нэпа праведно или неправедно занимался коммерцией. Тех, кто оказался в зарубежье в достатке или бедности, забыв о Родине или мучимый ностальгией.

Очень важно также исследовать социальный состав эмиграции, белогвардейских армий. Приведем в качестве примера данные о группе офицеров Добровольческой армии. Пропагандистские стереотипы тех лет, перешедшие в исторические труды, утверждали, что все офицеры-добровольцы были представителями буржуазии и помещиков. Однако реальность была гораздо сложней. Вот список генералов и офицеров — участников Первого Кубанского («ледяного») похода (когда отряды добровольцев в феврале — марте 1918 г. уходили с Дона на Кубань). В списке — 71 человек. Это — ядро Добармии, ее элита, включавшая М. В. Алексеева, А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова, А. П. Кутепова, И. П. Романовского, И. А. Эрдели. Из них поместья имели лишь 5 человек. Зато дворяне действительно преобладали — 41 человек. 6 человек, не указавших дворянского происхождения, были детьми офицеров, 8 — чиновников. Из крестьян было 6 человек. Имелись выходцы и из мещанского сословия. Сам М. В. Алексеев числился как сын солдата сверхсрочной службы⁸.

Анкетные данные, конечно, не раскрывают облика этих офицеров. Отсутствие поместий еще не свидетельствует о бедности, а происхождение из мещан или крестьян не исключает монархического мировоззрения. Приведенные данные подчеркивают сложность вопроса. Среди офицеров-добровольцев были высококонцептуальные полковники Генерального штаба и не блиставшие образованием армейские служаки, герои германской войны и тыловики-интенданты, высокомерные отпрыски древних княжеских родов и выучившиеся на медные гроши крестьянские дети.

Что толкало их на путь отчаянной, смертельной борьбы с революцией? Убеждение в том, что большевики хотят разрушить Россию, ее государственность, ее культуру? Ненависть к солдатам, срывавшим с их плеч золотые погоны? Обида за лишение доставшегося дорогой ценой генеральского или полковниччьего звания? Потеря больших или малых состояний? Крах привычного уклада? Крушение личных перспектив? — Было общее неприятие революции, были личные мотивы, а логика борьбы вела их все дальше и дальше. Объективно получалось, что те, кто не обладал поместьями или фабриками, на деле защищали их владельца, а дети крестьян шли против крестьянских интересов. В этом была трагедия многих людей, оказавшихся в белогвардейских рядах.

Военные операции гражданской войны изучены основательно. Но настало время преодолеть существенный недостаток — односторонность освещения, когда все боевые действия рассматривались только с точки зрения командования Красной Армии. Для правильной и объективной оценки нужно рассмотреть, изучить противоборствующую сторону — ее силы, ее стратегические и оперативные замыслы, действия командования в ходе операций.

Советские историки много писали и пишут о том новом, что внесли в военное искусство советские полководцы. Но и белогвардейское командование учитывало специфику боевых действий. И с его стороны в ряде случаев было проявлено высокое военное искусство. Так, правильно оценив маневренный характер боевых действий, оно широко и успешно использовало крупные конные соединения (это, впрочем, объяснялось и тем, что белая армия с самого начала войны обладала многочисленной казачьей кавалерией). Примером может служить знаменитый рейд конницы генерала Мамонтова в августе — сентябре 1919 г., нанесший огромный ущерб советскому Южному фронту.

Да, у Красной армии был серьезный, сильный противник. Пожалуй, главная слабость белых заключалась не в военной стороне (бессспорно, что поначалу они

с военной точки зрения были явно сильнее), а в обстоятельствах военно-политических.

Деятельность Коммунистической партии в годы войны освещена в поистине огромном количестве научных трудов. Она отражена в тематическом и территориальном срезах. Однако остается немало кардинальных проблем, не подвергшихся серьезному исследованию. Взять, к примеру, степень фактического, а не формального влияния партии на народные массы в городе и деревне. Историки писали, в частности, о партийных организациях в деревне, о том, что их создание стало серьезным фактором, принципиально новым явлением в мировом социалистическом движении. (В 1917 г. возникло 203 крестьянские ячейки, в 1919-м — 2285, в 1920-м — 4868. К началу 1918 г. в партии было 16,7 тыс. крестьян. К началу 1921-го крестьян-коммунистов было уже 165,3 тыс.⁹) Однако можем ли мы с уверенностью, опираясь на соответствующие исследования, сказать, насколько деревенские парторганизации действительно влияли на настроение крестьян, насколько проникали в крестьянскую толщу? Или (что вероятнее) влияние партии в деревне было административно-поверхностным?

К сожалению, строгий классовый принцип приема в партию привел к тому, что в нее проникали люди, хотя и вышедшие из батрацко-бедняцких слоев, но не обладавшие должным авторитетом среди сограждан. Именно вскоре после гражданской войны это обстоятельство отразил курский крестьянин Гридаев. Он сказал о партии: «Признаю за правильную партию. Только неправильных между правильными слишком много»¹⁰.

На территории Республики Советов Коммунистическая партия обладала безраздельным политическим господством. Буржуазные партии как партии открытой контрреволюции полностью сошли с политической арены. Попытки их сравнительно немногочисленных представителей вести подпольную диверсионную и террористическую деятельность решительно пресекались.

Часть лидеров и активистов мелкобуржуазных партий также находилась в подполье, другая часть действовала легально, временами демагогически заявляя о необходимости борьбы с белогвардейщиной и интервенцией, но по-прежнему сосредоточивая главные усилия на антисоветской деятельности. Процент участия меньшевиков, эсеров, анархистов в Советах (городских, губернских, уездных, сельских) в 1919—1920 гг. был ничтожным. Некогда сравнительно многочисленные мелкобуржуазные партии распадались. Рядовые их члены переходили на сторону революции, а оппортунистические лидеры — в стан белогвардейцев.

Роль Коммунистической партии в гражданской войне была огромной, если не решающей, и приуменьшать ее было бы ненаучно. Изучение деятельности других партий, групп и организаций — монархических, кадетских, меньшевистских, эсеровских — в последние годы стало более интенсивным. Но не подлежит сомнению, что и здесь — широкое поле для дальнейших исследований.

Историческое столкновение такого гигантского масштаба ознаменовано не только борьбой классов, партий, армий, борьбой идей, но и испытанием руководителей. В стане контрреволюции практически не оказалось деятеля, способного возглавить движение. Один из крупнейших представителей российского рабочего движения дореволюционного и революционного времени — Г. В. Плеханов — отрицательно воспринял Октябрь, но активно не выступил против Советской власти. Энергичные и опытные буржуазные лидеры А. И. Гучков, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, В. В. Шульгин пытались играть активную роль в организации контрреволюционных сил, но фактически не нашли своего места и еще до окончания гражданской войны — одни раньше, другие позже — покинули Россию. А. Ф. Керенский, который по своему положению мог бы претендовать на место руководителя, быстро понял бесперспективность дальнейшей борьбы и уже в 1918 г. эмигрировал. После попыток принять активное участие в сплочении антибольшевистских сил в Поволжье и Сибири в конце 1918 г. уехали виднейшие эсеры Н. Д. Авксентьев, бывший в октябре 1917 г. председа-

телем Предпарламента, и В. М. Чернов, являвшийся председателем Учредительного собрания. Б. В. Савинков руководил в начале гражданской войны белогвардейским подпольем. Но как эсер он не мог претендовать на роль лидера в белогвардейском лагере, где тон задавало монархически настроенное офицерство. На авансцену вышли генералы и адмиралы. Правда, самый известный из них — Л. Г. Корнилов — погиб в бою весной 1918 г. Заметной фигурой был руководитель контрреволюции на Дону генерал-лейтенант П. Н. Краснов. Однако после поражения Германии связи Краснова с немецкой военщиной помешали ему стать фаворитом Антанты. Попытки обрести вождя привели к провозглашению в ноябре 1918 г. адмирала А. В. Колчака «верховным правителем России», а далекого сибирского города Омска — столицей. Трудно судить, смог бы Колчак, командовавший недолгое время (в 1916—1917 г.) Черноморским флотом, стать подлинным лидером. Но военно-политическая и географическая ситуация придала титулу верховного правителя чисто символическое значение.

По стратегическому расположению подконтрольной территории и по масштабу ресурсов с лета 1919 г. на первое место выдвинулся главнокомандующий вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин. В 1917 г. он командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Верный сподвижник Корнилова, Деникин добросовестно стремился к укреплению сложного конгломерата политических и военных сил Дона, Кубани, Украины. Однако военное поражение заставило его в начале 1920 г. уйти с авансцены. Не проявили себя дальновидными и глубокими действиями наступавший на Петроград и возглавивший контрреволюцию на Северо-Западе генерал от инфантерии Н. Н. Юденич и генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель, сменивший Деникина на посту главкома вооруженными силами Юга России.

В тяжелом испытании военных лет лидеры революции проявили незаурядную интеллектуальную мощь, организационный динамизм, политическую глубину. В лице В. И. Ленина революция имела подлинного народного вождя. Он показал себя непревзойденным мастером революционной стратегии и тактики. Авторитет Ленина в партии и рабочем классе основывался не на подавлении и отторжении оппонентов, а на сплочении всех лучших умов для поиска и осуществления оптимальных решений.

Большую роль в создании Красной Армии и проведении важнейших боевых операций сыграл Л. Д. Троцкий, являвшийся Председателем Реввоенсовета и наркомвоенмором. Достоинства Троцкого — энергия, решительность, убежденность, проницательность — в годы войны перевесили его недостатки — слабую партийную закалку, эгоизм, увлечение администраторской стороной дела.

Многие из соратников Ленина — представители старой большевистской гвардии — после победы революции показали себя выдающимися государственными и военными деятелями. Замечательным организатором общегосударственного масштаба был Я. М. Свердлов. Сменивший его на посту Председателя ВЦИКа тверской крестьянин, птиловский токарь М. И. Калинин как никто умел общаться с массами. Он стал настоящим «всероссийским старостой». Поставленный на передний план борьбы с контрреволюцией Ф. Э. Дзержинский, блестательный эрудит, бесменный организатор народного просвещения А. В. Луначарский, один из руководителей советских профсоюзов М. П. Томский, неутомимый труженик хлебного фронта народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа, один из самых ярких дипломатов современности Г. В. Чичерин — все они, каждый на своем участке, вносили серьезный вклад в коллективное руководство. Развернулся искрометный талант Н. И. Бухарина — теоретика, пропагандиста, ставшего в те годы одним из ведущих деятелей партии. Большую роль в организации снабжения советских войск сыграл А. И. Рыков, занимавший пост Председателя ВСНХ и чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии и Флота. В годы гражданской войны выросла известность И. В. Сталина, являвшегося членом Политбюро, наркомом, членом реввоенсовета ряда фронтов. Видные деятели партии стояли

во главе трудящихся крупных городов — Л. Б. Каменев был председателем Московского, а Г. Е. Зиновьев — Петроградского Советов.

Полководцы революции — главнокомандующие Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис и С. С. Каменев, командующие фронтами А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, В. И. Шорин, командующие армиями — оказались в конечном счете по уровню стратегического и тактического мышления выше, чем полководцы контрреволюции.

Следует поднять на новый научный уровень изучение антисоветской военной интервенции. Архивы Англии, Франции, США, Японии использованы советскими исследователями в ничтожной степени. Недавние публикации В. Л. Малькова из архивов США¹¹ убедительно говорят о необходимости анализа ранее неизвестных зарубежных данных о гражданской войне и интервенции. Антисоветская интервенция стала практическим, конкретно-историческим воплощением экспорта контрреволюции. В связи с этим важно рассмотреть до этого тщательно обходившуюся, а ныне вынесенную на страницы печати и освещаемую с малой научностью, хотя и с большой сенсационностью, проблему мировой революции и Октябрьской революции как ее составной части.

Далеки от действительности рассуждения о том, что 5,5-миллионная Красная Армия создавала напряженность в Европе, что западные державы всерьез опасались, будто пехотные корпуса Тухачевского и конные дивизии Буденного пойдут на Берлин и Париж. Нет, конечно. Свыше 5 млн. красноармейцев стояли под ружьем не потому, что хотели кого-то завоевать, а потому, что страна вынуждена была обороняться от иностранного нашествия и внутренней контрреволюции. Лидеры западных демократий боялись не слабо вооруженных, голодных и усталых советских солдат, а возможного революционного взрыва в своих странах. Ведь опыт России, Германии, Венгрии говорил о том, что революция — не призрак, бродящий по Европе, а историческая реальность. Лозунг «Даешь Варшаву!» действительно был выдвинут, и Красная Армия на Варшаву наступала. Но война с Польшей в 1920 г. была с советской стороны оборонительной — польские войска вторглись 25 апреля 1920 г. на советскую территорию, захватив Киев. Наше неудачное наступление на Варшаву было логичным, естественным развитием контрнаступления советских войск, призванного отбросить и разбить противника, вторгшегося в пределы страны и преследовавшего захватнические цели.

Правда, в ходе поначалу успешного контрнаступления возникли идеи перенесения в Польшу революционного пламени, но, во-первых, их ошибочность, переоценка своих сил и революционного потенциала польского рабочего класса, желание использовать представившуюся возможность для продвижения на Запад форпоста революции были признаны Лениным. А, во-вторых, и это самое главное, следует помнить о том, кто и зачем начинал советско-польскую войну.

Так или иначе мысль о неизбежности и близости мировой революции разделялась практически всем руководством партии. Она стала важным фактором политической жизни, отражала настроения широких партийных масс. Однако различия в понимании задач Республики Советов в этом вопросе были. Позиция Троцкого основывалась на убеждении, что без мировой революции огонь социализма в России будет потушен. Поэтому он был склонен к радикальным действиям, доходящим до авантюризма (план посылки красноармейского экспедиционного корпуса в Индию для поддержки антиимпериалистической борьбы). Авантюристичны были и проникнутые добросовестным, наивным и потому опасным романтизмом планы левых коммунистов по развертыванию революционной войны против германского империализма в первые месяцы 1918 г.

Позиция Ленина и большинства партийного руководства может быть охарактеризована следующими постулатами:

1. Безусловная убежденность в обязательном и скором развертывании масштабного и радикального революционного движения в странах Европы и Азии, в том, что мир в целом созрел для социалистической революции. Эта убежден-

ность основывалась на факте победы революции в России (начало — да еще какое гигантское! — положено), фактах революций в Германии, Венгрии, несомненного подъема революционного движения во Франции, Англии, фактах солидарности с Советской Россией. Революция в Турции казалась предвестником общего взрыва на Востоке. Последующее развитие показало ошибочность надежд на скорую мировую революцию. Революции произошли фактически только в странах, потерпевших поражение в первой мировой войне, в значительной мере были обусловлены горечью, отчаянием побежденных, трудностями, которые они испытывали.

2. Безусловное и категорическое осуждение империализма как кровавого, паразитирующего, находящегося накануне гибели строя. Эти оценки, как показало время, не учитывали всех возможностей дальнейшего развития капитализма.

3. Убежденность в неизбежности конечного столкновения двух систем.

4. Максимальная поддержка революционного движения в странах Европы, Азии, Америки и соответственно курс на союз с самыми левыми, самыми радикальными элементами революционного движения за рубежом.

5. Как следствие — разрыв с умеренными, самая резкая их критика за оппортунизм, реформизм, соглашательство с буржуазией. (Это отношение, кстати, усугублялось той пропастью, которая разделила большевиков и представителей других социалистических течений в России в ходе революции и гражданской войны).

Вместе с тем все эти постулаты, из которых, несомненно, исходило руководство РКП(б) в своей практической и пропагандистской деятельности, сочетались с трезвым пониманием реалий современного положения в мире. Партия не раз провозглашала, что революционный взрыв зависит от назревания соответствующих условий в каждой стране, что надо делать все возможное для помощи в деле созревания этих условий, но не привносить взрыв извне, не экспонтировать революционное пламя.

Критикуя и осуждая (в том числе и в дипломатических документах) империалистические страны за их агрессивность, за порабощение народов и, разумеется, за организацию открытой антисоветской вооруженной интервенции, советское руководство тем не менее учитывало обстановку и соотношение сил на планете. Признавая неизбежным конечное столкновение двух систем, оно одновременно считало возможным (а позднее и обязательным) более или менее их длительное сосуществование, рассматривало его как своеобразную форму классовой борьбы на международной арене. Советское руководство понимало (особенно после поражения Советов в Венгрии и спада революционной волны в Германии), что мировой капитализм в основных своих центрах в этом раунде устоял. Поэтому руководство страны на протяжении всей гражданской войны многократно обращалось к капиталистическим правительствам с конкретными, реалистическими мирными предложениями.

К концу войны свет в конце туннеля появился, стали обозначаться перспективы мирного урегулирования, выхода из дипломатической изоляции, начала международного сотрудничества.

Я не затрагиваю вопросов социально-экономической политики в годы гражданской войны, проводившейся как на советской территории, так и в районах, где господствовали интервенты и белогвардейцы. Эта важная проблема так же, как и вопросы национальных движений, самоопределения народов, создания национальной государственности (советской и буржуазной) и вопросы культурной жизни, требует самостоятельного рассмотрения. Несомненно, что эти сюжеты должны найти глубокое отражение в новых трудах, занять, быть может, преобладающее место; несомненно также, что их освещение потребует поиска новых подходов.

Гражданская война кроме основных сражений на основных фронтах включила в себя бесчисленное множество локальных столкновений — на Северном

Кавказе и в Закавказье, в Центральной России, на Украине и Дону, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Казахстане. Краткие и длившиеся не один год, сравнительно небольшие и вовлекавшие сотни тысяч человек, носившие ярко выраженную национальную окраску и, напротив, имевшие отчетливый социально-политический характер, они в своей совокупности затронули большинство населения, сделали войну беспрецедентно сложной и напряженной.

Длительная и упорная война отразилась на всем ходе социалистического строительства. Произошло вынужденное расширение общеисторических хронологических рамок социалистических преобразований. Длительное время, пока шла война, основные силы народа были сосредоточены на решении военных задач для того, чтобы отвратить смертельную угрозу. Страшное разрушение производительных сил — результат действий белогвардейцев и интервентов — обусловило необходимость восстановления народного хозяйства — целого исторического этапа, длившегося 5 лет. Таким образом, в течение примерно 8 лет основные усилия страны были направлены на войну и ликвидацию ее последствий. Особенно тяжелы были людские потери. С 1917 по 1923 г. они составили 13 млн. человек. Отвлечение народных сил от решения созидательных задач, вне всякого сомнения, породило множество дополнительных трудностей, удлинило сроки социалистических преобразований, затормозило поступательное движение Советской страны, помешало выявить в полной мере преимущества советского строя, послужило толчком для появления и последующего развития деформаций в общественно-политической и экономической жизни.

Гражданская война в России была особенно напряженной и потому, что социальное противостояние сопровождалось межнациональными конфликтами. В большинстве национальных районов борьба приобрела крайне многослойный и запутанный характер.

Война глубоко отразилась на политической атмосфере общества. Люди, три года находившиеся в противоположных лагерях, отнюдь не сразу перестали смотреть друг на друга с неприязнью и подозрением. Глубокое недоверие к правящим кругам капиталистических стран, которые своим вмешательством во внутренние дела России нанесли ее народам огромный ущерб, сохранилось на долгие годы. Надолго закрепилась также рожденная революцией и гражданской войной обостренность классового сознания.

В народе и партии укрепилась убежденность в могуществе, непобедимости революции и созданного ею строя.

Примечания

¹ Представляется более правильным писать «гражданская война в России», а не «... в СССР», как принято ныне, поскольку Союз Советских Социалистических Республик, как известно, был создан после окончания гражданской войны.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 7; Т. 36. С. 459.

³ Там же. Т. 39. С. 143.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 44. С. 202.

⁶ Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. // Труды ЦСУ. Т. 5, Вып. 1. М. 1921. С. 42—43.

⁷ И. Ю. Писарев численность крупной буржуазии, помещиков, высших чиновников и прочих определяет на 1913 г. (в границах Российской империи, т. е. с Польшей, Финляндией, Прибалтикой) в 4,1 млн. (Писарев И. Ю. Народонаселение СССР. М., 1962. С. 68). В статсборнике 1936 г. указывается, что численность помещиков и городской буржуазии в 1913 г. составила 5 млн. человек. (Социалистическое строительство в СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. XXX).

⁸ Каутэрэдзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 227—230.

⁹ Всероссийская перепись членов РКП 1922. Вып. 4. М., 1923. С. 35, 37.

¹⁰ Яковлев Я. А. Деревня, как она есть. М.; Л., 1925. С. 22.

¹¹ См.: Новое время. 1988, № 40.

План-проспект 5-томного издания
«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ»
(Исторические очерки)

Том 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРИЧИНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Понятие гражданской войны. Характер гражданских войн в истории. Революция и контрреволюция. Проблема революционного насилия. Угнетение трудящихся при помощи насилия — источник и причина революционного насилия. Эскалация жестокости, ее причины. Классовая борьба и общечеловеческие ценности. Экспорт революции и экспорт контрреволюции. Иностранное вмешательство — один из решающих факторов развязывания гражданской войны.

Динамика соотношения классовых сил в России в 1917 г. от Февраля до Октября. Взаимное классовое ожесточение (обострение взаимоотношений между офицерами и солдатами, развертывание крестьянского восстания, противостояние рабочих и предпринимателей). Июльские дни и корниловский мятеж — открытые вооруженные столкновения сил революции и контрреволюции.

Неудача поисков мирного пути. Победа социалистической революции на основе насильственного свержения старой власти. Социалистический выбор России. Демократическая основа революционного насилия. Мирные и немирные формы установления Советской власти в регионах страны. Вооруженная борьба в ходе установления Советской власти — фактическое начало гражданской войны.

Первые революционные политические, социальные и экономические преобразования. Невозможность постепенности и компромиссности осуществлявшихся преобразований в связи с усилением сопротивления контрреволюционных сил.

Неудачные попытки единения социалистических сил России. Причины углубления раскола этих сил, превращение различных фракций социалистического движения в непримиримых противников. Невозможность «третьего пути». Террористическая и заговорщическая деятельность контрреволюции. Зарождение ее вооруженных сил. Начало иностранной — австро-германской, а затем антантовской — военной антисоветской интервенции. Okкупация обширных территорий России. Активизация контрреволюции в связи с иностранным нашествием.

Том 2. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОГНЕННОГО КОЛЬЦА

Происхождение выражения «Советская Республика в огненном кольце». Периметры «кольца» на разных этапах гражданской войны. Географическое размежевание борющихся сторон — закономерности, особенности, условность понятия. Проблема периодизации, ее слагаемые: ход и интенсивность военных действий, развитие военной экономики, активность внешних интервенционистских сил. Примерные этапы гражданской войны *.

Основные вопросы политической и социально-экономической жизни в рамках этих этапов.

* 1. Подготовка контрреволюции к вооруженной борьбе; австро-германская интервенция; возникновение Красной Армии (весна 1918 г.). 2. Переход контрреволюции к широкомасштабным вооруженным действиям и возникновение фронтов; развертывание интервенции Антанты, включая мятеж чехословацкого корпуса; становление Красной Армии, ее неудачи и первые успехи (лето и осень 1918 г.). 3. Окончание первой мировой войны; ликвидация австро-германской интервенции и освобождение оккупированных ранее территорий; усиление интервенции Антанты; рост Красной Армии; углубление социально-экономических преобразований; возникновение системы «военного коммунизма» (конец 1918 — начало 1919 г.). 4. Уход основных интервенционистских войск; крупнейшие сражения гражданской войны — на Востоке, Юге и Северо-Западе; решающие победы Красной Армии над войсками Колчака, Юденича и Деникина; развитие системы «военного коммунизма» (весна 1919 г. — весна 1920 г.). 5. Выступление новой интервенционистской силы — польских войск; советско-польская война; борьба с Врангелем; Перекопский штурм; полная победа над вооруженными силами внутренней контрреволюции; успешное отражение иностранного нашествия; апогей системы «военного коммунизма»; нарастание крестьянского недовольства; крестьянские восстания (весна 1920 г. — весна 1921 г.). 6. Переход к нэпу; прекращение крестьянских восстаний; освобождение Дальнего Востока; начало выхода из дипломатической изоляции; демобилизация армии; локальные очаги контрреволюции и их постепенная ликвидация (весна 1921 г. — конец 1922 г.).

Изменение социальной структуры общества. Ликвидация класса помещиков, крупной и средней буржуазии, осереднячивание крестьянства. Расширение классовой базы Советской власти. Налаживание союза с середняком. Политическое единство Советской Республики. Система диктатуры пролетариата. Роль большевистской партии в этой системе. Сочетание свойств, присущих диктатуре (твердости, решительности, беспощадного подавления сопротивления противников революции), с наличием своеобразной демократии для трудящихся масс. Демократизм Советов. Привлечение рабочих и крестьян к управлению государством на различных уровнях. Плюсы и минусы этого процесса. Появление и рост бюрократических элементов в системе государственного и экономического управления. Политическая пестрота контрреволюции. Попытки создания «демократических правительства». Неудачи «третьей силы». Укрепление позиций монархических, крайне правых кругов. Деятельность Комуча, Уфимского, Омского, Архангельского правительства, администрации Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля. Рост взаимного ожесточения. Красный и белый террор. Его последствия. Строительство Красной Армии. Привлечение военных специалистов в Красную Армию — один из крупнейших успехов Советской власти. Создание нового офицерского корпуса. Превращение Красной Армии в регулярную. Преимущества и слабости контрреволюционных вооруженных сил. Роль партизанского и подпольного движения в белом тылу; заговоров, мятежей, террора — в советском. Легальная деятельность части меньшевиков и эсеров на территории РСФСР. «Военный коммунизм», его развитие как системы. Диалектика вынужденности «военного коммунизма» и возникновения военно-коммунистической идеологии, стремления к непосредственному переходу к коммунизму.

Национальное движение и национальные проблемы. Вопрос о самоопределении народов. Создание национальной государственности в Закавказье во время правления меньшевистского правительства в Грузии, дашнакского в Армении, мусаватистского в Азербайджане. Политика националистических правительств на Украине. Борьба центробежных и центrostремительных сил. Позиция белогвардейских кругов в национальном вопросе. Выделение из территории старой России Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Национальные движения в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Поволжье. Сложности и трудности победы Советской власти на Украине, Северном Кавказе, в Закавказье, Средней Азии. Складывание системы советской федерации.

Том 3. СРАЖЕНИЯ, ОХВАТИВШИЕ ВСЮ СТРАНУ

Первые вооруженные столкновения революционных и контрреволюционных сил в ходе установления Советской власти. Австро-германская интервенция, оккупация Украины, Белоруссии, Прибалтики, Крыма, значительной части Закавказья. Рождение и развитие Красной Армии. Возникновение вооруженных сил контрреволюции (зарождение Добровольческой армии, казачьи контрреволюционные формирования, национальные воинские части). Начало интервенции Антанты. Высадки английских, японских, американских десантов на Севере и Дальнем Востоке. Постепенное расширение масштабов боевых действий. Мятеж иностранной военной силы, расположенной внутри страны,— чехословацкого корпуса.

Возникновение фронтов. Констатация Советским государством факта начала новой войны (лето 1918 г.). Переход в руки интервентов и белогвардейцев значительной части территории страны — Сибири, Урала, части Поволжья и Северного Кавказа, Европейского Севера. Мятежи в советском тылу (Москве, Ярославле и др.). Победы на Средней Волге, освобождение Казани, Самары — переломный момент. Роль и место обороны Царицына летом и осенью 1918 г. Поражение XI армии и полная потеря Северного Кавказа — важный успех контрреволюционных сил. Противоречивость оценки военных достижений обеих сторон в 1918 г.

Поражение Германии в первой мировой войне. Военные операции по освобождению оккупированных ею территорий. Высадка интервенционистских десантов Антанты на Юге России. Боеевые действия на Южном и Восточном фронтах в конце 1918—начале 1919 г. Вынужденный вывод интервенционистских войск из России (кроме Дальнего Востока).

Наступление войск Колчака на Восточном фронте весной 1919 г.— одна из решающих операций гражданской войны. Стратегический замысел белого командования и его воплощение. Успехи наступления. Подготовка и освобождение Урала, Западной Сибири, ликвидация «туркестанской пробки». Продвижение войск Деникина на север. «Московская директива» (июль 1919 г.) — перенесение центра тяжести решающих сражений на Южный фронт. Наступление войск Юденича на Петроград летом и осенью 1919 г. Успехи Деникина в августе — первой половине октября 1919 г. Осень 1919 г.— критическая фаза гражданской войны.

Орловско-Кромская, Курско-Касторненская операции. Ликвидация армии Юденича. Освобождение южных губерний России, Украины, Северного Кавказа. Конец колчаковщины. Мирная передышка начала 1920 г. Создание трудовых армий. Начало советско-польской войны. Наступление польских войск, падение Киева. Контраступление Красной Армии. Успехи на Южном и Западном фронтах. Поражение войск советского Западного фронта под Варшавой, его причины.

Переформирование остатков денкинской армии в Крыму. Активизация войск Врангеля. Создание советского антиврангелевского фронта. Бои в Северной Таврии. Штурм Перекопа, освобождение Крыма.

Ликвидация основных очагов гражданской войны. Государственная констатация завершения войны (декабрь 1920 г.)

Продолжение локальных вооруженных столкновений. Кронштадтский мятеж. Подавление крестьянских выступлений (антоновщина, Ишим и др.), ликвидация махновщины и многочисленных банд на Украине, отражение белогвардейских вылазок из-за рубежа. Военные операции по освобождению Дальнего Востока (1922 г.). Борьба с басмачеством в Средней Азии.

Особенности военных действий в ходе гражданской войны. Стратегия и тактика белогвардейских армий и Красной Армии. Численность войск, их потери.

Том 4. ЖИЗНЬ НАРОДА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Изменение территории страны в связи с образованием независимых государств, потерей Западной Украины, Западной Белоруссии, румынской оккупацией Бессарабии. Население страны в целом и по регионам. Соотношение территории и населения (по хронологическим периодам) между лагерем революции и лагерем контрреволюции.

Демографическая ситуация — смертность, рождаемость; военные потери, изменение половозрастного состава населения. Снижение численности городского населения. Национальный состав населения. Эмиграция (численность, распределение по странам, состав). Разрушение экономики, вызванное войной. Причины хозяйственной разрухи. Особенности условий жизни (питание, наличие товаров первой необходимости, здравоохранение и пр.) в советских районах и на территориях, находившихся под оккупацией и белогвардейским правлением. Региональные особенности жизненных условий.

Попытки создания нового быта (налаживание бесплатного здравоохранения, системы охраны материнства и младенчества и т. п.). Проблемы психологии масс. Взаимная обостренность классового сознания. Упадок значения общечеловеческих ценностей. Ожесточение, вызванное войной, красным и белым террором, тяготами жизни. Вера советского политического авангарда в мировую революцию, скорую победу коммунизма. Энтузиазм передовой части рабочего класса, молодежи, интеллигенции на фронте и в тылу. Коммунистические субботники.

Равнодушие, апатия, усталость большей части крестьянства, отдельных слоев рабочего класса. Массовое дезертирство из Красной и белых армий. Чувство безысходности, пессимизма, отчаяние в среде контрреволюции. Настроение разочарования, пессимизма у многих представителей творческой интеллигенции. Падение влияния православной церкви. Положение мусульманской и католической религий.

Усилия Советского государства по подъему культурного уровня масс. Борьба за ликвидацию неграмотности. Рабфаки. Формы политического просвещения. Распространение нигилистических взглядов на культурное наследие прошлого. Политика белогвардейской администрации в области культуры.

Том 5. ИТОГИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯДЫ, СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ

Советская и зарубежная историография за 75 лет. Изменение оценок места, роли и последствий гражданской войны в истории СССР и мировой истории.

Изменение суждений о роли и значении различных событий, явлений, процессов, военных операций. Роль выдающихся политических и военных деятелей обеих сторон.

Плюрализм современных точек зрения в СССР, странах Западной Европы, США и др.**

Библиография, справочные материалы.

** Предполагается написание соответствующих разделов авторами из Польши, Чехословакии, ГДР, ФРГ, Франции, Великобритании, США, Японии.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 1990 г.

В. Г. САРБЕЙ, О. Е. ФРАНКО

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА

«Вчера вернулся Владимир Ильич из Парижа, где его лекции и реферат, по-видимому, произвели сенсацию»¹. Это строки написанного в Лондоне, датированного 10 марта 1903 г. (даты даны по новому стилю) письма Ю. О. Мартова — одного из соредакторов созданной В. И. Лениным массовой нелегальной газеты РСДРП «Искра» другому соредактору — П. Б. Аксельроду. Речь шла о выступлениях В. И. Ленина — уже тогда общепризнанного лидера российской социал-демократии — перед слушателями парижской Русской высшей школы общественных наук, а также перед членами парижской колонии политических эмигрантов из России. Этот примечательный эпизод его биографии пока что не получил достаточно полного освещения в советской историографии: лишь несколько исследовательских сообщений² и отдельные страницы в научно-популярных книгах в общих чертах рассказывают о всех случаях посещения Лениным Парижа³.

Зато целых два десятка позиций в первом томе 12-томной ленинской Биохроники передают (естественно, самым сжатым, «телеграфным» стилем, обусловленным характером данного издания) лаконичную информацию о той памятной поездке Владимира Ильича, его тщательной подготовке к ней и, наконец, о самих лекциях⁴. От этой огромной научной работы сохранились лишь подготовительные авторские материалы (тезисные планы-конспекты отдельных лекций, общая программа всего лекционного курса на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России»), а также сделанная одним из слушателей с последующей правкой В. И. Ленина конспектная запись первой лекции. Ныне со всей этой творческой лабораторией Владимира Ильича могут ознакомиться самые широкие круги читателей посредством «Ленинских сборников» и Полного собрания сочинений⁵.

Впервые В. И. Ленину пришлось отстаивать марксизм перед весьма разноликой по своему мировоззрению публикой из эмигрантской, студенческой и рабочей молодежи. Впрочем, таким же пестрым в общественно-политическом отношении был и состав лекторов Русской высшей школы общественных наук. Ее основали в 1901 г. представители московской либеральной профессуры М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров, Е. В. де Роберти, которые были лишены права преподавания в высших учебных заведениях России. Почетным президентом созданной на общественных началах (и на пожертвования богатых доброхотов) Русской школы стал выдающийся русский ученый-микробиолог М. И. Мечников, поселившийся в 1887 г. в Париже для постоянной научно-исследовательской работы во всемирно известном Институте микробиологии Луи

Сарбей Виталий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института истории АН УССР.

Франко Оксана Емельяновна, кандидат исторических наук, сотрудник Института археологии АН УССР.

Пастера. Почетным членом Совета школы был избран и великий русский писатель Л. Н. Толстой.

Таким образом, уже сам состав руководства (как его рабочей, так и почетной части) ставил это учебное заведение в открытую оппозицию царскому самодержавию. В этой связи нельзя не вспомнить, что ключевую, объединяющую преподавателей и учащихся должность секретаря Совета школы занимал М. Я. Ингбер — член парижской организации сторонников ленинской газеты «Искра». (Впоследствии он написал небольшой рассказ, в котором с достоверностью очевидца зафиксированы обстоятельства, связанные с приглашением В. И. Ленина в парижскую Русскую школу для чтения курса лекций⁶.) Добавим, что напечатанную по инициативе М. Ингбера программу с расписанием занятий на февраль 1903 г. (именно здесь конкретно датированы ленинские лекции по аграрному вопросу) теперь можно увидеть в виде фотокопий в экспозициях как Центрального музея В. И. Ленина в Москве, так и его филиалов в других городах Советского Союза. Оригинал же этого документа хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Недавно в Научном архиве Института археологии АН УССР нами обнаружено еще несколько экземпляров все той же программы. Она свидетельствует, что Владимиру Ильичу было запланировано четыре лекции подряд с 23 по 26 февраля 1903 г. В ней есть и фамилия Ф. К. Волкова с названиями его лекционных курсов: «Сравнительная этнография» и «Основы антропологии». Эта программа с расписанием учебных занятий сохранилась в его личном собрании разнообразных рукописных и печатных документов, которые ныне составляют отдельный фонд вышеуказанного архивохранилища. В нем, в частности, насчитывается почти 5,5 тыс. писем от более чем 750 корреспондентов, а также свыше 100 черновиков писем самого Ф. К. Волкова. Среди его корреспондентов — революционеры-народники Л. Волькенштейн, А. Юрьева; социал-демократы-марксисты В. Засулич, П. Аксельрод; участники освободительного движения на Украине И. Франко, О. Подолинский, В. Доманицкий; ученые различных специальностей — Д. Анучин, А. Шахматов, М. Беляшевский, В. Гнатюк, Д. Яворницкий, В. Хвойка, П. Ефименко, А. Крымский; писатели и деятели искусств Б. Гринченко, М. Антокольский. Много писем и от различных деятелей науки и культуры.

Бережное отношение Волкова проявилось к тем рукописным и печатным документам, которые так или иначе отражают деятельность единственного в своем роде русского высшего учебного заведения, в котором курс лекций прочел В. И. Ленин. Обращают на себя внимание вырезки статей о Русской школе, напечатанные в русских, французских, немецких, польских газетах и журналах. Об открытии «русского университета» в Париже сразу же сообщили «Биржевые ведомости», отметив, что это заведение имеет возможность развиваться благодаря постоянному существованию многочисленной русской колонии из студенческой молодежи, а также ученых и литераторов. «Киевскую газету» основание «свободного русского университета» в Париже заинтересовало как пример для создания в самой России самостоятельных частных учебных заведений по юридическому, историко-филологическому, естественно-математическому циклам наук. «Одесский листок», а вслед «Петербургская газета» опубликовали посвященное Русской школе публичное выступление И. И. Мечникова: «Она является школой социальных наук, но не имеющей основательной организации и материальных средств. Кто приедет в Париж из иностран [ных] и русск [их] ученых, тот и читает там несколько лекций по известному предмету. Постоянных лекторов она не имеет. Несколько профессоров, постоянно проживающих в Париже, ведут дело преподавания. Душой школы является бывший проф [ессор] Московского университета Максим Ковалевский. Цельная система преподавания отсутствует. Школа принципиально преподает социальные науки, но исключает все, что может касаться текущей политики»⁷.

Последний отмеченный И. И. Мечниковым принцип был абсолютно нежизненным, ибо даже попытки либеральных профессоров преподавать общественные науки в полном отрыве от политики вызывали возмущение многих студентов, которые, как писали «Московские ведомости», хотели услышать в школе о новых политических взглядах относительно «реорганизации русского государственного строя на новейших началах», предсказывая ему «фиаско и скорую ликвидацию, если в его программе и направлении не последует желательных для парижского студенчества изменений»⁸. Из этой информации видно, как остро стоял вопрос о самом существовании школы на втором ее учебном году, когда ее руководство согласилось пригласить В. И. Ильина (В. И. Ленина), для изложения марксистской концепции аграрного вопроса в противовес буржуазным и мелкобуржуазным теориям, пропагандировавшимся с той же кафедры другими приглашенными лекторами.

Из газет того времени видна острая идеологическая борьба разных общественно-политических течений вокруг этого безусловно неординарного учебного заведения. Так, редактор журнала «Вестник всемирной истории» С. Сухонин весьма утешился провозглашенным буржуазно-либеральными руководителями парижской школы курсом на «конкретное и строго научное» (читай: «аполитичное») преподавание, что дает, мол, возможность «учиться для самой науки», которая сама источник «прелести и наслаждений»⁹. Разнообразная по общественно-политическим взглядам публика, группировавшаяся вокруг двуязычного французско-чешского ежемесячника «Славянский вестник» (издавался в Париже), призывала к превращению Русской школы в «славянский университет»¹⁰. Наконец, из официального рупора царского самодержавия — газеты «Россия» — раздавались желчные заверения в том, что, мол, «громкое название этого учреждения «русским университетом» дает о нем совершенно ложное представление, так как читаемые в нем обрывки разных наук, излагаемых без всякого общего плана, менее всего похожи на программы наших университетов»¹¹. Такой же лживой была и информация «России» о составе парижской школы («это наполовину, если не на три четверти, молодые девушки, явившиеся одни или в сопровождении своих матерей и родственников»)¹².

Доброжелательную заметку опубликовала либеральная «Петербургская газета», особо отметившая важное предназначение Русской школы как постоянного центра международных связей между русскими и иностранными деятелями науки и культуры, как признания в ее лице за границей высокого авторитета нашей отечественной науки: «Французское правительство не предоставило бы русскому институту дарового помещения, и французские ученые не наполнили бы своими именами список членов комитета, если бы за русской наукой не признавалось известного мирового значения. Знаменитый географ Реклю не записался бы в список слушателей, если бы не питал уважения к своим русским братьям по науке»¹³.

Под общей рубрикой «Письма из Парижа (от нашего корреспондента)» две большие статьи о Русской высшей школе общественных наук в первый год ее существования опубликовала издававшаяся на русском языке газета «Варшавский дневник». Автор одной статьи, в общем поддерживая научную программу школы, не рассчитанную на целостное элементарное образование в области общественных наук, считал главным ее предназначением научно разобраться в текущих вопросах: «Здесь... вы встретите и лекцию о Ницше, о декоративном искусстве, о кооперациях, очень много по проблемам социальным, по географии и педагогике, по музыке и т. д. Разумеется, каждый год программа меняется сообразно с теми вопросами и интересами, которые выдвигает сама жизнь»¹⁴. В другой статье «Варшавского дневника» характеризовался состав слушателей школы, организация их учебы и бытовые условия жизни. В ней отмечалось, что учащимися школы становились и те, кто имел высшее или среднее образование, и те, кто не имел его вообще, в том числе 2 портных, 3 типографа и др. Возрастной ценз — от 17 до 59 лет; «география прибытия: из Москвы, Петербурга,

Одессы, Харькова, Киева, Полтавы, Казани, Томска, Иркутска и др. Учеба платная, но по цене вполне доступна: 10 франков в год». Ведь «большая часть русской молодежи очень бедная». Как и в первой статье, подчеркивалось: «Все читаемое становится ими на почву современных жизненных интересов, и даже самые отвлеченные, казалось бы, науки освещаются здесь фактами и приобретают живейший интерес... даже такой предмет, как антропология, читаемая Волковым, взят настолько широко и популярно, что перестает быть сухим и делается самой жизнью»¹⁵.

Пожалуй, наибольшее внимание Русской школе уделили в русской прессе либеральные «Русские ведомости», печатавшиеся в Москве. Эту газету как источник информации хвалил В. И. Ленин. Будучи в сибирской ссылке в конце 90-х гг., он использовал ее материалы для своих статей, публиковавшихся в заграничной русской социал-демократической печати (газета «Искра» и журнал «Заря»). «Русские ведомости» первыми отзывались на открытие Русской школы в Париже. По этим отзывам можно судить о том, как относился М. М. Ковалевский к освещению вопросов науки и текущей общественно-политической жизни в лекторской деятельности преподавателей Русской школы, а также о его оценке выступления Ленина перед слушателями с изложением марксистских взглядов на аграрный вопрос. В частности, в своей речи на французском языке по случаю открытия школы Ковалевский обратил внимание на горячие споры и глубокие расхождения русских экономистов в оценке общественного значения сельской общины и перспектив ее развития. В этой связи он полагал, что «обсудить этот вопрос с двух противоположных точек зрения — с точки зрения народника и неомарксиста — будет в высокой степени интересно!»¹⁶

В другой своей речи на открытии школы (уже на русском языке), как отмечала газета «Русские ведомости», он сказал: «Введение сравнительного метода в область этих историко-экономических исследований, начало которому уже положено, несомненно покажет, что эти статьи развития не составляют особенности той или другой науки или расы и что поступательный процесс в этом отношении является всеобщим. Это движение в области преподаваемых с кафедры общественно-экономических доктрина счастливым образом совпало с новым направлением, приданым учением общественного обновления гением Карла Маркса, который вывел социализм из сферы утопий и как нельзя лучше указал роль и явление борьбы интересов и классов на сложение и разложение современного экономического строя»¹⁷.

В последующих корреспонденциях из Парижа «Русские ведомости» рассказывали о слушателях и слушательницах школы (из них «добрые две трети приехали специально ради нее из России, и притом слушателей работоспособных и достаточно требовательных»), о реальном материальном вкладе харьковских студентов на благо развития парижской школы (они собрали и прислали 65 руб.), широко излагали содержание лекций, с которыми выступали профессора М. Ковалевский, Н. Карабеев, Ф. Волков.

В газете дается и характеристика лекторской деятельности М. Карышева, который трактовал аграрный вопрос в духе ревизионистского учения австрийского экономиста социал-демократа Отто Герца, утверждавшего, что мелкое крестьянское хозяйство способно противостоять в условиях капитализма конкуренции крупного хозяйства. Эта газетная заметка из архива Волкова помогает понять, почему после лекции Карышева слушатели парижской Русской школы выдвинули требование пригласить аграрника-марксиста, и вскоре перед ними представил В. И. Ленин, который, как видно из записи его первой лекции, раскритиковал как Герца, так и его российских последователей за их несостоятельные попытки доказать устарелость аграрного учения К. Маркса. Как примечательное событие в деятельности парижской школы упомянуты ленинские лекции в самой большой статье «Русских ведомостей» (№ 161 за 1903). Читаем соответствующие строки: «Русская экономическая действительность обратила

на себя особое внимание профессоров Школы. Имея в виду разногласия, вызываемые вопросом об общинном землевладении, заведующие организацией преподавания поручили двум лекторам, радикально расходящимся между собой в этом вопросе, заняться изучением в Школе аграрного законодательства и статистики землевладения, и притом не только России, но и соседних стран. Известный исследователь русского общинного землевладения г. Качоровский познакомил слушателей Школы с результатами обширной статистической анкеты, предпринятой по этому вопросу в различных губерниях России, а г. Ильин, автор сочинения «О судьбах капитализма в России», изложил современную постановку аграрных вопросов в Центральной Европе и в России»¹⁸.

Как видим, упоминание здесь имени В. И. Ленина представлено в объективистском духе. Но и оно обогащает биографическую Лениниану, и именно ту ее страницу, которая остается еще мало освещенной. В той же статье имя Ильина (Ленина) упоминается и вторично, когда автор передает содержание речи М. Ковалевского, посвященной итогам двухгодичной деятельности школы. Оратор сказал, что такие специалисты по аграрному вопросу, как Качоровский и Ильин, «изучая один и тот же вопрос с различных точек зрения, развиваются в слушателях навыки критического отношения к делу, доставляют им разносторонний научный материал и подготавливают, таким образом, к самостоятельной разработке текущих вопросов русской общественной и экономической жизни»¹⁹. Точно так же рядом поставлены эти две фамилии лекторов и названы темы их лекционных курсов в статье преподавателя школы Е. Аничкова «Русская высшая школа общественных наук в Париже» (опубликована в журнале «Вестник и библиотека самообразования». 1903. № 35)²⁰.

Впоследствии сама история доказала полную несопоставимость по авторитету в науке и в общественно-политической жизни фамилий обоих лекторов по аграрному вопросу, которые объясняли слушателям парижской школы две прямо противоположные концепции. В. И. Ленин выступил в школе непосредственным оппонентом Качоровского, выдвинувшего оторванные от реальной действительности положения о том, что будто бы классовая дифференциация крестьянства России мизерна и постепенно нивелируется, а община, напротив, развивается и укрепляется.

Впрочем, и сотрудники ленинской «Искры» расценивали тогда Качоровского, формально не состоявшего в партии эсеров, как и В. М. Чернова, являвшегося их лидером, как прямых противников российской социал-демократии, а потому выдвигался даже вариант предоставить В. И. Ленину (в случае отказа руководства Русской высшей школы общественных наук пригласить В. И. Ленина) возможность выступить там же, в Париже, самостоятельно с циклом тех же лекций с публичным объявлением, «что это — лектор, которого по политическим причинам не допустили читать в „свободной школе“»²¹.

Кстати, с печатными работами Качоровского Владимир Ильич познакомился еще в России, до своей первой эмиграции^{22—29}. Весной 1900 г. в одном из писем к родным он даже высказал намерение ответить на писания Качоровского и, в частности, взялся за рецензирование его книги «Русская община (Опыт цифрового и фактического исследования)»³⁰. Однако такая рецензия в печати не появилась и не известно, была ли она написана. Второе упоминание имени Качоровского в ленинском эпистолярном наследии находим в одном из писем 1910 г. к А. М. Горькому. Характеризуя идейное направление создаваемого тогда петербургского журнала «Современник», В. И. Ленин категорически заявил, что даже самое участие Качоровского в данном предприятии свидетельствует о том, что направление это «из тупоумных, эсеровских»³¹.

Публично же научную несостоятельность активно пропагандировавшейся Качоровским народническо-эсеровской концепции аграрного вопроса Ленину пришлось доказывать уже с профессорской кафедры Русской высшей школы общественных наук. Причем эта сторона дела, судя по сохранившимся подготовительным материалам, занимала важное место в лекционном курсе В. И. Ле-

нина. Как видно из его писем к Г. В. Плеханову, написанных в декабре 1902 — январе 1903 г., Владимир Ильич с большой ответственностью отнесся к подготовке этого курса³².

В составленной им самим программе из четырех лекций читаем: «Центральное значение вопроса о крестьянстве (община и народное производство). Распадение крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Приемы изучения этого процесса и его значение. Смена барщинного хозяйства капиталистическим. Реакционный характер народнических воззрений»³³. Более развернутый критический анализ народнических теорий в отношении определения социальной сущности крестьянства и места сельской общины в условиях капиталистического строя находим в двух авторских вариантах конспектов лекций «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России»³⁴. Причем Ленин здесь прямо указывает, что остатки народнической идеализации села при капитализме сохранились «у с [оциалистов] р [еволюционе] ров»³⁵. Их идеологом и был Качоровский.

Нравственно-общественное лицо этого оппонента Ленина в лекционных курсах парижской Русской высшей школы общественных наук раскрывают два многозначительных документа из архива Волкова. Один из них — печатная резолюция 128 слушателей школы от 28 марта 1904 г., в которой Качоровский осуждается как политический ренегат [за подачу им царю прошения о помиловании и разрешении возвратиться в Россию], второй — листовка-обращение «К общественному мнению», в которой говорится о наглом поведении Качоровского, который, несмотря на обструкцию со стороны слушателей, пытался продолжить чтение своего лекционного курса, за что даже от весьма умеренного по своим общественно-политическим взглядам члена руководства школы профессора Гамбарауда удосужился получить публичное осуждение, а самого лектора буквально стащили с кафедры³⁶.

Еще один документ, проливающий свет на деятельность В. И. Ленина в Русской высшей школе,— рукопись под названием «Случай с возражениями проф. Карышеву» (сверху надпись: «Для проф. Ф. Волкова») датирована 20 января 1903 г. В ней рассказывается, как слушатель парижской школы А. Лосицкий 31 декабря 1902 г. (13 января 1903 г.) спросил профессора после лекции о сравнимости цитированных им данных, а поскольку М. Карышев отказался отвечать, он ознакомил других слушателей школы со своими возражениями (их подробное изложение есть в этом документе). Лосицкий, который сам раньше занимался изучением аграрного вопроса в России, напечатал несколько работ по этой проблематике и помогал своими статистическими разработками редакции «Искры»³⁷, убедительно доказал научную несостоятельность подсчетов Карышева.

Напомним, что Карышев — профессор политической экономии Московского сельскохозяйственного института, который в своих трудах и в устных лекциях активно пропагандировал либерально-народнические теории о развитии общинного землевладения и кооперативных объединений на селе, видя в них гарантию мелкокрестьянским хозяйствам от бед капитализма. В. И. Ленин уже в первой своей работе — научном реферате «Новые хозяйствственные движения в крестьянской жизни (по поводу книги В. Е. Постникова „Южнорусское крестьянское хозяйство“. 1893 г.)» подверг уничтожающей критике работы Карышева за их научно несостоятельную методику использования статистических данных, за либерально-народническую идеализацию крестьянского хозяйства в условиях капиталистического общественно-экономического строя, за противоречивые подсчеты в области промышленного развития страны, за манипулирование несопоставимыми и неоднородными данными статистических сборников. Находясь в эмиграции, Ленин в своей статье из запланированных «Искрой» публикаций, посвященных «характеристике с марксистской точки зрения всех сторон экономической жизни и экономического развития России»³⁸, также критиковал Карышева как защитника оторванных от жизни взглядов либераль-

ных народников. И вот почти все эти и им подобные искажения выявил в лекциях Карышева Лосицкий, который, очевидно, был знаком с печатной ленинской критикой. Правда, прямых ссылок на ленинские работы в гектографированных возражениях Лосицкого нет. Но он ссылается на одну из статей В. А. Ионова, опубликованную в 1900 г. в русском социал-демократическом журнале «Жизнь». Здесь, как известно, Ленин напечатал свою большую работу «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и о статье г. Булгакова)», а также статью «Ответ г. П. Нежданову». Обе ленинские публикации направлены как против либеральных народников, так и против ревизионистов марксизма. А с В. А. Ионовым Ленин был лично знаком еще с первых шагов своей революционной деятельности. Во второй половине 90-х гг. во многих своих письмах из сибирской ссылки Владимир Ильич не раз тепло вспоминал Ионова, будучи особенно благодарным ему как профессионалу-статастику за тщательную сверку корректуры своей работы «Развитие капитализма в России» и за его участие в рассылке ее экземпляров заинтересованным специалистам³⁹.

В духе ленинской концепции развития капитализма в России в «возражениях» Лосицкого разоблачалось так называемое «освобождение» крестьян 1861 г. от крепостной зависимости. Лосицкий указывал на ошибочность доводов Каышева, который утверждал в своих лекциях, что дифференциация крестьянства в стране приостановилась к началу 90-х гг. XIX в. Лосицкий высказал мысль, что для объяснения всех выдвинутых им вопросов нужен, конечно же, целостный полный курс лекций. Это предложение отражало настроения многих слушателей школы, которые желали ознакомиться со взглядами известных русских специалистов-аграрников. Руководство школы сначала решило пригласить идеолога эсеров Качоровского, а затем секретарь Совета школы М. Я. Ингбер, переговорив с руководителем искровской организации в Париже Г. Д. Линдовым (впоследствии активным большевиком), пригласил В. И. Ленина. Как отмечено в одном из декабрьских 1902 г. писем из Парижа Ю. О. Мартова, «наша молодежь готова ринуться в бой» за то, чтобы услышать В. И. Ленина в аудитории Русской высшей школы общественных наук⁴⁰.

Таким образом, архив Волкова позволяет подробнее и точнее выяснить непосредственные обстоятельства, обусловившие специальный приезд В. И. Ленина в Париж для чтения лекции своим землякам в высшем учебном заведении, свободном от угнетающей опеки царизма.

Этот архив, по нашему мнению, дает ответ и на спорный до сих пор вопрос о количестве лекций, прочитанных В. И. Лениным в парижской школе. Написанная им самим программа курса действительно составлена из четырех лекций⁴¹. Взяя за основу этот ленинский документ, составители первого тома 12-томной Биографической хроники, посвященной жизни и деятельности В. И. Ленина, записали в соответствующей позиции, что Владимир Ильич прочитал в Русской высшей школе общественных наук четыре лекции⁴². Такое же количество лекций записано и в печатном расписании. Но вот в архиве Волкова обнаруживаем печатный «Перечень курсов, прочитанных в 1902/1903 академическом году» в Русской высшей школе общественных наук, а в нем записано, что В. И. Ленин прочел 5 лекций на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Западной Европе и в России»⁴³. Немного раньше еще один экземпляр этого же документа нашли в отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина П. В. Московский и В. Г. Семенов. Комментируя находку в своей книге, они высказали аргументированное предположение, что при чтении одной из лекций В. И. Ленин превысил регламент из-за большого количества вопросов слушателей, что и послужило основанием руководству школы засчитать это собеседование как пятую ленинскую лекцию⁴⁴.

Наверное, так оно и было в действительности, интерес слушателей к ленинскому лекционному курсу был огромным. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся неавторские конспект-

ты второй, третьей и четвертой ленинских лекций, прочитанных в парижской Русской школе (правда, низкое качество этих записей не позволило опубликовать их в Полном собрании сочинений В. И. Ленина). Но вот 20 апреля 1987 г. газета «Известия» сообщила, что в Ленинграде в Доме Г. В. Плеханова (сектор отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) найден еще один экземпляр конспектов ленинских лекций по аграрному вопросу. По оценке специалистов, качество содержания записи, сделанной социал-демократом С. Волошкевичем, удовлетворительно. Это вселяет надежду увидеть в скором будущем публикацию для широких масс читателей найденного конспекта лекционного курса. Полагаем, что и дальнейшее изучение материалов архива Волкова даст возможность углубить знания об эпизоде биографии В. И. Ленина: его выступлении с профессорской кафедры парижской Русской высшей школы общественных наук.

Примечания

¹ Ленинский сборник IV. С. 206.

² См.: Студлов П. М. В. И. Ленин и Русская высшая школа общественных наук в Париже (1902—1903) // Вестник АН СССР. 1934. № 1. с. 15—30; Пермский П. Лекции Ленина в Парижской школе общественных наук // Исторический журнал. 1937. № 1. С. 48—57; Мощкович Г. Г. О выступлениях В. И. Ленина с лекциями по аграрному вопросу в Русской высшей школе общественных наук в Париже (в феврале 1903 г.) // Ученые записки Краснодарского пед. ин-та, 1958. Вып. 23. С. 175—188; Московский П., Семенов В. Лекции Ленина в Русской высшей школе в Париже // Политическое самообразование. 1974. № 7. С. 128—135.

³ См.: напр.: Фревиль Жан. Ленин в Париже. Пер. с фр. М., 1969. С. 61—63; Московский П. В., Семенов В. Л. Ленин во Франции, Бельгии и Дании. М., 1982. С. 34—46.

⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М., 1970. С. 426, 427, 435—438.

⁵ Ленинский сборник XIX. С. 225—248; Ленин В. И. ПСС. Т. 7. С. 107—116.

⁶ Ингеберг М. Лекции Владимира Ильича в Парижской «Высшей Русской школе общественных наук» (1902 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 142—147. Дата в заглавии статьи ошибочна.

⁷ Научный архив Института археологии АН УССР. Ф. К. Волкова, д. 408 «В». л. 1.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 15.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Ленинский сборник IV. С. 183.

^{22—29} В личной библиотеке В. И. Ленина до сих пор сохраняется вырезка статьи К. Качоровского «Разложение общины под влиянием малоземелья» из ж. «Новое слово» № 10 за 1897 г. См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. С. 214.

³⁰ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 183.

³¹ Там же. Т. 48. С. 4.

³² Там же. Т. 46. С. 238, 251.

³³ Там же. Т. 7. С. 110.

³⁴ Ленинский сборник XIX. С. 227, 237, 238.

³⁵ Там же. С. 237.

³⁶ Научный архив Института археологии АН УССР, ф. Ф. К. Волкова, д. 408 «В», л. 1; Воробьев Ю. С. Русская школа общественных наук в Париже // Исторические записки. М., 1982. Т. 107, с. 342.

³⁷ Ленинский сборник IV. С. 182. В третьем томе Биохроники «Владимир Ильич Ленин» (М., 1972. С. 3) зафиксирован исследовательский интерес Владимира Ильича к работе А. Е. Лосицкого «Распадение общины» (СПб., 1912). Экземпляр ее с пометками, замечаниями, подчеркиваниями и отчеркиваниями В. И. Ленина хранится в библиотеке В. И. Ленина в Кремле (См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. С. 216).

³⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 280.

³⁹ См. там же. Т. 55. С. 4, 51, 67—68, 120, 139, 140, 150, 158, 161, 162.

⁴⁰ Ленинский сборник IV, С. 198.

⁴¹ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 7. С. 109—110.

⁴² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 438.

⁴³ Научный архив Института археологии АН УССР. Ф. Ф. К Волкова. Д. 408 «А». Л. 2.

⁴⁴ Московский П. В., Семенов В. Г. Указ. соч. С. 42.

© 1990 г.

С. Г. КАМИНСКАЯ, Г. Д. КАМИНСКИЙ

Г. Н. КАМИНСКИЙ ВО ГЛАВЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

«...Теперь, со времен Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение»

(Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 369)

Григорий Наумович Каминский родился в 1895 г. в Днепропетровске, в рабочей семье. В 1913 г. в Минске вступил в партию РСДРП(б). Создавал кружки рабочей молодежи. Распространял газету «Правда». В 1915 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Признанный вожак курса, вел пропагандистскую работу среди студентов. Участник Февральской и Октябрьской революций. Член Московского областного бюро РСДРП(б), в феврале 1917 г. был направлен в Тулу. Под его руководством власть в Туле бескровно перешла к большевикам. Секретарь губкома, председатель губисполкома, член Реввоенсовета 2-й армии и Военного совета Укрепрайона. Известны письма В. И. Ленина Г. Н. Каминскому и Г. Н. Каминского В. И. Ленину. В 1920 г. был послан в Закавказье. Первый секретарь ЦК АзКП(б), председатель Бакинского Совета. С 1921 по 1929 г. возглавлял сельскохозяйственную кооперацию, в 1930 г. — заново созданный Отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б). В том же году был назначен третьим секретарем Московского комитета. С 1932 по 1934 г. — председатель Мособлисполкома. В 1934 г. — нарком здравоохранения РСФСР, с 1936 г. возглавил Наркомат здравоохранения Союза ССР. На июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Г. Н. Каминский выступил против необоснованных репрессий, потребовал контроля со стороны партии над органами внутренних дел, связал введение чрезвычайных полномочий с внедрением Берия в высшие эшелоны власти. С Пленума Г. Н. Каминский не вернулся. Находясь в застенках, никого не оклеветал, на допросах вел себя с редким мужеством. Приговорен к расстрелу 8 февраля. 9 февраля приговор приведен в исполнение. Реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 2 марта 1955 г. Восстановлен в КПСС 17 февраля 1956 г.

О выступлениях Г. Н. Каминского на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) сказано в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г.¹ Работа Каминского в Туле, на посту народного комиссара здравоохранения² изучена достаточно полно. О его деятельности в кооперации ничего не опубликовалось.

Каминская Светлана Григорьевна, дочь Г. Н. Каминского.

Каминский Григорий Дмитриевич, внук Г. Н. Каминского, кандидат медицинских наук.

В 1921 г., после X съезда РКП(б), на котором В. И. Ленин обосновал необходимость перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике, замены проразверстки продналогом, Г. Н. Каминский был послан партией на один из самых ответственных участков работы — в сельскохозяйственную кооперацию.

На XIV партконференции (апрель 1925 г.) Г. Н. Каминский говорил: «Начав с осени 1921 года свою деятельность при почти полном отсутствии финансовых ресурсов, сельскохозяйственная кооперация к концу первого трехлетия своего существования сумела сконцентрировать довольно значительные средства, растущие к тому же в весьма быстром темпе»³.

На первом этапе работа кооперации координировалась Сельскосоюзом — кооперативным центром, выполнявшим одновременно ряд снабженческих и других функций. Председателем Сельскосоюза был известный экономист П. А. Садырин, работавший в кооперации еще до революции и не состоявший в рядах партии. Его заместителем от ЦК РКП(б) был Г. Н. Каминский. Он входил в состав руководства Союзкартофеля, Маслоцентра, Льноцентра, Хлебоцентра и др. При Сельскосоюзе вначале созывалось Совещание представителей кооперативных центров. В связи с расширением кооперативной деятельности и увеличением числа центров при Сельскосоюзе была создана постоянно действующая организация — Совет центров сельскохозяйственной кооперации (Сельскосовет). Г. Н. Каминский стал его председателем.

Г. Н. Каминский возглавил фракцию большевиков сельскохозяйственной кооперации. Ее представители, крупные хозяйственники, вели большую работу в кооперативных центрах: М. Н. Беленький — в Хлебоцентре, И. Я. Врачев — в Маслоцентре, Б. А. Кушнер — в Льноцентре и др. Как вспоминает И. Я. Врачев, все вопросы кооперативного строительства обсуждались большевистской фракцией и решались коллегиально.

К работе в сельскохозяйственной кооперации привлекались квалифицированные специалисты. В 1925 г. членом Совета Льноцентра стал А. В. Чаянов. Рукой Г. Н. Каминского вписано в протокол заседания сессии Совета от 22 июня 1925 г., № 4: считать А. В. Чаянова членом Совета. Сохранились личные подписи Чаянова на документах VIII, X, XII сессий Совета Льноцентра. По стенограммам видно, с каким уважением относились члены Совета к Чаянову, как прислушивались к его мнению. Чаянов и Каминский активно участвовали в обсуждении вопросов капиталовложения и накладных расходов.

В 1925 г., на XIV партконференции РКП(б) Г. Н. Каминский выступил с докладом «Сельскохозяйственная кооперация» (основной доклад «О кооперации» сделал А. И. Рыков). Каминский дал всесторонний анализ кризиса, который пережила сельскохозяйственная кооперация в 1924—1925 гг. Он охарактеризовал его как кризис, вызванный нарушением правильной экономической политики, и выделил кризис капитонакопления и кризис организационный, отметив, что в течение короткого периода «военного коммунизма» материальные ресурсы дореволюционной сельскохозяйственной и кредитной кооперации были частью уничтожены, а частью перешли в руки потребительской кооперации и государственных органов. В результате 80% основного капитала было утрачено. Кризис оборотных средств выразился в том, что кооперации пришлось работать на заемные средства. Налоговые обложения были высоки. Распространились прямые поборы с кооператоров. Банковские кредиты характеризовались краткосрочностью. Особую опасность представляли «ножницы» цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Для поддержки госпромышленности государством были искусственно занижены сдаточные цены на сырье: «Те нормы, которые для государства обозначали не более как удобную и правомерную форму внутреннего перераспределения госдоходов, для с.-х. кооперации явились прямым изъятием значительной части

ее доходов и иногда причиняли ей и существенные убытки⁴. Неурожай, обусловившие недостаток хлеба на рынке, привели к установлению хлебных лимитных цен. «Практика проведения этих лимитных цен в жизнь, борьба за их соблюдение, установление „технических комиссий“, „лимитных троек“ и пр., действовавших непосредственно на базарах, на местах купли-продажи, воскрешая внешние формы продразверстки и заградительных отрядов, внесли ряд существенных осложнений в только складывающиеся рыночные взаимоотношения с мелким товаропроизводителем — крестьянином и вновь пробудили в нем былое недоверие к мероприятиям Советской власти»⁵.

Организационный кризис кооперации, по мнению Каминского, выявился в политическом недоверии к ней: «... Всю с.-х. кооперацию у нас до последнего времени рассматривали как совершенно особый объект „коммунистического завоевания“ и как особо благоприятную сферу приложения всякого рода административных и полуадминистративных методов воздействия, регулирования и планирования. Не доверяя политически с.-х. кооперации, местные органы нашей партии не считали возможным предоставить кооперирующему населению действительной инициативы и самодеятельности... Закон о добровольности, выборности и хозяйственной самостоятельности оставался законом бумажным... Такого рода режим ни в малейшей степени не способствовал пробуждению хозяйственной активности кооперированного крестьянства...»

В соответствии с причинами кризиса Г. Н. Каминским были сформулированы ведущие принципы оздоровления и развития кооперации: активизация товарных отношений, накопление капитала, экономическое стимулирование и прекращение использования административно-командных методов.

Большое внимание в своем выступлении он уделил проблеме материального стимулирования. Одной из ее форм являлся «возврат производителю той части стоимости продукта, которую кооперативная организация сумела на мировом или ином рынке выручить за сданный продукт сверх его местной рыночной цены»⁶.

Г. Н. Каминский говорил о необходимости «полного устранения административного вмешательства в кооперативную работу», полного прекращения дергания и механического применения к ней тех методов регулирования, которые выработаны применительно к государственным организациям. «Необходимо,— подчеркивал он,— привыкнуть к той мысли, которая все еще многим нашим товарищам кажется странной и еретической, что на с.-х. кооперацию необходимо распространить все льготы и преимущества, даваемые государственным органам, не возлагая на нее одновременно соответствующих обязательств и заданий. Ничего страшного, ничего еретического в этом нет, это не более как реальное воплощение той „поддержки сверх обычного“, которую, по словам Ленина, Советская власть должна оказать кооперации»⁷.

Г. Н. Каминским были сформулированы основные пути кооперирования: «Кооперировать крестьянское население при существующих экономических условиях страны это значит объединять его как мелкого товаропроизводителя на почве его непосредственных интересов, как продавца продуктов его труда и как покупателя средств, необходимых для его производства. Непосредственная коллективизация крестьянских трудовых процессов в широком масштабе требует немедленного инвестирования огромных средств для образования необходимых основных капиталов и вполне организованных рыночных взаимоотношений, обеспечивающих коллективным хозяйствам правильный сбыт вырабатываемой продукции. В силу незначительности средств, которые могут быть выделены страной в настоящее время для оборудования коллективных хозяйств, последние могут пока развиваться лишь в весьма ограниченном масштабе. Признавая исключительное значение за существующими и оказавшимися в процессе приспособления в условиях новой экономической политики вполне жизнеспособными колхозами, всемерно их поддерживая и укрепляя в дальнейшем, мы должны, однако, признать, что существенной роли в деле кооперирования

многих миллионов крестьянских хозяйств нашей страны они сыграть не могут. Основными формами кооперирования на многие годы неизбежно останутся те формы, которые, не разрушая, не упраздняя индивидуального характера каждого отдельного крестьянского хозяйства, входящего в кооперативную систему, объединят их на основе кооперирования процессов обмена — с.-х. кредита, снабжения и сбыта. Такое понимание основного направления развития кооперативного строительства в деревне находит свое оправдание не только в экономических предпосылках, указанных выше, но и в самой психологии крестьянинна. Всякого рода уклонения от этого пути, увлечение в сторону слишкомспешного разрешения производственных задач, увлечение слишкомспешной коллективизацией крестьянских трудовых процессов николько не ускорит нашего продвижения к строю цивилизованных кооператоров. Такая поспешность лишь осложнит дело вовлечения широких крестьянских масс в с.-х. кооперацию, затруднит процесс кооперирования и замедлит его»⁸.

В 1926 г. Г. Н. Каминский писал: «Бесспорной остается наша точка зрения, что коллективное движение является частью общего движения по кооперированию крестьянского хозяйства и что размах этого движения зависит от роста и развития других отраслей сельскохозяйственной кооперации... Наиболее массовой формой коллективизации в современных условиях будут являться машинные, тракторные, мелиораторные товарищества, а также те формы, которые приходят к нам посредством кооперирования сбыта и отдельных отраслей с.-х. производства...»⁹.

На IV съезде Советов СССР (апрель 1927 г.) Г. Н. Каминский, выступая как председатель Совета центров сельскохозяйственной кооперации, говорил: «... Надо помнить, что сельскохозяйственная кооперация является не только „столбовой дорогой“ к коммунизму, но и практическим путем к разрешению очередных хозяйственных задач». Согласно приведенным им данным, за четыре года работы сельскохозяйственная кооперация дала государству чистой валюты на 124 млн. руб. «Эти средства целиком пошли на дело развития нашей промышленности. Это — вклад кооперации в общее дело индустриализации страны»¹⁰.

Г. Н. Каминский подчеркивал, что «вопрос о сельскохозяйственном кооперировании в основном упирается прежде всего в то, чтобы материальная само-деятельность, активность крестьянского населения в сельскохозяйственной кооперации вырастала на почве действительного хозяйственного стимулирования. Это возможно будет лишь в том случае, если на данной стадии развития сельскохозяйственная кооперация станет не рычагом в борьбе с рынком, а организацией, которая будет бороться за рынок и над улучшением рыночных условий, условий товарного обращения»¹¹.

Развитию кооперативных производственно-сбытовых систем Г. Н. Каминский придавал особое значение. Если в 1925 г. существовало 5 специальных центров (Маслоцентр, Льноцентр, Плодовинсоуз, Союзкартофель, Всеколес), то в 1926 г. дополнительно возникли еще 3 центра — Птицеводсоуз, Центротабаксоуз, Хлебоцентр, а в 1927 г. еще 2 — Животноводсоуз и Пчеловодсоуз (в 1928 г. были созданы Свеклоцентр и Хлопковое бюро). К обслуживающим центрам относились Коопстрахсоуз и Книгосоуз. Книгосоуз ведал печатью, освещавшей кооперативное движение. Выходили журналы «Коллективист», «Сельскохозяйственная кооперация», газета «Кооперативная деревня». Вместе с Сельскосоюзом (специализировавшимся по кооперативному снабжению) и Колхозцентром общее число специальных центров достигло 14. Наряду с ними имелось 16 крупных универсальных союзов. Работников кооперации готовили высшие и средние специальные учебные заведения. Существовали кооперативные банки, кооперативные промышленные предприятия. Резко возрос удельный вес кооперации на внутреннем и внешнем рынках.

В июле 1927 г. в связи с широким размахом кооперативного движения был создан Союз союзов сельскохозяйственной кооперации. Председателем

Союза союзов был избран Г. Н. Каминский, его заместителем — П. А. Садырин. Каминским были сформулированы основные принципы строительства руководящей организации нового типа: «... Кооперативная общественность и руководящие органы признали необходимым остановиться на организации центрального руководящего органа системы с.-х. кооперации на обычных кооперативно-союзных началах. Этот орган будет объединять всю систему по линии общеорганизационной, хозяйственно-плановой и представительства ее интересов, обеспечивая в то же время специальным центрам необходимую хозяйственную самостоятельность. Вся деятельность объединяющего Центра должна быть построена таким образом, чтобы были исключены возможность применения в его работе административно-наркоматских методов, а также вмешательство в оперативно-хозяйственную работу специальных центров и союзов... Вполне реальна опасность бюрократических извращений, опасность оторванности от практической жизни, кабинетного разрешения жизненных вопросов, попыток административного командования сверху и, наконец, тенденции превращения в кооперативный наркомат. Тот курс на общественно-кооперативные формы руководства, который нами берется, и в первую очередь ориентировка на работу не на специальные центры, не помимо их, а через них и на максимальное вовлечение периферии, дает нам уверенность, что в работе руководящего центра удастся избегнуть этих опасностей»¹².

На пленарном заседании Учредительного съезда Союза Союзов 7 июля 1927 г. в приветственном слове Г. Н. Каминский сказал: «Многие сомневались в том, что именно в советских условиях сельскохозяйственной кооперации удастся организовать и вовлечь крестьянское население через кооперативные формы в социалистическое строительство. Я думаю, товарищи, что сегодня после того, как уже заложен и организован фундамент сельскохозяйственной кооперации, мы можем совершенно ясно констатировать, что сейчас, в нынешнее время, все эти голоса и разговоры о том, что развитие сельскохозяйственной кооперации чревато перерождением, безусловно является неправильным. Опыт показывает, что из года в год растет организованность, что из года в год выясняется все больше и больше правильная направленность нашей сельскохозяйственной кооперации и ее социалистическое значение. Мы имеем в целом ряде отраслей такие соединения через кооперацию социалистической промышленности и крестьянского хозяйства, которые говорят о том, что мы уже нашли пути правильных отношений между государственным плановым социалистическим сектором и крестьянским хозяйством, по которым трудно, медленно, но упорно эта работа идет в направлении социалистического строительства»¹³.

На Учредительном съезде Союза союзов 10 июля 1927 г. Г. Н. Каминский выступил с большим программным докладом «О состоянии сельскохозяйственной кооперации, перспективах ее развития и организации руководящего Центра»¹⁴. Он отметил, что закончился период первоначального строительства сельскохозяйственной кооперации. Задача нового периода — использовать и развивать заложенные основы: «... В настоящее время мы получили полное подтверждение той основной позиции, что единственной формой организации крестьянского населения и связи этого населения с социалистическим хозяйством является сельскохозяйственная кооперация. Другой формы, кроме тех форм, которые даны в кооперировании крестьянского населения, мы не знаем, и, больше того, опыт полностью подтвердил, что не в формах совхозов и не в других государственных формах, а только в этой форме, вовлекающей многие миллионы мелких товаропроизводителей, мы имеем переход к общему социалистическому земледелию»¹⁵.

Г. Н. Каминский подчеркнул, что таким путем соединяются интересы крестьян с государственными интересами и интересами рабочих: «То, что происходит сейчас в деле кооперирования крестьянского населения, развития сельскохозяйственной кооперации — это большое достижение... Если, несмотря на структуру хозяйств и разрушения гражданской войны, кооперация в такой

короткий срок поднимается и складывается в колоссальную систему, в движение, охватывающее 7 миллионов крестьянских хозяйств и большое количество разносторонних организаций, специальных уклонов и направлений, если она увязывает эту работу с интересами и потребностями, которые имеются в самом крестьянском хозяйстве, значит здесь налицо соединение активности и заинтересованности крестьянского населения с общегосударственной машиной и социалистической промышленностью. Здесь на деле происходит связь между интересами двух важнейших классов в нашей стране — пролетариатом и крестьянством»¹⁶.

«Нам приходилось решать вопросы о функциях кооперации, вопросы регулирования рынка, способов регулирования и т. д.»¹⁷, — говорил Г. Н. Каминский. На своем трудном пути кооперация искала правильные экономические методы, обеспечивающие демократические формы в развитии кооперации. «... В самом развитии сельскохозяйственной кооперации мы с самого начала встретились с огромным непониманием и значительным сопротивлением со стороны самих государственных органов и целого ряда партийных и советских организаций. Я вспоминаю период обвинения сельскохозяйственной кооперации в том, что эта организация должна привести к капитализму, что это кулацкая организация, то есть вся эта ветошь и глупость, которую теперь ни один серьезный человек не выдвинет. Большинство наших организаций начало свою работу на песке, на глиняном фундаменте, при отсутствии средств, только при одном желании что-то организовать. Но вы знаете, что при одном желании много сделать нельзя. Вот как обстояло дело. За все эти годы сельскохозяйственная кооперация переходила от одного кризиса к другому, преодолевала целый ряд затруднений, приспособливаясь ко всему народному хозяйству в целом, находя свои пути и формы организации, выявляя все методы и формы, при помощи которых можно приобщить крестьянское население к кооперации, прежде всего методы такого подхода к крестьянскому населению, где была бы проявлена добровольность крестьянского населения, такие формы, которые были бы приняты самим крестьянством, а не были бы ему навязаны, такие формы, где заинтересованность крестьянского населения была бы той основой, на которой только и возможно его кооперирование»¹⁸.

Г. Н. Каминский считал, что постановления, принятые СТО и IV съездом Советов по кооперации правильно поставили вопросы о том, каково ее место в общей системе нашего социалистического государства, каковы должны быть отношения между госпромышленностью, государственной торговлей, потребкооперацией и сельскохозяйственной кооперацией, каковы важнейшие задачи в области хозяйственного строительства, в области политики и вместе с тем каковы ближайшие задачи, которые стоят перед всеми госорганами в отношении помощи развитию сельскохозяйственной кооперации»¹⁹. Важно, чтобы эти постановления были претворены в жизнь, «... чтобы боролись за каждый кусочек записанного здесь, не уступая ни одной строчки, потому что, когда это писалось, то писалось тоже с боями, и потому что то, что здесь записано, представляет собой важнейшие пути и формы работы, строго продуманные, строго проанализированные и испытанные на опыте»²⁰.

Говоря о сути кооперирования, его темпах, Г. Н. Каминский вновь возвращается к вопросу о товарности. Он замечает, что для выполнения принятых решений, развития и размаха кооперации, важны 3 фактора: экономика крестьянского хозяйства, взаимодействие между сельскохозяйственной кооперацией и госпромышленностью, финансовое состояние.

Касаясь экономики крестьянского хозяйства, он отмечал, что быстрый рост валовой продукции сельского хозяйства происходил при недостаточном росте товарной части этой продукции (удельный вес товарной части крестьянского хозяйства по отношению к его валовой продукции составил 17%). В целом ряде отраслей товарность не превзошла еще довоенной нормы (60% от довоенной товарности). Большие затруднения в процессе кооперирования сельского хо-

зяйства создали резкие колебания цен в результате государственного их регулирования (по маслу, свекле, картофелю, табаку). На размах кооперации влиял и слабый темп накопления. «Само собой разумеется, что слабый рост товарности и накопления в крестьянском хозяйстве это есть центр всех вопросов, это есть то узкое место, которое не соответствует прежде всего самому темпу развития сельскохозяйственной кооперации. Ни о каком развитии сельскохозяйственной кооперации сейчас как массовом движении не может быть и речи вне развития товарности крестьянского хозяйства и вне развития ее в условиях рынка. Сейчас важнейшей задачей является задача организации длительной борьбы за рынок, который бы создал известные стимулы развития самого кооперирования»²¹.

Большое значение Г. Н. Каминский придавал взаимосвязи сельскохозяйственного кооперирования и промышленности²².

Третьим фактором он считал состояние финансов. «Мы не отстанем, не отставали и будем впредь говорить о том, что те задачи, которые стоят перед сельскохозяйственной кооперацией, задачи колossalнейшей важности, в смысле прежде всего социальных задач, не могут быть разрешены силами одной только сельскохозяйственной кооперации»²³. Анализируя финансовое положение кооперации, Каминский говорил: «Мы работаем на заемные средства. Капиталов собственных нет. Вследствие социального состава в самой сельскохозяйственной кооперации это капиталонакопление незначительно. Надо отметить еще чрезвычайно высокий процент, который мы платим по ссудам, затем то, что сроки кредита не соответствуют тем срокам, в которые мы ведем наши операции, и задержку проведения децентрализованного кредита. Вот та основа нашего финансового положения, которое мы сейчас имеем. Поэтому борьба за рынки, борьба за правильное регулирование этими рынками, за правильное соотношение цен, за здоровую почву для работы сельскохозяйственной кооперации есть положение, которого мы должны добиваться, потому что в результате именно этого мы можем получить здоровые финансы»²⁴.

Г. Н. Каминский обратил внимание на изменившиеся условия в результате новых соотношений между промышленностью, торговыми государственными организациями и самой кооперацией. Каким образом заинтересовать крестьянское население в кооперации? — задавал он вопрос и отвечал: «... Одним из стимулов должна быть на основе правильной политики цен организация кооперативной доплаты. Я думаю, что если бы в прошлом году по ряду отраслей работы не было бы тех ошибок регулирования, которые дали убыток, то прибыль проявилась бы теми кооперативными доплатами, которые теснее связали бы нас с кооперативным населением. Именно здесь те преимущества, которые будут увязывать нас с крестьянским населением. Эти преимущества лежат в той плоскости, когда в условиях регулирования рынка сельскохозяйственная кооперация будет одним из инструментов этого регулирования и организатором от имени самого крестьянства»²⁵.

На Учредительном съезде Союза Союзов Каминский призывал: «Новые стимулы, вот о чем надо позаботиться и подумать. Вопрос о стимулах должен быть центральной задачей. Здесь имеются решения об организации премий, о додацах, о доплатах. Это правильное решение,— но это еще не все...»²⁶. В нынешней обстановке важно решить вопрос, как сделать эти стимулы более понятными, такими, чтобы за живое хватали пайщиков и вовлекали их в кооперацию²⁷.

Об успехах кооперации, о которых говорилось на Учредительном съезде, свидетельствуют следующие цифры: количество кооперативных организаций достигло 60 тыс., они объединяли 7 369 000 крестьянских хозяйств. Доля сельскохозяйственной кооперации в сбыте продукции составила: хлеб — 30%, хлопок — 76,5%, лен — 24,9%, табак — 65,8%, масло — 92%, свекла — 44,6%. Таким образом, сельскохозяйственная кооперация превратилась в массовую

организацию, охватывающую около трети крестьянского населения, и стала крупнейшим фактором в народнохозяйственной жизни страны.

Союз союзов был в центре борьбы за кооперативные формы развития сельского хозяйства. На президиуме Союза союзов, который рассматривал центральные вопросы кооперативного строительства, Г. Н. Каминский выступал с докладами: о недопустимости изъятия кооперативных капиталов, о контрольных цифрах развития кооперации, о преимуществах для вкладчиков в кредитно-кооперативные организации, о приглашении заграничных крестьянских делегаций в связи с празднованием 10-летия Октября и т. д. Он был рекомендован в ЦК Международного кооперативного альянса. Союз союзов организовывал проведение Международного дня кооперации — 2 июля.

Союз союзов принимал участие в разработке правительственные постановлений. В центры кооперации 5 октября 1927 г. была разослана следующая директива: «Всем центрам. Прошу в трехдневный срок по распоряжению тов. Каминского представить соображения по проекту постановления СНК и СТО по докладу „О состоянии и перспективах развития сельскохозяйственной кооперации“ (о кооперативных доплатах, взаимоотношениях с промышленностью и госторговлей, кооперативной индустрии)…»²⁸.

На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) В. М. Молотов выступил с докладом «О работе в деревне», в котором были изложены общие положения о преимуществах кооперативной системы, формах ее развития и т. д. Положения доклада в корне меняли всю экономическую политику партии в сельском хозяйстве. Г. Н. Каминский обращается к съезду с просьбой дать ему слово. Если сравнить план его выступления²⁹, заметки от руки на полях³⁰ и само выступление, то легко понять, какая угроза стала для него очевидной, какую беду он хотел предотвратить: вытеснение кооперации, переход к государственному управлению сельским хозяйством, сосредоточение крестьянских средств в руках государственных органов. Каминский волновался, он спешил, ему нужно было сказать главное. Начал он с основного: «Товарищи, самое узкое место в нашем сельском хозяйстве — это чрезвычайно слабая товарность»³¹. Таким образом, он сразу привлек внимание к экономической сути сельскохозяйственного производства. А затем останавливается на экономических рычагах регулирования. Он предупреждает, как опасно волюнтаристское вмешательство в политику цен, непродуманное манипулирование ими, как пагубны колебания цен, их несбалансированность. Колебания количества и качества сельскохозяйственной продукции связаны с неправильной политикой цен: «Изменения цен на сельскохозяйственные продукты должны производиться очень методично и с большой постепенностью. Надо стремиться к тому, чтобы в известный срок достигнуть рационального соотношения индексов — такого, которое стимулировало бы посевы хлопка в Туркестане, свеклы в районах сахарных заводов, льна в районе промышленного льноводства и т. д.»³² Через год, когда в руках государства сосредоточился сбыт всей сельскохозяйственной продукции страны, он напомнит, какое влияние оказали эти государственные органы на развитие сельского хозяйства, какая опасность заключается в отрыве производства от сбыта и рынка.

В своей речи Г. Н. Каминский указывает на неразрывность производственного кооперирования со снабженческим и сбытовым. Он подчеркивает, что к производственному кооперированию нельзя подойти без твердых успехов сельскохозяйственной кооперации на рынке. Он вступает в полемику с Я. А. Яковлевым, который упрекает кооперацию в увлечении великолепными миллионами сбыта. Каминский объясняет, что только таким путем можно прийти к производственному кооперированию: «Если бы этих миллионных оборотов не было сейчас у сельскохозяйственной кооперации, если бы она так глубоко не пробралась в дело организации обращения, то мы с Вами, т. Яковлев, не подошли бы вплотную к задачам производственного кооперирования»³³.

Он снова и снова возвращается к этой мысли: «Немало есть товарищей,

которые понимают задачу производственного кооперирования крестьянского сельского хозяйства как отказ сельскохозяйственной кооперации от сбытовой и снабженческой работы, от „торгашеских функций“, как принято говорить в таких случаях. Ничего не может быть вреднее для дела проведения в жизнь кооперативного плана Ленина, как такого рода идеи»³⁴.

Огромное значение придавал Г. Н. Каминский контрактации. В отраслях, в которых сельскохозяйственная контрактация непосредственно связана с государственной промышленностью, благодаря внедрению контрактации имеется значительное подчинение организованного индивидуального крестьянского хозяйства плановому началу. Возможность производственного кооперирования он связывает с техническим переоснащением деревни на основе накопления внутри кооперативной системы и финансовой поддержки государства.

В докладе Молотова содержалась установка на непосредственную колханизацию сельского хозяйства и отказ от «так называемой», как обозначил ее Молотов, новой экономической политики. Средства для осуществления колханизации он предлагал взять у самого крестьянина. Политику нэпа, решения XIV партконференции Молотов объявил уступкой «мелкому хозяйственнику»³⁵. В его докладе были изложены те позиции, которые вскоре станут ведущими в сельскохозяйственной политике партии.

Г. Н. Каминский придерживался другой точки зрения: «Производственное кооперирование,— говорил он,— требует средств для капитальных вложений. Однако того, что накапливается в результате сбытовой работы, далеко не достаточно... Когда речь идет о развитии нашей государственной индустрии, то ведь никому в голову не придет, что можно в этом деле достигнуть каких-либо успехов при помощи только одной агитации, организационной работы и прочими хорошими вещами. Всем ясно, что вопрос развития промышленности — это вопрос капитальных вложений. Нам предлагают в качестве рецепта: больше занимайтесь организационной работой, больше занимайтесь агркультурой, больше уделяйте внимания организации пропаганды и т. д. и т. п. Слов нет — все это нужно. Надо усилить и эту работу, но мы не должны упускать из виду основного вопроса. Процесс кооперирования есть не только организационный процесс, но вместе с тем процесс материальный. Нельзя никак разрешить задачу коренной реконструкции крестьянского хозяйства, о которой говорил докладчик, без разрешения вопроса о капиталах, потребных для этого дела. Крупное хозяйство — это прежде всего хозяйство, обладающее гораздо большим капиталом, чем мелкое хозяйство. Я обязан здесь прямо заявить, что движение по пути производственного кооперирования упирается, с одной стороны, в слабое капиталонакопление в самой системе, а с другой — в слабый приток средств со стороны государства»³⁶.

Завершая свое выступление, Г. Н. Каминский вновь возвращается к основам регулирования производства. Если товарно-денежные отношения несут в себе демократические начала, то переход к государственным формам приводит к возможности командного воздействия. «Мне говорят — кончай, но я не могу не остановиться еще на одном очень важном для нашей работы вопросе — на вопросе о регулировании... В отсутствии нужной хозяйственной инициативы и самостоятельности наших кооперативных организаций в значительной мере повинна установившаяся практика регулирования, преобладание в этой практике методов административного порядка над методами организационно-экономическими. Нужно больше учитывать то далеко не формальное обстоятельство, что сельскохозяйственное кооперирование есть кооперирование добровольное... Подлинная хозяйственная активность может возникнуть только при соответствующем стимулировании»³⁷.

В итоге в резолюцию съезда вошли кооперативные установки развития сельского хозяйства. Директивы к I пятилетнему плану в области сельского хозяйства были составлены с учетом интересов сельскохозяйственной кооперации. Съезд принял резолюцию, утвержденную предварительно Президиумом

Союза Союзов 21 июля 1927 г.³⁸: «План должен исходить из поддержки кооперации, решительно отвергая при этом оппозиционные предложения об изъятии капиталов у кооперации, что было бы ударом по кооперативному плану Ленина»³⁹. Съезд постановил: «Одобрить создание Союза Союзов сель.-хоз. кооперации...»⁴⁰

В своих теоретических работах, выступлениях Г. Н. Каминский настаивал на сохранении различных форм кооперации и развитии производственного кооперирования без отрыва от сбытового и снабженческого. Это стало особенно важным в связи с установкой на коллективизацию.

Продолжая борьбу за то, чтобы из колхозов не вытравлялась кооперативная сущность, Г. Н. Каминский определил задачи Колхозцентра РСФСР (в мае 1928 г. он стал его председателем) как центра, обеспечивающего внутреннюю организацию колхозов и их связь с кооперацией: «... Этот центр должен поставить своей задачей, наряду с организационным обслуживанием,— также содействие обслуживанию колхозов в области сбыта, снабжения, производства и кредита со стороны специальных союзов с.-х. кооперации, в которые колхозы должны входить на общих основаниях»⁴¹. Вхождение на общих основаниях в систему кооперации являлось основополагающим принципом колхозного строительства. Колхозцентр обеспечивал организационное обслуживание сельскохозяйственных кооперативов.

«Пора, наконец, усвоить,— писал Каминский,— что колхозы прежде всего хозяйствственные предприятия, и если они не будут поставлены на правильной хозяйственной основе, из них ничего не выйдет»⁴².

Все свои силы он отдавал тому, чтобы производственное кооперирование развивалось в рамках кооперации. По линии Сельскосоюза и Хлебоцентра образовывались кооперативные тракторные колонны. Заключались генеральные договоры Колхозцентра и специальных центров по производственному обслуживанию и сбыту продукции сельскохозяйственных коллективов. Контрактация охватывала крупные районы, что обеспечивало государственную промышленность и предприятия кооперации сырьем и увеличение снабжения продовольствием городов.

На Первом Всесоюзном съезде сельскохозяйственных коллективов в июне 1928 г. Г. Н. Каминский говорил: «Некоторые товарищи действительно рассматривают вопрос о колхозном строительстве отдельно от кооперативного строительства. Колхозное движение является частью кооперативного строительства»⁴³.

Большое внимание уделял Г. Н. Каминский тем формам производственного кооперирования, которые не упраздняли и не уничтожали индивидуальный характер крестьянского хозяйства: «... на ближайшие годы мы должны поставить для себя задачу организации бедняцкого и середняцкого населения в самые простейшие объединения, чтобы помочь крестьянам, даже в рамках сохранения их индивидуальных хозяйств, совершить подъем их производительных сил в сельском хозяйстве»⁴⁴. Он подчеркивал: «... Наши задачи массового кооперирования крестьянских хозяйств на основе кооперативного охвата их сбыта и снабжения не отпали, они остаются. Мы должны охватить возможно большие массы крестьянского населения, но в то же время мы должны вести работу по кооперированию этих масс не только прежними испытанными, но и новыми способами, нашим опытом выдвигаемыми. К этому опыту относится способ широкой массовой контрактации продукции крестьянских полей. Этот способ проверен и испытан на деле, так же как и целый ряд других приемов и способов массового охвата крестьянства кооперацией»⁴⁵.

В июне 1928 г. для координации работы и защиты интересов кооперации в партийных и правительственные органах создается Всесоюзный Совет сельскохозяйственной кооперации. Учредительное собрание уполномоченных избирает Г. Н. Каминского председателем Совета⁴⁶.

Тревогой за судьбу кооперации проникнуто выступление Г. Н. Каминского на II сессии Союза союзов. Он выступает против сосредоточения сбыта

и снабжения в руках государства, отделения производственного кооперирования от сбытового и снабженческого, внедрения административно-командных методов в руководство сельским хозяйством.

В его докладе так характеризуется возросшее значение сельскохозяйственной кооперации: «... Сейчас в деле организации рынка с.-х. кооперация заняла такое положение по целому ряду товаров, что является практически организатором рынка этих товаров... Вне с.-х. кооперации и без с.-х. кооперации планировать эти отрасли невозможно. Я должен сказать, что в этом отношении мы подошли к такой стадии развития в области товарооборота, который является чрезвычайно ответственным в деле снабжения сырьем промышленности, в деле снабжения продовольствием городов и в деле экспорта»⁴⁷. И далее: «Когда на нас возлагаются большие задачи по линии производственного кооперирования, когда мы вплотную подходим к этому новому виду работы, то ни в коем случае нельзя эту работу отделять от работы по линии товарооборота и сбыта. Если вы здесь сделаете разрыв, то тем самым подорвете всю нашу работу. Для нас, кооператоров, это уже ясно. Мы в своей работе развивались и переходили от одного кризиса к другому, и сейчас, на нашем новом этапе, мы встречаем непонимание этого дела. Начинают ставить вопрос так: „Вы будете контрактовать, а хлеб сдавайте другим — Союзхлебу“. Как видите, сбытовая функция должна будет отойти. Это есть, по-настоящему, если хотите, пересмотр ленинского плана. Если бы мы с вами не имели того, что имеем по линии товарооборота, то разве бы мы понимали всю конъюнктуру и вообще все то, что происходит в сельском хозяйстве? Разве у нас были бы те увязки и связи, которые имеются с крестьянами? Разве все это было бы? Безусловно, нет»⁴⁸.

Между тем решения партийных и правительственные органов перечеркивали с большим трудом отвоеванные положения о развитии кооперации. И Каминский с горечью замечает: «... Постановление, о котором... мы с вами говорили на учредительном собрании Союза союзов, Совета Труда и Обороны от августа месяца прошлого года, начинают забывать. Оно стало в некотором роде пропавшей грамотой. Мы должны об этом постановлении вспомнить по всем линиям. Нам надо прямо сказать: мы производственное кооперирование можем вести только на базе понимания всего ленинского плана... Кто хочет одну форму уничтожить, забрать, тот срывает весь наш план, подрывает всю нашу работу. Это неумелый, неправильный подход к решению вопроса о кооперировании... И тут сельскохозяйственная кооперация должна драться, она не может уступить. Передвинуть сельскохозяйственную кооперацию на другие рамки — это значит попросту поставить под сомнение весь кооперативный план»⁴⁹.

В заключительном слове Каминский настаивал на том, что нельзя отчуждать продукт производства от производителя. Он подчеркивал, что производственное кооперирование может дать эффект только при его связи со снабженческим и сбытовым. «... У нас проявляется такая безрукость, такое неумение провести кооперативный план Ленина, такое неумение использовать все те возможности, которые имеются в нашем государстве, в советской экономике... Приходится сражаться ни с кем другим, как с Советской властью. У нас в последнее время при переходе сельскохозяйственной кооперации на производственные рельсы понимают таким образом, что... кооперация должна заниматься только производством, отделяя сбытовые функции. Это, товарищи, невыполнимая задача. Тогда нам организацией производства нельзя заниматься... Начали договариваться о контроле государственных торгующих организаций. Примерно так, что Мясопродукт — это есть контролирующий и ведущий орган Животноводсоюза. Это, товарищи, подлинное извращение... Я должен сказать, что это только первые разговоры, а опасность может быть огромная. Я сейчас должен сказать, как часто советские постановления в практике получают обратные результаты»⁵⁰.

По поводу выступления А. И. Рыкова на собрании уполномоченных Центросоюза Г. Н. Каминский говорит: «Вполне своевременно ставит Алексей Иванович вопрос о том, что кое-где эти вопросы забываются, хотя бы в том числе и в самом Совете Народных Комиссаров. С этой точки зрения я считаю это выступление исключительно полезным, нужным и необходимым и думаю, что это выступление важно использовать с той стороны, чтобы в Совете Народных Комиссаров было правильное понимание развития с.-х. кооперации и чтобы это правильное понимание ни в коем случае не забывалось»⁵¹.

В связи с решением Совнаркома⁵² об организации Государственного комитета по льноводству Каминский говорит: «Я, товарищи, должен сказать, что мы это решение будем опротестовывать... Без боя эти позиции сдавать нельзя... В том положении, которое со льном создалось, виновны те самые организации, которые сейчас ставят вопрос об организации этого органа. Они стояли за уменьшение закупочных цен (цены 2 раза были изменены)... В результате льноводческое хозяйство стало нерентабельным... Без кооперативного рычага и кооперативной работы вы ничего не создадите. Льноводческая кооперация должна быть сохранена от начала и до конца»⁵³.

«Вчера вынесено решение, вероятно, декрет будет опубликован завтра о том, что в оперативную работу Союзхлеба Хлебоцентр не должен вмешиваться. Совершенно очевидно, что на этой позиции, когда несколько торгающих государственных организаций хотят получить такое же положение, какое имеется у промышленности как ведущей организации по отношению к сельскому хозяйству, мы будем иметь массу столкновений, извращений и затруднений в работе. Это есть одна из больших бед во всей нашей работе... Если к ним подойти так и сказать — да бог с ними, против рожна не попрещь... ничего все равно не сделаешь, стенку лбом не прошибешь. Я должен сказать, что я бы такой Союз союзов закрыл в 24 часа, потому что такой Союз Союзов никому не нужен. Сегодня Льноводсоюз, завтра Главлёнком. А вы намечаете в ваших планах на 5 лет, что вы социалистическое земледелие к 31 году организуете эдак. Все планы писать, грош им цена, потому что уже в 1929 году вы получите совсем другой план и совсем другую организацию. Вот к чему дело сводится»⁵⁴. Предсказание Г. Н. Каминского вскоре сбылось.

А вот что говорил он о методах проведения хлебозаготовительной кампании в колхозах: «Избегайте применения каких бы то ни было административных мер»⁵⁵.

Оттеснение сельскохозяйственной кооперации госорганами велось не только по линии сбыта, но и по линии снабжения. Снабжение колхозов техникой осуществлялось Селькосоюзом, Хлебоцентром. Это позволяло использовать экономические формы регулирования. Сосредоточение техники в руках государства, в Наркомземе способствовало внедрению бюрократических и административных методов.

Фракция большевиков сельскохозяйственной кооперации пыталась противостоять передаче всего технического снабжения колхозов государству. В феврале 1928 г. Г. Н. Каминский разослал письмо председателя Селькосоюза Патрикеева⁵⁶. В нем, в частности, говорилось, что отказ от мер экономического воздействия при проведении хлебозаготовок (выделение фонда сложных машин, двигателей и т. д.) поставил местные организации перед необходимостью широкого использования судебного аппарата в порядке знаменитой 107-й статьи. Заместитель Наркомзема Клименко писал: «НКЗем полагает, что государственное сельскохозяйственное машиностроение является одной из командных высот партии и Советской власти в деревне, и выпускать из своих рук эту высоту государство пока еще не собирается». Заместитель Председателя СНК РСФСР Смирнов угрожал Каминскому, что примет решительные меры по этому вопросу по линии СНК. В июле 1928 г. в ЦК ВКП(б) было направлено новое письмо. В нем сообщалось, что Наркомзем занял явно враждебную сельскохозяйственной кооперации позицию.

В результате уничтожения демократических форм в снабжении и сбыте стало возможно директивное решение организационных вопросов. На II сессии Совета Колхозцентра в декабре 1928 г. Каминский предупреждал: «Если мы подойдем к делу так, что начнем решать вопрос, что нельзя ли дать задание о том, чтобы 25% селений перевести на общественную запашку земли, столько-то процентов перевести на устав коммуны, артели, одним словом, будем действовать методом заказов, я скажу, что это циркулярное творчество будет блестящим, а в жизни и не будет никаким. Так можно погубить движение... В порядке приказном, порядке циркулярном, перерастание одних форм в другие нельзя иметь»⁵⁷.

С октября по ноябрь 1929 г. Г. Н. Каминский возглавляет Колхозцентр СССР. Он предпринимает огромные усилия, чтобы отстоять связь колхозного движения с кооперативным строительством. Полагая, что колхозное строительство может дать экономический результат только при техническом перевооружении деревни, он пишет докладные записки в ЦК и Молотову, СНК и Рыкову, Рудзутаку, Микояну и другим о недостатке тракторов, появлении необработанных общественных земель, неправильном распределении тракторов, тягловой силы и инвентаря в районах. Он настаивает на необходимости увеличения тракторных колонн кооперации и пунктов проката, закупки тракторов и племенного скота на валюту, вырученную от экспорта сельскохозяйственных продуктов. С этими же положениями Г. Н. Каминский выступал в мае 1929 г. на XIV Всероссийском и V Всесоюзном съездах Советов.

Тяжелый удар по кооперации нанес ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б). В литературе утвердилось мнение, что решения ноябрьского Пленума — это курс на сплошную коллективизацию. Не менее важно другое — Пленум принял установку на государственное управление сельским хозяйством.

Г. Н. Каминский на Пленуме защищал кооперативные начала колхозного строительства. Именно поэтому на совещании в Колхозцентре после Пленума ЦК он с уверенностью сказал: «... То, что было внесено по вопросу сельскохозяйственного кооперирования, я это защищал»⁵⁸.

На Пленуме Каминский говорил, что кооперативное движение начало свою работу с кооперирования процессов обращения (сбыт, снабжение, кредит). Основной низовой ячейкой сельскохозяйственной кооперации являлось сельскохозяйственное кредитное товарищество с посредническими функциями. В результате кооперирования сбыта и снабжения, осуществления кредитных функций кооперации стала возможной сама постановка вопроса о производственном кооперировании. Каминский подверг резкой критике попытки противопоставить кооперативную систему государственной. Он заявил, что подмена кооперативного дела Трактороцентром и подобными организациями ему представляется совершенной чушью. Он выступил также против передачи машиноснабжения деревни в руки государства, изложил программу связи колхозного движения с кооперацией.

Однако, как известно, большинство участников Пленума высказались за государственные методы руководства сельским хозяйством. Выступивший по докладу Каминского Рябинин предлагал «похоронить Союз союзов». Кубяк указал на необходимость сохранения Трактороцентра в руках государства. Примечательна в связи с этим реакция Каминского, сказавшего, что тогда Колхозцентр будет самым плохим колхозом. Молотов опять поднял вопрос, как найти крестьянскую копеечку и ее использовать. По докладу Молотова была принята резолюция «О союзном Наркомземе». В ней говорилось: «Крупное земледелие... вызвало создание таких общесоюзных производственных организаций, как Зернотрест, Колхозцентр, Трактороцентр, Всекомвод, Сельхозснабжение... и другие, а это вызывает необходимость единого общесоюзного руководства ими»⁵⁹. «Из этого всего следует,— говорилось в резолюции,— что вполне назрело сосредоточение руководства сельскохозяйственным производством в едином союзном центре»⁶⁰.

Колхозцентру остались лишь исполнительские функции в государственной системе сельского хозяйства. Питающие кровеносные сосуды, связывавшие колхозы с кооперацией, разорваны. Председателем Колхозцентра назначают Юркина, бывшего председателя колхоза «Путь к коммунизму», т. е. практического работника. Каминский назначается членом коллегии Наркомзема.

В декабре 1929 г. он участвует в работе комиссии Яковлева по выработке плана коллективизации. Сталин и Молотов не приняли подготовленный комиссией проект из-за заниженных темпов коллективизации и малой степени обобществления имущества в колхозах. Это указывается во всех работах, выполненных в начале 60-х гг., где сравниваются постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. и подготовленный проект. Однако в них не было обращено внимание на то, что в исправленном варианте отсутствовала мысль о роли кооперации в руководстве колхозным движением, контрактации, снабжении и сбыте. Это было сделано в соответствии с указанием Сталина.

Так не дала результата попытка сохранить кооперативную основу в колхозном движении. Как свидетельствуют документы⁶¹, с этого времени Союз союзов сельскохозяйственной кооперации в основном занимается исполнением правительственные постановлений и передачей кооперативных фондов и денег, собранных на кооперативные тракторные колонны. С декабря 1929 г. Г. Н. Каминский в органах кооперации не работает. Несколько месяцев оказалось достаточным, чтобы разрушить ленинское здание кооперации, возводимое с первых лет Советской власти.

Примечания

¹ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155.

² Григорий Каминский: Сб. воспоминаний. Тула, 1965; Леонов И. Т. Г. Н. Каминский. М., 1967; Идельчик Х. И. Из истории Наркомздрава // Здравоохранение Российской Федерации. 1983. № 12. С. 26—29.

³ Каминский Г. Н. Сельскохозяйственная кооперация. М., 1925. С. 4.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 15—16.

⁹ Каминский Г. Н. Пути вовлечения бедняцко-середняцких масс в социалистическое строительство // Коллективист. 1926. № 16. С. 2.

¹⁰ 4-й Всесоюзный съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1927. С. 509.

¹¹ Там же, с. 510.

¹² Каминский Г. Н. Организация руководящего центра с.-х. кооперации // Сельскохозяйственная кооперация. 1927. № 11. С. 7—8.

¹³ ЦГАНХ. Ф. 3983. Оп. 1. Д. 1.

¹⁴ Этот доклад ранее не публиковался.

¹⁵ Там же. Л. 99.

¹⁶ Там же. Л. 101.

¹⁷ Там же. Л. 103.

¹⁸ Там же. Л. 103—104.

¹⁹ Там же. Л. 105.

²⁰ Там же. Л. 106.

²¹ Там же. Л. 107.

²² Там же. Л. 123.

²³ Там же. Л. 109.

²⁴ Там же. Л. 117.

²⁵ Там же. Л. 126.

²⁶ Там же. Л. 128—129.

²⁷ См. там же. Л. 129.

²⁸ Там же. Ф. 1689. Оп. 4. Д. 173. Л. 373.

²⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 32. Л. 296.

³⁰ Там же. На конспекте выступления Г. Н. Каминский пишет: «И еще долго не охватим. Собрать колхозы — длительный процесс. Надо иметь возможность, а не только желание» (Л. 296 об.).

³¹ XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.; Л., 1928. Л. 1217.

³² Там же. Л. 1218.

³³ Там же. Л. 1220.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 1058.
- ³⁶ Там же. Л. 1221.
- ³⁷ Там же. Л. 1236—1237.
- ³⁸ ЦГАНХ. Ф. 1689. Оп. 2. Д. 172. Л. 311.
- ³⁹ XV съезд ВКП(б). Л. 1299.
- ⁴⁰ Там же. Л. 1314.
- ⁴¹ Каминский Г. Н. Пути вовлечения бедняцко-середняцких масс крестьянства в социалистическое строительство // Коллективист. 1926. № 16. С. 10.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Колхозы. Первый Всесоюзный съезд. М., 1929. С. 96.
- ⁴⁴ Там же. С. 97.
- ⁴⁵ Там же. С. 100.
- ⁴⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 631. Оп. 2. Д. 61. Л. 31.
- ⁴⁷ ЦГАНХ. Ф. 3983. Оп. 1. Д. 104. Л. 24.
- ⁴⁸ Там же. Л. 40.
- ⁴⁹ Там же. Л. 41.
- ⁵⁰ Там же. Д. 103. Л. 127—129.
- ⁵¹ Там же. Л. 119—120.
- ⁵² Там же. Л. 129.
- ⁵³ Там же. Д. 104. Л. 42—43.
- ⁵⁴ Там же. Д. 103. Л. 131—132.
- ⁵⁵ ЦПА ИМЛ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 12. Л. 33.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 64. Л. 148.
- ⁵⁷ ЦГАНХ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.
- ⁵⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 613. Оп. 5. Д. 23. Л. 138.
- ⁵⁹ Пленум ЦК ВКП(б). Ноябрь 1929 г. М.; Л., 1929. С. 73.
- ⁶⁰ Там же. С. 76.
- ⁶¹ ЦГАНХ СССР. Ф. 3983. Оп. 1. Д. 138. Л. 154.

© 1990 г.

Е. В. ЗЛОБИН

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ «ЗАПИСОК» ДЕКАБРИСТА И. И. ГОРБАЧЕВСКОГО

Среди большого количества мемуаров декабристов особое место по праву принадлежит «Запискам», автором которых принято считать И. И. Горбачевского¹.

Члены «Общества соединенных славян», таившего в себе зародыш разночинской революционности², не оставили значительного мемуарного наследия. Мало и документальных свидетельств о деятельности Южного общества в период объединения со «Славянами», о ходе восстания Черниговского полка. Этот пробел в значительной степени восполняется «Записками» Горбачевского. И большинство историков прибегают именно к ним как к важнейшему первоисточнику. К примеру, М. В. Нечкина ссылается на «Записки» более 100 раз (в среднем одна ссылка на 2—3 страницы). Известный декабристовед Б. Е. Сыроечковский, подготовивший три издания «Записок», писал по этому поводу в статье к первому изданию: «... Его [Горбачевского] „Записки“... одновременно и первоисточник, и историческое исследование, притом на данную тему единственное во всей литературе...»³.

Однако не только в богатой фактуре значение «Записок». Это и изложение, подробное и цельное, идеологии «Славян», которое выигрывает еще от постоянного сопоставления (а зачастую и противопоставления) со взглядами Южного общества. Сливаясь вместе эти два потока как бы оттеняют друг друга, придавая цельность и объемность изображаемым событиям. «... Это прежде всего памятник идеологического содержания,— подчеркивает С. С. Ланда,— все характерные для жанра мемуаров биографические подробности, отступления, частные замечания... здесь отсутствуют...»⁴.

Тем не менее надо отметить, что «Записки» это не просто сухой перечень фактов. Написанные

Злобин Евгений Валентинович, адъюнкт Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

живым, образным языком, казалось бы, в один присест, они исключительно легко читаются прежде всего благодаря захватывающему динамизму изображаемых событий, а их необычное начало под стать завязке иного детективного романа. Как справедливо отмечали публикаторы 3-го издания, «Записки» «принадлежат к наиболее замечательным произведениям в богатом литературном наследии декабристов»⁵.

Значение и неоспоримые достоинства этого произведения признавались и самим первым публикатором — П. И. Бартеневым, правда, с известными оговорками, отразившими страх перед цензурой. «Его „Записки“, по их беспристрастному изложению,— писал Бартенев в кратком предисловии к первой публикации,— составляют настоящее приобретение нашей исторической печати... Они производят впечатление отрезвляющее и поучительное как для молодых пылких голов, так и для правителей...»⁶. И это писалось почти сразу после покушения на царя!

Завершим общую оценку «Записок» словами Б. Е. Сыроечковского: «Мемуары... имеют цену совершенно исключительную»⁷.

Несомненный интерес представляют «Записки» и с точки зрения военной истории. Служба и быт, духовный мир низших слоев офицерства того времени, ход восстания Черниговского полка, его разгром описаны с большой степенью достоверности, со множеством деталей чисто военных. «Записки» демонстрируют опыт, хотя и неудачный, военного восстания, позволяют оценить принципы его проведения, руководства, роль солдат и офицеров, заложить основы будущей тактики подобных действий. Это особенно важно и сейчас, для развивающихся стран, где военные революции совершаются весьма часто.

Впервые «Записки» были напечатаны в журнале «Русский архив» в 1882 г.⁸ Издатель журнала П. И. Бартенев писал во вступлении об истории появления у него текста: «...Подлинная рукопись этих записок была привезена из Сибири. Она написана до того мелко, что из одной страницы ее выходит по нескольку печатных. Достоуважаемый Александр Иванович Баландин принял на себя труд снять с нее список, по которому она здесь печатается»⁹. Эта фраза в дальнейшем будет играть, пожалуй, важнейшую роль при определении авторства «Записок». Не имея точных сведений об этом, первую публикацию озаглавили: «Записки неизвестного из тайного общества Соединенных славян». Бартенев лишь предположительно указывал: «Кажется, но ручаться в этом нельзя»¹⁰. Каких-либо доказательств в пользу авторства Горбачевского издатель не привел, более того, дважды подчеркнул предположительность своей версии.

Прежде чем анализировать далее авторство «Записок», опишем последующие издания, которые уже без колебаний приписывались Горбачевскому. Все они готовились Б. Е. Сыроечковским. В издании 1916 г. помещена статья о декабристе И. И. Сухинове, которая, как потом выяснилось, ошибочно приписывалась Горбачевскому. К 100-летнему юбилею восстания было подготовлено еще одно издание. Наконец, последнее издание вышло в свет в серии «Литературные памятники» в 1963 г. Оно включает в себя также письма декабриста, воспоминания о нем и обширную заключительную статью. Главная идея этой статьи — доказать, что именно Горбачевский был автором «Записок». Почему же в этом возникла необходимость через 80 лет после первой публикации?

Как уже отмечалось, Бартенев лишь предположительно указал на Горбачевского как на автора, прислав ему также и «Записку об И. И. Сухинове»¹¹. Однако в том же году Бартенев вернулся к вопросу об авторстве «Записок». В следующей книге журнала он писал: «Наше предположение о том, что Записки об обществе Соединенных славян (напечатанные во 2-й тетради Русского архива нынешнего года) принадлежат И. И. Горбачевскому, оправдалось... На сестре автора Записок, Анне Ивановне Горбачевской, женился Илья Ильич Квист (бывший директором канцелярии главноуправляющего 1-ю армией князя Сакена), и сын их Оскар Ильич удостоверил меня сличением почерка Записок об Обществе Соединенных Славян с находящимся у него подлинными письмами его родного дяди, что это записи действительно писаны Горбачевским»¹².

А еще через 8 лет, услышав о распродаже коллекции скончавшегося О. И. Квиста, Бартенев описал некоторые подробности встречи с покойным в июле 1882 г. «Судя по слогу этих „Записок“, сказал он (О. И. Квист. — Е. З.), я начинаю думать, не принадлежат ли они известному декабристу Горбачевскому. У меня много писем его к родной его сестре, моей матери. Стоило бы только сличить подлинник „Записок“ с этими письмами». Бартенев «на другой же день поехал к О. И. Квисту, и по сличении несомненно оказалось, что эти любопытные и важные „Записки“... действительно писаны Горбачевским»¹³.

Воспоминания, видимо, не совсем точны, так как предположение об авторстве Горбачевского

сделал сам Бартенев. Что же толкнуло его на эту мысль? Может быть, сходство с запиской о Сухинове? Как уже указывалось, этой ошибочной версии придерживался и Б. Е. Сыроечковский, готовя издание 1916 г.

Однако уже в новом издании 1925 г. авторство Горбачевского подверглось сомнению. Главной причиной этого был мелкий почерк «Записок», о котором упоминал еще Бартенев (сама рукопись, к сожалению, не сохранилась)¹⁴. Новый публикатор также ссыпался на определенную разницу в содержании «Записок» и планов Горбачевского. В одном из писем друзьям тот указывал, что хотел бы написать воспоминания либо в виде подробного жизнеописания, или автобиографии, или же всеобщей истории декабристского движения¹⁵. Однако по своему содержанию «Записки» ни под один из этих пунктов не подпадают. Следовательно, замыслы Горбачевского не были реализованы. Напрашивается вывод, что автор «Записок» не он, поскольку о подобной работе Горбачевский не помышлял.

Аргумент о характере почерка вообще представляется весьма спорным. Да, «Записки» написаны мелким почерком, а почерк Горбачевского был крупным, особенно к старости, когда зрение стало слабеть. Но в его рукописях имеются страницы, написанные и мелким почерком, в частности показания на следствии в 1826 г. Видимо, поэтому Н. П. Чулков, выражая несогласие с сомнениями Б. Е. Сыроечковского, привел при публикации следственного дела одну страницу показаний с мелким почерком!¹⁶

Вновь вопрос об авторстве был поднят в середине 50-х гг. М. В. Нечкиной. В своей статье¹⁷ она предложила и привела доказательство альтернативного варианта авторства «Записок», обосновав авторство одного из создателей Общества соединенных славян — младшего из братьев Борисовых, Петра. Появление данной версии было не случайно. Ранее, в 20-х гг., М. В. Нечкина провела подробный содержательный анализ «Записок», выявила много фактических неточностей, прояснила идеологические «симпатии» автора, а также нашла такие отрывки «Записок», которые «... если не написаны Борисовым, то представляют, очевидно, почти буквальную запись его слов»¹⁸.

Прежде чем перейти к анализу всех аргументов, кратко упомянем другие исследования. В 1963 г., готовя академическое издание, публикаторы категорически высказались «за» авторство Горбачевского (иначе чью бы фамилию они простили на титульном листе?). Полемике с ними была посвящена следующая статья М. В. Нечкиной, в которой анализировались доводы противоположной стороны и приводился ряд новых аргументов в пользу П. И. Борисова. Статья завершалась обещанием: «Место не позволяет мне, к сожалению, остановиться на других спорных вопросах, связанных с авторством рукописи. Я вернусь к ним позже, в другой работе...»¹⁹. К сожалению, видимо, эти планы остались нереализованными, поскольку в посмертной библиографии М. В. Нечкиной указанной работы нет²⁰.

В 1968 г. Н. Н. Лысенко выдвинул новую гипотезу²¹. Суть ее: «Записки» — плод коллективного труда, но литературно оформил и записал их М. А. Бестужев, возможно, со слов И. И. Горбачевского во время их последней встречи в июне 1861 г. в Селенгинске.

В 1973 г. была выдвинута новая версия. В своем спецкурсе лекций Г. П. Шатрова²² обосновала авторство Ф. Ф. Вадковского. Еще одним возможным автором «Записок» был назван П. Ф. Выгодовский. Впрочем, эта версия представляется исследователям крайне нереальной и потому никем серьезно не рассматривалась.

Для обоснования авторства П. И. Борисова выдвинул некоторые аргументы С. С. Ланда²³, а И. И. Горбачевского — М. П. Мироненко²⁴. В их работах приводится ряд новых доказательств, а также ссылки на ранее не публиковавшиеся источники. Работа Л. Б. Смирновой²⁵ посвящена опровержению доводов Г. П. Шатровой об авторстве Ф. Ф. Вадковского. Одновременно появился и обзор литературы по данной проблеме, составленный Р. Г. Эймонтовой — ведущим библиографом декабристской тематики²⁶.

Таким образом, несмотря на обилие источников и гипотез, полной, всеобъемлющей работы по проблеме авторства «Записок», в которой были бы рассмотрены все возможные варианты, доводы и обстоятельства, пока нет. Главный недостаток имеющихся подходов заключается в их односторонности, в отсутствии полного и объективного анализа. После выдвижения гипотезы ряд фактов под нее подгоняется, а противоречащие ей факты упорно замалчиваются, как и некоторые известные исторические обстоятельства. Постараемся восполнить эти пробелы.

Прежде всего, вопрос о размере почерка. Хотелось бы заметить, что такая общая его характеристика, как крупный или мелкий, не может служить основанием для идентификации. Человек в состоянии управлять размером своего почерка, особенно при записи, тщательно продумываемой

и обрабатываемой в литературном отношении вещи (а достоинства «Записок» в этом плане мы уже отмечали), и особенно при ее переписывании начисто. Поэтому аргументация авторов на основании размера почерка того или иного декабриста представляется бездоказательной.

Что же сохранилось от подлинной рукописи «Записок»? Есть копия с нее Баландина, найденная М. В. Нечкиной в конце 20-х гг. в ИРЛИ²⁷. Эта рукописная копия принадлежала В. Г. Дружинину, имеет следы типографской краски. Сохранился и ряд экземпляров журнала «Русский архив», из которых цензура не произвела изъятий (всего таких насчитывается 191 экз. из 1200). По ним готовились издания 1916 и 1925 гг.²⁸ Наконец, имеется еще одна рукопись из фондов Н. К. Шильдера в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Эта рукопись написана рукой М. А. Бестужева, что подтверждается графологической экспертизой²⁹. М. И. Семевский, которому эта рукопись, видимо, ранее принадлежала, писал, что получил в начале 60-х гг. (здесь важна дата!) от М. А. Бестужева «две тетради записей начальной истории Южного общества...»³⁰. Значит, был дубликат «Записок», вышедший из Сибири, из рук близкого друга Горбачевского.

Рассмотрим подробнее важный вопрос о датировке «Записок». С точки зрения содержания нижней хронологической границей является заговор в Зерентуйском руднике, который описан автором, верхней — год смерти М. И. Лунина, о котором упоминается как о живом человеке (1845 г.)³¹. С этим подходом соглашаются большинство исследователей. С. С. Ланда пишет, к примеру: «„Записки“, созданные, по всей вероятности, в конце 30-х — начале 40-х годов в казематах Петровского завода...»³². Ранее и Б. Е. Сыроечковский делал тот же вывод: «... не ранее 1830 г. и не позже 1845 г....»³³. Но к этому выводу исследователь пришел не сразу. Готовя публикации 1916 г., он называл другой период составления «Записок» — «последние годы царствования Николая I...»³⁴, т. е. 50-е гг. Решающим аргументом в пользу более ранней датировки рукописи может служить время написания копии М. А. Бестужева. А эту дату, «... судя по водяным знакам бумаги и характеру письма, можно отнести... к концу 1830-х или началу 1840-х годов...»³⁵.

Предположение о том, что М. А. Бестужев мог позже (лет через 20—30) снять копию с оригинала Горбачевского на специально заготовленную впрок бумагу, вряд ли реально не только по житейским соображениям. Бумага у декабристов в Сибири не залеживалась, писали они часто и много. К примеру, И. И. Горбачевский в почту отправлял до 17 писем³⁶, более того, буквально в день своей смерти (9 января 1869 г.) еще писал письмо своему сибирскому другу П. И. Першину³⁷. Письма, воспоминания были долгие десятилетия единственной ниточкой, связывавшей их с внешним миром.

Таким образом, как справедливо замечает Л. Б. Смирнова³⁸, время написания рукописи, по общему признанию исследователей, — 1830—1839 гг. Многие попытки датировать рукопись более поздним временем оказываются несостоятельными. Так, трудно согласиться с утверждением Н. Н. Лысенко о том, что «Записки» создавались начиная примерно с 1861 г.³⁹, или с выводом, который делает М. П. Мироненко из письма М. А. Бестужева к М. И. Семевскому от 13 февраля 1862 г.: мол, «Горбачевский начал восстанавливать уничтоженную рукопись...»⁴⁰. Зачем ему это было делать, когда имелись хорошие копии (того же М. А. Бестужева)? Тем более что к этому времени рукопись уже успела попасть в Петербург, к М. И. Семевскому, который в письме к Д. Л. Мордовцеву писал: «... Наиболее любопытным материалом... представляется записка Ивана Ивановича Горбачевского, имеющаяся у меня в подлинной его рукописи, сообщенной еще в 1860 г. через посредство его друга и товарища посылькой из Сибири, Михаилом Александровичем Бестужевым»⁴¹. Ясно, что у Семевского была именно рукопись Горбачевского; с другой стороны, и степень участия М. А. Бестужева могла быть разной, вплоть до соавторства.

Важно также следующее: как писалась рукопись — сразу вся целиком или в несколько приемов? У читателя, как правило, такой вопрос не возникает: «Записки» производят цельное, стройное впечатление. Части книги (кстати, они сформированы и озаглавлены публикаторами) значительно — по стилю, динамике изложения — друг от друга не отличаются, и мысль о соединении разнородных элементов не возникает. Кажется, что «Записки» написаны на одном дыхании. Этой точки зрения придерживаются большинство исследователей⁴².

Исходя из общего впечатления о целности «Записок» (которое, правда, может быть и обманчивым), трудно согласиться с версией о значительном временном разрыве в написании отдельных частей. Г. П. Шатрова, приписывая авторство Ф. Ф. Вадковскому, допускает, что XII глава или примечание № 42 написаны до восстания в Зерентуе — до 1 декабря 1828 г., когда был еще жив И. И. Сухинов⁴³. Другие же главы, т. е. все предшествующие, писались

на 10 лет позже. А ведь 10 лет для декабриста в Сибири равнялись целой эпохе! Тот же Горбачевский в тюрьме освоил два языка так, что мог с них переводить. Вряд ли при подобных метаморфозах возможного автора рукопись казалась бы цельной истройной.

Маловероятно, видимо, и предположение Н. Н. Лысенко о том, что после написания совместно с М. А. Бестужевым 1-й части «Записок» в 1861 г. (о чем? если о присоединении «Славян» к «Южанам», то остается только поразиться прекрасной памяти мемуаристов, точно воссоздавших мельчайшие детали событий 30-летней давности) между соавторами наступило охлаждение, и 2-ю, и 3-ю части Бестужев дописывал один, имея другие источники⁴⁵. Но вот этой разницы, которая поневоле должна была возникнуть при переходе к другим источникам, и не чувствуется. Надо также принять во внимание, что уже в 1860 г. рукопись (или какая-то ее часть) была доставлена к М. И. Семевскому.

Итак, можно с большой долей достоверности сделать вывод о времени написания рукописи — 30—40-е гг., причем писалась она сразу вся, целиком. Аргументация, основывающаяся на более поздних сроках, представляется неубедительной.

Следующим важным по значимости моментом является сожжение И. И. Горбачевским своей рукописи. Исследователи по-разному оценивают количество сожженных рукописей (и одна⁴⁶, и две⁴⁷), анализировались и трудности процесса сжигания...⁴⁸.

Само написание, хранение, а тем более распространение каких-либо «Записок» было для декабристов, особенно в начальный период их сибирской жизни, делом не простым, а часто даже опасным, так как подобные действия контролировались, а при необходимости и пресекались III Отделением. Тому же Горбачевскому рукопись, которую написал его отец и которую ему сестра переслала в Петровский завод, дали почитать всего лишь на три дня, а потом отобрали⁴⁹.

С середины 1839 г. Горбачевский выходит на поселение (что безусловно означало ослабление режима) и остается в Петровском заводе, постепенно становясь своеобразным центром культурного притяжения. «На „поклонение“ к нему ездили из округи верст за 200...»⁵⁰. Тем не менее контроль, особенно в первые годы, за его поведением был довольно-таки серьезный. Свидетельством тому следующий факт: в 1846 г. иркутский архиепископ Нил пытался возбудить дело в отношении Горбачевского из-за непоявления его на причастии, произнесения им «бездожных» слов и т. д.⁵¹.

После Указа 1856 г. ссылным по существу были возвращены гражданские права, они получили возможность вернуться из Сибири, а 25 июля 1864 г. Горбачевского даже выбрали мировым посредником⁵². Таким образом, период, в течение которого хранить рукопись было опасно, можно отнести к 40-м гг. и с некоторой натяжкой к первой половине 50-х гг. М. П. Мироненко на основании мемуаров Д. И. Завалишина сделала заключение о том, что «Горбачевский в конце 50-х годов просил Завалишина взять его рукопись на сохранение. Предположение, что именно после отказа Завалишина Горбачевский вынужден был ее уничтожить...»⁵³, представляется малообоснованным.

На поселении в Петровском заводе Горбачевский жил почти безвыездно (о чем писал неоднократно); «опасный» для «Записок» период продолжался лет 15. Мог ли он за это время дважды написать воспоминания и дважды их сжечь. «... Едва ли достало у меня терпения,— писал он,— бросать все в огонь, такая была масса исписанной бумаги...»⁵⁴ Очень сомнительно, как и вся версия о двух сожженных им рукописях.

Прежде чем перейти к анализу других аргументов авторов различных гипотез, остановимся на общей идеальной направленности «Записок», что во многом позволяет вычленить какие-то предпочтительные моменты в отношении возможного авторства.

Большинство ученых в целом согласны, что «... резкое противопоставление славян и южан — ... существо всей концепции „Записок“...»⁵⁵. Этот факт не требует доказательств для всех, кто знакомился с текстом «Записок». Как правильно отмечал Б. Е. Сыроечковский, Горбачевский «... ставит в укор членам Южного общества недостаток демократизма, стремление к командирству, недоверие к офицерам и солдатам, неискренние демагогические приемы, желание „произвести переворот одною военную силу, без участия народа“, намерение навязать народу готовый политический строй...»⁵⁶.

В этом пункте сходятся сторонники прямо противоположных взглядов на авторство «Записок». Приверженец «Борисовской» теории С. С. Ланда, к примеру, указывает, что «„Записки“ Горбачевского — памятник острого классового антагонизма славян и южан»⁵⁷. С другой стороны, тот же Ланда, подробно анализируя идеологические установки различных общественных течений того времени, делает вывод: «... те описания, в которых исследователи этого вопроса видят „литератур-

ные домыслы“ или „стилистические украшения“, содержат... идеологические формулы, характерные именно для просветительских конспираций первой четверти XIX в. „Записки“ не мог писать посторонний человек. Они явно принадлежат одному из ведущих деятелей общества...»⁵⁸.

Следовательно, «Записки» нельзя рассматривать как «Историю Южного общества», как выполнение Горбачевским завещания С. Муравьева-Апостола. Но это отнюдь и не просто история восстания Черниговского полка, как пытаются представить Г. П. Шатрова⁵⁹. Вне всякого сомнения, «Записки» посвящены, если брать их общее содержание, заключительному этапу истории Общества соединенных славян. Написать их мог либо старый член общества, либо они писались с его слов кем-то из близких друзей.

Значительное место в исследованиях занимает анализ фактических неточностей в «Записках» в сравнении с показаниями на следствии (а ведь цель этих показаний зачастую — скрыть истину!), с более поздними свидетельствами — письмами, мемуарами других декабристов. Подобных неточностей обнаруживается довольно много. Остановимся на наиболее значительных из них.

Один из спорных моментов: какой документ был прочитан местным священником в Василькове во время дневки восставшего Черниговского полка — «Катехизис» С. Муравьева («Записки») или же выписка из «Русской правды» Пестеля (одно из писем Горбачевского к Бестужеву)? С одной стороны, ошибка Горбачевского свидетельствует против его авторства⁶⁰, хотя противники этой версии объясняют его ошибку «аберрацией» памяти. В общем-то, немудрено было в письме и ошибиться — со времени написания «Записок» прошло около 20 лет, а со времени событий в Василькове и того более. Вместе с тем, как отмечают «горбачевцы», на полях книги Н. П. Огарева «14 декабря и император Николай», где сохранились пометки Горбачевского, против этого места (о чтении «Катехизиса») пометки нет⁶¹. Это может служить косвенным согласием Горбачевского с автором.

Вероятность спутать текст «Русской правды» и «Катехизиса», состоящего, как известно, из вопросов и ответов, мала. Но Горбачевский при этом чтении не присутствовал, знал о нем только со слов. Спустя 20 лет он мог и ошибиться в такой подробности.

В то же время Горбачевский должен был хорошо знать обстоятельства приезда накануне восстания старшего брата Борисова, Андрея. В «Записках» неверно указывается место, откуда он приехал. Но, как справедливо отмечают публикаторы академического издания, Андрей в это время с отцом занимался выполнением архитектурного заказа, т. е. мог вполне выехать из дома. К тому же район его проживания находится на стыке трех губерний⁶². Да и сами обстоятельства его приезда можно толковать двояко: он и мог быть вызван, и в то же время мог сам приехать с целью «устроиться» в общество после его соединения с «Южным»⁶³.

Анализ дат показывает, что в «Записках» неверно названа лишь одна — дата выступления Черниговского полка в поход. Не так уж много для насыщенного конкретным фактическим материалом объемного труда!

Двояко толкуются исследователями оценки, даваемые в «Записках» и в вышеупомянутом письме одним и тем же событиям. Так, М. В. Нечкина отмечает разницу в оценке поведения ссыльных и заговора Сухинова в Зерентуйском руднике⁶⁴. В противовес этому Б. Е. Сыроечковский и другие показали совпадение позиций по отношению к ранению и самоубийству поручика Кузьмина, к судьбам восставших солдат, злоключениям самого Сухинова⁶⁵. Обе позиции легко подтверждаются при обращении к тексту первоисточников. Однако в истории несть числа примерам изменений в оценке событий за 20 лет.

Письмо Горбачевского к Бестужеву не имеет никакого текстового сходства с «Записками», тогда как сразу три других источника — показания П. И. Борисова на следствии, очерки Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» и В. И. Соловьева «И. И. Сухинов» — порой почти дословно повторяются в тексте «Записок». Даже противники версии об авторстве Борисова вынуждены признать, что «особенно близки к тексту „Записок“ отдельные фрагменты показаний Петра Борисова — основателя Общества соединенных славян и ближайшего друга Горбачевского...»⁶⁶.

На совпадении текстов «Белой Церкви» и «Записок» строит всю аргументацию в пользу авторства Ф. Ф. Вадковского Г. П. Шатрова. Она, в частности, делает заключение, что это «...два варианта одной и той же работы, носящие различную степень литературной обработки и историко-политического осмысливания происходивших событий...»⁶⁷. Что же касается очерка «И. И. Сухинов», то во втором издании он даже был приписан Горбачевскому.

Из всего изложенного бесспорен лишь вывод о коллективном характере воспоминаний, послуживших документальной основой для «Записок». Что касается собственно литературного

оформления, то оно вполне могло быть осуществлено одним лицом. Кем? Остановимся на возможных вариантах.

Г. П. Шатрова, указывая на текстологическое сходство «Белой Церкви» и «Записок», не касается конкретных обстоятельств ссылки Ф. Ф. Вадковского, а также ряда других немаловажных моментов (на что справедливо указывает Л. Б. Смирнова). К числу таких моментов она относит следующие: во-первых, то обстоятельство, что Ф. Ф. Вадковский не оставил никаких других значимых эпистолярных или мемуарных произведений. Во-вторых, жесткая критика Южного общества и отдельных его членов с большой натяжкой согласуется с обликом друга Пестеля. В-третьих, большинство сохранившихся произведений Вадковского написано на французском языке, в то время как в «Записках» встречается лишь одно (!) французское слово. В-четвертых, Вадковскому, как принявшему в общество предателя Шервуда, было бы по меньшей мере неприятно вспоминать о Майбороде⁶⁸. Другие аргументы в пользу авторства Вадковского: единая последовательность в изображении событий, ограниченность взгляда на перспективу, отсутствие описания организационно-пропагандистской работы, «недооценка программных документов», «единство стиля»⁶⁹ — представляются доказательствами, допускающими произвольную трактовку.

Высоко оценивая личность автора Артельного устава в Петровском заводе, «наделенного серьезными математическими способностями, читавшего своим товарищам в „каторжной академии“ курс астрономии ... проявившего особый интерес к истории декабристского движения...»⁷⁰, мы вынуждены тем не менее признать наличие определенной необоснованной сенсационности гипотезы Г. П. Шатровой, не имеющей достоверного фактологического подтверждения.

Версия Н. Н. Лысенко, приписывающая авторство или, по крайней мере, литературную обработку «Записок»⁷¹ М. А. Бестужеву, основывается, помимо косвенных свидетельств, лишь на одном, правда, значимом и весомом факте: единственная имеющаяся в нашем распоряжении рукопись написана рукой Бестужева. Все же остальные предположения относительно процесса и особенно времени написания «Записок» (начало 60-х гг.! — см. выше) представляются весьма неубедительными. Письма Горбачевского к Бестужеву, на основании которых строится доказательство, допускают неоднозначную трактовку отдельных моментов, могут служить основаниями для диаметрально противоположных точек зрения.

Еще одну возможную кандидатуру упоминает М. В. Нечкина: единственного декабриста из крестьян П. Ф. Дунцова-Выгодовского (он — из «Славян», ссылку также отбывал в Сибири). Однако она тут же отмечает: «... не может быть автором записок и П. Ф. Дунцов-Выгодовский — человек, правда, оставивший после себя большое авторское наследие, но отрывки последнего, до нас дошедшие, являются разительной противоположностью со стилем и содержанием „Записок“ неизвестного...»⁷². Бумаги П. Ф. Выгодовского, насчитывавшие многие сотни страниц размышлений философско-религиозного плана, были конфискованы III Отделением и пропали. Сохранилось лишь их краткое изложение⁷³, позволяющее тем не менее сделать вывод о разительном отличии их от стиля «Записок». Несмотря на свою краткость, данное изложение даже послужило основой для философского исследования⁷⁴.

Главной целью М. В. Нечкиной было доказать авторство Борисова. Как справедливо отмечал Н. Н. Лысенко, эта гипотеза имела несколько ступеней развития. Первоначально М. В. Нечкина пришла к выводу, что «Записки» — коллективный труд группы Борисова, «... об единоличном авторстве мемуаров не может быть и речи...»⁷⁵. Это заключение сделано в начале 30-х гг. Затем, к 50-м гг., вывод стал более категоричным: автор «Записок» — П. И. Борисов, «созданный им труд — история «Общества соединенных славян» — является первостепенным по значению памятником движению декабристов»⁷⁶, так как именно Борисов был одним из основателей Общества славян и хотел написать его историю еще до ареста. Именно поэтому он сохранил некоторые материалы по ранней истории общества, клятву, эмблемы и т. д., которые затем фигурировали уже на следствии как вещественные доказательства. Сторонники этой гипотезы указывали, что «некоторые места „Записок“ (рассказ о заседаниях в Млыницах, свидание Борисова 2-го с Бестужевым в конце лагерного сбора и др.) если не написаны Борисовым, то представляют, очевидно, почти буквальную запись его слов»⁷⁷.

Однако надо отметить, что в сибирский период жизни братьев Борисовых «научные интересы П. Борисова... вращались главным образом в области вопросов естествознания...»⁷⁸. Братья занимались мелким ремеслом, Петр оставил также сотни рисунков птиц, цветов, растений, собрал коллекцию насекомых, написал работу «О муравьях», «О движении планет», вел метеорологические наблюдения⁷⁹. Некоторые его работы, особенно альбомы рисунков, не потеряли своего научного

значения и по сей день. Но нет никаких сведений о мемуарных работах П. Борисова, хотя многие его бумаги сохранились и находятся в общем фонде Якушкиных в ЦГАОР СССР⁸⁰.

Старший брат, Андрей, с 1827 г. впал в тихое помешательство и не выносил вида посторонних. В 1839 г. его попытались поместить в Верхнеудинск в больницу вместе с Андреевичем, но после объявления голодовки он был освобожден⁸¹. Братья с 1841 г. поселились в Малой Разводной близ Иркутска и вели довольно уединенный образ жизни из-за болезни Андрея. Неудачная женитьба Петра еще больше замкнула их в узком семейном мирке вплоть до одновременной смерти 30 сентября 1854 г.⁸²

Хотя помешательство Андрея носило тихий характер (он целыми днями kleил коробочки), М. В. Нечкина высказала предположение, что Петр хранил рукопись своих «Записок» у Горбачевского, опасаясь безумств брата, откуда она и попала к Бартеневу⁸³.

Это представляется маловероятным, так как имеются достаточно веские свидетельства охлаждения между Борисовыми и остальными ссылочными декабристами. Возникло оно именно в предполагаемый период написания «Записок» и связано, видимо, с обстоятельствами помещения Андрея в больницу, против чего был Петр. М. А. Бестужев писал Е. П. Оболенскому в конце декабря 1839 г.: «... С Петром вовсе невозможно говорить теперь... На все мои и Горбачевского письма он ни слова не отвечает... Он приказал мне сказать, чтоб я впредь не смел к нему ничего посыпать и не имел бы с ним никакого сношения...»⁸⁴.

Исходя из этого, версия о Петре как возможном авторе «Записок» не имеет достаточного фактического подтверждения.

Решающими доводами в пользу авторства могли бы служить свидетельства тех декабристов, кто дожил до времени опубликования рукописи. Публикаторы академического издания, отстаивая гипотезу об авторстве Горбачевского, приводят следующую выдержку из письма А. Е. Розена к М. А. Назимову от 3 января 1883 г.: «В конце недели получил письма из Москвы от Муравьевых и Свищунова... первый толкует о старой семеновской истории, по которой задела его какая-то брошюра — кажется, Горбачевского из „Русского архива“...»⁸⁵.

Увы! Даже тон самого письма («кажется!») носит явно предположительный характер. Это заставляет усомниться в том, что сам Розен читал «Записки» (причем тогда семеновская история?), а если и читал, то, безусловно, принял на веру предположение Бартенева об их авторе, тем более что уже вышла книжка журнала с дополнительными разъяснениями⁸⁶. О семеновской истории в «Записках» только упоминается. Что могло «задеть» М. И. Муравьева-Апостола (именно о нем говорится в тексте письма)? Из предположительности контекста следует, что его внимание могла привлечь и какая-нибудь другая публикация. Таким образом, данное свидетельство нельзя считать абсолютно достоверным.

Другим, значительно более конкретным, является подстрочное примечание из неопубликованных мемуаров Д. И. Завалишина: «...то, что напечатано в „Русском архиве“, составляет только отрывок из „Записок“ Горбачевского, да и тот, сколько могу припомнить, напечатан, по-видимому, не вполне. Горбачевский даже желал, чтоб я взял его „Записки“ для сохранения у меня в Чите, но я не решился взять их, не считая и свои собственные в безопасности при тогдашней борьбе моей с Муравьевым и Корсаковым...»⁸⁷.

Со времени упоминаемых событий к моменту написания мемуаров прошло около четверти века. Представление опубликованного как только «отрывка» из «Записок» заставляет усомниться в истинности воспоминаний. Все имеющиеся главы «Записок» тесно связаны между собой, если и были какие-то изъятия, то они незначительны (в том числе и цензурные)⁸⁸. Вряд ли было и продолжение «Записок» — восстание в Зерентуйском руднике является вполне логическим их завершением. Описание же относительно размеренной и однообразной тюремной и ссылочной жизни декабристов между 1828 (год восстания) и 1845 (верхняя временная граница написания текста) годами явно заземляло высокую динамику и сводило бы на нет почти приключенческую фабулу основного текста.

Единственная возможность «расширить» «Записки» — предположить, что утрачено их начало: «... не исключено, что начало рукописи не дошло до нас, — уж очень своеобразны ее вступительные страницы...»⁸⁹.

Тогда остается предположить о наличии у Горбачевского каких-то очень больших записок (если то, что напечатано — лишь отрывок) посвященных всецело Обществу соединенных славян. Только в этом случае он мог считать невыполненным завещание Муравьева-Апостола. Однако есть документальное признание, что создать такой обобщающий труд Горбачевскому не удалось:

помешала необходимость работать для куска хлеба, бедность, болезни. Об этом он написал в письме к М. А. Бестужеву в 1861 г. вместе с планом предполагаемой работы⁹⁰ (которая, если следовать свидетельству Завалишина, была уже написана и уничтожена).

И до настоящего времени существует еще шанс обнаружить бумаги, оставшиеся после смерти И. И. Горбачевского, и более определенно решить вопрос об авторстве «Записок». На эту возможность указывал и Б. Е. Сыроежковский во вступительной статье к изданию 1925 г.: «13 сентября 1924 г. в заседании Иркутской комиссии по юбилею декабристов сделано было сообщение, что в 1920—21 году Сибирским Агитпропом была вывезена из Петровского завода в Новониколаевск библиотека Горбачевского и три связки архивных дел о пребывании декабристов на каторге. Дальнейшая судьба библиотеки и архива неизвестна...»⁹¹.

Таким образом, имеющиеся тексты рукописи, сведения об истории ее появления и опубликования, времени и процессе создания, проводимый обычными историческими методами анализ ее содержания, идейных концепций, имеющихся фактических ошибок и неточностей, некоторые сведения о подробностях пребывания декабристов в ссылке, мнения декабристов о публикации «Русского архива» не позволяют сделать четкого и однозначного вывода об авторстве «Записок неизвестного из общества Соединенных славян». К такому заключению мы пришли в результате применения описательных, субъективных методов исследования.

Существуют и применяются иные методы анализа текстов с целью определения авторства. Объединены они общим названием — количественные методы. Их использование существенно снижает субъективность трактовки отдельных фактов, которые в нашем случае получили разное толкование и служили для обоснования порой противоположных гипотез.

Большинство применяемых количественных методов исследования основано на предположении об индивидуализации особенностей письменной речи: словаря, набора грамматических форм и единиц, структур и ряда других характеристик.

В русской науке первые попытки такого рода анализа были предприняты известным революционером-народовольцем Н. А. Морозовым. В своей статье⁹², развивая методы исследования ученых Гомперца и Лютославского при анализе «Диалогов» Платона, Н. А. Морозов выдвинул предположение о возможности идентификации авторов по частоте использования наиболее употребительных единиц речи (служебных слов, деепричастных оборотов) и даже знаков препинания. В качестве возможного признака идентификации автор называл спектр-график частоты встречаемости в тексте предлогов *в-*, *на-*, *с-* в расчете на 1000 словоформ, то же самое для союзов *а*, *и*⁹³, для частицы *не*, местоимений *этот*, *свой*, *тот*.

В то же время исследователь замечал: «... У каждого автора, писавшего более полувека, лингвистический спектр не может оставаться все время совершенно неизменным. Он должен подвергаться немедленной эволюции...»⁹⁴. Следовательно, сравнивать надо тексты, написанные примерно в одно и то же время.

Н. А. Морозов определил и необходимый объем словоформ для такого исследования: «... по крайней мере среди пяти тысяч слов...»⁹⁵. На примере анализа текстов Платона он показал, что нельзя на основе частоты употребления существительных и прилагательных строить статистические методы. Необходим подсчет служебных слов (союзов, предлогов), местоимений, некоторых наречий, а также таких словосочетаний, как: «то есть», «и так далее...» и т. п.⁹⁶

Известный математик А. А. Марков выявил ошибки в применении Н. А. Морозовым его метода, указав причину — малый объем выборки. «Только значительное расширение поля исследования (подсчет не 5 тысяч, а сотен тысяч слов) может придать заключениям некоторую степень основательности, если только границы итогов различных писателей окажутся резко отделенными, а не обнаружится другое весьма вероятное обстоятельство, что итоги всех писателей будут колебаться около одного среднего числа, подчиняясь общим законам языка...»⁹⁷, — писал он. Тем самым ставилось под сомнение вообще наличие каких-либо авторских грамматических особенностей.

Развивая идеи Н. А. Морозова, М. М. Постников и А. Т. Фоменко сообщили о проведенном В. П. Марковой-Фоменко и Т. Г. Фоменко подсчете статистических характеристик текстов русских писателей XIX в.⁹⁸ При этом изучались следующие количественные характеристики письменной речи: длина предложения, длина слова по слогам, частота употребительности служебных слов и существительных, прилагательных, предлога *в-*, частицы *не*, число служебных слов в предложении. Подсчет производился через шаг, равный 60 страницам печатного текста, при этом все произведения исследуемого автора рассматривались как один сплошной текст. Исследование проводилось

**Перечень основных параметров текста
по уровням языка ***

Уровни	Параметры текста
Буквенный	1. Количество начальных букв в словаре. 12. Частота 1-буквенных слов. 14. Частота 2-буквенных слов. 19. Частота 3-буквенных слов. 22. Частота 10-буквенных слов. 9. Частота частицы -ся **. 10. Частота префиксов. 11. Частота уменьшительно-ласкательных суффиксов. 13. Частота суффиксов и окончаний инфинитива. 8. Частота союзов, предлогов, частиц. 15. Частота существительных. 16. Частота прилагательных. 17. Частота глаголов. 18. Частота личных местоимений. ** 20. Частота местоимений. 21. Частота наречий. 3. Количество разных лексем. 4. Количество разных словоформ. 5. Количество самых редких слов. 6. Количество самых частых слов. 9. Частота частицы -ся. 18. Частота личных местоимений.
Морфемный	
Морфологический	16. Частота прилагательных. 17. Частота глаголов. 18. Частота личных местоимений. ** 20. Частота местоимений.
Лексический	2. Количество различных лексем. 4. Количество различных словоформ. 5. Количество самых редких слов. 6. Количество самых частых слов. 9. Частота частицы -ся. 18. Частота личных местоимений.
Грамматических разрядов	
Фразовый	2. Количество предложений. 7. Длина предложения в словах.

* См.: Мальцева Г. Ф. Некоторые количественные приемы описания индивидуального авторского стиля. С. 209.

** Признаки, характерные для разных уровней.

Полипараметрическая система признаков текста *

Статичные	Относительные	Антифункциональные
1	2	3
6	8	4
7	12	5
9	14	13
10	16	15
11	17	18
19	22	20
Итого: 7	7	7

* Нумерация в соответствии с перечнем.

по выборкам, равным 2000, 4000, 8000, 16 000 слов. Величина шага не оказывала какого-либо воздействия на параметры, в то время как увеличение объема выборки привело к усреднению всех параметров за исключением частоты служебных слов (параметр 3). Исследователь сделал вывод: «... Если значения параметра 3 для 2-х исследуемых текстов разнятся более чем на единицу, то есть основание подозревать различное авторство текстов...»⁹⁹. Наиболее стабилен этот параметр для прозаических произведений.

Таким образом, относительная частота употребительности служебных слов может служить авторским инвариантом для текстов XIX в. объемом не менее 16 000 словоформ¹⁰⁰.

В работе по «чистой» лингвистике Г. Ф. Мальцева¹⁰¹ разработала т. н. полипараметрическую стилевую систему, т. е. набор признаков, отражающий разные уровни языка (буквенный, морфемный, морфологический, лексический и т. д.). Выяснилось, что каждому автору присущ свой набор корреляционных связей. В итоге была выделена некоторая общая система эпистолярного жанра, включающая 3 группы признаков (см. Перечень): статичные (сильно коррелированные друг с другом для одного автора), относительные и антифункциональные (по 7 в каждой группе).

То есть, анализируя либо абсолютные значения этих признаков, либо их отклонения от среднего, либо их корреляцию между собой на примере двух и более текстов можно сделать определенные выводы относительно предполагаемого авторства того или иного текста.

Качественно другой метод — структурно-грамматический — неоднократно применялся как для установления авторства, так и для классификации списков одного и того же источника. Основой метода является гипотеза об индивидуальных особенностях построения грамматической структуры в рамках простого предложения. Подсчитывается парная встречаемость грамматических единиц слева направо (как вариант, и слева, и справа) в предложении от точки до точки. Каждая словоформа кодируется в соответствии со специальной таблицей. При этом для глаголов учитывается время, лицо, инфинитив; для существительных — падеж, число; для прилагательных — падеж, форма (полная, краткая), степень сравнения; для причастий — время, падеж, форма (полная, краткая), вид; для местоимений — тип, падеж.

Затем по полученной матрице строится граф взаимной парной встречаемости на каком-то уровне значимости (в исследованиях Л. Е. Морозовой для выборки из 1000 словоформ этот уровень составляет 5—6). Полученные графы исследуются на предмет близости с помощью коэффициента близости:

$$K = N \text{ ребер, общих для графов} / N \text{ ребер, различных для графов}$$

Для одного автора этот коэффициент $0,2^{102}$. Для разных авторов граф существенно различен. Если же произведение носит компилятивный характер, граф имеет разбросанную форму (наличие многих центров притяжения с относительно слабыми связями между ними). То есть, данный метод пригоден не только для установления авторства, но и для исследования отдельных частей текста с целью выяснения вопроса о составном его характере¹⁰³.

Предложенный В. И. Батовым метод определения авторства для текстов небольшого объема (300 словоформ) путем экспертных оценок в данном случае применять нецелесообразно¹⁰⁴, поскольку «Записки» представляют собой рукопись довольно объемную. Поэтому ограничимся первыми двумя методами.

Попытаемся ответить на вопрос: Горбачевский или не Горбачевский автор «Записок»?

Для исследования можно использовать текст академического издания «Записок» 1963 г., рассматривая его как единое целое, не учитывая деления на главы, произведенное публикаторами. Отдельные неточности издания, отмеченные М. В. Нечкиной¹⁰⁵, существенной роли для целей исследования не играют. Сравниваемым текстом может служить текст показаний И. И. Горбачевского на следствии или же его многочисленные письма. Показания кажутся более предпочтительными, так как их отделяет от предполагаемого времени «Записок» 10—15 лет, в то время как последние из писем (1869 г.) — уже 30—40 лет. При вводе писем как единого массива будут накапливаться систематические ошибки, связанные с повторением общепринятых эпистолярных конструкций начала и конца письма (набрать общий объем в 16 000 словоформ можно лишь на значительном объеме в 40 печатных страниц).

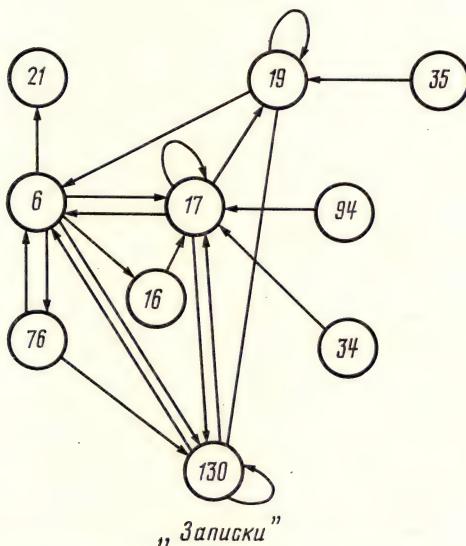
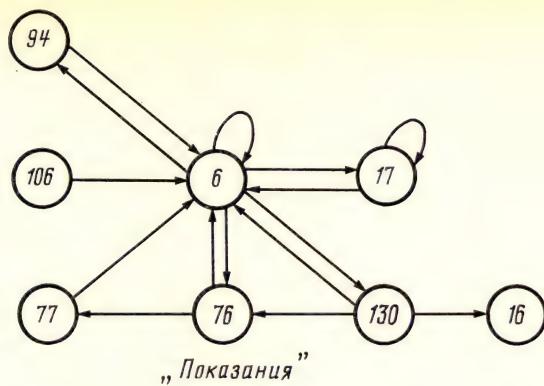
Показания приближают к «Запискам» и то, что они записывались самостоятельно, в камере, после продумывания, т. е. в сходных условиях. Поскольку следственное дело И. И. Горбачевского (№ 434) опубликовано¹⁰⁶, мы избавлены от необходимости архивной работы.

Единственно необходимым требованием является переработка текста в соответствии с современным правописанием (отбрасывание твердого знака, замена «ять» на «е», окончания -ва — -во на -го там, где это необходимо, а также точки с запятой на точку, так как именно этот знак означает конец мысли, предложения, иначе в ряде предложений будет насчитываться более 150 слов). С учетом вышеизложенного и было проведено статистическое исследование этих двух текстов¹⁰⁷.

В качестве первой методики применялись союзные и предложные спектры Н. А. Морозова и частота употребительности служебных слов. Список их, использованный Морозовым¹⁰⁸, был дополнен некоторыми другими словами.

Для исследования было создано 2 массива текстов, включавшие: по «Запискам» — текст от начала до слов «...своей ротой...»¹⁰⁹, по показаниям — с первых значимых слов до слов «...один раз...»¹¹⁰, исключая все, не относящееся к существу показаний.

Не привлекая для анализа значения частот встречаемости отдельных союзов, предлогов, так как разница по средним значениям некоторых более 200%, рассмотрим частоту встречаемости служебных слов в целом. Проверим гипотезу о различном характере генеральных совокупностей.

Цифрами на рисунке обозначены грамматические формы в соответствии с таблицей кодировки Л. Е. Морозовой. Пример: 6 — глагол прошедшего времени и т. д.

Для этого можно использовать критерий Стьюдента. По значениям среднего и дисперсии данных выборок рассчитаем критерий Стьюдента для данного числа значений (в нашем случае — 16 тыс. слов)¹¹¹. Сопоставив его с табличным значением¹¹², можно сделать вывод, что данные выборки принадлежат разным генеральным совокупностям с достоверностью 99,9%. Таким образом, вывод данной методики однозначен — «Записки» написаны **не И. И. Горбачевским**.

Методику Л. Е. Морозовой будем применять, используя таблицу кодировки грамматических единиц, скорректированную с учетом особенностей русского литературного языка XIX в.¹¹³ Так, вместо глаголов в аористе и имперфекте¹¹⁴ кодируются глаголы прошедшего времени (коды 4—6), отдельно кодировалась категория состояния (15)¹¹⁵, все деепричастия кодировались как причастия настоящего времени краткие (49). В ходе подсчета частоты встречаемости грамматических единиц слева направо в рамках простого предложения были получены графы для значения критерия встречаемости, равного 6. Коэффициенты близости, рассчитанные по формуле Морозовой, меняются мало (0,44 и 0,4 для уровня 5 и 6 соответственно), а их значение меньше 0,2 свидетельствует, казалось бы, о принадлежности текстов одному автору. Однако формы графов для уровня значимости 6 имеют существенные различия (см. рис.). На графике «Записок» появляются новый мощный узел (17), несколько менее значимый (19), существенно повышается роль вершины 130 (изменение количества ребер достигает 100%). Таким образом, не выполняются качественные требования предлагаемой методики — близость общей формы графа. Следовательно, несмотря на значительное

Статистические характеристики на 1000 словоформ распределения частот встречаемости по признакам

Пара- метры	Тексты						Критерий Стьюдента		
	«Записки»			Показания					
	средн. знач.	диспер- сия	средн. квадр. знач.	средн. знач.	диспер- сия	средн. квадр. знач.	Т-кри- терий	Т-таб- личный	досто- вер- ность (%)
1 слог	276,2	591	24,32	366,0	837	28,94	9,5	3,385	99,9
2 слога	249	346	18,6	257,7	286	16,91	1,37	1,31	90,0
10 «и»	0	0	0	0	0	—	не определены		
1 буква	113,1	203	14,23	139,3	296	17,20	4,7	3,385	99,9
2 буквы	95,67	198	14,06	129,4	189	13,75	6,86	3,385	99,9
3 буквы	99,32	104	10,2	163,8	334	18,27	13,39	3,385	99,9
10 «и»	153,4	19	24,87	74,92	291	17,05	10,41	3,385	99,9
Предложе- ний	45,06	71	8,43	17,25	16	4,04	—	—	—
Слов в нем	21,03	13	3,54	59,1	226	15,04	—	—	—
Слолов в нем	22,9	19,7	4,44	60,9	212	14,55	—	—	—
Личных местоимений	94,9	124	11,10	131,2	413	20,33	6,26	3,385	99,9
Частиц -ся	15,4	24,2	4,92	15	19,3	4,34	0,24	1,31	Н

Н — не подтверждается.

значение коэффициента близости, сделать однозначный вывод о принадлежности текстов одному автору не представляется возможным.

Причина такого неоднозначного результата, на наш взгляд, в недостаточном объеме текста, который был представлен для анализа, а также в малой статистической апробированности данного метода. Видимо, лишь при сравнении значительных по объему выборок (15—16 тыс. словоформ) могут быть получены значимые результаты.

Согласно методике Г. Ф. Мальцевой, был проанализирован ряд показателей текста, не требующий экспертизы оценок. Проверка этих показателей с помощью критерия Стьюдента на принадлежность к разным генеральным совокупностям показывает, что из проверенных 8 параметров 7 с большой степенью достоверности свидетельствуют о качественно различной природе этих двух текстов. Причем из этих 7 параметров по крайней мере 4 относятся, согласно исследованию Г. Ф. Мальцевой, к достаточно сильно функциональным (т. е. таким, которые во многом определяют принадлежность текстов тому или иному автору. См. табл.).

Анализ распределения встречаемости начальных букв с помощью критерия Стьюдента позволяет сделать вывод, что по 23 начальным буквам из 28 (82%) значение критерия с высокой достоверностью (меньше 90%) говорит о принадлежности данных выборок разным генеральным совокупностям.

Проведенное сравнительное исследование двух текстов — показаний И. И. Горбачевского на следствии и «Записок», автором которых он считается, — с использованием статистических методов на разных уровнях языка, разными методиками, с учетом достоверности содержательных выводов, полученных обычными историческими методами, позволяет сделать следующее заключение: по абсолютному большинству параметров, которые обосновываются исследователями как критерии авторского инварианта, тексты эти не схожи друг с другом, что является важным дополнительным аргументом при анализе авторства «Записок» в пользу других предполагаемых лиц.

Кого же именно? На этот вопрос могло бы дать ответ более обширное статистическое исследование текстов произведений, вышедших из-под пера авторов, обзор произведений которых сделан в первой части настоящей работы.

В целях проверки¹¹⁶ применяемые методики были использованы для анализа аналогичных текстов одного и того же автора. Сравнение показаний¹¹⁷ на следствии декабриста Н. И. Лорера и его же «Записок»¹¹⁸ выявило, что по абсолютно большему числу параметров (18 из 20) и по частоте встречаемости всех начальных букв слов тексты схожи друг с другом, несмотря на 37-летний разрыв во времени написания.

Примечания

- ¹ Последнее издание: Горбачевский И. И. Записки и письма. М., 1963.
- ² Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М.; Л., 1927. С. 8.
- ³ Сыроечковский Б. Е. И. И. Горбачевский и его Записки// Записки декабриста И. И. Горбачевского. М., 1916. С. XXXII.
- ⁴ Ланда С. С. Дух революционных преобразований. 1816—1825. М., 1975. С. 253.
- ⁵ Сыроечковский Б. Е., Сокольский Л. А., Порох И. В. Декабрист Горбачевский и его Записки// Горбачевский И. И. Записки и письма. С. 257.
- ⁶ Русский архив, 1882. Кн. 2. С. 311.
- ⁷ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. [Б. м.] 1925. С. 31.
- ⁸ Русский архив. 1882. Кн. 1, С. 435—554.
- ⁹ Там же. С. 435.
- ¹⁰ Там же. С. 435.
- ¹¹ Там же. С. 554.
- ¹² Там же. 1882. Кн. 2. С. 311.
- ¹³ Там же. 1890. Кн. 3. С. 112.
- ¹⁴ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. 1925. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 29.
- ¹⁶ Восстание декабристов. Т. В. М.; Л., 1926. Дело 434. С. 192.
- ¹⁷ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского» // Исторические записки. Т. 54. 1955. С. 284—297.
- ¹⁸ Цит. по: Ланда С. С. Академик М. В. Нечкина — исследователь движения декабристов // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 278. См. также примеч. к с. 289 (библиография проблемы).
- ¹⁹ Нечкина М. В. Новое издание записок об Обществе соединенных славян // История СССР. 1964. № 6. С. 155.
- ²⁰ Милица Васильевна Нечкина (1901—1985)/Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1987.
- ²¹ Лысенко Н. Н. Как создавались «Записки» декабриста Горбачевского // История СССР. 1968. № 6. С. 101—112.
- ²² Шатрова Г. П. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973.
- ²³ Ланда С. С. Дух революционных преобразований. 1816—1825. М.: Мысль, 1975. С. 253, 258, 361.
- ²⁴ Мироненко М. П. Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив» // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 98—116.
- ²⁵ Смирнова Л. Б. К вопросу об авторстве «Записок И. И. Горбачевского» // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. М.; Л., 1976. С. 98—116.
- ²⁶ Эймонтова Р. Г. Источники по истории декабристов в советских изданиях // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 238—239.
- ²⁷ Лысенко Н. Н. Указ. соч. С. 101.
- ²⁸ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 304.
- ²⁹ Там же. С. 278.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См., напр.: Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут: Сб. ст. Иркутск, 1982.
- C. 129.
- ³² Ланда С. С. Дух революционных преобразований. С. 254.
- ³³ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 292.
- ³⁴ Записки декабриста И. И. Горбачевского. 1916. С. XXXII.
- ³⁵ Горбачевский И. И. Записки и письма. 1963. С. 278.
- ³⁶ Записки декабриста И. И. Горбачевского. 1916. С. XIX.
- ³⁷ Там же. С. XXXII.
- ³⁸ Смирнова Л. Б. Указ. соч. С. 8.
- ³⁹ Лысенко Н. Н. Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁰ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 114.
- ⁴¹ Горбачевский И. И. Записки и письма. 1963. С. 281.
- ⁴² Смирнова Л. Б. Указ. соч. С. 8.
- ⁴³ Шатрова Г. П. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁴ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. 1925. С. XIV.
- ⁴⁵ Лысенко Н. Н. Указ. соч. С. 111.
- ⁴⁶ Там же. С. 276.
- ⁴⁷ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 114.
- ⁴⁸ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»? С. 287.
- ⁴⁹ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 258.
- ⁵⁰ Там же. С. 266.
- ⁵¹ Там же. С. 264.
- ⁵² Там же. С. 266.
- ⁵³ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 114.
- ⁵⁴ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. 1925. С. 357—358.
- ⁵⁵ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 271.

- ⁵⁶ Записки декабриста И. И. Горбачевского. 1916. С. XXVII.
- ⁵⁷ Ланда С. С. Академик М. В. Нечкина... С. 278.
- ⁵⁸ Его же. Дух революционных преобразований. С. 361.
- ⁵⁹ Шатрова Г. П. Указ. соч.
- ⁶⁰ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»? С. 290.
- ⁶¹ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 285.
- ⁶² Там же. С. 287; Нечкина М. В. Кто автор «Записок Горбачевского»? С. 291.
- ⁶³ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 286.
- ⁶⁴ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского»? С. 291.
- ⁶⁵ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 290.
- ⁶⁶ Там же. С. 298.
- ⁶⁷ Шатрова Г. П. Указ. соч. С. 110.
- ⁶⁸ Смирнова Л. Б. К вопросу об авторстве «Записок И. И. Горбачевского». С. 13—16.
- ⁶⁹ Шатрова Г. П. Указ. соч. С. 111, 112.
- ⁷⁰ Дорофеев Владлен. Умышлял на цареубийство // Литературная Россия. 1986. 5 сентября.
- ⁷¹ Лысенко Н. Н. Указ. соч.
- ⁷² Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?» С. 292.
- ⁷³ Лурье Г. Из рукописей декабриста Выгодовского // Каторга и ссылка. 1934. № 3. С. 86—
95. См. также: Декабристы в Сибири. Вып. 2. Дум высокое стремление. Иркутск, 1974.
- ⁷⁴ Коган Л. А. П. Ф. Дунцов-Выгодовский как мыслитель // Философские науки. 1972. № 1. С. 140—147.
- ⁷⁵ Цит. по: Лысенко Н. Н. Указ. соч. С. 103.
- ⁷⁶ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?» С. 297.
- ⁷⁷ Ланда С. С. Академик М. В. Нечкина... С. 278.
- ⁷⁸ Рындзюнский П. Г. Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении // Труды ГИМ. Вып. XIV. М., 1941. С. 11.
- ⁷⁹ Куйбышев К. С., Сафонова Н. И. О научном наследии декабриста П. И. Борисова // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 2. С. 126—131.
- ⁸⁰ Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 6.
- ⁸¹ Бахаев В. Б. Декабристы братья Борисовы на поселении в Бурятии // Исследования и материалы по истории Бурятии/Труды Бурятского ин-та обществ. наук. Улан-Удэ. 1973. С. 164—167.
- ⁸² Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 9.
- ⁸³ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?» С. 280.
- ⁸⁴ Бахаев В. Б. Указ. соч. С. 168—169.
- ⁸⁵ Сыроечковский Б. Е. [и др.]. Указ. соч. С. 275.
- ⁸⁶ Русский архив. 1882. Кн. 2. С. 311.
- ⁸⁷ Мироненко М. П. Указ. соч. С. 113.
- ⁸⁸ Нечкина М. В. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?» С. 296.
- ⁸⁹ Ее же. Новое издание Записок об Обществе соединенных славян. С. 156.
- ⁹⁰ Ее же. Кто автор «Записок И. И. Горбачевского?» С. 288—289.
- ⁹¹ Сыроечковский Б. Е. И. И. Горбачевский и его Записки. С. 27.
- ⁹² Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Известия Отделения русского языка и словесности АН. Т. XX. Кн. 4. Пг., 1916. С. 93—134.
- ⁹³ Автор отдельно рассматривает «и» как часть идиоматического выражения, а также как союз между глаголами, существительными и целыми фразами. На наш взгляд, это несущественно.
- ⁹⁴ Морозов Н. А. Лингвистические спектры. С. 106.
- ⁹⁵ Там же. С. 107.
- ⁹⁶ Там же. С. 101.
- ⁹⁷ Марков А. А. Об одном применении статистического метода // Известия АН. Сер. 6. Вып. 4. Пг., 1916. С. 241—242.
- ⁹⁸ Постников М. М., Фоменко А. Т. Новые методы статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. М., 1980. С. 8.
- ⁹⁹ Фоменко А. Т. Авторский инвариант русских литературных текстов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников: Сб. ст. М., 1983. С. 104.
- ¹⁰⁰ А. Т. Фоменко дает следующее определение авторского инварианта: «Некоторый количественный параметр текстов, однозначно характеризующий своим поведением тексты одного автора (или относительно большого числа «близких» авторов) и принимающий существенно разные значения для текстов разных групп авторов». (Там же. С. 86).
- ¹⁰¹ Мальцева Г. Ф. Некоторые количественные приемы описания индивидуального авторского стиля // Статистика текста. Т. 1. Минск, 1969. С. 206—249.
- ¹⁰² Морозова Л. Е. Графотеоретический подход к изучению авторских текстов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. С. 33—49.
- ¹⁰³ Особенно активно работают в этой области ученые МГУ. См., напр.: Бородкин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Бородкин Л. И., Милов Л. В., Морозова Л. Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Там же; Морозова Л. Е. Количественные методы в изучении так называемой рукописи Филарета — памятника «Смутного времени» // Ма-

тематические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985; Методы количественного анализа текстов нарративных источников: Сб. ст. М., 1983; Бородкин Л. И. ЭВМ ищет автора средневековых текстов // Число и мысль. Вып. 9. М., 1986; е г о ж е. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 160, 172.

¹⁰⁴ Батов В. И. Существует ли формула авторства? // Число и мысль. Вып. 7. М., 1984. С. 117—137.

¹⁰⁵ Нечкина М. В. Новое издание Записок об Обществе соединенных славян. С. 155.

¹⁰⁶ Восстание декабристов. Материалы. Т. V. С. 181—260.

¹⁰⁷ Исследование проводилось с помощью разработанного автором пакета прикладных программ для микроЭВМ «Искра-226».

¹⁰⁸ Морозов Н. А. Лингвистические спектры, с. 128—131.

¹⁰⁹ Булаховский Л. А. Русский литературный язык 1-й половины XIX века. Т. 1. Киев, 1941. С. 424, 426, 429—436.

¹¹⁰ Восстание декабристов. Т. V. С. 189. 10-я строка снизу.

¹¹¹ Значение среднего, дисперсии и среднеквадратического для «Записок» и «Показаний» равны соответственно 314,4 и 423,1; 724,8 и 1338,4; 26,9 и 36,6. Критерий Стьюдента для случая двух равных объемов выборок рассчитывается по формуле:

$$T = (M_1 - M_2) / \sqrt{(q_1^2 + q_2^2)/n}$$

где M_i , q_i , n_i — средние значения, дисперсии и объем выборок.

Критерий равен 9,6, что много больше табличного.

¹¹² Методика расчетов изложена в: Прикладная математика. Ч. 1. М.: ВПА. 1986. С. 142. Таблица там же, с. 264.

¹¹³ Таблицу кодировки см.: Морозова Л. Е. Графотеоретический подход к изучению авторских текстов. С. 55.

¹¹⁴ Определения см.: Борковский В. И., Кузнецова П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 257, 258.

¹¹⁵ Определение см.: Аникина А. В., Калинина И. К. Современный русский язык. Морфология. М., 1983. С. 138.

¹¹⁶ Необходимость такого рода проверки методики на альтернативном варианте подсказал автору С. В. Мироненко.

¹¹⁷ Восстание декабристов. Т. 12. М., 1969. С. 26—53; Восстание декабристов. Т. 4. М.; Л., 1927. С. 122—123, 189—190; Восстание декабристов. Т. 9. М., 1950. С. 213—214.

¹¹⁸ Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931. С. 46—96.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ Л. Д. ТРОЦКОГО «ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

© 1990 г.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ Н. А. ВАСЕЦКОГО

В последнее время стало чуть ли не модным поветрием публиковать целиком или в купюрах произведения деятелей Коммунистической партии и Советского государства, либо неоправданно забытых, либо попросту вычеркнутых из нашей истории росчерком сталинского пера. Причем объемы таких публикаций, как правило, нарастают по мере приближения реабилитации того или иного деятеля или сразу после нее.

Еще совсем недавно все с упоминанием вчтывались в избранные произведения Н. И. Бухарина, К. Б. Радека, Г. Я. Сокольникова, Л. Б. Красина, воспоминания Г. Е. Зиновьева и многих других. Сегодня все чаще и чаще в периодической печати мелькают отрывки из работ Л. Д. Троцкого. И если, скажем, к другим фигурам исторического прошлого интерес читателей стал постепенно ослабевать, то в отношении Троцкого он не только не ослабевает, но еще более усиливается. В чем тут дело? Причин немало. Но самая существенная состоит в том, что Троцкий остается пока единственным, о ком ни слова не сказано Комиссией Политбюро ЦК КПСС по политической реабилитации. Отсюда то любопытство, которое не может оставаться неудовлетворенным. Вакум должен быть заполнен. Он и заполняется отдельными публикациями кусков из произведений Троцкого, рассказами — удачными¹ или менее удачными² — о нем и его деятельности.

Запаздывание же реакции официальных инстанций на Троцкого происходит, как мне кажется, потому, что Троцкий относится к одной из самых, пожалуй, противоречивых, а следовательно, и крайне неудобных для однозначной оценки фигур. Он никак не укладывается в привычную для многих из нас и по сей день схему — с нами или против нас? Как бы ни подходили к анализу его деятельности, в ней всегда остается и, видимо, будет оставаться и впредь что-то необъяснимое, не поддающееся постижению с позиций «здравого смысла». Это не значит, конечно, что я пытаюсь понять характер Троцкого с помощью критерии, свойственных демоническим натурам. Кстати, глубоко убежден, что никакой он не «демон революции», а самый обыкновенный ее служака. Но с ним действительно крайне не просто и, что, может быть, даже более существенно, неуютно. Более полутора десятилетий занимаюсь я Троцким, но никак не могу «попасть с ним в ногу». Даже прочитав почти все написанное им, постоянно жду от него каких-то «коленец», незапрограммированных ходов. В пояснение сказанного только одно соображение.

Ворвавшийся, как ракета, в российское социал-демократическое движение, Троцкий неизменно поражал и своих друзей, и своих недругов контрастностью поведения, неординарностью поступков, граничащих нередко с эпатажем. По замечанию одного из зарубежных специалистов по советской истории, когда перед Троцким возникали две расходившиеся в стороны дороги, он не выбирал ни одну из них, а искал и находил третью, свою собственную. Будучи замеченным самим В. И. Лениным, который одним из первых обратил внимание на незаурядные статьи Троцкого в иркутском «Восточ-

Васецкий Николай Александрович, доктор исторических наук.

ном обозрении» и в 1902 г. пригласил его в Лондон, он тем не менее не пожелал, подобно, скажем, Зиновьеву, играть роль Санчо Пансы — верного оруженосца своего покровителя. Уже через несколько месяцев, на II съезде партии, Троцкий уходит от Ленина к Мартову, к меньшевикам, полагая, что в их среде он будет более независим и менее подчинен строгим рамкам фракционной дисциплины. Но ему оказывается тесно и в меньшевистской скорупе. С конца 1904 г. Троцкий останавливается на полпути между большевиками и меньшевиками и, что называется, пытается усидеть между двумя стульями. Положение не только неудачное, но, как показывают 99 случаев из 100, невозможное — чтобы не упасть, все-таки приходится пересаживаться на один из стульев. Однако Троцкий, на мой взгляд, явился тем самым единственным случаем. Он не пересел и не упал, а так и продержался «между», причем не только до победы Октября, но и после.

Сегодня ведутся споры (пока, к сожалению, устные) о том, перешел ли Троцкий на сторону Ленина в июле 1917 г., когда вступил в РСДРП(б) как один из межрайонцев? остался ли он верным теории перманентной революции? Наконец, был ли троцкизм в послеоктябрьской истории партии или это выдумка противников Троцкого в борьбе за власть в 1923—1927 гг.? Считаю эти споры схоластическими. И вот почему. Ни Ленин, ни Троцкий не поступились своими убеждениями ни на йоту. Каждый, как говорится, остался при своих интересах. Изменилась политическая ситуация в России и на международной арене, а вместе с ней изменились и те задачи, которые приходилось решать социал-демократам.

В феврале 1917 г. в России свершилась буржуазно-демократическая революция. Она привела к установлению двоевластия — Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов. Разрешить дилемму можно было только на путях подготовки и осуществления пролетарской революции. Поэтому следующим шагом в развитии революционного процесса в России могла быть только социалистическая революция. Из признания этого факта исходили оба — и Ленин, и Троцкий, хотя и подошли они к его осознанию с разных сторон: Ленин — развивая идеи о непрерывной революции, т. е. о ее поэтапном развитии: от буржуазно-демократического этапа к социалистическому с последующим выходом на международную арену, Троцкий — перепрыгивая через этап буржуазно-демократической революции, сводя проблему перманентности революции к перенесению революции из одной страны в другую. Тем самым Троцкий признавал только одну сторону марксистской концепции непрерывности революции — внешнюю, интернациональную, и игнорировал внутреннюю, национальную. В результате из теории перманентной революции выпадала сама перманентность, т. е. поэтапность революции.

Исходя из своей теории, Троцкий попросту проглядел Февральскую революцию. Он до конца своих дней так и не смог внятно объяснить, какой она была по характеру, движущим силам и целям. Это бесслилье теории перманентной революции наглядно предстает в публикуемых здесь фрагментах работы Троцкого.

Но, что очень важно и что до сих пор не учитывалось или упускалось из виду, — Февральская революция сделала несущественным спор между Троцким и Лениным о путях и перспективах развития революционного процесса в России. Отныне революция могла развиваться лишь как революция социалистическая и могла перерастать в мировую. К тому же события между Февралем и Октябрем развивались так стремительно, что рядовому участнику была просто непонятна та сложная механика поэтапности, которая имела решающее значение до революции.

Из-за шквального, обвального характера российской революции произошел редчайший в истории политических учений феномен — аннигиляция троцкизма. После Февраля, когда шла подготовка социалистической революции, троцкизму нечем было мешать ленинизму. И я глубоко убежден, что Троцкий нисколько не кривил душой, когда в письме в Испарт ЦК ВКП(б) от 21 октября 1927 г., впервые опубликованном только в 1932 г. в Берлине, отмечал: «Я не вступил немедленно по приезде из Канады (4 мая 1917 г. — здесь и далее все даты приводятся по старому стилю. — *H. B.*) в организацию большевиков. Почему? Потому ли, что у меня были разногласия?» Нет, считал Троцкий, таких разногласий у него с большевиками не было³.

Собственно, этот факт подтверждается и анализом предложений Ленина о вступлении межрайонцев в РСДРП(б), которые им были оглашены 10 мая на Петроградской городской конференции Межрайонной организации. Во-первых, подчеркивал Ленин, «объединение желательно немедленно». Во-вторых, он предлагал ввести по одному представителю межрайонки в редакцию «Правды», которую планировалось превратить во всероссийскую популярную газету, и ЦО будущей слившейся партии, а также включить двух межрайонцев в комиссию по подготовке VI съезда партии. В «Правде» и других печатных органах необходимо было обеспечить свободную дискуссию по спорным вопросам⁴.

В этих предложениях, которые весьма показательны для отношения Ленина к проблеме единства левых организаций и которые вполне могут рассматриваться в качестве методологических принципов такого объединения и сегодня, как видим, не ставилось никаких предварительных условий. От межрайонцев не требовалось отречения от прежних взглядов, признания прошлых ошибок. Выдвигалось лишь одно условие — желание участвовать в совместной борьбе за общее дело. А таким делом было свершение социалистической революции и строительство нового общества.

Не случайно, по некоторым свидетельствам, Ленин на одном из заседаний ПК РСДРП(б) в мае высказался за привлечение Троцкого в редакцию «Правды». Но его предложение отвергли другие члены ПК⁵. Ленин предлагал также Троцкому возглавить издание на манер редактировавшейся им и Парвусом в 1905 г. «Русской газеты». Но от этого предложения отказался сам Троцкий.

Что же касается слияния межрайонцев с РСДРП(б), то на упомянутой конференции, взяв вслед за Лениным, вне очереди, слово, Троцкий, заявил, что согласен с «резолюциями». Но, как следует из конспекта его речи, сделанного Лениным, «согласен постольку, поскольку русский большевизм интернационализировался. Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя»⁶.

Троцкий не просто раскритиковал ленинские предложения, а отверг их. Причем сделал это в весьма некорректной и подчеркнуто пренебрежительной форме, выдвинув ряд неприемлемых для Ленина и большевиков условий. Что означало его заявление о разбольшевичении большевизма, который интернационализировался? Только одно: Троцкий не желал признать правоту Ленина, большевиков в давнем споре с ним. Не хотел Троцкий принять и старое, по его выражению, «фракционное наименование» партии — РСДРП(б). Троцкий соглашался на слияние только, как он подчеркивал, с «обновленным» Лениным, в котором он хотел видеть своего единомышленника, перешедшего на позиции теории перманентной революции, и с «обновленным» большевизмом, который должен стать подобием российской, или, точнее, ленинской разновидности троцкизма. Ни больше, ни меньше.

Понадобилось еще как минимум два месяца нарастания революционных событий, чтобы Троцкий снял свои нелепые претензии к Ленину, большевикам и безоговорочно, без всяких встречных условий принял упомянутые выше ленинские предложения. Иначе говоря, Троцкий вошел в РСДРП(б), вовсе не отказываясь от своей теории перманентной революции. Но этого, повторяю, от него никто и не требовал.

В июльские дни вслед за Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Свердловым и другими лидерами РСДРП(б) Троцкий стремился предостеречь рабочие и солдатские массы от опрометчивых шагов, в частности, от проведения антивоенной демонстрации 4 июля, которая, по сути, ставила целью низвержение Временного правительства. Он решительно выступал против развернутой в небольшевистской печати травли Ленина как «германского шпиона» только за то, что тот не побоялся вернуться в Россию из эмиграции, проехав по территории Германии.

5 июля, по свидетельству Троцкого, между ним и Лениным состоялась встреча, на которой обсуждались планы работ на случай ухода в подполье. Этот факт не зафиксирован в Биографической хронике В. И. Ленина. Но в ней указывается, что вечером 4 июля в Таврическом дворце Ленин участвовал в объединенном заседании Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), Военной организации при ЦК партии и Межрайонного комитета РСДРП, членом которого являлся Троцкий⁷. Не исключено, что встреча, о которой говорил Троцкий, могла иметь место и днем раньше.

2 июля началась работа Второй Петроградской конференции Межрайонной организации. На ней присутствовало 70 делегатов. Главным вопросом повестки дня был вопрос объединения с большевиками. Подавляющим большинством он был решен положительно. Конференция выделила двух представителей межрайонки в Оргбюро по проведению VI съезда РСДРП(б). Троцкий был назначен на съезде докладчиком по текущему моменту⁸.

Однако принять участие в работе съезда ему не удалось. 23 июля вместе с Луначарским Троцкий был арестован. Поводом для ареста послужило его письмо Временному правительству от 10 июля, которое было опубликовано в «Новой жизни» 13 июля. Оно явилось ответом на вымыслы как самого Временного правительства, так и всей буржуазной, а также близкой к ней печати о разрыве Троцкого с Лениным как «германским шпионом». «Сообщение газет о том, будто я „отрекся“ от своей причастности к большевикам,— писал Троцкий,— представляет такое же измышление, как и сообщение о том, будто я просил власти защитить меня от „самосуда толпы“, как и сотни других утверждений

той же печати». Далее Троцкий сообщал, что его неучастие в «Правде» и невхождение в большевистскую партию объяснялись не политическими расхождениями, а «условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение». Затем следовал вывод: «... У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту тт. Ленин, Зиновьев и Каменев. Что же касается политической стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева»⁹.

После этого письма Троцкий еще не раз подтверждал свою близость к Ленину и большевикам. 17 июля в речи на заседании ЦИК и Исполкома Советов крестьянских депутатов он заявил: «Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не может не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер»¹⁰. 20 июля на совещании исполнкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов он сказал еще более определенно: «Теперь всякий считает нужным всадить нож в спину Ленина и его друзей, но тот, кто говорит, что тов. Ленин может быть немецким агентом, тот — негодяй. Честное имя тов. Ленина нам так же дорого, как и имя Чернова. Чернов стоит под вашей защитой, но он также защищается и нами. Если, товарищи, в этом деле вам понадобится помочь — можете рассчитывать на нас»¹¹.

Конечно, Ленин не мог не оценить позицию Троцкого, тем более, что тогда весьма немногие небольшевистские социал-демократы (пожалуй, лишь один Мартов) высказывались открыто в его защиту. Позднее Троцкий вспоминал: «Отношение Ленина ко мне в течение 1917 г. проходило через несколько стадий. Ленин встретил меня (в мае.— Н. В.) сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили»¹².

А вот мнение Ленина о Троцком. Готовясь к докладу на конференции Петербургской организации 8 октября, Ленин в примечании к тезису «О списке кандидатов в Учредительное собрание» написал: «Само собою понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии»¹³.

Конечно, надуманность обвинений Ленина в «шпионаже» была очевидна для членов Временного правительства. Ведь кто-то, а его министры не могли не знать, что среди 500 политических эмигрантов, прибывших в Россию из Швейцарии, свыше 400 являлись антибольшевиками и социал-патриотами¹⁴. Никто, естественно, не подозревал в них «немецких шпионов» только потому, что они, так же, как и Ленин, пересекли территорию Германии. Антиленинская кампания преследовала вполне определенные политические цели — дискредитировать РСДРП(б) и большевизм в целом.

Не мог не знать и не понимать этого Троцкий. Так что, усиленно защищая Ленина от нападок реакционной печати, он стремился не только и не столько уберечь его честь, сколько лишний раз напомнить о своем революционном прошлом, равно как и о еще более революционном настоящем. В письме Временному правительству, в публичных речах и выступлениях рядом с именем Ленина Троцкий неизменно упоминал и свое собственное. И надо сказать, что такой прием действовал. Не зря, скажем, в столице стойко держался слух о возможном установлении диктатуры триумвиата в лице Ленина, Троцкого и Луначарского. Насколько серьезной была такая версия, можно судить хотя бы по тому, с каким вниманием к ней отнесся меньшевик Н. Суханов¹⁵. Это одна сторона дела. Была и другая.

Не исключено, что в накаленной атмосфере июля 1917-го Троцкий не раз мысленно возвращался к правительенному террору 1905—1906 гг., когда, по его же словам, петербургские «Кресты» оказались чуть ли не самым безопасным местом во всей России. Действительно, трудно назвать логичным поступок Троцкого, сообщившего о своем месте жительства¹⁶. Добровольная сдача властям, хотя при этом и выражалась солидарность с большевиками, выглядела довольно рискованной, если, конечно, Троцкий имел в виду не только еще раз заявить о своей поддержке РСДРП(б), аставил перед собой и некоторые другие цели. Во всяком случае его поведение уже тогда показалось странным некоторым деятелям социал-демократии, в частности, тому же Суханову. Немало удивлен был и Ю. Ларин, на квартире которого как раз и арестовали Троцкого.

Но, как бы там ни было, пребывание в «Крестах» никак не сказалось на свертывании политической активности Троцкого. Одна за другой появлялись его статьи и заметки в большевистском «Рабочем и солдате» (под этим названием выходила тогда «Правда»), в журнале «Вперед», который уже издавался как орган РСДРП(б), «Пролетарий», где Троцкий писал под псевдонимом П. Танас, горьковской «Новой жизни» и др. В тюрьме Троцкий написал две брошюры «Что же дальше? (Итоги и перспективы)» и «Когда же конец проклятой войны?», вышедшие в большевистском издательстве «Прибой». Особенно примечательна первая из них. В ней Троцкий подводил итог событиям первой половины 1917 г., анализировал расстановку классовых сил после ликвидации двоевластия, пытался определить перспективу на ближайшие месяцы, недели и даже дни. Беспощадной критике он подверг позиции эсеро-меньшевистских соглашателей. «После событий 3—5 июля эсеры и меньшевики в Петербурге еще более ослабели, большевики еще более усилились,— писал Троцкий.— То же самое — в Москве. Это ярче всего обнаруживает, что в своей политике большевизм дает выражение действительным потребностям развивающейся революции, тогда как эсеро-меньшевистское „большинство“ только закрепляет вчерашнюю беспомощность и отсталость масс. И сегодня уже этого одного закрепления недостаточно: на помочь ему идет самая разноданная репрессия. Эти люди борются против внутренней логики революции, и именно поэтому они оказываются в одном лагере с ее классовыми врагами. Именно поэтому мы обязаны подрывать доверие к ним — во имя доверия к завтрашнему дню революции»¹⁷. Хорошо сказано, в самую точку!

Относительно характера русской революции Троцкий повторил свои прежние соображения о том, что она может быть только пролетарской, к тому же — общеевропейской. «Это не „национальная“, не буржуазная революция,— утверждалось в брошюре.— Кто оценивает ее так, тот живет в мире призраков XVIII и XIX столетий. А нашим „отечеством во времени“ является XX век. Дальнейшая судьба русской революции непосредственно зависит от хода и исхода войны, т. е. от развития классовых противоречий в Европе, которому эта империалистическая война придает катастрофический характер»¹⁸. Заканчивалась брошюра ставшим для Троцкого почти ритуальным полуконстатацией-полупризывом: «Перманентная революция против перманентной бойни! Такова борьба, в которой ставкой является судьба человечества»¹⁹.

В августе 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) 4000 межрайонцев, в том числе и Троцкий, как известно, были приняты в большевистскую партию. Вместе с Урицким Троцкий от бывшей межрайонки вошел в состав ЦК. Из 134 делегатов съезда, принимавших участие в выборах руководящего органа партии, за него голосовал 131 — на три меньше, чем за Ленина.

Троцкий несомненно внес вклад в подготовку и осуществление Октябрьского вооруженного восстания. Правда, этот вклад не столь значителен, как указывал, например, откровенно симпатизировавший Троцкому Н. Суханов в «Записках о революции»: «Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории». Преувеличенной выглядела и оценка его вклада в статье Сталина «Октябрьский переворот», опубликованной в «Правде» 6 ноября 1918 г. В ней Троцкий представлялся чуть ли не единственным организатором и руководителем восстания, а Н. И. Подвойский и В. А. Антонов-Овсеенко — лишь как исполнители его воли. Кстати, в 1924 г. в речи Сталина «Троцкизм или ленинизм» вклад Троцкого выглядел уже скромнее. Впоследствии Stalin предпочтет вообще не говорить об этом вкладе, а упомянутая выше статья в «Правде» войдет в собрание его сочинений значительно сокращенной. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) о роли Троцкого в октябрьских событиях будет сказано только в отрицательном смысле, фактически так же, как и о «штрейкбрехерской» позиции Зиновьева и Каменева.

Деятельности Троцкого в Октябре фактически посвящена вся вторая часть второго тома его «Истории русской революции». На мой взгляд, Троцкому здесь удалось весьма рельефно показать объективные и субъективные предпосылки вызревания Октябрьской революции, выявить экономические, социальные, политические, военные слагаемые, приведшие к восстанию. Конечно, в работе немало просчетов, а также явных и неявных перегибов в изображении событий, их участников. Прежде всего это относится к освещению деятельности самого Троцкого. Складывается впечатление, что если бы не он, то Октябрьская революция могла бы и не состояться.

Собственно, Троцкий и не скрывал своих претензий на роль «второго вождя» Октября. Об этом он неоднократно высказывался публично, писал во многих своих работах, в частности, в «Уроках Октября» (1924 г.), «О Ленине» (1925), в «Моей жизни» (1930) и др. В дневниковых записях Троцкого от 25 марта 1935 г. прямо говорится: «Если бы в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции, руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться».

Как же обстояло дело в действительности? 25 сентября Троцкий был избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. За пять недель — от Демократического совещания до Октябрьского переворота — он немало сделал для того, чтобы воспрепятствовать попыткам меньшевиков и эсеров сорвать проведение II съезда Советов. По решению ЦИКа открытие съезда было намечено на 20-е, а затем перенесено на 25 октября. Причем не последнюю роль в принятии такого решения сыграл созданный в начале октября по инициативе большевиков съезд Советов Северной области. На него прибыли 150 делегатов от 23 городов — Петрограда, Москвы, Кронштадта, Ревеля, Гельсингфорса и др., от Балтийского флота и окружающих столицу воинских гарнизонов.

Определенный вклад Троцкий внес в создание и деятельность при Петроградском Совете Военно-революционного комитета как органа подготовки и осуществления вооруженного восстания. Активную работу вел Троцкий и в Центральном Комитете партии. 10 октября он поддержал предложение Ленина о проведении вооруженного восстания. В «Истории русской революции» он указывает, что до упомянутого заседания ЦК Ленин «боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, но это рассеялось; в нашей партии некоторые члены (ЦК.— Н. В.) не согласились. Это меня крайне огорчило»²⁰. Из интернационалистов на заседании ЦК присутствовали Троцкий, Урицкий и Сокольников. Все они поддержали Ленина. А вот среди членов ЦК, которые «не согласились», оказались Зиновьев и Каменев.

Комментируя факт принятия ленинской резолюции, Троцкий совершенно справедливо подчеркивает: «Резолюция 10-го октября приобрела огромное значение. Она сразу обеспечила действительным сторонникам восстания крепкую почву партийного права. Во всех организациях партии, во всех ячейках стали выдвигаться на первое место наиболее решительные элементы. Партийные организации, наконец, начиная с Петербурга, подсчитали силы и средства, укрепили связи и придали кампании за переворот более концентрированный характер»²¹.

Не надо, однако, забывать, что все это Троцкий писал в июле 1931 г. А в октябре 1917 г. далеко не так ясны были и для него самого и для ряда других руководителей РСДРП(б) последствия принятого решения. Об этом свидетельствует, например, то, что на расширенном заседании ЦК, Петроградского комитета, Военной организации и других руководящих органов большевиков 16 октября, где вновь обсуждался вопрос о вооруженном восстании, Троцкий не присутствовал. Почему? На мой взгляд, дело отнюдь не в случайном стечении обстоятельств, как потом объяснял это Троцкий,— в то же самое время проходило заседание Петроградского Совета, на котором принималось Положение о Военно-революционном комитете. Сомнений в том, что Положение будет принято, ни у кого не было: еще 12 октября на пленуме Совета за него проголосовали 283 депутата против одного при 23 воздержавшихся. Конечно, Троцкий был гораздо нужнее на расширенном заседании руководящих органов РСДРП(б). Тем более, что он не мог не знать, что вопрос о восстании очень беспокоил Ленина. Позднее Троцкий справедливо критиковал многих членов ЦК, и прежде всего Зиновьева и Каменева, за их парламентские иллюзии. Мне представляется, что в октябре дань этим иллюзиям, и немалую, отдал и сам Троцкий. Комментируя его позицию в отношении взятия власти большевиками, Суханов отмечал: «Переворот предполагался или допускался совсем мирного, „еволюционного“ характера»²².

На заседании Петроградского Совета 18 октября по вопросу о вооруженном восстании Троцкий заявил, что оно еще не назначено, но «при первой попытке контрреволюции сорвать съезд (речь шла о II съезде Советов.— Н. В.) мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Сидящий рядом с Троцким в президиуме Совета Каменев тут же солидаризировался с его заявлением. Поспешность, с какой Каменев поддержал Троцкого, была не случайной. Днем раньше в его заявлении «О „выступлении“», опубликованном в непартийной газете «Новая жизнь», где Каменев и Зиновьев выражали свое несогласие с курсом партии на восстание и тем самым выдавали Временному правительству секретное решение ЦК, говорилось: «Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом». Под «товарищами-практиками» имелся в виду прежде всего Троцкий.

Оценивая заявление Каменева, его и Троцкого поведение на упомянутом заседании Петроградского Совета, Ленин в «Письме в Центральный Комитет РСДРП(б)» 19 октября писал: «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед

врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что долг партии, скрывшей от врага свое решение... обязывает при публичных выступлениях не только „вину“, но и почин сваливать на противника»²³.

Троцкий затем широко использовал эту ленинскую оценку для смягчения своей позиции в целом. Объясняя на заседании ЦК 20 октября свое выступление в Совете, Троцкий оправдывался тем, что «оно было вынуждено тов. Каменевым». При этом он заявил, что «создавшееся положение совершенно невыносимо и недопустимо письма в ЦО (Зиновьева и Луначарского, равно как и заметка от редакции)»²⁴. Речь шла о письмах в редакцию газеты «Рабочий путь», в которых Зиновьев и Луначарский, также выступавший против восстания, поддержали речь Троцкого в Совете. Преписка «от редакции» к письму Зиновьева была сделана одним из ее членов — Сталиным. В ней он не соглашался с письмом Ленина в ЦК РСДРП(б), где содержалось требование об исключении Каменева и Зиновьева из партии. «Резкость тона статьи Ленина,— писал Stalin,— не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»²⁵. Занятая Сталиным позиция во многом способствовала тому, что ЦК не согласился с требованием Ленина об исключении Каменева и Зиновьева из партии.

Вплоть до штурма Зимнего дворца Троцкий неоднократно публично заявлял, что Военно-революционный комитет был создан отнюдь не как штаб по подготовке восстания, а всего лишь как орган самозащиты революции. 23 октября на заседании Петроградского Совета он сказал: «Задача гарнизона и пролетариата — предоставить в распоряжение съезда Советов вооруженную силу, о которую разбилась бы правительственный провокация...» И далее: «Если же Правительство 24 или 48 часами, которые в его распоряжении (т. е. до II съезда Советов, на котором должен был, по его мнению, получить разрешение вопрос о власти.— H. B.), попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд ответит на удар ударом, на железо сталью»²⁶.

24 октября, принимая в Смольном в перерыве между заседаниями Совета делегацию городской управы, Троцкий спрашивал и одновременно отвечал: «Выступление?.. Никакого приказа Совет не отдавал. Захват власти? Это принадлежит компетентному решению съезда. Если съезд не пойдет на это, Петербургский Совет подчинится... Совет сегодня выступать не думает»²⁷. Позднее, в «Моей жизни» Троцкий так передал этот эпизод: «Я ответил изложением диалектического взгляда на революцию и предложил Думе участвовать через одного делегата в работах Военно-революционного комитета. Это их испугало больше, чем самый переворот. Закончил я, как всегда, в духе вооруженной обороны: «Если правительство пустит в ход железо, ему ответят сталь»²⁸.

И это были не только слова. Троцкий стремился действовать именно в духе предложенной им схемы развития событий. 24 октября, вспоминал матрос крейсера «Аврора» Курков, «мы получили от Троцкого распоряжение передать по радио... что контрреволюция перешла в наступление». Комментируя этот факт, Троцкий в «Истории русской революции» отмечал: «Оборонительная форма прикрывала и здесь призыв к восстанию, обращенный на этот раз ко всей стране»²⁹.

Думается, что все-таки дело было не просто в «прикрывании» оборонительными речами самого факта начавшегося вооруженного выступления рабочих и солдатских масс. При всех отмеченных выше оговорках, которые, кстати, в своем подавляющем большинстве были сделаны Троцким гораздо позднее, уже в ходе осмысления им опыта и уроков Октября, нельзя не заметить четко выраженной тенденции в его рассуждениях и действиях: вопрос о власти неизменно связывался им именно со съездом Советов. Это, конечно, не значит, что тем самым он вынашивал злонамеренные планы срыва восстания, как о том писалось в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Это значит, что позиция Троцкого отличалась от ленинской.

В 1925 г. в книге «О Ленине» Троцкий писал: «... В Центральном комитете определились три группировки: противники захвата власти, оказавшиеся вынужденными логикой положения отказаться от лозунга „Власть Советам“ (прежде всего Каменев и Зиновьев.— H. B.); Ленин, требовавший немедленной организации восстания, независимо от Советов, и остальная группа (прежде всего сам Троцкий.— H. B.), которая считала необходимым тесно связать восстание со Вторым съездом Советов и тем самым выдвинуть его к последнему времени»³⁰.

Отсюда ясно следует, что Троцкий сам отдал свою позицию от позиции Ленина. В работе «Моя жизнь» у Троцкого прокосчила фраза: «По некоторым случайным и ошибочным признакам ему (Ленину.— H. B.) показалось... будто в вопросе о вооруженном восстании я веду слишком выжидательную линию. Это опасение отразилось в нескольких письмах Ленина в течение октября»³¹. Эта ремарка свидетельствует о том, что, хотя и со значительными оговорками, Троцкий вы-

нужден был принять и на свой счет упреки Ленина по поводу медлительности ЦК в ходе подготовки вооруженного выступления, в том, что «ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции»³². Эти слова Ленина упоминаются и в публикуемом тексте. Но Троцкий придает им несколько иной смысл, чем тот, какой вкладывал Ленин. А именно, сводит все к различию не сути спора сторон, а способов реализации якобы общего замысла: «В этой своей части разногласия в ЦК были аналогичны спору офицеров генерального штаба, воспитанных в одной и той же военной доктрине и одинаково оценивающих общую стратегическую обстановку, но предлагающих разные варианты для разрешения ближайшей, исключительно важной, правда, но все же частной задачи. Припутывать сюда вопрос о марксизме и бланкизме значит обнаруживать непонимание как того, так и другого».

Действительно, вопрос о марксизме и бланкизме тут не при чем. Но вот что важно отметить: колебания в ЦК по поводу вооруженного восстания сказывались на работе большевистской фракции в исполнкоме Совета, председателем которого, повторяю, был именно Троцкий. Эти колебания, на мой взгляд, дали основания Ф. Э. Дзержинскому для весьма резкой оценки ее работы. 21 октября 1917 г. на заседании ЦК он сообщил о полной дезорганизации в исполнкоме и тут же предложил обязать всех его членов-большевиков непременно работать в исполнительном комитете или же выйти оттуда. На заседании ЦК было решено срочно ввести в состав исполнкома для работы Соколова, Пахомова, Дзержинского, Сталина, Лашевича, Иоффе и др.— всего 10 видных большевиков³³. Это решение, несомненно, оказало воздействие на колебавшихся. Даже Каменев, высказывавшийся против восстания, и тот принял участие в заключительной фазе его подготовки.

Не соглашаясь с оценкой Троцкого различий между ним и Лениным как «непринципиальными», «второстепенными», в то же время нельзя не отметить справедливость его общего вывода: «... Восстание началось, не дожидаясь съезда Советов, хоть и под прикрытием его авторитета. Политически отделять подготовку восстания от подготовки съезда Советов было бы поэтому неправильно»³⁴.

* * *

Публикуемый материал представляет собой фрагменты двухтомной работы Троцкого «История русской революции» (Т. I. Февральская революция. Т. 2. Октябрьская революция. Ч. I, 2). Впервые эта работа была издана в 1931—1933 гг. в Берлине в издательстве «Гранит», где выпускались книги главным образом эмигрантов из России на языке оригинала. Впоследствии эта работа была переведена на многие европейские языки и опубликована в десятках стран мира. В настоящее время она входит в список тех исследований, без которых не обходится ни один западный автор, пишущий не только о проблемах Октября, но и о СССР в целом. По этой работе нередко учащиеся самых разных учебных заведений капиталистических и развивающихся стран изучают нашу историю, формируют свои первые, а многие и окончательные представления о том, что такое социалистическая революция.

Наш ответ? К сожалению, в СССР «История русской революции» Троцкого никогда не включалась в научный оборот. О ней не вспоминали советские историки, даже те, кто исследовал исторический опыт борьбы партии против троцкизма. Собственно, она и по сей день находится в спецхранилищах. И, как представляется, совершенно напрасно.

Данная публикация, конечно же, не дает полного представления о характере работы Троцкого в целом, о концепции русской истории, Февральской и Октябрьской революций, в частности социологии революции вообще. Но вместе с тем данные отрывки все-таки позволяют составить мнение не только о присущем Троцкому стиле написания работ на историческую тему, но и о кое-каких его представлениях по затрагиваемой теме. В первую очередь — Октябрьском вооруженном восстании или даже гораздо шире — восстании как одной из форм революционной борьбы. А это уже немало.

Конечно, на «Истории...» в целом сказались перипетии внутрипартийной борьбы 20-х гг., положение Троцкого, оказавшегося после 1929 г. в третьей и на этот раз последней политической эмиграции. В данной работе он откровенно продолжает спор, начатый им во время так называемой литературной дискуссии осенью 1924 г. Она возникла тогда по поводу его статьи «Уроки Октября», которую он опубликовал в качестве предисловия к первой части третьего тома собрания своих сочинений. В той статье он попытался обосновать право на свои особые взгляды на Октябрьскую революцию и свою роль в ней. В «Истории...» это направление им продолжено. Троцкий предстает уже не иначе как «второй вождь Октября», без которого, как и без Ленина, вряд ли у большевиков

что-либо получилось бы. Одновременно Троцкий продолжил линию статьи «Уроки Октября» на сведение счетов с другими руководящими деятелями РСДРП(б) того периода, линию, за которую он еще в дискуссиях 20-х гг. подтверждал справедливой критике со стороны «старой гвардии». Так, например, Г. Я. Сокольников был недалек от истины, когда при разборе статьи Троцкого отмечал, что, «взяв с определенным „умыслом“ стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 году, он сбивается... с позиции якобы объективного „летописца“ и „педагога“ на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт, на позицию „разоблачителя“, подходящего к истории партии „со стороны“. Но от этого прокурорски-разоблачительного подхода безнадежно пострадали методы „изучения“ Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на „благонадежных“, но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т. е. прибегает к способам не столько выясняющим, сколько запутывающим дело».

И в приведенном тексте видно, как Троцкий стремится «добить» Зиновьева и Каменева за их штрайкбрехерский подход к восстанию, настойчиво пытается извлечь максимум полезного для себя лично из тех собственных действий, которые шли в русле подготовки Октябрьского выступления. Не случайно он писал в данной работе: «Правильно понять октябрьский переворот можно лишь в том случае, если не ограничивать поле своего зрения его заключительным звеном».

Наконец, еще одно соображение. Публикуемые фрагменты книги Троцкого свидетельствуют о том, что в работе над историей Октября Троцкий в значительной степени попытался скорректировать свои прежние оценки и выводы, если так можно выразиться — максимально «ленинировать» их. Редчайший случай — Троцкий сознательно использует максимум материала Ленина для подтверждения собственной позиции, но и в данных главах видны те пределы в его уступках Ленину, дальше которых он не пошел, так как это могло бы поколебать теорию перманентной революции.

Рискуя превратить эти предварительные заметки в статью, равную, а то и превосходящую по объему публикуемые фрагменты, ограничусь сказанным, предоставив читателю возможность самому сделать выводы из работы Троцкого.

* * *

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Февральская революция считается демократической революцией в собственном смысле слова. Политически она развертывалась под руководством двух демократических партий: социалистов-революционеров и меньшевиков. Возвращение к «заветам» Февральской революции является и сейчас официальной догмой так называемой демократии. Все это как будто дает основание думать, что демократические идеологи должны были поспешить подвести исторические и теоретические итоги февральскому опыту, вскрыть причины его крушения, определить, в чем собственно состоят его «заветы» и каков путь к их осуществлению. Обе демократические партии пользуются к тому же значительным досугом уже свыше тридцати лет, причем каждая из них располагает штабом литераторов, которым во всяком случае нельзя отказать в опытности. И тем не менее мы не имеем ни одной заслуживающей внимания работы демократов о демократической революции. Лидеры соглашательских партий явно не решаются восстановить ход развития Февральской революции, в которой им довелось играть такую видную роль. Не удивительно ли? Нет, вполне в порядке вещей. Вожди вульгарной демократии тем опасливее относятся к действительной Февральской революции, чем смелее они клянутся ее бесплотными заветами. То обстоятельство, что сами они занимали в течение нескольких месяцев 1917 года руководящие посты, как раз больше всего и заставляет их отвращать взоры от тогдашних событий. Ибо плачевная роль меньшевиков и социалистов-революционеров (какой иронией звучит ныне это имя!) отражала не просто личную слабость вождей, а историческое вырождение вульгарной демократии и обреченность Февральской революции как демократии.

Вся суть в том — и это есть главный вывод настоящей книги,— что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как октябрьское ядро освобождалось от своих соглашательских покровов. Если бы вульгарные демократы посмели объективно изложить ход событий, они так же ма-

ло могли бы призывать кого-либо вернуться к Февралю, как нельзя призывать колос вернуться в породившее его зерно. Вот почему вдохновители ублюдоочного февральского режима вынуждены ныне закрывать глаза на свою собственную историческую кульминацию, которая явилась кульминацией их несостоятельности.

Можно, правда, сослаться на то, что либерализм в лице профессора истории Милюкова попытался все же свести счеты со «второй русской революцией». Но Милюков вовсе не скрывает того, что он лишь претерпевал Февральскую революцию. Вряд ли есть какая-либо возможность причислять национал-либерального монархиста к демократии, хотя бы и вульгарной,— не на том же основании, в самом деле, что он примирялся с республикой, когда не осталось ничего другого? Но, даже оставляя политические соображения в стороне, работу Милюкова о Февральной революции ни в каком смысле нельзя считать научным трудом³⁵. Вождь либерализма выступает в своей «Истории» как потерпевший, как истец, но не как историк. Его три книги читаются как растигнутая передовица «Речи» в дни крушения корниловщины. Милюков обвиняет все классы и все партии в том, что они не помогли его классу и его партии сосредоточить в своих руках власть. Милюков обрушивается на демократов за то, что они не хотели или не умели быть последовательными национал-либералами. В то же время он сам вынужден свидетельствовать, что чем больше демократы приближались к национал-либерализму, тем больше они теряли опору в массах. Ему не остается, в конце концов, ничего иного, как обвинить русский народ в том, что он совершил преступление, именуемое революцией. Зачинщиков русской смуты Милюков во время писания своей трехтомной передовицы все еще пытался искать в канцелярии Людендорфа. Кадетский патриотизм, как известно, состоит в том, чтобы величайшие события в истории русского народа объяснять режиссерством немецкой агентуры, но зато стремиться в пользу «русского народа» отнять у турок Константинополь. Исторический труд Милюкова достойно завершает политическую орбиту русского национал-либерализма.

Понять революцию как и историю в целом можно только как объективно обусловленный процесс. Развитие народов выдвигает такие задачи, которых нельзя разрешить другими методами, кроме революции. В известные эпохи эти методы навязываются с такой силой, что вся нация вовлекается в трагический водоворот. Нет ничего более жалкого, как морализование по поводу великих социальных катастроф! Здесь особенно уместно правило Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать.

Проблемы хозяйства, государства, политики, права, но рядом с ними также и проблемы семьи, личности, художественного творчества ставятся революцией заново и пересматриваются снизу доверху. Нет ни одной области человеческого творчества, в которую подлинно национальные революции не входили бы великими вехами. Это одно уже, отметим мимоходом, дает наиболее убедительное выражение монизму исторического развития. Обнажая все ткани общества, революция бросает яркий свет на основные проблемы социологии, этой несчастнейшей из наук, которую академическая мысль кормит уксусом и пинками. Проблемы хозяйства и государства, класса и нации, партии и класса, личности и общества ставятся во время великих социальных переворотов с предельной силой напряжения. Если революция и не разрешает немедленно ни одного из породивших ее вопросов, создавая лишь новые предпосылки для их разрешения, зато она обнажает все проблемы общественной жизни до конца. А в социологии больше, чем где бы то ни было, искусство познания есть искусство обнажения.

Незачем говорить, что наш труд не претендует на полноту. Читатель имеет пред собою главным образом политическую историю революций. Вопросы экономики привлекаются лишь постольку, поскольку они необходимы для понимания политического процесса. Проблемы культуры совсем оставлены за рамками исследования. Нельзя, однако, забывать, что процесс революции, т. е. не-посредственной борьбы классов за власть, есть по самому своему существу процесс политический.

Принципо, 25 февраля 1931 г.

Л. Троцкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первые два месяца 1917 года Россия была еще романовской монархией. Через восемь месяцев у корнила стояли уже большевики, о которых мало кто знал в начале года и вожди которых в самый момент прихода к власти еще состояли под обвинением в государственной измене³⁶. В истории не

найти второго такого крутого поворота, особенно если не забывать, что речь идет о нации в полтора миллиона душ. Ясно, что события 1917 года, как бы к ним ни относиться, заслуживают изучения.

История революции, как всякая история, должна прежде всего рассказать, что и как произошло. Однако этого мало. Из самого рассказа должно стать ясно, почему произошло так, а не иначе. События не могут ни рассматриваться как цепь приключений, ни быть нанизаны на нитку предвзятой морали. Они должны повиноваться своей собственной закономерности. В раскрытии ее автор и видит свою задачу.

Наиболее бесспорной чертой революции является прямое вмешательство масс в исторические события. В обычное время государство монархическое, как и демократическое, возвышается над нацией; историю вершат специалисты этого дела: монархи, министры, бюрократы, парламентарии, журналисты. Но в те поворотные моменты, когда старый порядок становится дальше невыносимым для масс, они ломают перегородки, отделяющие их от политической арены, опрокидывают своих традиционных представителей и создают своим вмешательством исходную позицию для нового режима. Худо это или хорошо, предоставим судить моралистам. Сами мы берем факты, как они даются объективным ходом развития. История революции есть для нас прежде всего история насилиственно-го вторжения масс в область управления их собственными судьбами.

В охваченном революцией обществе борются классы. Совершенно очевидно, однако, что изменения, происходящие между началом революции и концом ее, в экономических основах общества и в социальном субстрате классов, совершенно недостаточны для объяснения хода самой революции, которая на коротком промежутке времени низвергает вековые учреждения, создает новые и снова низвергает. Динамика революционных событий не поддается определению быстрыми, напряженными и страстными изменениями психологии классов, сложившихся до революции.

Дело в том, что общество не меняет своих учреждений по мере надобности, как мастер обновляет свои инструменты. Наоборот, практически оно берет нависающие над ним учреждения как нечто раз навсегда данное. В течение десятилетий оппозиционная критика является лишь предохранительным клапаном для массового недовольства и условием устойчивости общественного строя: такое принципиальное значение приобрела, например, критика социал-демократии. Нужны совершенно исключительные, не зависящие от воли лиц или партий условия, которые срывают с недовольства оковы консерватизма и приводят массы к восстанию.

Быстрые изменения массовых взглядов и настроений в эпоху революции вытекают, следовательно, не из гибкости и подвижности человеческой психики, а наоборот, из ее глубокого консерватизма. Хроническое отставание идей и отношений от новых объективных условий, вплоть до того момента, как последние обрушаются на людей в виде катастрофы, и порождает в период революции скачкообразное движение идей и страстей, которое полицейским головам кажется простым результатом деятельности «демагогов».

В революцию массы входят не с готовым планом общественного переустройства, а с острым чувством невозможности терпеть старое. Лишь руководящий слой класса имеет политическую программу, которая, однако, нуждается еще в проверке событий и в одобрении масс. Основной политический процесс революции и состоит в достижении классом задач, вытекающих из социального кризиса, в активной ориентировке масс по методу последовательных приближений. Отдельные этапы революционного процесса, закрепленные сменой одних партий другими, все более крайними, выражают возрастающий напор масс влево, пока размах движения не упирается в объективные препятствия. Тогда начинается реакция: разочарование отдельных слоев революционного класса, рост индифферентизма и тем самым упрочение позиций контрреволюционных сил. Такова, по крайней мере, схема старых революций.

Только на основе изучения политических процессов в самих массах можно понять роль партий и вождей, которых мы меньше всего склонны игнорировать. Они составляют хоть и не самостоятельный, но очень важный элемент процесса. Без руководящей организации энергия масс рассеялась бы, как пар, не заключенный в цилиндр с поршнем. Но движет все же не цилиндр и не поршень, движет пар.

Трудности, какие стоят на пути изучения изменений массового сознания в эпоху революции, совершенно очевидны. Угнетенные классы делают историю на заводах, в казармах, в деревнях, на улицах городов. При этом они меньше всего привыкли ее записывать. Периоды высшего напряжения социальных страстей вообще оставляют мало места созерцанию и отображению. Всем музам, даже плебейской музе журналистики, несмотря на ее крепкие бока, приходится туго во время револю-

ции. И все же положение историка отнюдь не безнадежно. Записи неполны, разрознены, случайны. Но в свете самих событий эти осколки позволяют нередко угадать направление и ритм подспудного процесса. Худо или хорошо, но на учете изменений массового сознания революционная партия основывает свою тактику. Исторический путь большевизма свидетельствует, что такой учет, по крайней мере, в грубых своих чертах, осуществим. Почему же то, что доступно революционному политику в водовороте борьбы, не может быть доступно историку задним числом?

Однако же процессы, происходящие в сознании масс, не являются ни самодовлеющими, ни независимыми. Как бы идеалисты и эклектики ни сердились, сознание все-таки определяется бытием. В исторических условиях формирования России, ее хозяйства, ее классов, ее государства, в воздействии на нее других государств должны были быть заложены предпосылки Февральской революции и ее смены — Октябрьской. Поскольку наиболее загадочным кажется все тот же факт, что отсталая страна первою поставила у власти пролетариат, приходится заранее разгадку этого факта искать в своеобразии этой отсталой страны, т. е. в ее отличиях от других стран.

Исторические особенности России и их удельный вес охарактеризованы нами в первых главах книги, заключающих краткий очерк развития русского общества и его внутренних сил. Мы хотели бы надеяться, что неизбежная схематичность этих глав не отпугнет читателя. На дальнейшем протяжении книги он встретит те же социальные силы в живом действии.

Этот труд ни в какой мере не опирается на личные воспоминания. То обстоятельство, что автор был участником событий, не освобождало его от обязанности строить свое изложение на строго проверенных документах. Автор книги говорит о себе, поскольку он вынуждается к тому ходом событий, в третьем лице. И это не простая литературная форма: субъективный тон, неизбежный в автобиографии или мемуарах, был бы недопустим в историческом труде.

Однако то обстоятельство, что автор был участником борьбы, естественно, облегчает ему понимание не только психологии действующих лиц, индивидуальных и коллективных, но и внутренней связи событий. Это преимущество может дать положительные результаты при соблюдении одного условия: не полагаться на показания своей памяти не только в мелочах, но и в крупном, не только в отношении фактов, но и в отношении мотивов или настроений. Автор считает, что, насколько от него зависело, он это условие соблюдал.

Остается вопрос о политической позиции автора, который в качестве историка стоит на той же точке зрения, на которой стоял в качестве участника событий. Читатель, конечно, не обязан разделять политические взгляды автора, которые этот последний не имеет никаких оснований скрывать. Но читатель вправе требовать, чтобы исторический труд представлял собою не апологию политической позиции, а внутренне обоснованное изображение реального процесса революции. Исторический труд только тогда полностью отвечает своему назначению, когда события развертываются на его страницах во всей своей естественной принудительности.

Необходимо ли для этого так называемое историческое «беспристрастие»? Никто еще ясно не объяснил, в чем оно должно состоять. Часто цитировавшиеся слова Клемансо³⁷ о том, что революцию надо принимать en bloc, целиком, представляют собою в лучшем случае остроумную увертку: как можно объявлять себя сторонником целого, сущность которого состоит в расколе? Афоризм Клемансо продиктован отчасти сконфуженностью за слишком решительных предков, отчасти неловкостью потомка перед их тенями.

... Серьезному и критическому читателю нужно не вероломное беспристрастие, которое преподносит ему кубок примирения с хорошо отстоявшимся ядом реакционной ненависти на дне, а научная добросовестность, которая для своих симпатий и антипатий, открытых, незамаскированных, ищет опоры в честном изучении фактов, в установлении их действительной связи, в обнаружении закономерности их движения. Это есть единственно возможный исторический объективизм, и притом вполне достаточный, ибо он проверяется и удостоверяется не добрыми намерениями историка, за которые к тому же тот сам и ручается, а обнаруженной им закономерностью самого исторического процесса.

* * *

Источниками этой книги являются многочисленные периодические издания, газеты и журналы, мемуары, протоколы и иные материалы, отчасти рукописные, а главным образом изданные Институтом по истории революции в Москве и Ленинграде. Мы считали излишним делать в тексте ссылки на отдельные издания, так как это только затруднило бы читателя. Из книг, которые имеют

характер сводных исторических трудов, мы использовали, в частности, двухтомные «Очерки по истории Октябрьской революции» (Москва—Ленинград, 1927). Написанные разными авторами, составные части этих «Очерков» имеют неодинаковую ценность, но заключают в себе, во всяком случае, обильный фактический материал.

Хронологические даты нашей книги везде указаны по старому стилю, т. е. отстают от мирового, в том числе и нынешнего советского календаря, на 13 дней. Автор вынужден был пользоваться тем календарем, который был в силе во время революции. Не представляло бы, правда, никакого труда перевести даты на новый стиль. Но такая операция, устранив одни трудности, породила бы другие, более существенные. Низвержение монархии вошло в историю под именем Февральской революции. По западному календарю оно произошло, однако, в марте. Вооруженная демонстрация против империалистической политики Временного правительства вошла в историю под именем «апрельских дней», между тем, по западному календарю, она происходила в мае. Не останавливаясь на других промежуточных событиях и датах, отметим еще, что Октябрьский переворот произошел по европейскому исчислению в ноябре. Сам календарь, как видим, окрашен событиями, и историк не может расправиться с революционным летосчислением при помощи простых арифметических действий. Читатель благоволит лишь помнить, что прежде, чем опрокинуть византийский календарь, революция должна была опрокинуть державшиеся за него учреждения.

Принико, 14 ноября 1930 г.

Л. Троцкий

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Основной, наиболее устойчивой чертой истории России является замедленный характер ее развития с вытекающей отсюда экономической отсталостью, примитивностью общественных форм, низким уровнем культуры³⁸.

Население гигантской и суровой равнины, открытой восточным ветрам и азиатским выходцам, было самой природой обречено на долгое отставание. Борьба с кочевниками длилась почти до конца XVII века. Борьба с ветрами, приносящими зимнюю стужу, а летом засуху, не закончилась и сейчас. Сельское хозяйство — основа всего развития — продвигалось экстенсивными путями: на севере вырубались и выжигались леса, на юге взрывались девственные степи; овладение природой шло вширь, а не вглубь.

В то время, как западные варвары поселились на развалинах римской культуры, где многие старые камни стали для них строительным материалом, славяне Востока не нашли никакого наследства на безотрадной равнине: их предшественники стояли еще на более низкой ступени, чем они сами. Западноевропейские народы, скоро упершиеся в свои естественные границы, создавали экономические и культурные сгустки промышленных городов. Население Восточной равнины при первых признаках тесноты углублялось в леса или уходило на окраины, в степь. Наиболее инициативные и предприимчивые элементы крестьянства становились на Западе горожанами, ремесленниками, купцами. Активные и смелые элементы на Востоке становились отчасти торговцами, а больше — казаками, пограничниками, колонизаторами. Процесс социальной дифференциации, интенсивный на Западе, на Востоке задерживался и размывался процессом экспансии. «Царь Московии, хотя и христианский, правит людьми ленивого ума», — писал Вико, современник Петра I. «Ленивый ум» московитян отражал медленный темп хозяйственного развития, бесформенность классовых отношений, скучность внутренней истории³⁹.

Древние цивилизации Египта, Индии и Китая имели достаточно самодовлеющий характер и располагали достаточным временем, чтобы, несмотря на свои низкие производительные силы, довести свои социальные отношения почти до такой же детальной законченности, до которой ремесленники этих стран доводили свои изделия. Россия стояла не только географически между Европой и Азией, но также социально и исторически. Она отличалась от европейского Запада, но разнилась и от азиатского Востока, приближаясь в разные периоды разными чертами то к одному, то к другому. Восток дал татарское иго, которое вошло важным элементом в строение русского государства. Запад был еще более грозным врагом, но в то же время и учителем. Россия не имела возможности сложиться в формах Востока, потому что ей всегда приходилось приспособляться к военному и экономическому давлению Запада.

Существование феодальных отношений в России, отрицавшееся прежними историками, можно считать позднейшими исследованиями безусловно доказанным. Более того: основные элементы русского феодализма были те же, что и на Западе. Но уже один тот факт, что феодальную эпоху пришлось устанавливать путем долгих научных споров, достаточно свидетельствует о недоношенностии русского феодализма, о его бесформенности, о бедности его культурных памятников.

Отсталая страна ассилирует материальные и идеальные завоевания передовых стран. Но это не значит, что она рабски следует за ними, воспроизводя все этапы их прошлого. Теория повторяемости исторических циклов — Вико и его позднейшие последователи — опирается на наблюдения над орбитами старых, докапиталистических культур, отчасти — первых опытов капиталистического развития. С провинциальностью и эпизодичностью всего процесса действительно связана была известная повторяемость культурных стадий в новых и новых очагах. Капитализм означает, однако, преодоление этих условий. Он подготовил и в некотором смысле осуществил универсальность и перманентность развития человечества. Этим самым исключена возможность повторяемости форм развития отдельных наций. Вынужденная тянуться за передовыми странами отсталая страна не соблюдает очередей: привилегия исторической запоздалости — а такая привилегия существует — позволяет или, вернее, вынуждает усваивать готовое раньше положенных сроков, перепрыгивая через ряд промежуточных этапов. Дикиари сменяют лук на винтовку сразу, не проделывая пути, который пролегал между этими орудиями в прошлом. Европейские колонисты в Америке не начинали историю сначала. То обстоятельство, что Германия или Соединенные Штаты экономически опередили Англию, обусловлено как раз запоздалостью их капиталистического развития. Наоборот, консервативная анархия в британской угольной промышленности, как и в головах Макдональда и его друзей, есть расплата за прошлое, когда Англия слишком долго играла роль капиталистического гегемона. Развитие исторически запоздалой нации ведет по необходимости к своеобразному сочетанию разных стадий исторического процесса. Орбита в целом получает непланомерный, сложный, комбинированный характер.

Возможность перепрыгивания через промежуточные ступени, разумеется, совсем не абсолютна; размеры ее определяются в конце концов хозяйственной и культурной емкостью страны. Отсталая нация к тому же нередко снижает заимствуемые ею извне готовые достижения путем приспособления их к своей более примитивной культуре. Самый процесс ассилияции получает при этом противоречивый характер. Так, введение западной техники и выучки, прежде всего военной и мануфактурной, при Петре I привело к усугублению крепостного права как основной формы организации труда. Европейское вооружение и европейские займы — и то, и другое — бесспорные продукты более высокой культуры — привели к укреплению царизма, тормозившего, в свою очередь, развитие страны.

Историческая закономерность не имеет ничего общего с педантским схематизмом. Неравномерность, наиболее общий закон исторического процесса, резче и сложнее всего обнаруживается на судьбе запоздалых стран. Под кнутом внешней необходимости отсталость вынуждена совершать скачки⁴⁰. Из универсального закона неравномерности вытекает другой закон, который за неимением более подходящего имени можно назвать законом комбинированного развития, в смысле сближения разных этапов пути, сочетания отдельных стадий, амальгамы архаических форм с наиболее современными. Без этого закона, взятого, разумеется, во всем его материальном содержании, нельзя понять истории России, как и всех вообще стран второго, третьего и десятого культурного призыва.

Под давлением более богатой Европы государство поглощало в России гораздо большую относительную долю народного достояния, чем на Западе, и не только обрекало этим народные массы на двойную нищету, но и ослабляло основы имущих классов. Нуждаясь в то же время в поддержке последних, оно форсировало и регламентировало их формирование. В результате бюрократизированные привилегированные классы никогда не могли подняться во весь рост, и государство в России тем больше приближалось к азиатской деспотии.

Византийское самодержавие, официально усвоенное московскими царями с начала XVI века, смирило феодальное боярство при помощи дворянства и подчинило себе дворянство, закабалив ему крестьянство, чтобы превратиться на этой основе в петербургский императорский абсолютизм. Запоздалость всего процесса достаточно характеризуется тем, что крепостное право, зародившись с конца XVI века, сложилось в XVII, достигло расцвета в XVIII и было юридически отменено лишь в 1861 г.

Духовенство, вслед за дворянством, сыграло в образовании царского самодержавия немалую

роль, но вполне служебную. Церковь никогда не поднималась в России до той командующей высоты, что на католическом Западе: она удовлетворялась местом духовной прислуги при самодержавии и вменяла это в заслугу своему смирению. Епископы и митрополиты располагали властью лишь как ставленники светской власти. Патриархи сменялись вместе с царями. В петербургский период зависимость церкви от государства стала еще более рабской. 200 тысяч священников и монахов составляли, в сущности, часть бюрократии, своего рода полицию вероисповедания. В возмещение за это монополия православного духовенства в делах веры, его земли и доходы ограждались полицией общего порядка...

Скудость не только русского феодализма, но и всей старой русской истории наиболее удручающее свое выражение находила в отсутствии настоящих средневековых городов как ремесленно-торговых центров. Ремесло не успело в России отделиться от земледелия и сохраняло характер кустарничества. Старые русские города были торговыми, административными, военными и помещичьими, следовательно, потребляющими, а не производящими центрами. Даже Новгород, близкий к Ганзе и не знавший татарского ига, был только торговым, а не промышленным городом. Правда, разбросанность крестьянских промыслов по разным районам создавала потребность в торговом посредничестве широкого масштаба. Но кочующие торговцы ни в какой мере не могли занять в общественной жизни то место, которое на Западе принадлежало ремесленно-цеховой и торгово-промышленной мелкой и средней буржуазии, неразрывно связанной со своей крестьянской периферией. Главные пути русской торговли к тому же вели за границу, обеспечивая уже с отдаленных веков руководство за иностранным торговым капиталом и придавая полуколониальный характер всему обороту, в котором русский торговец был посредником между западными городами и русской деревней. Этот род экономических отношений получил дальнейшее развитие в эпоху русского капитализма и нашел свое крайнее выражение в империалистической войне.

Ничтожество русских городов, наиболее способствовавшее выработке азиатского типа государства, исключало, в частности, возможность реформации, т. е. замены феодально-бюрократического православия какой-либо модернизированной разновидностью христианства, приспособленной к потребностям буржуазного общества. Борьба против государственной церкви не возвышалась над крестьянскими сектами, включая и самую могущественную из них, староверческий раскол.

За полтора десятилетия до Великой французской революции в России разразилось движение казаков, крестьян и крепостных уральских рабочих, известное под именем пугачевщины. Чего не хватало этому грозному народному восстанию, чтоб превратиться в революцию? Третьего сословия. Без промышленной демократии городов крестьянская война не могла развиться в революцию, как крестьянские секты не могли подняться до реформации. Результатом пугачевщины явилось, наоборот, упрочение бюрократического абсолютизма как стража дворянских интересов, снова оправдавшего себя в трудный час.

Европеизация страны, формально начавшаяся при Петре, все более становилась в течение следовавшего столетия потребностью самого господствующего класса, т. е. дворянства. В 1825 году дворянская интеллигенция, политически обобщив эту потребность, пришла к военному заговору с целью ограничения самодержавия. Под давлением европейского буржуазного развития передовое дворянство попыталось, следовательно, заменить недостающее третье сословие. Но либеральный режим оно хотело все же сочетать с основами своего сословного господства, и потому больше всего боялось поднимать крестьян. Не удивительно, если заговор остался предприятием блестящего, но изолированного офицерства, которое расшибло себе голову почти без боя. Таков смысл восстания декабристов.

Помешники, владевшие фабриками, первыми в среде своего сословия стали склоняться в пользу замены крепостного труда вольнонаемным. В эту же сторону толкал и возраставший экспорт русского зерна за границу. В 1861 году дворянская бюрократия, опираясь на либеральных помещиков, проводит свою крестьянскую реформу. Бессильный буржуазный либерализм состоял при этой операции в качестве покорного хора. Незачем говорить, что царизм еще более скаредно и воровато разрешил основную проблему России, т. е. аграрный вопрос, чем прусская монархия в течение ближайшего десятилетия разрешила основную проблему Германии, т. е. ее национальное объединение. Разрешение задач одного класса руками другого и есть один из комбинированных методов, свойственных отсталым странам.

Бесспорнее всего закон комбинированного развития обнаруживается, однако, на истории и характере русской промышленности. Возникнув поздно, она не повторяла развития передовых стран, а включалась в это последнее, приспособляя к своей отсталости его новейшие достижения. Если

хозяйственная эволюция России в целом перешагнула через эпохи цехового ремесла и мануфактуры, то отдельные отрасли промышленности совершили ряд частых скачков через технико-производственные этапы, которые на Западе измерялись десятилетиями. Благодаря этому русская промышленность развивалась в некоторые периоды чрезвычайно быстрым темпом. Между первой революцией и войной промышленная продукция России выросла примерно вдвое. Это показалось некоторым русским историкам достаточным основанием для того вывода, что «легенду об отсталости и медленном росте приходится оставить» (здесь Троцкий цитирует М. Н. Покровского — *H. B.*). На самом деле возможность столь быстрого роста определилась именно отсталостью, которая, увы, сохранилась не только с момента ликвидации старой России, но, как наследие ее, и до сегодняшнего дня.

Основным измерителем экономического уровня нации является производительность труда, которая, в свою очередь, зависит от удельного веса промышленности в общем хозяйстве страны. Накануне войны, когда царская Россия достигла высшей точки своего благосостояния, народный доход на душу был в 8—10 раз ниже, чем в Соединенных Штатах, что неудивительно, если принять во внимание, что $\frac{4}{5}$ самодеятельного населения России занято было в сельском хозяйстве, тогда как в Соединенных Штатах на 1 занятого в земледелии приходилось 2,5 занятых в промышленности. Прибавим еще, что на 100 квадратных километров в России приходилось накануне войны 0,4 километра железных дорог, в Германии — 11,7, в Австро-Венгрии — 7,0. Остальные сравнительные коэффициенты того же типа.

Но именно в области хозяйства, как уже сказано, закон комбинированного развития выступает с наибольшей силой. В то время, как крестьянское земледелие в главной массе своей оставалось до самой революции чуть ли не на уровне XVII столетия, промышленность России по своей технике и капиталистической структуре стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже опережала их. Мелкие предприятия с числом рабочих до 100 человек охватывали в 1914 г. в Соединенных Штатах 35% общего числа промышленных рабочих, а в России — только 17,8%. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий в 100—1000 рабочих предприятия-гиганты свыше 1000 рабочих каждое занимали в С. Штатах 17,8% общего числа рабочих, а в России — 41,4%! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для петроградского — 44,4%, для московского — даже 57,3%. Подобные же результаты получатся, если сравним русскую промышленность с британской или германской. Этот факт, впервые установленный нами в 1908 году, трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости России. А между тем он не опровергает отсталости, а лишь диалектически дополняет ее.

Слияние промышленного капитала с банковским проведено было в России опять-таки с такой полнотой, как, пожалуй, ни в какой другой стране. Но подчинение промышленности банкам означало тем самым подчинение ее западноевропейскому денежному рынку. Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Легкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40% всех акционерных капиталов в России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше. Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причем доля капиталов Англии, Франции и Бельгии была почти вдвое выше доли Германии.

Условиями происхождения русской промышленности и ее структурой определялся социальный характер русской буржуазии и ее политический облик. Высокая концентрация промышленности уже сама по себе означала, что между капиталистическими верхами и народными массами не было иерархии переходных слоев. К этому присоединялось то, что собственниками важнейших промышленных, банковских и транспортных предприятий были иностранцы, которые реализовали не только извлеченную из России прибыль, но и свое политическое влияние в иностранных парламентах, и не только не подвигали вперед борьбу за русский парламентаризм, но часто противодействовали ей: достаточно вспомнить постыдную роль официальной Франции. Таковы элементарные и неустранимые причины политической изолированности и антинародного характера русской буржуазии. Если на заре своей истории она была слишком незрелой, чтобы совершить реформацию, то она оказалась перезрелой, когда настало время для руководства революцией.

В соответствии с общим ходом развития страны резервом, из которого формировался русский рабочий класс, являлось не цеховое ремесло, а сельское хозяйство, не город, а деревня.

Русский пролетариат складывался при этом не постепенно, веками, влача за собой груз прошлого, как в Англии, а скачками, путем крутой перемены обстановки, связей, отношений и резкого разрыва со вчерашним днем. Именно это — в сочетании с концентрированным гнетом царизма — сделало русских рабочих воспринимчивыми к наиболее смелым выводам революционной мысли, подобно тому, как запоздалая русская промышленность оказалась воспринимчивой к последнему слову капиталистической организации.

Короткую историю своего происхождения русский пролетариат всегда воспроизводил заново. В то время, как в металлообрабатывающей промышленности, особенно в Петербурге, кристаллизовался слой потомственных пролетариев, окончательно покинувших деревней, на Урале преобладал еще тип полупролетария-полукрестьянина. Ежегодный приток свежей рабочей силы из деревень во все промышленные районы обновлял связь пролетариата с его основным социальным резервом.

Политическая недееспособность буржуазии непосредственно определялась характером ее отношений к пролетариату и крестьянству. Она не могла вести за собой рабочих, которые враждебно противостояли ей в повседневной жизни и очень рано научились обобщать свои задачи. Но она оказалась в такой же мере неспособной вести за собой крестьянство, потому что была связана сетью общих интересов с помещиками и боялась потрясения собственности в каком бы то ни было виде. Запоздалость русской революции оказалась, таким образом, не только вопросом хронологии, но и вопросом социальной структуры нации.

Англия совершила свою пуританскую революцию, когда все население ее не превышало $5\frac{1}{2}$ миллиона, из которых полумиллиона приходилось на Лондон. Франция в эпоху своей революции имела в Париже тоже лишь полумиллиона из 25 миллионов всего населения. Россия начала XX века насчитывала около 150 миллионов населения, из которых свыше трех миллионов приходилось на Петроград и Москву. За этими сравнительными цифрами скрываются величайшие социальные различия. Не только Англия XVII, но и Франция XVIII столетия не знали еще современного пролетариата. Между тем в России рабочий класс во всех областях труда, в городе и в деревне, насчитывал к 1905 году уже не менее 10 миллионов душ, что с семьями составляло свыше 25 миллионов, т. е. больше, чем население Франции в эпоху Великой революции. От крепких ремесленников и независимых крестьян армии Кромвеля — через санкюловов Парижа до индустриальных пролетариев Петербурга революция глубоко изменила свою социальную механику, свои методы, а тем самым и свои цели.

События 1905 года были прологом обеих революций 1917 года: Февральской и Октябрьской. В прологе были заложены все элементы драмы, но только не доведены до конца. Русско-японская война расшатала царизм. На фоне движения масс либеральная буржуазия напугала монархию своей оппозицией. Рабочие организовались самостоятельно от буржуазии и в противовес ей, в виде Советов, впервые призванных тогда к жизни. Крестьянство восставало за землю на огромном протяжении страны. Как крестьянне, так и революционные части армии тянулись к Советам, которые в момент высшего подъема революции открыто оспаривали власть у монархии. Однако все революционные силы выступали тогда впервые, опыта у них не было и не хватало уверенности. Либералы демонстративно отшатнулись от революции именно в тот момент, когда обнаружилось, что недостаточно расшатать царизм, надо еще повалить его. Крутой разрыв буржуазии с народом, причем она и тогда уже увлекла за собой значительные круги демократической интеллигенции, облегчил монархии расслоение армии, выделение верных частей и кровавую расправу над рабочими и крестьянами. Хоть и не досчитываясь кое-каких ребер, царизм вышел все же из испытаний 1905 года живым и достаточно сильным.

Какие же изменения в соотношение сил внесло историческое развитие за 11 лет, отделивших пролог от драмы? Царизм пришел за этот период в еще большее противоречие с потребностями исторического развития. Буржуазия стала экономически более могущественной, но, как мы уже видели, это могущество опиралось на более высокую концентрацию промышленности и на возросшую роль иностранного капитала. Под действием уроков 1905 года буржуазия стала еще консервативнее и подозрительнее. Удельный вес мелкой и средней буржуазии, незначительный и ранее, еще более понизился. Какой-либо устойчивой социальной опоры у демократической интеллигенции вообще не было. Она могла иметь переходящее политическое влияние, но не могла играть самостоятельной роли: зависимость ее от буржуазного либерализма чрезвычайно возросла. Дать крестьянству программу, знамя, руководство мог при этих условиях только молодой пролетариат. Вставшие перед ним, таким образом, грандиозные задачи породили неотложную потребность в особой революционной организации, которая могла бы сразу охватить народные массы и сделать их способными

к революционному действию под руководством рабочих. Так Советы 1905 года получили гигантское развитие в 1917 году. Что Советы, отметим тут же, представляют собою не просто порождение исторической запоздалости России, а являются продуктом комбинированного развития, свидетельствует хотя бы тот факт, что пролетариат наиболее индустриальной страны, Германии, не нашел во время революционного подъема 1918—19 годов другой формы организации, как Советы.

Революция 1917 года все еще имела своей непосредственной задачей низвержение бюрократической монархии. Но, в отличие от старых буржуазных революций, в качестве решающей силы выступал теперь новый класс, сложившийся на основе концентрированной индустрии, вооруженный новой организацией и новыми методами борьбы. Закон комбинированного развития раскрывается здесь перед нами в крайнем своем выражении: начав с низвержения средневекового гнилья, революция в течение нескольких месяцев ставит у власти пролетариат с коммунистической партией во главе.

По отправным своим задачам русская революция являлась, таким образом, демократической революцией. Но она по-новому поставила проблему политической демократии. В то время, как рабочие покрыли всю страну Советами, включив в них солдат и отчасти крестьян, буржуазия все еще продолжала торговаться, созывать или не созывать ей Учредительное собрание. В ходе изложения событий вопрос этот предстанет перед нами во всей своей конкретности. Здесь мы хотим только наметить место Советов в историческом чередовании революционных идей и форм.

В середине XVII века буржуазная революция в Англии развернулась в оболочке религиозной Реформации. Борьба за право молиться по собственному молитвеннику отождествлялась с борьбой против короля, аристократии, князей церкви и Рима. Пресвитериане и пуритане были глубоко убеждены, что они свои земные интересы ставят под незыблемое покровительство божественного промысла. Задачи, за которые боролись новые классы, неразрывно срослись в их сознании с текстами Библии и с формами церковного обихода. Эмигранты уносили с собою эту кровью скрепленную традицию за океан. Отсюда исключительная живучесть англосаксонских интерпретаций христианства. Мы видим, как и сегодня еще министры «социалисты» Великобритании обосновывают свою трущость теми самыми магическими текстами, в которых люди XVII века искали оправдания для своего мужества.

Во Франции, перешагнувшей через Реформацию, католическая церковь в качестве государственної дожила до революции, которая нашла не в текстах Библии, а в абстракциях демократии выражение и оправдание для задач буржуазного общества. Какова бы ни была ненависть нынешних заправил Франции к якобинизму, но факт таков, что именно благодаря суповой работе Робеспьера они все еще сохраняют возможность прикрывать свое консервативное господство формулами, при помощи которых было некогда взорвано старое общество.

Каждая из великих революций отмечала новый этап буржуазного общества и новые формы сознания его классов. Как Франция перешагнула через Реформацию, так Россия перешагнула через формальную демократию. Русская революционная партия, которой предстояло наложить свою печать на целую эпоху, искала выражения для задач революции не в Библии и не в секуляризованном христианстве «чистой» демократии, а в материальных отношениях общественных классов. Советская система дала этим отношениям наиболее простое, незамаскированное, прозрачное выражение. Господство трудящихся впервые нашло свое осуществление в системе советов, которая, каковы бы ни были ее ближайшие исторические перипетии, так же неискоренимо проникла в сознание масс, как в свое время система Реформации или чистой демократии.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Радзиховский Л. А. Боязнь демократии (Штрихи к социально-психологическому портрету Л. Д. Троцкого) // Социологические исследования. 1989. № 6.

² См., напр.: Подшеколдин А. «Новый курс»: пролог трагедии // Молодой коммунист. 1989. № 8; Троцкий. На пути правды о нем / Интервью историка В. И. Биллика // Собеседник. 1989. № 33 (август).

³ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 18.

⁴ Ленинский сборник IV. С. 302.

⁵ Deutscheg I. Le Prophète Armé. Vol. 1. Paris, 1964. P. 348.

⁶ См.: Ленинский сборник IV. С. 303.

⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март—октябрь 1917. С. 272.

⁸ См.: Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1925. С. 408—410.

⁹ Там же. С. 166.

- ¹⁰ Там же. С. 169.
- ¹¹ Там же. С. 171.
- ¹² Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. Берлин, 1932. С. 61.
- ¹³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 345.
- ¹⁴ Покровский М. Н. Октябрьская революция. М., 1929. С. 123.
- ¹⁵ Суханов Ник. Записки о революции. Т. IV. М., 1922. С. 511.
- ¹⁶ Уже в тюрьме Троцкий рассказал Ф. Ф. Раскольникову, что, получив от его матери приглашение выступить защитником одного молодого мичмана, он охотно согласился, сообщив об этом по телефону в Министерство юстиции. «Оттуда ответили, что препятствий нет, и записали адрес. Едва ли не в ту же ночь по этому адресу явилась милиция, и он был арестован» (Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 170).
- ¹⁷ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 240—241.
- ¹⁸ Там же. С. 248.
- ¹⁹ Там же. С. 252.
- ²⁰ Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. Берлин, 1933. С. 163.
- ²¹ Там же. С. 169.
- ²² Суханов Ник. Записки о революции. Кн. 7. Берлин, 1923. С. 28.
- ²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 423.
- ²⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958.
- С. 65.
- ²⁵ Там же. С. 115.
- ²⁶ См.: Красная летопись. 1923. № 8. С. 19.
- ²⁷ Суханов Ник. Записки о революции. Кн. 7. С. 140.
- ²⁸ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 47.
- ²⁹ Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 228.
- ³⁰ Его же. О Ленине. Материалы к биографии. М., 1925. С. 72.
- ³¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 61.
- ³² Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 340.
- ³³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)... С. 117.
- ³⁴ Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 303.
- ³⁵ Милюков П. Н. (1859—1943) — видный русский общественный деятель. Лидер конституционно-демократической партии (кадетов), министр иностранных дел в первом Временном правительстве. Историк. Автор ряда работ по истории революций в России. В данном случае Троцкий имел в виду его исследование «История второй русской революции» (Т. 1. Вып. 1—3. София, 1921—1924).
- ³⁶ Речь шла об обвинении Ленина, Зиновьева и других большевистских лидеров в шпионаже в пользу Германии. Основанием для таких обвинений послужил факт проезда большевиков в Россию через территорию Германии после победы Февральской революции.
- ³⁷ Клемансо Жорж (1841—1929) — мелкобуржуазный радикал. В 1917 г.—премьер-министр и военный министр французского правительства. Один из организаторов военной интервенции против Советской России. В 1920 г., потерпев поражение на президентских выборах, отошел от политики.
- ³⁸ Этот заимствованный Троцким у реформистских лидеров II Интернационала тезис о России как «навозе истории» наряду с тезисом об «иностранным происхождении» русского капитализма составлял основу теории «перманентной революции».
- ³⁹ Это утверждение Троцкого — Вико расходилось с действительной историей России. Средневековая, не говоря о древней, Русь ни в чем не уступала европейским странам. При князе Владимире на Руси было 25 городов, перед нашествием татар — 271, в царствование Ивана Грозного — 715, а Алексея Михайловича — 927.
- В XVIII в. численность промышленных предприятий, не считая ремесленных мастерских, увеличилась по сравнению с предыдущим столетием в 12 раз. В 1801 г. их насчитывалось 2423. На них работало более 100 тыс. человек. В металлургической промышленности Россия вышла на передовые рубежи в Европе. С 1801 по 1881 г. численность фабрик возросла до 31 173, а рабочих — до 771 тыс. Производительность труда за это время поднялась в 5 раз. И это при крепостном праве! (Стр. 426—427).
- ⁴⁰ В книге «Перманентная революция» Троцкий писал: «Вздор, будто вообще нельзя перепрыгивать через ступени. Через отдельные „ступени“, вытекающие из теоретического расчленения процесса развития, т. е. в максимальной его полноте, живой исторический процесс всегда совершает скачок и требует того же в критические моменты от революционной политики» (Берлин, 1930. С. 124).
- «Теория скачков», не считавшаяся с действительным ходом исторического развития, составила основу выдвинутой Троцким в середине 20-х гг. политики «сверхиндустриализации» в СССР. Он критиковал даже Сталина за «медлительность»: «Сталин не понимает до сих пор, что неравномерность развития именно и состоит в перепрыгиваниях через ступени (или в чересчур долгом сидении на одной ступени)». (Там же. С. 125).

Л. В. МАЛИНОВСКИЙ

ОБЩИНА НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сама по себе проблема крестьянской общины в России неоднократно рассматривалась в литературе. Крестьянская община была предметом больших надежд народнического движения и ожесточенных споров между русскими социалистами и их противниками — народниками¹. А. И. Герцен, идеализировавший общину и видевший в ней ростки социализма, ссылаясь на А. Гакстгаузена, писал, что сельская община «не знает ни личной земельной собственности, ни пролетариата, и уже давно довела до степени совершенства часть социалистических утопий...»². Прочитав это, действительно можно согласиться с мнением Ф. Энгельса о том, что русский помещик Герцен слабо знал жизнь крестьянства и «впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владели землей сообща...»³.

Известно также, что царское правительство и российская помещичья реакция в начале ХХ в. резко изменили свой подход к крестьянской общине, перейдя от защитительных мер к ее резкому осуждению и практическому уничтожению⁴. Здесь следует, однако, оговориться, что со стороны чиновников и специалистов сельского хозяйства еще задолго до этих изменений раздавались отдельные голоса против общин⁵.

Какой же была крестьянская община немецких колонистов, переселившихся в Россию из германских государств в конце XVIII и в первой половине XIX в., и почему она нас интересует?

Прежде всего следует отметить, что переселение немецких колонистов (в основном при Екатерине II — с 1763 и при Александре I — в 1803—1819 гг.) происходило на добровольной основе, с образованием привилегированных немецких деревень. Колонисты получили ряд материальных и юридических льгот и жили в России почти в полной изоляции от массы русского крестьянства, причем эта изоляция была одновременно географической (жили в безлюдных тогда южных степях), юридической (особое привилегированное сословие, пользовавшееся относительным самоуправлением), экономической (большие наделы и государственные кредиты только для колонистов), национальной (язык и обычаи) и, наконец, религиозной (неправославные религии и секты, веротерпимость со стороны правительства при запрете религиозной пропаганды, почти полное отсутствие межнациональных браков).

При такой изоляции не только сами колонисты оставались в неведении о многих сторонах русской жизни, но и русское общество, прежде всего дворянское, образованные круги того времени тоже совершенно не знали немецкой деревни. Странно, что участники продолжавшейся десятилетиями дискуссии об общине не обратили внимания на тот факт, что одна часть немецких колонистов восприняла русскую передельную общину, а другая — категорически от этого воздержалась.

История поставила здесь как бы эксперимент, дающий возможность оценить роль передельной общины в развитии сельского хозяйства и капитализма в деревне. Как и положено, он был проведен в целом при прочих равных условиях, а именно: в изолированной привилегированной деревне, на более или менее одинаковом культурном фоне и человеческом «материале». Однако и сами участники этого эксперимента не осознали полностью ни его условий, ни результатов. По свидетельству немецкой «Одесской газеты» в 1887 г., «никто еще не пытался исследовать развитие и современное состояние общин как в тех колониях, где имеется общинное владение (как на Волге), так и в других,— пишется об этом попутно и поверхностно»⁶.

Как же возник в условиях одного только российского феодального государства этот «общинный дуализм»? В какой-то мере это было отражением положения крестьянства в тогдашней Герма-

Малиновский Лев Викторович, кандидат исторических наук.

нии. Переселенцы из нее уже не знали крестьянской общини в том виде, в каком она еще бытowała в России; развитие личной собственности в Германии зашло достаточно далеко. Как и переселенцы в Америку того времени, немцы, переехавшие в Россию, стремились не к увековечению феодализма, а к освобождению от него, к созданию буржуазного общества на основе свободной крестьянской собственности⁷. Еще на своей прежней родине (или «родинах», т. е. в отдельных германских государствах) эти крестьянские и сельские ремесленники (две основные группы среди иммигрантов) имели различные представления о путях развития этой собственности, связанной с особенностями крестьянского обычного права в разных местностях. Для северо-запада (районы Гольштейна, Ольденбурга, Фрисландии и Голландии) был характерен обычай единонаследия, когда земля передавалась либо старшему из сыновей (майорат), либо младшему (минорат)⁸, остальные наследники получали свою долю скотом или деньгами. Для юго-западных районов (Баден, Вюртемберг, Гессен), откуда в основном вербовалось переселенцы в Россию в 1762—1767 гг., характерным было, наоборот, дробление при наследовании крестьянских участков, что приводило к сильному аграрному перенаселению и к образованию большой массы полукрестьян-полуремесленников, не имевших возможности существовать только за счет сельского хозяйства⁹.

По приезде в Россию эти бедняки — крестьяне и ремесленники — ожидали получить землю в частную собственность — таковы были их надежды и таковы были обещания, щедро раздававшиеся вербовщиками Екатерины II за рубежом («семьи, которые ничего не имеют, станут *собственниками* (курсив наш.—Л. М.) угодий, садов и виноградников»)¹⁰. И действительно, такова была установка, выраженная в указе от 22 июня 1763 г. и в указе о порядках в колониях от 19 марта 1764 г. В частности, второй указ прямо предписывал минорат, т. е. единонаследие младшего сына¹¹. Предполагалось, что старшие сыновья будут заниматься ремеслом и торговлей и образуют, таким образом, ядро будущего «третьего сословия» в России, создание которого считалось необходимым для осуществления меркантилистских проектов императрицы и ее советников. Естественно, что о закрепощении этих иммигрантов не могло быть и речи, это сорвало бы все планы приглашения переселенцев и заселения ими Поволжья и Новороссии.

Для обеспечения независимого существования этого нового для России «сословия» и было предоставлено колонистам некоторое самоуправление: при особой юрисдикции и запрете прямых сношений с русским населением (в том числе с помещиками и купцами, которые могли бы их подчинить себе или обмануть при сделках) колонисты были административно подведомствены разветвленному аппарату специальной Канцелярии опекунства иностранных колонистов, а позднее Министерства внутренних дел или (с 1838 г.) Министерства государственных имуществ. Лица, опекавшие колонистов, были русскими и немецкими (главным образом прибалтийскими) дворянами, с трудом привыкавшими к общению со свободными крестьянами, к тому же привилегированными. Чиновники пытались применять к колонистам «отеческие» методы крепостников: постоянный надзор, запреты, ограничения, порку, колодки и т. п.¹² Понятно в этих условиях стремление «попечительного» аппарата навязать новоселам и порядки, присущие русской общине как привычному средству административного и фискального контроля и надзора, например, взаимную ответственность в 1772 г. при переселении в Поволжье (круговая порука была введена в 1812 г. во всех колониях)¹³. Подобные меры в 1820 г. предпринимал также Попечительный комитет по делам иностранных колонистов Юга России (во главе с генералом Инзовым)¹⁴.

Воспользовавшись бедственным положением колонистов Поволжья в первое время их пребывания в России и их большей зависимостью от чиновниччьего аппарата, эконом-директор Огарев в 1783 г. (не случайно как раз в то время, когда местное самоуправление колонистов было временно ликвидировано) навязал новоселам не только круговую поруку, но и передельную общину под тем предлогом, что последняя обеспечит равенство шансов в трудный период первоначального освоения заволжской земли и создания новых поселений¹⁵. Необходимо отметить, что переселенцы в Поволжье проходили большей частью из государств Юго-Западной Германии, где при наследовании хозяйства дробились и, таким образом, тоже подвергались своеобразному переделу. Указанные переселенцы поэтому легче смирились с навязанной им передельной общиной, приняв ее в качестве народного обычая.

Однако введение передельной общине в Поволжье противоречило прямым указаниям законодательства (см. выше о законе 1764 г.), правилам минората и не могло быть юридически закреплено, оставаясь негласной категорией обычного права. Инициатива Огарева поэтому не распространялась на колонии Новороссии и Закавказья, где местные власти и общинны, хотя и перешли от минората к майорату, продолжали придерживаться неделимости хозяйств и единонаследия. Дело было,

по-видимому, также и в том, что первыми новоселами в Новороссии (с 1789 г.) являлись сектанты-меннониты, выходцы из Западной Пруссии (из района Данцига), предки которых, в свою очередь, выехали в конце XVI — начале XVII в. из Голландии и Фрисландии¹⁶. В те времена там господствовало крестьянское единонаследие, были значительно развиты товарно-денежные отношения, и не было речи о передельной общине. Кроме того, колонисты Новороссии, получившие наделы по 60—65 дес. (а не по 30—35, как в Поволжье), изначально более состоятельные и независимые, не так легко, видимо, поддавались попыткам «попечителей» ввести у них общинные порядки.

Вот так в привилегированной немецкой деревне в России к началу XIX в. образовалось два типа землепользования: передельная община русского типа («мир», как ее называют немецкие авторы¹⁷) и община фактических собственников, отрубников — в Новороссии, в Бессарабии (с 1814 г.) и в Закавказье, куда в 1817 г. переселилась часть германских иммигрантов¹⁸. При этом передельная община в Поволжье фактически существовала без правительенного законодательного подтверждения.

Весьма серьезными были последствия такого двойственного положения. С одной стороны, существование передельной общины у немцев Поволжья привело при постоянном росте населения к обычным и для русской общины явлениям — чересполосице, дальноземелью, уменьшению душевых наделов, к упадку агротехники и т. п.¹⁹ Во второй половине XIX в. дело дошло уже до того, что значительная часть привилегированных колонистов не могла существовать одним сельскохозяйственным трудом и занялась ремеслом, ткачеством на кабальных условиях. В колониях Поволжья, отмечали современники в середине XIX в., экономика приходила в упадок, капитализм развивался медленно²⁰.

С другой стороны, экономика колоний Новороссии и Юга в целом (включая Бессарабию и Закавказье) развивалась весьма успешно: на крупных неделимых наделах и в окружавшей их степи колонисты сначала разводили крупный рогатый скот, потом овец, а с 30-х гг. XIX в. перешли к возделыванию пшеницы, сбыт которой давал им до 1000 руб. ежегодного чистого дохода на каждое 60-десятинное хозяйство²¹, еще больший доход был связан с закавказским виноделием.

Однако то же единонаследие вызвало и сложную проблему обеспечения и трудоустройства крестьянских сыновей, которым не доставалось в наследство «полных» наделов в 60—65 дес. Число этих «безземельных» быстро росло, предназначенные для новых семей запасные наделы ($\frac{1}{6}$ от площади первоначальной общинной земли) были быстро исчерпаны. Правительство уже в середине века отказалось выделять дополнительные земли для расселения потомков первых новоселов. Так, в 1853 г. молодые колонисты с. Красное в Бессарабии безуспешно просили о выделении им казенной земли, уже тогда десятки молодых семей не могли основать хозяйства в родной деревне²². Немецкая деревня Юга раскололась на группу владельцев неделимых «полных» хозяйств, сельскую верхушку, и на безземельное большинство. Молодым беднякам община предоставляла «ремесленный» надел в 12 дес. или только усадьбу, хотя при экспенсивном земледелии (перелог) такой участок не обеспечивал существования крестьянской семьи. Эти жители должны были заниматься ремеслом или, как это и было в большинстве случаев, батрачить у своих более удачливых собратьев, составляя в то же время от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ населения деревни²³.

Естественное недовольство безземельных было направлено против общины, т. е. фактически против прослойки «полных хозяев». Юридически и безземельные считались колонистами, но фактически они были устранныы от власти в общине, не имели даже права голоса на сельских сходах, главную привилегию колониста — большой надел — они теряли уже при рождении. Такие противоречия разрушали деревенское «общество», способствуя в то же время накоплению капитала и развитию капитализма.

Однако юридически 60—65-десятинные наделы южных «полных» хозяев (и меньшие по размерам винодельческие хозяйства в Закавказье) не являлись частной собственностью: колонист не мог их разделить, продать свой участок постороннему (не члену своей общины), заложить, не мог на нем сооружать постройки или создавать предприятия по своему усмотрению (постройки сооружались с разрешения администрации и по утвержденным проектам, созданным специально для привилегированных деревень²⁴), не мог бросить свой участок и уйти в город, заняться торговлей или другим предпринимательством.

Эти ограничения, сдерживавшие развитие капитализма в немецкой деревне в России, были отменены только в 1871 г. в ходе крестьянских реформ²⁵, обеспечивавших свободу выхода из общины, раздела и продажи своего участка, рост цен на землю. Ликвидация же крепостничества в России в целом вызвала наплыв в немецкую деревню Юга массы русских и украинских наемных рабочих. Закончилась былая изоляция колонистов, появилась теоретическая возможность растворения срав-

нительно немногочисленного немецкого фермерства в массе отечественного пореформенного крестьянства, которое шло также по пути капитализма и выдвигало своих «серых баронов». Ликвидация отдельной системы управления колониями и перевод делопроизводства в немецких волостях на русский язык в 1871 г. были, несомненно, предприняты бывшими крепостниками для усиления эксплуатации немецкого крестьянства со стороны самодержавного государства и класса помещиков в целом, создалась угроза постепенной ассимиляции колонистов, хотя и в отдаленном будущем.

В связи с последствиями реформы 1871 г. и возник вопрос о характере и юридических правах общины и отдельного колониста, который, начиная с указанного времени назывался официально уже «поселянин-собственник» (в отличие от русского или поволжского общинника). Но права этого собственника, как утверждала часть авторов (дискуссия об этом оживленно велась на страницах немецкой печати²⁶), были ограничены общиной. Прежде всего, он не мог продать неколонисту свой участок и двор, нарушить, таким образом, сословную неоднородность и национальную замкнутость немецкой деревни. Вот как один из участников дискуссии излагал аргументы за и против общинного порядка, существовавшего на Юге без передельной общины: при предоставлении полной собственности и права продажи своей земли, т. е. так называемой «парцелляции» общины, пишет он, «могно ожидать продажи участков с аукциона. Преимущественное право общины покупать их может оказаться дорогим удовольствием, появятся дутые цены во вред общине. Что будет со школой, если покупателями окажутся евреи или русские? Это будет уже денационализация? Предоставит ли парцелляция шанс для совершенствования агротехники?...» Далее автор пишет, что под влиянием общинных порядков (принудительного севооборота) «в последние 10—15 лет масса хозяев ведет курс на посев *пшеницы, много пшеницы, очень много и еще больше пшеницы* — в результате поверхностной обработки мы получаем *сорняки, много сорняков, очень много сорняков...* С переходом на полную собственность по меньшей мере часть хозяев вернется к разумной агротехнике»²⁷. В итоге автор, несмотря на высказанные вначале опасения, защищал переход на полную собственность (парцеллирование); очевидно, хозяйствственные соображения были для него важнее сохранения немецкой общины.

Особенно настаивали на поддержании общины и на национальной замкнутости церковники и сектанты: они опасались появления в немецкой деревне православной прослойки, которая могла бы, по их представлениям, пользуясь поддержкой правительства и православного духовенства, вытеснить традиционные вероисповедания из церкви, а немецкий язык — из школы колонистов. Не в последнюю очередь именно такой политикой правительства и введением русского языка в административное управление была вызвана реэмиграция немецких колонистов из России в 80-е гг. XIX в.²⁸ За указанными выступлениями религиозных деятелей (часть из них сами были собственниками земли) против частной собственности и в защиту существующего порядка скрывался, однако, еще один вопрос: если собственность общинная, то община может однажды сама решить ее судьбу и переделить землю, т. е. превратиться из общины фактических собственников в передельную общину, при резком уменьшении наделов. Прецедент был: в 1871 г. болгарские колонисты Юга России перешли на подушный передел. В 1874 г. сделали такую попытку и немецкие колонисты из Шенвize (под Александровском; позднее этот торгово-промышленный поселок вошел в состав города). Там было в то время 39 хозяев и 111 безземельных колонистов; последние и подняли, естественно, вопрос о переделе, но успеха не добились²⁹. В период революции 1905 г. требования бедноты снова встали в порядок дня — колонистская сельская буржуазия дрожала за свои 60-десятинные наделы и за «благоприобретенные» купчие земли³⁰. Но снова все «обошлось»: земельная реформа в немецкой деревне на Украине была проведена много лет спустя, уже после гражданской войны в СССР.

Таким образом, все опасения участников дискуссии не оправдались — немецкая деревня в Южной России продолжала существовать в прежнем виде, не подвергаясь вторжению разбогатевших в ходе развития капитализма русских или украинских кулаков или городского капитала. Наоборот, в пореформенный период немецкое фермерство укрепило свое положение, еще более распространялась скупка колонистами земель разорявшихся русских помещиков, которые, в свою очередь, развернули бешенную кампанию в печати и в государственных органах против «нашествия» колонистов, причем эта кампания велась под крепостническими и шовинистическими лозунгами³¹.

Аналогичные процессы капиталистического развития и расслоения крестьянства проходили и в Закавказье, с той только оговоркой, что скупка земель здесь часто заменялась скупкой винограда, а создание на купленной земле «пшеничных фабрик» с наемными рабочими заменилось созданием новых виноградников с постройкой дорогостоящих оросительных систем при одновременном упадке обделенных при наследовании хозяйств собратьев-колонистов³².

Таким образом, немецкая деревня в России была по своему облику и устройству весьма различ-

ной: если в Поволжье среди колонистов господствовала живая передельная община, даже более ярко выраженная, чем у русского крестьянства³³, то в Новороссии и Закавказье (а также в «дочерних колониях» Северного Кавказа, Дона, Башкирии, Южного Урала и Сибири) не было и речи ни о каких переделах, господствовало фактически частное землепользование при юридической общинной собственности и сохранении влияния общины на сельское хозяйство и быт (принудительный севооборот, нормирование выпаса и т. п.).

Следовательно, в немецкой деревне был проведен в своеобразных исторических и социальных условиях (пришлое привилегированное крестьянство) как бы экономический и социальный эксперимент: что успешнее, что скорее приводит крестьянство к благосостоянию — передельная община или неделимость хозяйств при единонаследии? Вопрос решился однозначно в пользу неделимости и развития капиталистического фермерства на основе 60-десятинных наделов, скупки помещичьих земель и обездоливания части населения, оставшейся за пределами узкой группы «полных хозяев», — арендаторов, батраков и использующих их, т. е. сельских пролетариев³⁴.

Перед лицом таких явлений и живого интереса общественности России к проблеме общины в целом удивляет то, что немецкая деревня и ее община, в частности на протяжении всего XIX в., не стали предметом изучения для русских историков, социологов и публицистов. Более того, еще в XX в. некоторые реакционные авторы никак не хотели понять, как и за счет чего идет первоначальное накопление в немецкой деревне, почему немецкий колонист (за исключением Поволжья) приобретает дорогой современный сельскохозяйственный инвентарь, скупает помещичьи земли, строит мельницы и фабрики сельскохозяйственных машин, в то время как его сосед, русский или украинский крестьянин пореформенного периода, едва сводит концы с концами, страдает от голода и недоимок, о которых и не слышала немецкая деревня. Ссылались на привилегии колонистов как на источник их богатства, но привилегии существовали только до 1871 г. (в частности, свобода от воинской повинности), да и они не привели колонистов Поволжья к искомому благосостоянию. Следовательно, причины не в привилегиях и не в мнимой «иностранный помощи», даже не в сравнительно высокой сельскохозяйственной культуре и общей грамотности колонистов — секрет заключался в товарном, фермерском хозяйстве, которое могло развиваться только там, где не было передельной общины, связывавшей крестьянина по рукам и ногам, только там, где господствовала (хотя бы только фактически) частная собственность.

Понятно, что такого рода оценка роли общины была неприемлема для русских народников и революционных демократов (хотя бы в начале их деятельности), поскольку они придавали большое значение общине и предвещали ей социалистическое будущее. Не случайна поэтому ошибка Н. Г. Чернышевского, который неправильно истолковал в пользу общины известную работу А. Гакстауэна. Немецкие колонисты в Саратовской губернии, писал в рецензии Чернышевский, ввели у себя общинное владение, и «этот обычай восстановил в немецких колониях цветущее благосостояние»³⁵. Далее Чернышевский констатировал, что «тот же обычай с теми же счастливыми результатами был принят меннонистами в Новороссийском крае»³⁶. (Данные утверждения не соответствовали действительности, в особенности середины XIX в.)

А. Гакстаузен, посетивший Саратовскую губернию, и меннонитские колонии Юга на р. Молочной, сообщал следующее: «Земледелие у меннонитских колонистов... земля, купленная отдельными колонистами частным образом, остается в совершенно полном распоряжении у этих отдельных лиц... Напротив того, отведенная правительством земля в количестве 65 десятин на двор... находится в общем распоряжении (курсив наш.—Л. М.) и подлежит общинному порядку»³⁷. Далее Гакстаузен писал о распределении культур, о частных пастищах (как это согласуется с «общенным распоряжением» землями — уже несколько странно.—Л. М.) и, наконец, об общем пастище всей деревни, об искусственных лугах и т. п. агрономических улучшениях. Гакстаузен, однако, нигде не сообщал о переделах у меннонитов или о передельной общине. Тем не менее Чернышевский все же сделал вывод: «Гакстаузен... единственный случай серьезного улучшения хозяйства в России встретил в поселениях, пользующихся землями по принципу общемого владения»³⁸.

Так что же имеется в виду — совместное владение, общинная собственность, передельная община или лишь принудительный севооборот при фактически частном пользовании постоянными наделами, без переделов? Ведь сказано же у А. Гакстаузена как раз о меннонитах: «самый раздел... противоречит их нравам и обычаям»³⁹. Итак, что же было — «распоряжение» или «владение»? Проверим это спорное место по позднейшему русскому переводу. Оно гласит: «... земля, данная казной в количестве 65 десятин... не подлежит произволу частных лиц, а тесно связана с землею остальных членов общины и с заведенным во всей общине родом полевого хозяйства»⁴⁰ (курсив наш.—Л. М.).

Мы видим здесь, что переводчик Л. И. Рагозин толкует это место у А. Гакстгаузена (действительно, несколько неясное) иначе, понимает его не как собственность, а как принудительный севооборот и не более того. Если же мы обратимся к оригиналу Гакстгаузена, которым пользовался Н. Г. Чернышевский, то там мы прочитаем: «Die von der Krone jedem Gehöfte beigelegten 65 Dess... stehen dagegen im festen Gemeindeverbande und darauf gegründeten Feldbauverhältnissen»⁴¹. Подчеркнутое нами последнее слово и указывает как раз на то, что Гакстгаузен имеет в виду агрономическую сторону хозяйства, а не вопрос о характере землепользования, как понял Чернышевский.

Так в чем же дело? Только в переводе? Очевидно, нет. Н. Г. Чернышевский, саратовский житель (жил там в 1828—1845 и в 1851—1853 гг.) хорошо знал, что немецкие колонисты Поволжья еще в XVIII в. усвоили русские общинные порядки. Поэтому он со спокойной совестью воспринял похвалы А. Гакстгаузена как относящиеся к колонистам вообще (меннонитов тогда на Волге еще не было) и его слова об «общинном распоряжении» как относящиеся к передельной общине, а не к принудительному севообороту, который возможен и практиковался без переделов. Не зная подлинного положения на Юге, Чернышевский не мог предположить, что посещенные там Гакстгаузеном южные колонисты (меннониты) вовсе не были общинниками, а являлись, как мы это видели выше, постоянными пользователями своей земли.

Это недоразумение было, несомненно, вызвано тем, что наука и публицистика того времени совершенно не занимались жизнью немецких колонистов. Первая работа, из которой Н. Г. Чернышевский мог бы перерпнуть нужные сведения о колонистах Юга, работа А. Клауса, вышла в 1869 г.⁴², когда великий революционный демократ уже был (с 1864 г.) в сибирской ссылке.

Вопрос об общине в немецкой деревне так и оставался бы совершенно не исследованным, если бы некоторый интерес к нему не возник в начале XX в. в связи со столыпинской реформой, которая поставила в порядок дня «переход на собственность» в деревне. Однако самих колонистов реформа интересовала не в аспекте сохранения или разрушения общины (на Юге она уже исчезала под на-тиском капиталистических отношений), а лишь в аспекте разрешения внутренних противоречий немецкой деревни, возникших в результате роста аграрного перенаселения, обострения классовых антагонизмов и необходимости переселения на Восток для разрешения внутренних противоречий второго порядка — между богатыми фермерами и бедняками-бездемельными, полупролетариями и пролетариями. Вопрос о том, переходить на отруба или хутора, на «собственность» здесь не стоял, ибо постоянные участки, отруба и хутора уже давно были фактически единственной формой землепользования среди «поселян-собственников».

Совсем иной была ситуация в 1906—1910 гг. в Поволжье. Здесь крестьянин-общинник долго колебался, выходить ему из общинны или нет, а потом стал массами переходить «на собственность», выделять, а часто и продавать свои надельные земли. Изучению этого процесса в одной из немецких деревень Поволжья была посвящена специальная работа М. Преториуса⁴³. Автор ее, отметив и колебания крестьян, и полный переход всей деревни «на собственность» к 1910 г., к сожалению, не смог изучить этот процесс в динамике, раскрыть конечный результат реформы; вопрос о дальнейшем расслоении также еще был неясен. Для разных районов Поволжья степень перехода крестьян-колонистов «на собственность» была, как указывает Д. Шмидт⁴⁴, различной — от 27 до 95%, но известны также факты о том, что после свержения царизма немцы-общинники Поволжья так же, как и их русские собратья, потребовали возврата к передельной общине. «Долой межевые столбы!» — под этим лозунгом колонисты Поволжья в 1917 г. требовали ликвидации отрубов, возврата «укрепленной» земли, скupленной местной буржуазией после 1906 г. Таким образом, в Поволжье после революции община пережила временное возрождение — во вред или на пользу экономике, решать не здесь. У нас нет также возможности коснуться в рамках этой статьи проблемы периодизации, характера и масштабов переселенческого движения из немецкой деревни на Восток — эти вопросы нами рассмотрены в другой работе⁴⁵. Отметим также, что тема итогов столыпинской реформы в немецкой деревне Поволжья, бегло затронутая Шмидтом и изучавшаяся Преториусом только на частном примере одной деревни, все еще ждет своего исследователя. В обследованных нами немецких поселениях Западной Сибири передельной общины не было, более того, часть колонистов (меннониты), наделенных там государственной землей по душевой норме, добилась к 1914 г. передела и образования «семейных участков», т. е. перехода снова на порядки, существовавшие в немецких колониях Юга⁴⁶.

Мы, таким образом, обрисовали в основных чертах судьбы крестьянской общины в немецкой деревне в России, выделив ее главные региональные особенности, которые безусловно необходимо учитывать как при изучении немецкой деревни в дореволюционное время и в последующий период, так и при изучении вопроса о развитии общины в России в целом, особенно в теоретическом плане.

Примечания

¹ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 241, 243, 280, 281, 284.

² Герцен А. И. Россия (1849) // О социализме. Избранное. М., 1974. С. 226.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 543.

⁴ «Задача общины, имевшей весьма еще недавно горячих сторонников среди высшей бюрократии и помещиков, окончательно сменилась ярой враждой к общине» (Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 350).

⁵ Так, против общинного землепользования выступали в записке 1861 г. П. А. Валуев (Исторический архив, 1961. № 1. С. 80), А. П. Столыпин (дядя будущего председателя Совета министров); такие высказывания имеются и в записках чиновников, ревизовавших колонии немцев Поволжья, например, статского советника Шлыкова // ЦГИА СССР. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1119. Л. 26—27 (1835 г.).

⁶ Odessaer Zeitung. № 248. 4.X.1887. Приложение.

⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 128.

⁸ См.: Кутский К. Аграрный вопрос. Ч. 1. СПб., 1906. С. 268; см. также: Grubbe A. W. Geographische Charakterbilder in abgerundeten Gemälden aus der Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1860. S. 27.

⁹ См.: Kuczynski J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes // Studien 2. 1650—1810. Berlin, 1981. S. 67, 79, 143.

¹⁰ Dietz J. Geschichte der wolgadeutschen Kolonisten. Рукопись в филиале Саратовского обл. гос. архива в г. Энгельсе. С. 36.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2. Т. XVI. № 12095. С. 652.

¹² Так, например, в 1848 г. разразился конфликт между инспектором Коссовским и колонистами с. Новый Арциз (Бессарабия). Чиновник распорядился высечь женщин за небрежную уборку деревни, а затем в связи с всеобщим возмущением жителей вынужден был бежать // Одесский обл. гос. архив (далее — ООГА). Ф. 1. Оп. 169. Д. 13. Л. 4—6. Кацдали и колодки входили в постоянный инвентарь надзирающего за колонистами местного аппарата (Вегатz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga. Saratow, 1915. S. 107, 114).

¹³ ЦГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 158. Л. 31—34, 53—54, 56.

¹⁴ ЦГИА СССР. Ф. 383. Оп. 29. Д. 436. Л. 366—370.

¹⁵ Д. Шмидт указывает также на фискальные соображения при введении Огаревым подушных наделов: взыскание казенных долгов производилось подушно. Автор установил также с точностью до года дату введения общинного владения у колонистов Поволжья // Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil 1. Pokrowsk, 1930. S. 60—65.

¹⁶ Их происхождение, а также характеристика их языка до сих пор вызывают споры в литературе; мы в данном случае опираемся на материалы голландских архивов, приведенные в работе: Postma J. S. Das niederländische Erbe der preussisch-russländischen Mennoniten in Europa und Amerika. Leeuwarden, 1959. См. также: Ипатов А. Н. Меннониты. М., 1978. С. 11, 14.

¹⁷ Напр.: Schmidt D. Op. cit. S. 211, 232.

¹⁸ См., напр.: Schrenk A. F. Geschichte der deutschen Colonien in Transkaukasien. Tiflis, 1869; Hoffmann P. Die deutschen Colonien in Transkaukasien. Berlin, 1905. S. 292 и др.

¹⁹ Schmidt D. Op. cit. S. 234.

²⁰ Ibid. S. 231. См. также отчет о ревизии Шлыкова // ЦГИА СССР. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1119. Л. 13.

²¹ В. Е. Постников определяет доход колониста в 60-десятинном хозяйстве в 1900 руб. в год, чистый доход — в 1000 руб. (Постников В. Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. М., 1891. С. 269—270).

²² ООГА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 15387. Л. 2—3.

²³ Имеются данные о численности безземельных на 1841 г. В среднем их оказалось 26,2%, а у меннонитов Таврической и Екатеринославской губ. — 56,7 и 45%. (Велицын А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний. СПб., 1893. С. 125).

²⁴ Проекты и указания по строительству новых поселений см., напр.: ООГА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 14914. Л. 7, 11, 13 (1852 г.).

²⁵ Указ Александра II от 4 июня 1871 г. (ПСЗ. Т. XLVI. Отд. 1. № 49705).

²⁶ Особенно активно велась эта дискуссия в 1879—1892 гг., когда многие колонисты в связи с эмиграцией в Канаду и США продавали свои участки. В 1871 г. С. Клюйт, один из участников дискуссии, специально ездил в Петербург для выяснения спорных вопросов.

²⁷ Odessaer Zeitung. № 22. 28.I.1882.

²⁸ Имеются данные о том, что только из Екатеринославской губ. в 1874—1880 гг. эмигрировало 580 семей, или 3240 чел.; всего эмигрантов было около 30 тыс. (См.: Rep D. H. Die Chortitzer Mennoniten... Odessa. 1889. S. 183).

²⁹ ЦГИА СССР. Ф. 385. Оп. 8. Д. 5668. Л. 5.

³⁰ См., напр., выступления в печати представителей колонистов Юга в I Государственной думе — Видмера и Мюнха (тогда октябрьсты, позднее — мирнообновленцы). (Odessaer Zeitung. № 114. 20.V.1906).

³¹ Аргументацию крепостников и шовинистов см.: Велицын А. Указ. соч.

³² Известен баланс хозяйства закавказского колониста — 82,5% доходов от виноделия, 1382 руб. чистого годового дохода (Schweitz H. Helenendorf. Eine deutsche Kolonie im Kaukasus. Berlin, 1910. S. 54). В то же время «дети мелких хозяев или должны были стать наемными рабочими или же эмигрировать» (Hoffmann P. Op. cit. S. 85).

³³ Так, в Новоузенском уезде из 63 немецких общин не было ни одной, где не было бы передела в 1890—1908 гг. (Новоузенский уезд в естественноисторическом отношении). Новоузенск, 1912. С. 204—206.

³⁴ Odessaer Zeitung. № 61. 16.III.1885.

³⁵ Ч е р н и ш е в с к и й Н. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1948. С. 334.

³⁶ Там же.

³⁷ Цит.: там же. С. 335.

³⁸ Там же. С. 336.

³⁹ Г а к с т г а у з е н А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. С. 469.

⁴⁰ Там же. С. 481.

⁴¹ H a x t h a u s e n A. V. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Erster Teil. Hannover, 1847; Zweiter Teil. Berlin, 1852. Cap. XX. S. 190.

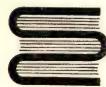
⁴² См.: К л а у с А. Наши колонии. СПб., 1869.

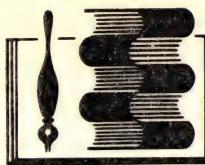
⁴³ См.: P r a e t o r i u s M. Galka, eine deutsche Ansiedlung an der Wolga. Weida in Thüringen, 1912.

⁴⁴ S c h m i d t D. Op. cit. S. 356.

⁴⁵ См.: М а л и н о в с к и й Л. В. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX — начала XX в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. № 1. Вып. 1. Новосибирск, 1980. С. 98—104.

⁴⁶ См.: R e m p e l J. Zur Geschichte der deutschen Siedlungen in Sibirien. Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender. М., 1924. S. 189.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. МИХЕЕВ. РЕШАЮЩАЯ СИЛА ПЕРЕСТРОЙКИ. Возрастание активности советского рабочего класса в ускорении социально-экономического развития страны. М.: Мысль. 1988. 252 с. Тир. 22 000

Обострение кризисных явлений в СССР сделало очевидной необходимость еще более энергичного реформирования экономики и других сторон жизни, решительно поставило перед политикой и теорией вопросы об общественных силах, движущих перестройку и, наоборот, тормозящих ее. Решить их нашим общественным наукам, в том числе и истории советского общества, переживающим нелегкие времена, оказывается чрезвычайно трудно. Рецензуемая книга претендует на то, чтобы приблизиться к научным ответам хотя бы на часть острых проблем.

Новые подходы, к которым стремится автор, натыкаются на старые пороги; такую роль играют «руководящие» документы, оценки которых в большинстве своем воспринимаются как истина в последней инстанции. Решающая сила перестройки — рабочий класс. Возрастание его активности — знамение времени (с. 5). Силы торможения выносятся преимущественно за пределы этого класса, хотя иногда и признается, что люди, которые выступали за улучшение дела, ничего не меняя, были и среди рабочих (с. 19, 29). Принципиальные методологические вопросы развития классовой структуры советского общества, его тенденций, определение реального потенциала современного рабочего класса решаются в книге преимущественно с романтических позиций, проникнутых почтительно-восторженным преклонением перед «его величеством». Что ж, еще недавно подобные позиции и методы работы — естественное состояние и историков, и обществоведов вообще (в том числе и самого рецензента). И обвинять автора в том, что он, создавая книгу несколько лет назад, думал как большинство, которое даже в науке всегда право, едва ли правомерно.

И все-таки ряда острых вопросов, пред-

ставленных о рабочих в его традиционном понимании монография касается. И в этом прежде всего состоит ее научное значение. Автор высказывается против идеализации реального положения, стремится в ряде сюжетов вскрыть противоречия в развитии рабочего класса, обозначить «белые пятна» в разработке его истории. Внимание читателя привлекается к таким явлениям, как потеря чувства ответственности, недисциплинированность, пьянство, хищения социалистической собственности (с. 13). Надо сказать, что наука даже в пору глухих сумерек застоя не проходила мимо подобных фактов. Теперь от так называемых «отдельных случаев» (разумеется, нетипичных), как мы их квалифицировали вчера, автор идет к признанию явлений. Полагаем, однако, что в действительности мы имеем дело не с частными явлениями, а с элементами деклассирования, постепенно перерастающими в опасный процесс. В процесс, составляющий квинтэссенцию социальных противоречий, кризиса, в котором оказалось общество. Особенность деклассирования рабочих в отличие от первых лет Советской власти в том, что деструктивные процессы порождены преимущественно не внешними факторами (интервенцией, гражданской войной и связанной с ними разрухой), а ненормальным функционированием общественной собственности, достигшим крайних пределов, фактическим отделением производителей от средств производства, от результатов своего труда, от власти, нарушением эквивалентного обмена между отраслями, принципа распределения по труду и т. д. Автор, как и другие исследователи, на наш взгляд, недооценил глубину и масштабы отрицательных явлений в рабочем классе. И это сказалось на общей концепции исследования.

В. А. Михеев разъясняет свое понимание социальной активности как преобразующей, революционной деятельности, направленной на удовлетворение государственных, общих, личных интересов и потребностей, имеющих общественно значимые цели (с. 13); он вводит понятие и регressiveвой социальной активности, которая подразумевает антиобщественную деятельность, связанную с эгоистическими интересами отдельных групп, противостоящих обществу (с. 14). Такой подход к классификации разумен, отражает реалии истории и современности. Однако влияние регressiveвой активности по мере развития кризисных явлений нарастало. Их дестабилизирующее воздействие не только на общество, но и на класс становилось все серьезнее.

Читатель знакомится с обширным фактическим материалом, который в своем большинстве впервые научно систематизирован и проанализирован. Широко используется информация, содержащаяся в периодической печати, статистических публикациях; большое внимание уделяется результатам социологических обследований. Следовало бы подробнее рассказать о работе с такими источниками, как газета «Труд», журналы «Вестник социалистического соревнования», «Изобретатель и rationalизатор», а также «Сборник постановлений ВЦСПС».

В конкретно-исторических разделах монографии рассматриваются факты развития социальной активности рабочих, новые формы организации и становления их труда, их роль в демократизации общественно-политической жизни. Среди важнейших факторов, способствующих развитию социальной активности, особое внимание уделяется перестройке в промышленности, научно-техническому прогрессу, позитивным изменениям в структуре класса. Краеугольные положения выражены в следующих тезисах автора. Уже первые шаги экономической реформы, связанные с решениями июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, принятием Закона о государственном предприятии (объединении), развили и закрепили линию партии на активное включение рабочего человека в экономические и производственные процессы (с. 28, 34, 35). Научно-технический прогресс, изменяющий содержание и характер труда, поднимающий материальное благосостояние, ликвидирующий социально-экономическое неравенство, в условиях социализма как бы автоматически трансформиру-

ется в активность, а последняя играет роль мощного ускорителя революционных преобразований в технике и технологии (с. 45—51). Наконец, устойчивые тенденции изменений в социально-профессиональной структуре (рост квалифицированных групп, появление и расширение слоя рабочих-интеллигентов, формирование нового типа рабочего, расширение кругозора и т. д., и т. п.— с. 99, 70—73) составляют прочный фундамент дальнейшего нарастания социальной энергии, инициативы ведущего класса советского общества в период перестройки.

Подобные утвержденияочно закрепились в нашем обществознании, но проверку временем и историей они во многом не выдержали. Прежде всего требует серьезнейших корректировок подход к анализу крупнейших государственных и партийных актов как к последовательным шагам, обеспечивавшим решение назревших задач (в том числе и в развитии творческой активности рабочих). Нельзя не видеть, что попытки введения действительного хозяйственного расчета, расширения самостоятельности предприятий и коллективов, предпринимаемые вне серьезных изменений в отношениях общественной собственности, радикальных перемен в организации и структуре управления, решительного демонтажа административно-командной системы, оказались малоэффективными не только экономически, но и социально. Поддержаные большинством рабочих, к решительным сдвигам они все-таки не привели. Пропагандистский подход, комплементарный путь — давно проторенная дорожка — оказываются не совместимыми с трезвым научным подходом.

Нельзя признать соответствующей жизненным реалиям и концепцию автоматической трансформации при социализме технического прогресса, повышения профессиональной, общеобразовательной подготовки в общественную активность рабочих. Здесь сказывается одно из серьезнейших заблуждений, которое сначала проникло в конкретные исследования по социологии, а потом перекочевало в исторические работы. Действительно, ряд обследований, проведенных в 70—80-е гг., выявил связь между содржанием труда, образованием, с одной стороны, и активностью — с другой. Но опровергнутая связь всегда сложнее непосредственной, а ее действие зависит от многих условий. Игнорировать это нельзя. Так, в 60-е гг. в Ленинграде было проведено об-

следование клиентов вытрезвителей, которое показало, что доля образованных групп в составе малопочтенной категории наших сограждан заметно ниже, а рост образования коррелирует с потреблением алкоголя. Вывод делался однозначный: переход к всеобщему среднему образованию позволит преодолеть страшную социальную болезнь — алкоголизм. Явления в данном случае разные, а характер научной ошибки один — игнорирование совокупности связей, схематизм, искажающий реальные взаимодействия. Содержание труда, образование трансформируются в активность при наличии многих и многих условий. В обстановке, когда части из этих условий недоставало, развитие активности рабочих шло противоречиво, неоднозначно в различных группах, а порою и снижалось. Увеличение же числа производственников с высшим и средним специальным образованием, нередко занятых неквалифицированным трудом, вело к растрате интеллектуальных ресурсов, «отрицательной активности», нравственному падению.

По мнению же автора, рост трудовой активности рабочего класса в условиях совершенствования социализма является непреложным законом общественного развития (с. 74). Подобные установки, вбитые в сознание исследователей, как нам представляется, лишь затрудняют проникновение в суть большого и несомненно интересного материала, содержащегося в монографии. Это и скрупулезное описание бригадных форм, элементов хозяйственного расчета, и развитие самоуправленческих начал в трудовых коллективах, и деятельность рабочих по упрочению дисциплины в начале 80-х гг. и в особенности после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК партии. Хотелось бы особенно подчеркнуть, что автор не проходит мимо негативных сторон, вскрывает элементы торможения (погоня за цифрами «охвата», формализм, сопротивление администрации, несовместимость командной системы с проявлением самодеятельности, творчества — с. 82—99, 157 и др.). И отсюда — самая настоящая профанация экономической реформы (с. 8, 9, 87, 94). Нельзя не согласиться и с выводом о важнейшем источнике застоя — формировании общественных интересов, связанных с так называемой «ничейной собственностью». Но упомянутые выше идеологические трафареты мешают довести до конца анализ. «Ничейная собственность» и порождаемые ею интересы сближали рабо-

чего, крестьянина, интеллигента. Но этот процесс лишь внешне напоминал сближение классов, становление бесклассовой структуры. На самом деле он разрушал социальные общности, подрывал заинтересованность участников производства, служил экономической базой явлений деклассирования.

Тогда же, когда автору удается прорваться за пределы установленных канонов, наблюдения, выводы приобретают не только весомость, но и серьезный практический интерес. Подчеркивая, например, что рабочие составляют более половины выполняющих общественные поручения, В. А. Михеев констатирует: общественную работу преимущественно ведут производственники старших возрастов, имеющие большой стаж. Причем средний возраст общественников систематически повышается (с. 173). Девальвируются такие ценности, как идейная убежденность, трудовой энтузиазм, патриотизм. Нажива, отмечается в книге, для части рабочих становится основным мотивом жизнедеятельности (с. 174). Корни же трудностей не в природе социализма, а в использовании не всех его возможностей (с. 175). С таким подходом невозможно не согласиться.

Ряд страниц книги посвящен роли рабочих в углублении демократии. Опираясь фактами как позитивного, так и негативного характера, автор законно ставит вопрос, почему возросшая гражданственность недостаточно проявляется в практических делах? Ответ таков: вероятно, потому, что позитивные изменения в сознании вызваны главным образом общим политическим подъемом в стране, породившим большие надежды и ожидания, и недостаточной нацеленностью на осуществление кардинальных изменений в экономической и социальной сферах (с. 174).

Достоинством монографии является и то, что в ней внимательно анализируются ростки нового в работе Советов, профсоюзов (с. 192, 193, 210), в частности, место последних в изживании технократических тенденций, усиления социальной направленности хозяйственных решений (с. 212). Общий же подход к оценке роли Советов, профсоюзов все-таки не колеблет установленных стереотипов. Астина требует того.

Оценивая монографию в целом, следует подчеркнуть, что стремительные темпы развития общественной мысли в наши дни резко опережают по-прежнему неспешный изда-

тельский процесс. И это накладывает отпечаток на всю научную продукцию, укрепляет позиции тех, кто призывает подождать, не торопиться с публикациями. Но наука, интересы дела ждать не могут. И для нас предпочтительнее смелость и мужество прорывающихся к истине с помятыми боками, с трудом, но освобождающихся от привыч-

ных штампов и не спешащих выбросить за борт все и вся. Не соглашаясь во многом с автором, мы одобляем книгу. В своей области она четко очертила круг спорных проблем, выявила необходимость иных подходов, сделала шаг на пути изживания иллюзий о недавнем прошлом и настоящем.

А. З. Ваксер

В. Р. КОПЫЛОВ. ОКТЯБРЬ В МОСКВЕ И ИНОСТРАННЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ. М.: Наука. 1988. Тир. 1400

Эта книга — итог многолетней исследовательской работы автора и по существу первое обобщающее исследование истории всестороннего сотрудничества иностранных интернационалистов с рабочими и солдатскими массами Москвы и Подмосковья в ходе подготовки победы Советской власти в «сердце России» — Москве, ставшей столицей первого рабоче-крестьянского социалистического государства.

Структура работы, на наш взгляд, удачна. Книга открывается обстоятельным введением, за которым следует пять глав: «Зарубежные трудящиеся в Москве в период борьбы за свержение царского самодержавия», «Зарубежные интернационалисты в борьбе за победу Октябрьской революции в Москве», «Солидарность зарубежных интернационалистов с трудящимися Москвы в период триумфального шествия Советской власти», «Интернациональная солидарность трудящихся в период упрочения Советской власти», «Участие зарубежных интернационалистов в защите социалистического Отечества».

Автор вводит в научный оборот значительное число архивных документов (находившихся ранее на закрытом хранении). Он восстанавливает историческую правду о большом отряде замечательных иностранных интернационалистов-коммунистов, безвинно репрессированных в 30—40-е гг. Биографические сведения о многих из них приводятся впервые (см., напр., с. 27—28, 47—48, 105, 141, 215 и др.). В монографии содержатся цифровые данные о составе иностранцев-иммигрантов, беженцев, военнопленных. Приводится интересный фактический материал, связанный с участием польских, немецких, венгерских и других иностранных интер-

националистов в борьбе за победу Советской власти, в подавлении вооруженных сил белогвардейской контрреволюции.

Автор последовательно раскрывает влияние идей В. И. Ленина, деятельности его политических единомышленников — видных московских большевиков на становление и укрепление братского союза выходцев из зарубежных стран с российскими рабочими, солдатами и крестьянами. Оценивая интернационалистское движение в Советской России с точки зрения широкой исторической перспективы, автор делает вывод, что главные черты ценнейшего революционного опыта будут и «впредь находить претворение в грядущих классовых битвах за демократию и социализм» (с. 259).

Книга не лишена недостатков. Так, автор сделал далеко не все для того, чтобы представить читателю полнокровные биографии героев повествования. Биографические сведения персонажей, помещенные в подстрочных примечаниях, не содержат такого весьма существенного элемента, как новейшие биографические данные, указания на публикации о репрессированных иностранных интернационалистиках-коммунистах. В частности, нет ссылок (с. 105) на то, что румынскому интернациональному И. Дическу-Дику (1893—1938) посвящены — биографические статьи — («Новая и новейшая история». 1961. № 3; «Вопросы истории КПСС». 1973, № 12 и др.), а в 1985 г. его сын, писатель И. Дик, выпустил книгу «Встреча с отцом».

В книге идет речь о Михаиле Кжеминском, уроженце Лодзи, члене ППС-левиццы с 1906 г. (с. 28). Следует уточнить: разговор ведется о Михаиле Васильевиче Крежеминском, который, пройдя тюрьмы и репрессии цариз-

ма, в 1917 г. возглавлял Красную гвардию крупнейшего московского завода бывш. Михельсона, позднее — завода им. Владимира Ильича. Он сыграл активную роль в Октябрьском вооруженном восстании в Москве. Об этом борце-интернационалисте тепло и достаточно полно рассказывается в книге «Имени Владимира Ильича» (М.: Московский рабочий, 1970. С. 102, 110—111 и др.).

Сделанные замечания, полагаем, подтверждают необходимость продолжать разыскания, изучение и более широкое введение в научный оборот всех видов исторических источников об интернационалистском движении в России, включая деятельность зарубежных интернационалистов в Москве.

В. А. Кондратьев

**Н. А. ТРОИЦКИЙ. 1812. ВЕЛИКИЙ ГОД РОССИИ. М.: Мысль. 1988.
350 с. Тир. 50 000**

Литература об Отечественной войне 1812 г., насчитывающая уже несколько тысяч наименований, в связи со 175-летием этого события пополнилась еще несколькими десятками книг и статей — художественных, популярных, научных. Среди этих различных по уровню и качеству работ выделяется книга Н. А. Троицкого.

Перед ученым, задумавшим создать обобщающее научное исследование по такой проблеме, встают серьезные и ответственные задачи. Необходимо прежде всего доказать правомерность очередного обращения к этой «вечной» теме отечественной науки. Такому обоснованию и служит в книге предпосланый изложению историографический обзор. Интересным представляется анализ советской историографии темы. К настоящему времени обстоятельно исследованы многие аспекты войны, но обобщающие труды последних десятилетий явно отстают от уровня частных исследований. Из анализа состояния советской историографии вытекает цель исследования: обобщить данные источников и результаты изучения всех сторон эпопеи 1812 г. на современном уровне науки, попытаться самостоятельно решить спорные вопросы, исправить или уточнить некоторые концептуальные несообразности, оценочные заблуждения и фактические ошибки, не претендуя, однако, на последнее слово по каждому конкретному вопросу (с. 12—13).

Отметим прежде всего общие принципы анализа и изложения материала, присущие всему исследованию. Уже в историографическом обзоре выявился первый из них — критическая устремленность автора, его научная смелость в развенчании дутых авторитетов и необоснованных построений. Другой важ-

ный принцип — привлечение широкого круга источников: официальных бумаг, мемуаров, дневников, писем, в том числе и иностранных, часть которых еще не использовалась. Автор впервые ввел в научный оборот ряд документов из фондов ЦГВИА СССР, РО ГПБ, РО ГБЛ и других архивов. Использованы статьи и исследования, в том числе зарубежные, по частным вопросам, многие из которых, особенно дореволюционные, забыты советскими историками. Все это придает суждениям автора аргументированность, точность в деталях, оживляет изложение. Последнее обстоятельство в существенной мере связано с использованием цитат из произведений художественной литературы — принцип, не совсем обычный для научного исследования.

Автор старательно избегает односторонности и крайности в суждениях, стремится воссоздать языком науки многогранность реальной действительности, ее диалектическую противоречивость, которая зачастую не позволяет ученыму давать однозначные ответы.

Остановимся на некоторых наиболее существенных суждениях, содержащихся в монографии. Справедливо рассматривая Отечественную войну в контексте общеевропейской истории, автор начинает изложение с краткой характеристики наполеоновских войн. Он подчеркивает их противоречивый характер: они были несправедливы с обеих сторон, но в то же время «диалектика истории такова, что действия каждой стороны в этих разбойничих войнах имели объективно и прогрессивные последствия: коалиции противоборствовали гегемонизму Наполеона, а Наполеон разрушал феодальные устои Европы» (с. 17—21). По той же логике анали-

зируются причины и характер войны 1812 г. Обвинять в развязывании войны только одну из сторон неверно. Царская Россия вовсе не была тогда лишь объектом и жертвой наполеоновской агрессии. Она тоже стремилась к европейской гегемонии, имела, в частности, агрессивные планы относительно Польши. Так что война явилась продуктом противоречий между буржуазной Францией и феодальной Россией. Именно в различии социально-экономического строя обеих стран видит автор диалектическое своеобразие войны 1812 г.: феодальной России противостояла буржуазная Франция. Правда, с того момента, как передовая Франция напала на отсталую Россию, характер войны изменился, поскольку в единоборство российского дворянства и французской буржуазии вмешалась самостоятельная сила — русский народ. Он поднялся на защиту Отечества и повел с захватчиками справедливую освободительную войну (с. 28—33).

В этих верных рассуждениях автору, пожалуй, следовало подчеркнуть, что диалектический характер войны 1812 г. историку необходимо учитывать только при анализе причин и последствий войны и различии в характере действий обеих армий. Вопрос ведь заключается в том, какие намерения в отношении отсталой России имел представитель прогрессивной Франции. Революционные войны, превратившись в наполеоновские, захватнические, не сразу, конечно, утеряли свой революционный запал. Но в русской кампании они окончательно лишились социальной «нагрузки», превратившись исключительно в средство политического давления. В этом плане показательно отношение Наполеона к двум жизненно важным российским вопросам: социальному (крепостное право) и национальному (польский вопрос). Н. А. Троицкий прав, когда пишет, что Наполеон не преследовал цель — захватить Россию и превратить русский народ в своих рабов. Он ставил перед собой задачи нанести военное поражение России и вынудить ее идти в фарватере своей внешней политики. Именно потому он не освободил русских «рабов» и не создал независимого польского государства, что хотел сохранить возможность мирного соглашения с царизмом (с. 32, 100, 219—221). При всем различии двух упомянутых замыслов, оба они играли в политике Наполеона одинаковую роль «пугала», дополнительного козыря в сугубо империалистической игре. Именно эта ограниченность целей

Наполеона в 1812 г., их политическая одномерность сделала для России войну однозначно справедливой, для Наполеона — захватнической. Диалектика сменилась односторонностью, по крайней мере на время, пока война шла в пределах России.

Рассматривая вопрос о соотношении сил, автор справедливо замечает, что «главная беда русской армии заключалась тогда не в малочисленности, а в феодальной системе ее комплектования, содержания, обучения и управления». Основное же преимущество французской армии было не столько в материальном, сколько в социальном отличии. Она не знала ни сословных барьеров между солдатами и офицерами, ни бессмысленной муштры, ни палочной дисциплины. Однако общий вывод автора о том, что «в чисто военном отношении, при всем искусстве полководцев России и мужестве ее солдат, Наполеон перед 1812 г. был сильнее» (с. 76, 308), вызывает сомнение. Он звучит недостаточно убедительно и излишне категорично, поскольку сравнение армий проведено автором более в социальном, нежели в военно-техническом аспекте. Автор описал не столько «Великую армию» образца 1812 г., сколько французскую армию первых лет империи. Признание того, что по боевым качествам «Великая армия» не была однородной, не сопровождается анализом боеспособности отдельных корпусов и родов войск.

При описании хода военных действий в книге сопоставляются масштабы различных сражений; в результате лучше вырисовывается значение каждого из них: «такого ожесточенного боя, как под Салтановкой, с начала войны еще не было», «бой у Островно был еще более кровопролитным, чем под Салтановкой», «сражение под Смоленском — второе по масштабам за весь 1812 г. после Бородина» и т. д. При этом автор пытается преодолеть характерный для литературы разнобой в цифрах, который он объясняет «не в последнюю очередь псевдопатриотическим стремлением подсчитать любую цифру „в нашу пользу“» (с. 12). По собственным подсчетам автора, численность русской армии в Бородинском сражении составляла 154,8 тыс. человек. Следовательно, уже тогда русское командование изменило соотношение сил в свою пользу, хотя качественного превосходства достигнуто еще не было, поскольку четвертую часть армии составляли казаки и ополченцы (с. 142). Объективно оцениваются итоги Бородина. Формально, по мате-

риальным результатам, Наполеон одержал тактическую победу. Но и русские не были разбиты, более того, в моральном и даже в политическом отношении они одержали победу (с. 176—178).

Не ограничиваясь описанием только военных действий, автор кратко охарактеризовал отношение разных слоев русского общества к войне (с. 211—216). Его формулировки при освещении данного вопроса основываются на фундаменте фактов, обобщенных в специальных исследованиях многих советских историков. Не оставил автор без внимания и тот вклад, какой внесли в общую победу над врагом деятели отечественной культуры, особенно литераторы и представители только что зародившейся тогда в России политической карикатуры (с. 301—303).

В рамках рецензии нет возможности коснуться всех конкретных оценок и суждений Н. А. Троицкого. Заметим лишь, что нам кажется вполне обоснованными его высказывания о причинах московского пожара, о направлении движения Наполеона из Москвы, корректными — оценки сражений у Малоярославца, Красного, Березины. Удачна предложенная им периодизация русского контрааступления, хотя значение Березинской операции, как представляется, не учтено в полной мере. Называя основной причиной победы России общенациональный подъем народных масс, автор справедливо подчеркнул также немаловажность для хода войны и позиции русского монарха, его решимость не вступать с захватчиками ни в какие переговоры (с. 52, 307—308). Во все изложение удачно вкраплены характеристики действующих лиц. Портреты героев повествования выполнены в реалистической манере, без приукрашивания. От официозной, псевдопатриотической лакировки очищен образ М. И. Кутузова. О серьезном отношении автора к работе свидетельствуют многочисленные мелкие замечания и уточнения. Он, например, впервые выяснил судьбу 1-го резервного корпуса (с. 327), справедливо упрекнул советских историков в том, что они часто именуют некоторых французских генералов маршалами (с. 117, 329) и т. д.

Насыщенный меткими сравнениями, умело подобранными цитатами, в то же время лаконичный и ясный язык книги делает ее доступной широким кругам читателей.

Соглашаясь с основными положениями работы, позволим себе высказать несколько частных замечаний. Автор иногда излишне доверяет своим источникам. Он воспользовался сомнительной надежностью известием,

что полк ганзейских немцев из корпуса Даву разбежался еще до перехода границы (с. 60). 127-й линейный полк получил боевое крещение у Лубино и участвовал в Бородинской битве. Сомнение вызывает и позаимствованное автором общее число испанцев и португальцев в «Великой армии» — 15 тыс. (с. 60). Это число разные источники определяют от 7,5 до 8,8 тыс. Ошибками являются: зачисление М. И. Платова в число генералов 2-й армии (с. 94), упоминание Л. Плозонна в качестве командира 106-го полка, а Н.-А. Сансонона — начальника штаба 4-го корпуса (с. 147, 273), сообщение, что с генералом А. Ж. Дельзоном были убиты и два его брата (с. 258). На самом деле вслед за ним был смертельно ранен его младший брат Ж. Б. Дельзон, умерший 30 октября. Атака конницы Уварова и Платова под Бородиным была остановлена не войсками Орнано, как пишет автор, а итальянской гвардией и частью конницы из корпуса Груши. Тавтологией является фраза о кирасирах «в сверкающих кирасах и латах» (с. 169).

Несколько преувеличены в книге масштабы боя за село Бородино. Согласно всем источникам, атака французов была проведена «с невероятно быстротою», а по мнению Ермолова и Левенштерна, бой длился не более 15 минут. При определении числа французских генералов, павших при Бородино, недостаточно ссылаться только на П. Денье, поскольку в его отчете от 21 сентября 1812 г. имеется 14 ошибок. Нужно учитывать данные Ж. Сиса и А. Мартинье.

Наконец, отметим, что при подведении итогов войны следовало указать общие потери и русской армии, подсчитанные в статье С. В. Шведова. Тот факт, что мародерствовали главным образом немецкие войска, можно было объяснить хотя бы тем, что они снабжались значительно хуже французов.

Высказанные здесь замечания не ослабляют общего впечатления от книги. Да, тема 1812 г. активно разрабатывалась в советской историографии; но удача автора в том, что он умело ориентируется в обилии оценок, высказанных предшествующими поколениями историков, почти безошибочно направляя курс своих рассуждений к наиболее обоснованным, корректным из них. Широкий охват материала, всестороннее освещение войны, научная добросовестность — все это позволяет говорить об исследовании Н. А. Троицкого как о существенном достижении советской историографии последних лет.

Выход в свет новой публикации Соборного уложения 1649 г.— значительное событие в нашей научной жизни, важность которого трудно переоценить. Уложению принадлежит одно из центральных мест в ряду правовых узаконений феодальной России. Это кодекс феодального права, регулировавший все стороны правовой практики и ставший тем основополагающим началом, от которого в течение почти двухсот лет отталкивалось последующее законодательство. Значение Уложения и в том, что оно явилось первым памятником русского права, воспроизведенным типографским способом непосредственно после его создания, и стало непременной принадлежностью всех центральных и местных учреждений XVII — начала XVIII в.

Текст Уложения выдержал более двадцати изданий на русском языке и неоднократно печатался в переводах за рубежом. Одно из последних его изданий увидело свет в 1985 г.¹. Однако все публикации, включая и последнюю, преследовали главным образом практические или учебные цели и могут быть отнесены к разряду популярных изданий. Параллельно с изданиями текста постоянно велось его научное исследование. Для специалистов в области отечественной истории Уложение было и остается важнейшим источником при изучении социально-экономического строя и государственного устройства России XVII в. Оно представляется также опорной вехой для историков права и важнейшим пособием для лингвистов и литературоведов в исследовании русского языка середины XVII столетия. Богатый материал об Уложении как историческом источнике накоплен в дореволюционной и советской источниковедческой литературе.

Все это конкретно выявило необходимость ввести в научный оборот текст памятника на иных основаниях по сравнению с его предшествующими публикациями. Таким и стало рецензируемое научное издание. Работу по его подготовке к печати провел большой квалифицированный коллектив составителей на базе Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР — она явилась завершением многолетней деятельности Отделения по изданию памятников русского права. Как и предшествующие, ныне опубликованный текст памятника отличается высо-

ким уровнем археографической подготовки, соответствующим традициям ленинградской школы археографии, и как бы подводит итоги многолетней исследовательской работы по изучению Уложения 1649 г.

Тексту памятника предпослано два введения. Первое — общего характера — принадлежит перу А. Н. Манькова, известного специалиста. В предельно сжатой форме дается характеристика Уложения, указываются причины и обстоятельства его создания, а также основные источники и публикации. Во втором — археографическом введении, написанном готовившей текст памятника к изданию Л. И. Ивиной, находим описание дошедших до нас текстов Уложения — рукописного и двух изданий 1649 г., характеристику принципов отбора и приемов передачи текста.

Особенно важным представляется вопрос о выборе текста, который был положен составителями в основу публикации. Мотив выбора четко сформулирован во введении: «Издание текста памятника права должно осуществляться в таком виде, в каком он был использован в юридической практике» (с. 8). В результате из трех упомянутых выше текстов 1649 г.— рукописи, скрепленной рукоприкладствами членов Земского собора, и двух печатных изданий — предпочтение было отдано второму изданию как наиболее завершенному и содержащему последнюю редакционную правку. Основание это представляется вполне убедительным, хотя все же нельзя забывать, что «в юридической практике» XVII в. тексты первого и второго изданий использовались на равных правах, а содержащиеся в них разнотечения, по-видимому, мало смущали современников.

Казалось бы, что составители имели дело с печатным (хотя и старопечатным) текстом, должно было упростить задачу его передачи. Но это далеко не так. Взяв за основу текст второго издания Уложения, составители провели тщательное сопоставление его с текстами рукописного столбца и первого издания, отметив в текстуальных примечаниях все встречающиеся в них разнотечения и особенности. Таким образом, читатель по существу получил в свое распоряжение не один, а все три дошедшие до нас текста 1649 г. Для наиболее полного отражения особенностей

рукописного текста Уложения в приложениях к публикации помещены список скреплявших его рукоприкладств и перечень помет на его полях.

Не менее тщательно продуман справочный аппарат публикации, более чем в три раза превосходящий по объему текст самого памятника. Книга снабжена пространными комментариями, двумя указателями — имен и терминов — к тексту Уложения и двумя — к комментариям. Некоторая усложненность, а в отдельных случаях повторяемость включенных в справочный аппарат сведений (например, пометы на рукописи повторены трижды: под строкой к соответствующему месту текста, в комментариях к нему и в отдельном перечне помет), на наш взгляд, в большинстве случаев вполне оправданы, так как привлекают внимание читателя к внешней и внутренней сторонам текста. Быть может, излишне усложнена лишь система подстрочных примечаний (обозначаемых буквами, цифрами и звездочками), тем более что принципы их смысловой разбивки не всегда четко улавливаются.

Большую ценность представляют посттатейные исследовательские комментарии к тексту, для которых принята структура, аналогичная использованной еще в предшествующем издании 1985 г. Комментарии в каждой главе состоят из предисловия с общей характеристикой данной главы в целом, с одной стороны, а с другой — из конкретных комментариев к каждой входящей в состав главы статье. В результате сумма комментариев в каждой главе превратилась в маленькое самостоятельное исследование с историографией вопроса, развернутой источниково-видческой характеристикой и т. д. Составителей комментариев можно упрекнуть, вероятно, только в некотором преобладании исторического подхода над правовым.

Выскажем в заключение некоторые соображения, предложения. Прежде всего необходимо еще раз вернуться к рукописному столбцу 1649 г., хранящемуся в ЦГАДА. Во введении к публикации он почему-то не называется подлинником. Более того, подробный рассказ об истории его создания невольно вызывает сомнение в его подлинности и снижает его значение как основного правового документа. Нельзя забывать, что оба издания 1649 г., хотя и современные составителю и употреблявшиеся в повседневной практике, все равно остаются только публикациями подлинника. Недаром во второй полови-

не XVIII в. в ходе работы екатерининской Уложенной комиссии возникла потребность обратиться не только к многочисленным переизданиям Уложения, но именно к подлинному рукописному тексту². Неясность, имеющаяся и в предшествующей литературе, в значительной мере связана с нечеткостью терминологии XVII в. при употреблении в текстах рукописи и второго издания терминов «список» и «книга». На наш взгляд, мы имеем дело не с противоречивостью в употреблении этих терминов, а с многозначностью делопроизводственной терминологии того времени. Так, название «книга», кроме обозначения внешнего вида документа (сброшюрованных в один переплет тетрадей), имело более широкий смысл и нередко применялось к документам явно столбцовой формы, как, например, к отдельным, межевым, отказным и другим книгам. Одновременно оно широко употреблялось для обозначения разного рода сводов, в том числе и законодательных, как в данном случае, о чем убедительно писал, имея в виду Уложение 1649 г., М. В. Владимирский-Буданов еще в 1880 г.³

Также неоднозначно для XVII в. и слово «список», далеко не исчерпывавшееся понятием «копия». Оно не свидетельствовало, как правило, и о столбцовой форме документа, как предполагают некоторые исследователи⁴. В практике XVII в. находим большое количество «списков» как в столбцах, так и в книгах (например, статейные списки нередко представлены книгами). В какой-то степени термин «список» имел и современный смысл, т. е. обозначал перечисление, а в данном случае, как и в случае со статейными списками,— перечисление глав и статей. Таким образом, упоминание во введении ко второму изданию определения «список» применительно к рукописному столбцу Уложения еще не свидетельствует о его копийности так же, как определение «книга» в послесловии рукописного текста не говорит о существовании подлинника в книжной форме. Наиболее вероятное соотношение упоминавшихся в документах текстов Уложения следующее: подлинником в современном понимании является рукописный столбец, скрепленный рукоприкладствами участников Земского собора; не дошедший до нас текст, который обсуждался на Земском соборе, может быть расценен как черновик или проект, а изготовленная для работы типографии книга — как список (в смысле ее копийности).

Мы говорим обо всем этом отнюдь не для

того, чтобы оспаривать правильность сделанного составителями выбора основного текста, но с целью еще раз подчеркнуть превалирующее значение столбца ЦГАДА. Поэтому вызывает сожаление, что при публикации подлинный текст нашел отражение только в виде разночтений под строкой. Понимая, что составители были ограничены типографскими возможностями, хотелось бы пожелать продолжения публикации источника и в качестве второй ее части издать подлинник фототипически, как это было сделано, например, применительно к Русской Правде⁵. Фототипическое издание подлинника дало бы не только зрительное представление о нем, что само по себе важно, но и облегчило его дальнейшее изучение — предоставило бы возможность определить принадлежность почерков как текста, так и помет, нового прочтения не всегда ясных рукоприкладств и, наконец, выявления палеографических особенностей. Кроме того, подготовка подобной публикации приобретает особую важность в связи с тем, что пользование подлинником в архиве весьма затруднительно из-за его уникальности и специфики хранения.

Коснемся вопроса о языке Уложения. Во введении он охарактеризован как близкий к разговорной речи московского типа в ее

устном употреблении (с. 11), что соответствует установившейся в литературе точке зрения⁶. Однако это вообще правильное положение давно нуждается в уточнении, так как язык, на котором написано Уложение, с его строем и словарным запасом является типичным делопроизводственным, т. е. письменным, языком московских приказов и имеет существенные отличия не только от разговорного, но и от литературного языка XVII в.

Н. Ф. Демидова

Примечания

¹ Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. М., 1985.

² Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. Разд. 2. М., 1850. С. 2.

³ Владимирский-Буданов М. В. Новые открытия в истории Уложения // Киевские университетские известия. 1880. Кн. 2. С. 15.

⁴ Ивина А. И. Уложение 1649 г. и его издания // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983. С. 158.

⁵ Правда Русская. Факсимильное воспроизведение текста. Т. III. М., 1963.

⁶ Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953.

А. А. ШЕНИКОВ. ЧЕРВЛЕНЫЙ ЯР. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Л.: «Наука». 1987. 144 с. Тир. 700

В последнее время все большее внимание уделяется изучению истории периферийных, окраинных районов Руси, зон контактов славян с населением других политических образований. Это отвечает задачам исследования тех или иных вопросов политической истории, исторической географии, более глубокому пониманию процесса развития феодальных отношений на Руси. Отсюда важность темы, разрабатываемой в рецензируемой монографии, в которой рассматриваются проблемы истории Среднего Подонья в XIV—XVI вв.

Перед нами первое в советской историографии специальное исследование о Червленом Яре. Заметим, что первая обобщающая

работа по этой теме была опубликована еще в начале XX в.¹ Автором представлена наиболее полная на сегодня сводка исследований о Червлёном Яре (не были учтены лишь некоторые из них²). Книга написана на основе изучения широкого круга письменных источников. Так, А. А. Шенников провел историко-литературный анализ грамот митрополитов Феогноста и Алексея (с. 8—19), «Хождения Пименова» (с. 23—57, 35—37), летописной повести о «стоянии на Угре» (с. 45—49). Данные письменных источников удачно дополнены материалами топонимики и этнографии. Новые подходы к рассматриваемой проблеме стали возможны благодаря применению автором историко-географической ме-

тодики исследования с использованием сведений об эволюции физико-географических ландшафтов и способов их хозяйственной эксплуатации.

Основные положения концепции автора сводятся к следующему. В результате монгольского нашествия Юго-Восточная Русь «не лишилась полностью славянского населения, но оно вошло в состав нового населения, образовавшегося не только из славян» (с. 4). В Среднем Подонье (в междуречье Дона и Хопра) «не позже чем с конца XIII в. и до последней трети XVI в. существовала группа населения, образовавшая объединение под общим названием Червлени Яр» (с. 4). Причем, по мнению исследователя, это объединение, «обладавшее некоторой автономией в рамках Золотоордынского государства», состояло из «нескольких татарских и русских территориальных общин без феодалов, с военно-демократическим управлением», вроде будущих казаков (с. 20).

Хозяйственной основой этого объединения, подчеркивается в книге, было «обоюдовыгодное сотрудничество полукочевников-скотоводов, кочевавших по степным междуречьям, и обитавшего в приречных лесных полосах населения», в основном русского (с. 128, 96, 97). На основе этого «хозяйственного симбиоза» существовал «симбиоз военный и политический» между татарскими и славянскими общинами (с. 97).

В течение первой половины XVI в. червленоярский союз общин был самостоятельным, а затем послужил основой для формирования хоперской группы донских казаков, группы «служилых людей». В конце XV в. из эмигрировавшей группы червленоярцев образовалось первоначальное ядро гребенских казаков на Тереке (с. 128).

Источниковая база, которой располагал автор, не позволила окончательно решить поставленные в книге вопросы. В ряде случаев можно предложить и иные их трактовки, прежде всего на основе использования данных археологических исследований в Среднем и Верхнем Подонье.

В работе говорится о существовании в Среднем Подонье группы населения, в том числе и древнерусского, не позже, чем с конца XIII в. (с. 4). Действительно, судя по археологическим материалам, монгольское нашествие не привело к полному запустению этого района. В конце XIII—начале XIV в. древнерусское население осваивает и территорию Прихопья³. Древнерусские поселения находились в донской лесостепи на протяжении XIV в. Материалы начала XV в. пока выявлены лишь на Шиловском поселении в низовье р. Воронеж⁴.

Соглашаясь в целом с авторской оценкой сведений «Хождения Пименова» о Верхнем и Среднем Подонье, отметим, что, на наш взгляд, бурные события периода «великой замятни» в Золотой Орде, Куликовской битвы обусловили уменьшение заселенности этого района древнерусским населением, что могло как раз найти отражение в упомянутом источнике. Нельзя не учитывать, что в 70—80-е гг. XIV в. монголы совершили несколько крупных нападений на Рязанскую землю: в 1378, 1382, 1387, 1388 гг.⁵ Пути этих походов пролегали в основном через террито-рию Среднего и Верхнего Подонья. В 1380 г. на пути к Куликову полю Мамай «...доинде же до усть реки Вороножа и распусти всю силу свою...»⁶. Здесь его войско находилось около трех недель⁷.

Нестабильность обстановки в Среднем Подонье во второй половине XIV — первой четверти XV в. подтверждается тем, что все выявленные клады золотоордынских монет на этой территории относятся именно к этому периоду⁸. Не зафиксированы пока в Среднем Подонье и памятники кочевников XV в. Следует, видимо, принять во внимание и неблагоприятные климатические условия последней трети XIV в.⁹ Поэтому мнение автора о том, что до 1480 г. не было «причин для каких-либо принципиальных изменений ситуации в Червленом Яру по сравнению с обстановкой, существовавшей в XIV в.» (с. 49), требует дополнительной аргументации. Не бесспорно и приведенное в работе доказательство достоверности упоминания Червленого Яра в сообщении Никоновской летописи о военных действиях на Хопре (с. 27—28), пожалуй, одно из ключевых в обосновании приведенного выше положения.

Автором не приводятся конкретные данные о существовании сколько-нибудь значительного постоянного населения в Среднем Подонье до середины XVI в., об «очищении» берегов Хопра и Вороны от червленоярцев московскими «сторожами» (с. 104, 106). Нет информации об этом и в грамоте 1637 г. царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета рязанскому архиепископу Антонию¹⁰. Этот документ автор вообще не использовал для анализа, хотя он содержит выписки из грамот епископа Софрония, митрополитов Феогноста и Алексея, касающиеся Червленого Яра.

Укажем и на то обстоятельство, что в жи- лищах древнерусских поселений второй половины XIII—XIV вв. в Среднем Подонье отопительная система «кан» не зафиксирована. Поэтому наличие такой системы у хоперских казаков пока преждевременно рассматривать в качестве доказательства того, что они — «прямые потомки червленоярцев и что между червленоярским союзом общин и хоперской группой донского казачества не было хронологического разрыва» (с. 117).

Таким образом, имеющаяся источниковая база сейчас не позволяет определенно говорить о существовании в Среднем Подонье в XV—первой половине XVI в. постоянного массива русского населения, как, впрочем, и других этнических групп. Поэтому нам представляется преждевременным предположение автора о превышении в прихоперских русских общинах в XV в., если не раньше, «критической плотности населения», что обусловило миграцию части этой группы на Северный Кавказ (с. 72). Интересное обоснование А. А. Шенниковым версии о происхождении гребенских казаков от населения Червленого Яра (с. 51—57) опирается, однако, на источник («рукопись виленского профессора»), достоверность сведений которого, да и сам факт его существования, не бесспорны.

Автор вслед за Д. И. Иловайским справедливо предполагает, что Червленым Яром, в частности, в XIV в., могло называться все хоперско-донское междуречье (с. 33). Информацию об этом дает картографирование древнерусских поселений второй половины XIII—XIV в. в Среднем Подонье. Они концентрировались по облесенным долинам рек в четырех районах: в нижнем течении р. Воронеж и в Костенковско-Борщевском Подонье, на павловском участке Дона в Донском Белогорье, в Прибитюже (в основном среднее течение р. Битюг), в Прихоперье (реки Хопер, Савала, Карабан, Ворона). Границы распространения этих поселений в целом, видимо, и очерчивают территорию Червленого Яра в XIV в.

Высказанная в книге гипотеза о том, что русские поселения группировались по краям хоперско-донского междуречья, а золотоордынские татары (как поясняет автор, в основном это половцы,— с. 86) находились в середине междуречья (с. 34—35), неходит полного подтверждения данными археологии. Группа древнерусских поселений XIV в. выявлена и в центральной части хоперско-донского междуречья, в бассейне

р. Битюг, а памятники половцев есть на правобережье Дона, левобережье Хопра, в бассейне р. Вороны¹¹.

Отметим, что в археологических материалах пока нет эквивалента упомянутым в митропольских грамотах «городам», а также подразумеваемым монастырям и церквам (об обращении митрополитов к игуменам и попам). Выявленные в рассматриваемом районе древнерусские поселения второй половины XIII—XIV в. — небольшие по размерам, без укреплений, каждое из них существовало относительно непродолжительное время. Поэтому сейчас нет достаточных оснований говорить о такой многочисленности древнерусского населения и других этнических групп, которая позволила бы им контролировать всю значительную территорию хоперско-донского междуречья, иметь «оборонительную систему» (с. 17—18).

Следует согласиться с выводом автора о наличии в Среднем Подонье полукочевого населения — половцев. Это подтверждается археологическими материалами¹². Половцы и во второй половине XIII—XIV в. продолжали осваивать степные участки междуречий в этом районе. Погребальный обряд половцев в Среднем Подонье не оставляет сомнений в том, что подавляющая часть этой группы населения придерживалась языческих верований, а не православия. Мусульманский погребальный обряд зафиксирован лишь в мавзолее-мечети на р. Мечетке¹³. Что касается предположения автора о том, что среди золотоордынских татар (половцев) Среднего Подонья помимо православных, мусульман были и буддисты (с. 34), то, на наш взгляд, оснований для такой версии явно недостаточно.

Две мечети у пос. Красный Хутор на р. Мечетке нельзя рассматривать как «торговый, административный и культурный центр всей татарской части Червленого Яра» (с. 95). Эти памятники существовали, видимо, около середины XIV в., следов торгово-ремесленного поселения вокруг них нет. Появление мечетей в рассматриваемом районе можно объяснить тем обстоятельством, что в Золотой Орде в XIV в., как отмечал Г. А. Федоров-Давыдов, у кочевой монгольской аристократии проявлялась тенденция захватывать отдельные периферийные, традиционно оседлые районы¹⁴. И, вероятно, в середине XIV в. один из представителей кочевой монгольской аристократии создал в нижнем течении р. Битюг центр своего периферийного кочевого

улуса, просуществовавшего, вероятно, до периода «великой замятни» в Золотой Орде. Сказанное как раз заставляет сомневаться в том, что «золотоордынские татары, оставившие после себя мавзолеи, были прямыми потомками половцев», кочевавших здесь еще в домонгольское время (с. 95).

Заслуживают внимания разделы работы, посвященные вопросам общей теории хозяйственно-бытовых укладов, рассмотрению связанных с ними понятий (с. 72—94). Но утверждение автора о том, что для «восточнославянских земледельцев на юго-восточных окраинах средневековой Руси» характерно «земледельческое полукочевничество» (с. 94), как нам представляется, не согласуется с его определением полукочевничества (с. 91), которое он связывает со скотоводческим хозяйством.

Что же касается района Среднего Подонья, заметим, что, говоря о полосах кочевания здесь половцев, автор, на наш взгляд, вряд ли правомерно ограничивает эти полосы заросшими лесом долинами небольших рек, особенно расположенных на границе лесостепи и степи¹⁵. Нельзя исключать, что маршруты перекочевок половцев могли выходить за пределы хоперско-донского междуречья. Так, в «Хождении Пименова» первые татарские улусы упомянуты лишь в районе р. Иловли¹⁶. Пимен и его спутники проплывали по Дону в мае, когда половцы, видимо, только начинали перекочевки в северном направлении. Интересные данные сообщает и Рубрук, переправлявшийся через Дон в его среднем течении в конце июля 1253 г. Он писал: «Выше этого места (т. е. места перевправы.— М. Ч.) татары не поднимаются в северном направлении, так как в это время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу...»¹⁷. Действительно, половецкие погребения золотоордынского времени, как и предшествующего периода, расположены по Дону лишь до р. Тихая Сосна, не распространяясь к северу, вглубь лесостепи.

Безусловно, нельзя отрицать возможности контактов между половцами и древнерусским населением, в том числе и в хозяйственной сфере. Но сейчас нет необходимых данных, чтобы столь жестко увязывать хозяйственную деятельность половцев и древнерусского населения, определенно говорить о «хозяйственном симбиозе» между ними, а на его основе — о «симбиозе военном и политическом», обусловившим даже начало процесса образования единого этноса (с. 96—97, 119—

120). Природно-климатические условия донской лесостепи — и это отчетливо прослеживается здесь с эпохи бронзы — способствовали формированию у того или иного населения комплексного хозяйства с различным сочетанием земледелия, скотоводства и промыслов. Письменные источники и археологические данные позволяют говорить именно о таком характере хозяйства у древнерусского населения Среднего Подонья в XIII—XIV вв.¹⁸ Особенность же хозяйства полукочевников-скотоводов (в том числе и половцев), по мнению самого автора, заключалась в «обеспечении всестороннего самостоятельного хозяйственного развития данной группы населения» (с. 81).

Данные археологических исследований не согласуются с мнением исследователя о том, что «для материальной культуры русских червленоярцев наряду с общей примитивностью и архаичностью были, вероятно, характерны и многие золотоордынские элементы» (с. 117). Материальная культура этого населения не имеет резких отличий от материальной культуры сельскихселений соседних районов Руси, а близость золотоордынских центров обусловила применительно к рассматриваемым памятникам наличие лишь незначительного количества золотоордынской посуды, чугунных котлов.

Высказанные здесь суждения не позволяют безоговорочно принять предположение автора о том, что среди населения Червленого Яра преобладали православные татары (с. 10). Для выявления численного соотношения различных этнических групп в Среднем Подонье необходимы дополнительные исследования. На наш взгляд, Червленый Яр в XVI в. связывается преимущественно с древнерусским населением.

Не бесспорно включение автором Червленого Яра в границы государственной территории Золотой Орды. В этом плане рассматриваемый район более соответствует выделяемым В. Л. Егоровым так называемым «буферным зонам», располагавшимся вдоль пограничной полосы между русскими и золотоордынскими владениями¹⁹.

Привлекает внимание и вопрос о возможных связях населения Червленого Яра с Рязанским княжеством, и не только по церковной линии. Ведь рязанская колонизация дошла до устья р. Воронеж еще во второй половине XII—начале XIII в.²⁰, хотя автор считает, что это имело место «не ранее чем на рубеже XV—XVI вв.» (с. 16, 42). Заселение

бассейна Хопра в конце XIII—XIV вв. также проходило со стороны Рязанского княжества. Факт существования Елецкого княжества в XIV—XV вв., территории которого занимала в основном только правобережье Дона, вряд ли можно рассматривать в качестве аргумента, опровергающего «версию о принадлежности Червленого Яра к Рязанскому княжеству» (с. 37). Следует учесть и то обстоятельство, что баскаки, упомянутые в митрополичьих грамотах, это представители монгольского управления (но часто немонгольского происхождения) именно на территории русских княжеств или в пограничных «буферных зонах». Небезынтересен и тот факт, что грамоты, связанные с Червленым Яром, имели юридическую силу и использовались рязанскими властями даже в XVI—XVII вв.²¹

Не отрицая вероятности существования «территориальных общин с военно-демократическим управлением» у древнерусского населения Червленого Яра, отметим, что вряд ли можно безоговорочно предполагать случайность упоминания бояр в грамоте митрополита Алексея, утверждая, что «на том развитие боярства и кончилось» (с. 126).

Немало новых наблюдений содержат разделы книги, посвященные вопросам образования казачества, в частности донского (с. 58—65, 100—102, 124—127). Видимо, не исключена увязка изучения ранних этапов истории казачества с проблемой так называемых «бродников»²². Тем более, что некоторые исследователи помещают их и на Среднем Дону. Это необходимо учитывать в связи с вопросом о происхождении Червленого Яра.

Проведение аналогии между Червленым Яром и Елецким княжеством (с. 40—41, 120—121), на наш взгляд, оснований не имеет. Суть в том, что ни в домонгольский, ни в последующий период на территории Верхнего Подонья (к северу от устья р. Воронеж) половцы не кочевали. Нет ни одного половецкого памятника в этом районе, входившем — и это надо подчеркнуть — во второй половине XII—первой половине XIII в. в государственную территорию Руси и отделенного от половецкой степи оборонительной линией, образованной древнерусскими крепостями²³. Многочисленные археологические раскопки памятников XII—XIV вв. в Верхнем Подонье не установили сколько-нибудь выраженного присутствия иноэтнических компонентов. Поэтому вывод автора о формировании в районе Елецкого княжества

турко-славянского образования, аналогичного Червленоярскому, не подтверждается имеющимися археологическими материалами.

Полагаем, что автор несколько абсолютизирует характерную, по его мнению, для представлений историков-славистов теорию о «непреодолимом антагонизме» между славянами, с одной стороны, и половцами и монголами — с другой (с. 4, 22). Далеко не для всех характерна такая однозначная позиция²⁴. Не стоит приписывать эту концепцию и С. А. Плетневой (с. 22). Ее взгляды по вопросу о взаимоотношениях землемельцев и кочевников более широки²⁵.

Предложенная в монографии характеристика социально-экономической и этнической сущности Червленого Яра не исчерпывает, видимо, возможностей ее уточнения, а также поиска и иных подходов.

Как всякая последовательная в своей концепции рецензируемая книга не может не вызывать полемических соображений. Именно такой характер и носят сделанные нами замечания. Появление же этой монографии безусловно послужит стимулом к дальнейшему изучению проблем истории и культуры населения юго-востока Руси в эпоху средневековья.

М. В. Цыбин

Примечания

¹ Введенский С. Н. Червленый Яр. Церковно-исторический и географический этюд // Воронежская старина. 1904. Вып. 5.

² Напр.: Трунов М. П. К вопросу о местонахождении Червленого Яра // Воронежская старина. 1907. Вып. 6; Покровский И. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. I. С. 188—190.

³ Цыбин и М. В. Древнерусские памятники второй половины XIII—XIV в. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

⁴ Пряхин А. Д., Винников А. З., Цыбин и М. В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Там же.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 104, 135, 146; Т. II. С. 93, 95.

⁶ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 44.

⁷ Кирличников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 33.

⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960.

⁹ Борисенков А. Н., Пасечник В. М. Экстремальные природные явле-

ния в русских летописях XI—XVII вв. Л., 1983. С. 88—90, 149—154.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIII—начала XVI в. М., 1964. Т. III. С. 349—350. № 321.

¹¹ Цыбин М. В. Указ. соч. Рис. 1.

¹² Цыбин М. В. Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье // Советская археология. 1986. № 3.

¹³ Левашова Б. П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды Государственного Исторического музея. 1960. Вып. 37.

¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 110, 137.

¹⁵ Семенова-Тян-Шанская А. М. Изменение растительного покрова лесостепи русской равнины в XIV—XVIII вв. под влиянием деятельности человека // Ботанический журнал. 1957. Т. 4. № 9. Карта 1.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. С. 96.

¹⁷ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 110.

¹⁸ Цыбин М. В. Древнерусские памятники второй половины XIII—XIV в. в Среднем Подонье. С. 45—47.

¹⁹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 37.

²⁰ Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1987.

²¹ Покровский И. Русские епархии в XVI—XIX вв. ... С. 202—204.

²² Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI—XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 168.

²³ Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. Табл. 4.

²⁴ Мавродина Р. М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): Историографический очерк. Л., 1983.

²⁵ Плетнева С. А. Землемельцы и кочевники // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980.

С. М. КАШТАНОВ. РУССКАЯ ДИПЛОМАТИКА. М.: Высшая школа. 1988. 231 с. Тир. 15 000

Можно назвать лишь небольшое число работ по дипломатике, опубликованных в России в первые десятилетия после Великого Октября. Интерес к этой важной вспомогательной исторической дисциплине (после долгого ее прозябания) возродился в конце 50-х гг. Немалую роль в этом сыграли исследования С. М. Каштanova¹. Они получили высокую оценку историков, а Л. В. Черепнин назвал их «последним словом в области этой дисциплины»². В то же время работы С. М. Каштanova положили начало острый дискуссиям по некоторым затронутым в них проблемам, и споры о предмете, задачах и методах дипломатики не утихают до сих пор³. Последнее обстоятельство усиливает интерес к новому труду ученого об этой вспомогательной исторической дисциплине.

С. М. Каштанов начинает свое изложение с характеристики некоторых категорий и понятий, лежащих в основе изучаемой им дисциплины. К их числу он относит дипломы, документы и акты. В определении их, на первый взгляд, очень простом и ясном, историки до сих пор не могут прийти к единому мнению. И причина этого, как он полагает, состоит в том, что понятия эти очень емкие,

позволяющие вкладывать в них разный смысл.

Слово «дипломатика» генетически восходит к слову «диплом», и первоначально эта наука занималась изучением их. Но очень скоро, пишет С. М. Каштанов, это слово «потеряло связь с первоначальной формой источника, от которого произошел сам термин». В юридической практике так стали называть и другие документы публично-правового характера. Изменилось отношение к ним и в исторической науке. Изучение дипломов в их первоначальном значении стало лишь одной из ее задач. Автор приходит к выводу, что почти с самого начала возникновения дипломатики она развивалась как «наука о документах в более широком понимании» (с. 13).

При таком определении предмета дипломатики естественно возникает вопрос о толковании слова документ. Автор не соглашается с мнением тех специалистов, которые к их числу относят «все материальные объекты, несущие на себе сознательно закрепленную информацию» (с. 11). При истолковании этого понятия он исходит из принятого еще в старой литературе представления о докумен-

тах как об источниках с правозначающим содержанием и четко определяет его черты: «современность основным событиям, о которых говорится в источнике», «наличие определенной правовой формы, в которой документ составляется», и «способность служить более или менее официальным свидетельством о предоставленном праве или совершившемся событии» (с. 12).

По характеристике С. М. Каштанова, появление документов у всех народов связано с образованием государств. Они выполняли ряд функций, в том числе законодательную, договорную, распорядительную и прочие и были направлены на решение одной задачи: «служить определенным средством воздействия на определенную сферу отношений» (с. 15). Эта важная сторона документов при ином подходе к ним, по мнению С. М. Каштанова, размывается.

Наиболее трудным для истолкования является третий термин — акты, которые, по словам историка, являются «объектом дипломатики» (с. 18). В предшествующих трудах С. М. Каштанов определял их как «документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры»⁴. Это вызвало возражения у ряда историков. По их мнению, это понятие значительно шире и неправомерно к числу актов относить только документы, оформляющие сделки между контрагентами. В какой-то мере автор с этим согласился. Проанализировав определение актов в трудах русских и зарубежных ученых, он пришел к выводу, что к актам следует относить все публичноправовые и частноправовые договоры, постановления и распоряжения конкретных органов власти и распоряжения владельцев собственности, адресованные их агентам. Эти документы объединяет общее происхождение — «результат сделки контрагентов», общее содержание — «определение взаимных условий» и общая форма — «комбинация устойчивых статей и формул». Все это позволяет применить к ним общие приемы источниковедческого анализа, которые в данном конкретном случае дают «наиболее эффективные результаты». Автор имеет в виду формулярный анализ. Его применение, пишет он, «наиболее эффективно именно в приложении к актам» (с. 22—27).

На основе приведенных соображений С. М. Каштанов дает новое, более полное, чем в прежних его трудах, определение дипломатики как научной дисциплины, изучаю-

щей «происхождение, форму и содержание, функционирование, историю воспроизведения текста и архивную судьбу документов правового характера, причем в большей мере таких, где указаны автор или контрагенты» (с. 3).

Далее автор обращается к проблеме классификации актов. В дореволюционной литературе, пишет он, было принято деление актов на публичноправовые и частноправовые. Поскольку это отражало реальные отношения между людьми, оно сохраняло свое значение и в советском источниковедении. В числе других ученых принял его и Л. В. Черепнин, который, по словам С. М. Каштанова, только добавлял, что оно должно строиться на марксистско-ленинской основе и сочетаться «с чисто исторической классификацией» (с. 147). Исходя из этого, Л. В. Черепнин предложил такую классификацию актов, которая была основана на представлении о них как об исторических явлениях, возникших в определенных условиях места и времени и в определенной обстановке классовой и политической борьбы, т. е. по содержанию. Такая система классификации актов, по мнению С. М. Каштанова, может быть принята лишь как один «из приемов систематизации материала при работе исследователя над определенной темой» (с. 149). В остальных случаях ею пользоваться нельзя. В монографии, опубликованной в 1975 г., Л. Н. Пушкирев предложил иное деление актов, но тоже, исходя из их содержания, на «политические», «социально-экономические» и «юридические». Но, поскольку, по словам С. М. Каштанова, «любой акт является юридическим, а различие актов „политических“ и „социально-экономических“ не всегда возможно», такой подход он отвергает (с. 149).

В отличие от названных ученых в основу классификации актов С. М. Каштанов кладет вид актового документа. Объективность его, пишет он, «заключается в том, что одинаковые или близкие по своей природе общественные отношения в разных странах порождают близкие по виду или разновидности документы». И далее он приводит свою классификационную схему, в которой все акты сначала делятся на роды — публичноправовые, публично-частные, частные акты и делопроизводственные документы, а в пределах каждого из них — на виды. Предложенная на основе такой классификации схема деления актов (с. 150—154) очень детальна, даже гро-

моздка, но из всех известных нам открывает наибольшие возможности для применения к каждому виду актов определенных методов исследования. По этой причине нам кажется странным заявление автора рецензируемого труда, что «классификация выступает как вопрос более или менее автономный по отношению к методике изучения актового материала» (с. 146). Правильная и глубоко продуманная классификация, способная отразить внутреннюю закономерную связь объектов, создает благоприятные условия для всякого научного исследования, в том числе и актов.

Вопрос о методах исследования актов является одним из главных в рецензируемой книге. В монографии, опубликованной в 1970 г., С. М. Каштанов писал, что изучение внешних «материальных особенностей актов не составляет задачу дипломатики», они находятся «в ведении палеографии и сфрагистики». Дипломатика занимается вопросами внутренней критики актов, куда входит, во-первых, «исследование внутренней формы (формуляра или построения, текстуального состава) источника», а во-вторых, «логический анализ текста (интерпретация, установление логических противоречий, неясностей и т. п.)».⁵

К такому пониманию задач и методов дипломатики историки отнеслись по-разному. Б. Г. Литvak не отрицает значения формуллярного анализа актов. Он признает также, что анализ может вестись двояко — как текстологический или как статистический. Но и в том, и в другом случае метод формуллярного анализа имеет смысл только тогда, когда он «ориентирован на акты периода становления феодализма или его ранней стадии»⁶. Вместе с тем Б. Г. Литvak считает, что современная дипломатика не может свести свою работу над актами к формуллярному анализу, а вслед за А. А. Введенским признает необходимым идти «по пути расширительной трактовки дипломатики, понимая ее как документальное источниковедение»⁷.

Л. Е. Шепелев в своей работе, вышедшей почти одновременно с книгой Б. Г. Литвака, категоричнее отказывался от признания формуллярного анализа основным методом дипломатики. По его мнению, «дипломатика есть часть источниковедения, изучающая все типы письменных источников в отношении их внешних особенностей»; она исследует «все в документе, за исключением его содержания»⁸.

Иной взгляд на значение и методы дипломатики выразил В. В. Фарсобин. Он обратил внимание на то, что и после признания большинством ученых формулярного анализа как метода изучения именно актовых документов А. И. Андреев, С. Н. Быковский и Г. П. Саар «относили к дипломатике изучение форм и стиля» не только актов, но и «всех памятников», и выразил полное согласие с ними⁹. В то же время он исключает из предмета дипломатики изучение внешней формы актов, полагая, что этим должны заниматься соответствующие вспомогательные дисциплины (палеография, сфрагистика, геральдика и т. п.). Для тех целей, которые он признает за дипломатикой, единственным методом должен быть формулярный анализ. Но он вслед за названными учеными распространяет этот метод «на все памятники письма всех времен, включая современные»¹⁰.

В рецензируемом труде С. М. Каштанов учел взгляды своих оппонентов на методы изучения актов. Кроме того, он проследил, как решались эти вопросы в западноевропейской дипломатике с момента ее возникновения (с. 154—162, 166—167, 172) и в трудах русских ученых, в частности А. С. Лаппо-Данилевского (с. 175).

Выработанная автором на этой основе схема изучения актов включает четыре этапа: изучение внешней формы актовых источников, их внутренней формы, исследование происхождения и функций актов и, наконец, внешнего и внутреннего содержания актов.

К внешней форме актов С. М. Каштанов относит их палеографические признаки, изобразительные элементы, печати, удостоверяющие акт. Основанием для их изучения в дипломатике служит особенность внешних признаков, присущая именно актам.

Положительные результаты этой работы автор показывает на примере исследований таких ученых, как Л. В. Черепнин и В. Л. Янин (с. 163—164).

Изучение внешних признаков актов нового и новейшего времени в связи с их массостью требует применения ЭВМ, и это ограничивает возможности использования старых приемов. Однако, по мнению С. М. Каштана, не следует бояться того, что «методика исследования больших комплексов должна совершенно оторваться от наследия „классической дипломатики“» (с. 169).

К внутренней форме актов автор относит их структуру (формуляр) и стилистические особенности. Поскольку формулярный ана-

лиз является одним из эффективных приемов изучения актов, он дает подробную характеристику составных частей формуляра, тщательно разработанную в западноевропейской дипломатике, но мало известную в отечественной научной литературе.

Четко определяется значение сводного формуляра. Если «юридическая школа рассматривала „сводный текст“ как цель и результат дипломатического анализа, то для нас абстрактный формуляр имеет значение лишь в качестве технического средства изучения внутренней формы актов» (с. 175).

Далее автор показывает, как конкретно ведется формулярный анализ актов с помощью табличного метода, но пишет об этом скжато, указывая, что данный вопрос рассмотрен в его статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории» (№ 1. 1965) и в книге автора настоящей рецензии «Методика исторического источниковедения» (1971 и 1976 гг.). Мы думаем, однако, что с тех пор накопился большой опыт в использовании табличного метода изучения актов, и от его освещения рецензируемая книга только бы выиграла.

Очень убедительно показано в книге, что табличный метод, в основе которого лежит абстрактный формуляр, будет эффективен, если его сочетать с текстологическим изучением актов. «Прямое сличение текстов позволяет вывести конкретные формуляры, т. е. формуляры групп источников, из которых состоит та или иная разновидность». Это, по мнению ученого, очень важно, ибо «воссоздание истории конкретных формуляров — главная задача дипломатического анализа внутренней формы актов» (с. 176).

Показав на ряде конкретных примеров, как ведется формулярный анализ актов, автор формулирует и его общие принципы. «В основе анализа индивидуальных актовых формуляров,— пишет он,— должен лежать грамматически-дипломатический принцип. Но уже на стадии выяснения конкретных формуляров ограничиться одним этим принципом невозможно, и он оказывается в известном сочетании с юридически-тематическим принципом». Сюда, по его мнению, входит «выделение определенных групп элементов, объединенных единством темы», а также рассмотрение в одном тематическом ряду постановлений, не однородных с дипломатически-грамматической точки зрения (элементов и оборотов, даже элементов и предложений). Наконец, С. М. Каштанов

называет и текстологический анализ актовых формуляров, который позволяет «проследить развитие текста актов определенной разновидности» и «установить степень новизны формуляра каждого конкретного акта» (с. 192).

Очень коротко говорится в книге о третьей задаче: изучении происхождения и функции актов. Автор пишет, что в большинстве актов нет прямых указаний на причины их создания. Но это в какой-то мере можно установить путем «осмысления» «всего комплекса показаний и умолчаний акта или группы актов, проверенных по другим источникам» (с. 199).

С этим, конечно, можно согласиться. Однако следовало бы при этом пояснить, почему, по словам С. М. Каштана, такой метод составляет содержание источниковедческого синтеза, устанавливающего конкретные причины и поводы возникновения изучаемого источника (там же).

Что же касается функции источника, то специальных методов ее изучения автор не называет, но считает важным учитывать, что, во-первых, она предопределена уже при его создании, а во-вторых, «на практике оказывается шире или уже» этого.

Последним этапом работы над актами, по характеристике С. М. Каштана, является изучение внешнего и внутреннего содержания актов. Первое, по его характеристике, «состоит из выражения различных идей с помощью определенных понятий». Второе — это те процессы исторического развития, которые отражаются в идеях и понятиях, запечатленных во внешнем содержании источника» (с. 196). Против этих определений возражать не приходится. Но, видимо, следовало бы сказать, что изучение внешнего содержания актов по традиции называлось интерпретацией, истолкованием их, а внутреннего содержания — их внутренней критикой или критикой содержания. Вся эта работа, по мнению С. М. Каштана, чрезвычайно сложна. Одной из причин этого является неясность в определении самого понятия факт. Опираясь на труды современных философов, автор старается обосновать свое понимание этого термина.

Заслуживают внимания приведенные им аргументы относительно того, что «факт — это не только единство, но и противоположность причины и следствия» (с. 206). Для методики работы с фактами существенно также выделение в фактах-событиях трех

разновидностей (с. 203), соображение о неоднородной значимости фактов-событий с определением одного из них «как главного, а других как включенных» (с. 205).

В итоге С. М. Каштанов приходит к выводу, что источникoved не может удовлетвориться разрывом между «фактом действительности» и «фактом науки», принятым в работах многих философов и историков. «Распутывая весь клубок фактов,— пишет он,— исследователь на каждой стадии исходит из анализа социальных причин той, а не иной интерпретации факта в источнике и тем самым учитывает специфику эпохи, страны и общественной среды, в которой возник источник» (с. 222).

Все рассуждения ученого о факте выходят за пределы дипломатики как научной дисциплины. Им место в методологии истории, и она этим активно занимается. Но автор замечает, что до последнего времени дипломатика сосредоточивала свое внимание на выяснении подлинности актов. В то же время методике выявления из них достоверных фактов она уделяет мало внимания. А это, по его мнению, сейчас выдвигается в качестве одной из главных задач дипломатики. Чтобы восполнить этот пробел, С. М. Каштанов обратился к анализу самого понятия «исторический факт». И это позволило ему высказать интересные соображения о методах выявления достоверных фактов из актового материала (с. 223—225).

В двух главах книги освещается развитие русской дипломатики от ее зарождения до наших дней. С такой полнотой эта тема вообще еще не рассматривалась.

Развитие русской дипломатики автор прослеживает в тесной связи с развитием дипломатики в Европе. Он отмечает, что «первое практическое знакомство русских с актовыми формулярами произошло, вероятно, в X в., когда составлялись договоры Руси с Византией» (с. 35), но использование актовых формуляров в практических целях относит к более позднему времени, когда появилась потребность в выявлении подделок (с конца XIV в.) и при составлении копийных книг (с конца XV в.).

На смену практической дипломатике, по характеристике ученого, приходит дипломатика научная, что он связывает с именами В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера, а затем ученых второй половины XVIII—начала XIX в. К сожалению, С. М. Каштанов не прослеживает превращение научной ди-

пломатики в самостоятельную специальную научную дисциплину. Хотя на материале, приведенном в книге, это можно сделать. Нам представляется, что таким рубежом была середина XIX в., когда в работах С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина акты и грамоты стали объектами специального изучения. Именно с этого времени, как убедительно показывает С. М. Каштанов, вслед за юридически-илюстративным направлением в дипломатике стали возникать и развиваться направления юридическое, юридически-документоведческое, юридически-филологическое, юридически-экономическое и клаузально-статистическое, которое исследователь определяет как «собственно дипломатическое» (с. 89). Все эти направления он прослеживает на материале разработки учеными второй половины XIX—начала XX в. отдельных актов, их групп и видов (с. 58—78).

Специальное внимание уделил С. М. Каштанов разработке в трудах историков эпохи капитализма частных актов. Автор показывает, что долгое время «был распространен метод иллюстративного использования» их «как дополнительного к законодательному материала». Но в конце XIX—начале XX в. появились работы А. С. Лаппо-Данилевского, положившего основание русской школе дипломатики частных актов. Ее методу «были свойственны некоторые черты диалектики в исследовании формы и отчасти содержания актов» (с. 86). Школа получила широкое признание и в России, и за рубежом. В этот же период, пишет С. М. Каштанов, появились труды Н. П. Лихачева, Я. Н. Трусевича, Н. Н. Ардашева и других ученых, в которых рассматривались важные теоретические проблемы дипломатики как научной дисциплины (с. 90—98).

С. М. Каштанов показывает, что в первое время после Октябрьской революции советская дипломатика развивалась медленно, главным образом в трудах учеников А. С. Лаппо-Данилевского — С. Н. Валка и А. И. Андреева и небольшой группы молодых ученых. С 40-х гг. интерес к конкретному изучению актов значительно возрастает, особенно в исследованиях Л. В. Чепренина, А. А. Зимина и несколько позже В. Л. Янина. В это время усиливается внимание к актам как источнику по истории социально-экономических отношений, а в работах 70-х — начала 80-х гг. В. В. Фарсобина, Б. Г. Литвака, Л. Е. Шепелева и других ученых решаются важные теоретические про-

блемы дипломатики. Вполне естествен поэтому вывод автора, что на нынешнем этапе советской дипломатики «накоплен большой опыт актовых публикаций и изучения конкретных разновидностей актов, ведется разработка методики анализа актового материала, не прекращается полемика вокруг вопроса о предмете, объекте и задачах этой научной дисциплины» (с. 137).

Таковы главные черты рецензируемой книги. На основе многолетних исследований автор подвел в ней итоги развития дипломатии на современном этапе, выдвинул ряд новых положений и привел дополнительные аргументы в защиту тех своих взглядов, которые вызывали критическое отношение со стороны оппонентов, но в научной состоятельности которых он по-прежнему уверен.

A. П. Пронштейн

Примечания

¹ Каштанов С. М. Акты СМЭ. Т. 1. М., 1961. С. 313—314; его же. Дипломатика // СИЭ. Т. 5. М., 1964; его же. Дипломатика как специальная дисциплина // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 39—44; его же. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 134—170; его же. Дипломатический состав древнерусского акта // Вспомогательные исторические дис-

циплины. Вып. II. Л., 1969. С. 143—159; его же. Очерки русской дипломатики. М., 1970 и др.

² Ч е р е п и н Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. 1971. М., 1973. с. 52. См. также рецензию А. Л. Хорошевкина на эту книгу (Вопросы истории. 1971. № 6. С. 168—170); П р о н ш т е й н А. П. Дипломатика как научная дисциплина // История СССР. 1971. № 2. С. 178—180.

³ См.: П у ш к а р е в Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 221—225; Л и т в а к Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 218—221; Ф а р с о б и н В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 106—112.

⁴ К а ш т а н о в С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики. С. 138.

⁵ К а ш т а н о в С. М. Очерки русской дипломатики. С. 47; его же. Предмет, задачи и методы дипломатики. С. 162.

⁶ Л и т в а к Б. Г. Указ. соч. С. 221—222.

⁷ Там же. С. 218.

⁸ Ш е п е л е в Л. Е. Проблемы дипломатического изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в. М., 1972. С. 1—12.

⁹ Ф а р с о б и н В. В. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки) // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. С. 402—403.

¹⁰ Ф а р с о б и н В. В. Источниковедение и его метод. С. 106.

Б. Н. КОМИССАРОВ. ПЕТЕРБУРГ — РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО. СТАНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ. 1808—1828 гг. Изд-во Ленинградского университета, 1987, 246 с., тир. 1759

История взаимосвязей между Россией и Латинской Америкой до недавних пор исследовалась недостаточно активно как в советской, так и в зарубежной историографии. Долгое время основной интерес историков был сосредоточен на проблеме отношения России к войне за независимость испанских колоний в начале XIX в. и лишь в незначительной степени обращалось внимание на контакты России с теми или иными странами Латинской Америки. Бесспорно то, что связи России с Бразилией в прошлом столетии занимали историков в большей степени, чем с другими государствами континента. Это обстоятельство объясняется не только видной ролью Бразилии в жизни

Латинской Америки в ту эпоху, но и весьма интенсивным характером самих русско-бразильских отношений. Достаточно отметить тот факт, что с 1828 по 1874 г. Бразилия оставалась единственной страной региона, с которой Россия поддерживала дипломатические отношения. В первой половине XIX в. активно развивалась и русско-бразильская торговля.

Большой вклад в изучение русско-бразильских отношений внес ленинградский историк Б. Н. Комиссаров. Его работы, посвященные этой теме *, теперь пополнились новой книгой о зарождении и становлении русско-бразильских торговых и политических связей.

Хронологически книга охватывает период с 1808 по 1828 г., т. е. со времени переезда португальского королевского двора Брагансов за океан до официального признания Российской империей независимости бразильского Объединенного королевства и установления с ним дипломатических отношений. В монографии подвергнуты глубокому и всестороннему исследованию практически все без исключения сюжеты, связанные с русско-бразильскими политическими и торгово-экономическими отношениями в первой четверти XIX в.

Одно из главных достоинств рецензируемой работы — привлечение широчайшего круга материалов самого различного характера: документов, писем и мемуаров, научных исследований. Источниковая база включает в себя материалы Архива внешней политики России (АВПР), ряда центральных архивов СССР и союзных республик, а также областных. Использованы отдельные документы и Архива МИД Бразилии. На основе их скрупулезного изучения автору удалось последовательно проследить, как шло становление русско-бразильских отношений, кто из русских и бразильских дипломатов вносил наиболее заметный вклад в их развитие, как складывалась русско-бразильская торговля в те годы, какие силы в России и в Бразилии выступали «за» и «против» сотрудничества между обеими странами.

Удача книги в том, что автору удалось показать цельную картину открытия Россией лузитано-бразильского мира. История русско-бразильских отношений воссоздается на фоне важнейших мировых событий той эпохи: борьбы с наполеоновской Францией и войны за независимость в Испанской Америке. Последнее обстоятельство заставляет автора не раз обращаться к теме отношения русских официальных представителей в Бразилии к борьбе за независимость восставших колоний Испании, в частности Ла-Платских провинций. Автор привлекает внимание читателей к борьбе между Бразильской империей и Объединенными провинциями Ла-Платы из-за Восточного берега (Уругвая) — конфлиktу, повлекшему за собой обострение отношений между Португалией и Испанской короной, неприятное для Александра I как всеевропейского арбитра. В книге рассматривается также проблема возможного посредничества России не только в этом конфликте, но и в вопросе о «замирении» Испанской Америки в целом. Тщательно исследовано влияние установившихся торгово-экономических связей между Россией и лузитано-

бразильским миром на политические контакты, в частности вопрос об установлении дипломатических отношений с Бразилией.

Интересны страницы, посвященные попыткам разработать и заключить в начале 20-х гг. специальную торговую конвенцию между Петербургом и Рио-де-Жанейро. Этот проект возник благодаря плодотворному развитию торговли между Россией и Бразилией в начале XIX в. Сторонники заключения такого договора были и в Бразилии, и в России. Большая роль по налаживанию торговых связей между обеими государствами принадлежала русскому консулу в Бразилии Ф. Борелью. Он призывал придерживаться наступательной тактики в торговле с Южной Америкой, активно пропагандировал русскую промышленную продукцию, боролся с попытками иностранных конкурентов признать торговые возможности России, выступал за расширение русского консульского представительства в Бразилии и в Южной Америке вообще. Большую активность Ф. Борелья проявлял в попытках наладить прямую русско-бразильскую торговлю, без участия иностранных посредников, для чего предлагал организовать крупные государственные или акционерные русские торговые дома, поставив во главе их консулов. В книге отмечается, что «рекомендации Бореля отличались знанием дела и фундаментальностью, так как он продолжал неустанно собирать, систематизировать и изучать информацию об экономической жизни португalo-бразильского мира» (с. 144).

Наиболее благоприятные перспективы на сбыт за океан были у русского железа, тканей и зерна. В 20-х гг. русские купцы действительно «имели виды» на бразильский рынок. Однако нормальному налаживанию российско-бразильского торгового сотрудничества препятствовали косность руководства русского МИД во главе с К. В. Нессельроде, а также английское засилье в Бразилии. Вместе с тем именно торгово-экономические интересы побудили русское правительство признать независимость Бразилии от Португалии и вступить с ней в дипломатические отношения. Для Бразилии же нормализация отношений с Российской империей имела немалую политическую значимость как возможный противовес экспансии европейских держав в Бразилии и вселяла надежды при дворе в Рио на легитимистскую солидарность России в борьбе южноамериканской империи с соседними республиками.

Следует, на наш взгляд, особо отметить

тщательную прорисовку в книге персонажей как русских, так и бразильских, английских дипломатов. Читая монографию, романтически настроенный читатель может услышать скрип пера Ф. Бореля, выводящего очередное донесение в Петербург с предложениями о развитии торговли с Бразилией, услышать спокойный голос первого русского посланника в Рио графа Ф. П. Палена, познакомиться с ученым и дипломатом, генеральным консулом в Рио Г. И. Лангдорфом, взглянуться в лицо чванливого камергера Двора его императорского Величества, посланника в Бразилии П. Ф. Балк-Полева, встретиться с дипломатом — героем 1812 г. генералом бароном Ф. В. Тейлем-фан-Сероскеркеном.

Подводя итоги своего исследования, автор делает важный вывод о том, что в первой трети XIX в. Бразилия стала единственным политическим и экономическим партнером России в Южной Америке. Этому способствовали как процессы капиталистического развития в недрах двух империй, так и политические причины, в частности легитимистские интересы Петербурга, связанные с поддержанием идеи монархии в Новом Свете. «Именно в первые десятилетия XIX в. наметились характерные черты отношений России и Бразилии: стремление к экономическому сотрудничеству, заинтересованность в развитии научных и культурных связей, невмешательство во внутренние дела друг друга» (с. 209).

Если говорить о замечаниях, то их немного. В ряде случаев отличное знание автором всех

перипетий русско-бразильских отношений приводит к чрезмерной детализации в их описании, загромождению изложения второстепенными, несущественными деталями, усложняющими восприятие содержания книги и расцедоточивающими внимание читателя. В книге множество действующих лиц, однако далеко не все из них играли роль в становлении русско-бразильских отношений; отсюда, так сказать, выведение их всех на сцену вряд ли было целесообразно.

Рецензируемая монография — важная веха в исследовании истории русско-бразильских отношений XIX столетия и поэтому, как представляется, вызовет интерес советских и зарубежных историков-латиноамериканистов, всех, кто интересуется нашей отечественной историей, внешней политикой дореволюционной России, ее связями с далекой Латинской Америкой.

Е. Н. Дик, А. И. Сизоненко

Примечания

* См.: Комиссаров Б. Н. Григорий Иванович Лангдорф. 1774—1852. Л., 1975; его же. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX в. Л., 1977; его же. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л., 1977; его же. У истоков русско-бразильских отношений. — В кн.: Россия, СССР — Бразилия: 150 лет отношений. М., 1978; Комиссаров Б. Н., Шафрановская Т. К. Первые русские в Латинской Америке (Страницы дневника Е. Е. Левенштерна). — Латинская Америка, 1982, № 1, с. 137—152.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ: ВЫЯВЛЕНИЕ, УЧЕТ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «история». М., «Высшая школа», 1988, 254 с., тир. 9600 *

Создать качественно новый отечественный научный потенциал — такая задача была выдвинута на XIX Всесоюзной конференции КПСС¹. Ее решение, в частности в области исторической науки, невозможно без опоры на источники — на документальные памятники истории и культуры, находящиеся не только в государственных архивохранилищах, но и в музеях².

На конференциях и совещаниях в Мос-

ке, Калинине, Калуге, Полтаве, Вологде отмечался положительный опыт по учету, хранению и использованию документальных памятников в ряде областей Российской Федерации, в УССР и других союзных республиках.

В рецензируемой книге справедливо констатируется, что «все возрастающий интерес к документальным памятникам — характерная черта нашей эпохи» (с. 17).

Закон СССР 1976 г. об охране и использовании памятников истории и культуры, а также утвержденное правительством в 1982 г. «Положение» об охране и использовании памятников истории и культуры включают в их число и документальные памятники. Эти памятники, как показывает практика их учета и хранения, оказались наиболее ранними, долгое время недооцениваемыми и неправильно хранившимися в музеях, особенно в народных, производственных и школьных. Поэтому вполне оправдана тревога за судьбы документальной базы истории общества, без использования которой невозможно воспитание историей. Во второй половине 70-х гг. и в последующее время опубликовано немало положений, памяток, пособий в помощь работникам музеев, школ и краеведам; увидели свет десятки специальных монографий, сборников и справочников по археографии, источниковедению, музееоведению. Перечень основной литературы читатель найдет в разделе книги «Литература» (с. 252—254) и в сносках в тексте. В рецензируемом издании обобщены теоретические положения и накопленный за время после принятия Закона СССР 1976 г. практический опыт по выявлению, учету и использованию документальных памятников. Характер изложения, большой объем информации, содержащейся в книге, а также рекомендации авторов позволяют утверждать, что перед нами не только учебное пособие для студентов, но и работа, которая окажется полезной для самых широких кругов общественности.

Авторы пособия исходят из положения о том, что воспитание историей — основа формирования общественного мировоззрения, нравственности, гуманистических идеалов у представителей всех слоев населения, включая и школьную молодежь. В современных условиях возрастает роль патриотического и интернационального воспитания, усиливается значение всех форм и видов краеведческой, исследовательской работы. В этой связи любому преподавателю рассматриваемое учебное пособие окажет научную, теоретическую помощь.

Во введении и главе I освещены задачи, формы и методы археографической работы, дана характеристика документальных памятников, их ценности в деле образования и воспитания. Раскрывается положение о том, что созиранье, учет, описание и использование памятников истории и культуры налагает на всех тех, кто этим занимается, большую ответственность, что эта работа должна опираться на научно обоснованную и проверенную

практикой методику. Эта мысль проходит красной нитью через все пособие; вопрос теории и методики организации выявления, учета и использования документальных памятников авторы уделяют много внимания. Материалы 2-й и 3-й глав об археографической деятельности в дореволюционной России и о публикации документальных памятников в советское время вооружают знанием работников музеев и студентов, помогут преподавателю в развитии интереса у студентов, учащихся к исследовательской работе на ее подготовительном этапе.

Особую значимость в учебном процессе представляет методические указания в главе 4 «Поиск сведений в библиотеках и архивах». Ее материал способствует выработке умения ориентироваться в многочисленных справочных пособиях, которые помогут найти нужные сведения в печатных изданиях или архивных документах. В данной главе указаны все виды справочных пособий,дается их конкретная характеристика, показаны методика работы в архивах, структура и содержание единой государственной архивной службы, приведены образцы официальных документов, указаны правила работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР. Глава 5 посвящена выявлению старинных документальных памятников, опыту проведения комплексных археографических экспедиций, в том числе региональных программ: «Итоги одной лишь Вологодской комплексной программы сопоставимы с результатами полевой археографической работы всех научных центров РСФСР за 10 лет» (с. 138). Представляет интерес обоснование важного тезиса о памятниках старой книжности в контексте науки, выявление которых у населения и в местных хранилищах позволяет внести дополнения в готовящиеся ныне фундаментальные справочники, международные Сводные каталоги.

В последние годы в институтах и школах (городских и сельских) широко практикуется создание уголков, залов, музеев боевой и трудовой славы, Ленинских залов. В работе учителю, классному руководителю помогут главы 6 и 7 — «Собирание документов советской эпохи с участием общественности», «Организация работы по созданию воспоминаний и сохранению семейных архивов», где освещена история созиравательной деятельности, описана структура и показано значение семейных архивов; приводится в качестве примера содержание анкеты операции «Фронтовое письмо». Боль-

шую пользу для практической работы представляет содержащееся в данной главе описание состава документальных памятников: биографической документации, документов служебной и общественной деятельности, творческой документации и т. д. Безусловно, знание состава и особенностей данных документов позволит целенаправленно и на подлинно научной основе вести поиск. Доходчиво и убедительно раскрыты все этапы и принципы подготовительной и сбирательной работы: создание общественного совета музея; методическая, техническая и психологическая подготовка к поиску; методика постоянного пополнения; координация сбирательной деятельности всех общественных музеев данного региона и государственных хранилищ; установление контакта с владельцами документальных памятников; включение их в работу. Как записать воспоминания, какую помочь можно оказать в написании мемуаров, как помочь подготовить личный архив к передаче его в государственные или общественные хранилища? — на эти и другие вопросы мы находим ответы в седьмой главе.

Завершает пособие глава 8 — «Документальные памятники в школьных музеях». В ней даны анализ развития школьного краеведения, типичных ошибок в деятельности школьных самодеятельных формирований музейного типа, описание конкретной организации и методики комплектования и хранения документальных памятников истории и культуры в школьных музеях. Представляются ценностями методика составления двух видов планирования по комплектованию фондов и программа краеведческого исследования. Обращено внимание на то, что недопустимы нарушения (что случается нередко) специальных законодательных требований, связанных со сбором и обеспечением сохранности памятников истории и культуры. Приведены примерные образцы оформления и ведения полевых документов, формуляров акта приемки памятников истории и культуры, тетрадей для записей воспоминаний и рассказов, тетрадей фотографии и других документов.

Пособие адресовано прежде всего студентам-историкам. Поэтому, на наш взгляд, авторам следовало уделить внимание методическому аппарату, который способствовал бы выработке навыков самостоятельной археографической работы, умению увязывать археографический материал с программой курса по истории СССР. Принесла бы пользу специальная глава (либо приложение) с рассказом о передовом опыте работы коллектива (факультета, кафедры, школы, клуба, кружка и т. д.), связанной с выявлением, учетом и применением документальных памятников в учебно-воспитательном процессе.

П. А. Колесников, Е. И. Притыченко

Примечания

* Колл. авт.: И. А. Альтман, А. А. Амосов, С. В. Житомирская, А. А. Курносов, Б. Г. Литvak, В. Е. Туманов, В. А. Черных, С. В. Чирков, С. О. Шмидт. Под ред. С. О. Шмидта.

¹ См.: Г о р б а ч е в М. С. О ходе реализации решений ХХVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС 28 июня 1988 года. М., Политиздат, 1988, с. 40,

² Отметим, что в музеях отложился богатейший пласт книжного и документального фонда культуры; подтверждением тому может служить, например, многотомный аннотированный каталог «Памятники письменности в музеях Вологодской области». Содержащийся в нем перечень книг (рукописных, старопечатных и более позднего издания), документальных памятников досоветского периода включает названия сотен не только редких, но и уникальных экземпляров. Они впервые вводятся в научный оборот либо учтены лишь в одном-трех экземплярах в книгохранилищах страны. Не менее богат фонд источников по истории советского общества. (См.: А м о с о в А. А., К о л е с н и к о в П. А. Опыт и перспективы описания памятников в местных хранилищах /«Вологодская программа», сущность, результаты и задачи/. — Археографический ежегодник за 1986 г. М. 1987, с. 164—168.) Такого рода аннотированные каталоги стали издаваться помимо Вологды в Сыктывкаре, Свердловске и других городах РСФСР.

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

© 1990 г.

ДИТРИХ ГАЙЕР

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ИСТОРИКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ФРГ

Публикуемая ниже статья профессора Тюбингенского университета Дитриха Гайера (ФРГ) подготовлена на основе доклада, прочитанного во время VI коллоквиума советских и западно-германских историков, состоявшегося в Москве 9—11 октября 1989 г.

Изучение истории России в Германии имеет давнюю традицию. Она сложилась в XVIII в. и является такой же старой, как историческая наука в самой России. В настоящее время при всех крупных университетах ФРГ существуют кафедры восточноевропейской истории. Россия составляет, конечно, только часть Восточной Европы, но именно она находится в центре нашего научного внимания. Приблизительно 60—70 профессоров и доцентов у нас занимаются историей России и Советского Союза. В год защищается в среднем 8—12 диссертаций на эти темы. Наиболее полную информацию о состоянии изучения русской истории в ФРГ дает многотомный «Справочник по истории России» («Handbuch der Geschichte Russlands»). Он охватывает российскую и советскую историю с древнейших времен до конца второй мировой войны. Главным специальным периодическим изданием являются «Ежегодники по истории Восточной Европы» (выходящие с 1953 г.). В этом издании темы русской и советской истории тоже занимают основное место. В ФРГ есть большие библиотеки с богатыми собраниями русской исторической литературы. Следует назвать в первую очередь Баварскую государственную библиотеку в Мюнхене и Государственную библиотеку в Западном Берлине. В Кёльне и Геттингене также имеются значительные фонды Russica и Sovetica. Даже небольшие университеты, как, например, Тюбингенский, где работаю я, также имеют неплохие собрания исторической литературы о России. Мы стараемся получать большую часть советских публикаций по истории. Мы выписываем многочисленные исторические журналы и, кроме того, основные «толстые» журналы — от «Нового мира» до «Нашего современника».

При изучении истории России и Советского Союза даже у нас есть еще много «белых пятен». Нет запретных зон, но когда мы говорим об истории России, то имеем в виду прежде всего русскую историю. За редким исключением наши интересы, так сказать, русскоцентристские, т. е. сосредоточены на истории Русского государства, русского общества, русского народа, русской культуры и т. д. То, что в Советском Союзе называют «отечественной историей», для нас прежде всего означает русскую историю. В основном мы занимаемся изучением истории центра, а не периферии. По истории Украины за последнее время вышло только две или три достойные упоминания работы. Историей Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока у нас фактически никто не занимается. Исключением является только история Прибалтики. Изучение этой проблематики у нас имеет давнюю историографическую традицию, но и здесь оказывается нехватка научных кадров, владеющих балтийскими языками.

В ФРГ ежегодно выходит более ста книг, которые тем или иным образом касаются вопросов истории России или Советского Союза. Среди книг, опубликованных в 80-х гг., мне хотелось бы выделить следующие:

1) Манфред Хильдемар. Гражданство и город в России 1760—1870 гг. Правовое

составление и социальная структура. Кёльн, 1986. 689 с.¹

2) Дитрих Байрау. Войско и общество в дореволюционной России. Кёльн, 1984. 504 с.²

- 3) Г. Д. Лёве. Положение крестьян в России. Экономические и социальные изменения в сельских обществах царской России 1880—1905. Св. Катарина, 1987. 450 с.³
- 4) Эрик Амбургер. Ингерманландия. Новая провинция России / В 2-х т. Кёльн, 1980. 1047 с.⁴
- 5) Андреас Каплер. Первые национальности России. Царская империя и национальности на Средней Волге с шестнадцатого по девятнадцатый век. Кёльн, 1982. 571 с.⁵
- 6) Ингеборг Флайшхаузер. Немцы в царской империи. Два столетия немецко-русской культурной общности. Штуттгарт, 1986. 671 с.⁶
- 7) Герхард Симон. Национализм и национальная политика в Советском Союзе. От тоталитарной диктатуры до послесталинского общества. Баден-Баден, 1986. 486 с.⁷
- 8) Карл Шлегель. За Великим Октябрем. Лаборатория модернизма. Петербург 1909—1921 гг. Берлин, 1988. 541 с.⁸
- 9) Петер Шайберт. Ленин у власти. Русский народ в революции 1918—1922. Вейнхейм, 1984. 730 с.⁹
- 10) Хорст Гюнтер Линке. Царская Россия и первая мировая война. Дипломатия и военные цели 1914—1917. Мюнхен, 1982. 343 с.¹⁰

По этому списку легко определить главные темы западногерманской историографии России: социальная и экономическая история (Хильдермайер, Байрау, Лёве), региональная история (Амбургер), история национальностей (Каплер, Симон, Флайшхаузер), история культуры (Шлегель), история революции (Шайберт) и история внешней политики (Линке). Разумеется, приведенный перечень далеко не полон. Во-первых, за его рамками остались труды наших видных медиевистов по истории Киевской Руси, Московского государства, по истории древнерусских летописей и по истории церкви; во-вторых, в нем не отражен интерес немецких исследователей к истории русской философии: так, например, профессор Тюбингенского университета Людольф Мюллер опубликовал лучшее научное издание труда «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона на русском языке. Кроме того, ему принадлежит заслуга немецкого издания «Полного собрания сочинений» Владимира Соловьева. Наконец, в-третьих, этот список не показывает, что в ФРГ осуществляется много исследований и публикаций по истории советского периода, к примеру, о новой экономической политике, а также о коллективизации, сталинщине и о других трагических явлениях. Только американские советологи перегнали нас в этой области.

Мы искренне надеемся на то, что «новое мышление» в Советском Союзе откроет новые перспективы также и в сфере сотрудничества историков наших стран. Интерес немецкой общественности к советскому прошлому и настоящему никогда не был столь большим, как в последние три года. Благодаря гласности мы получаем такую массу информации, что с трудом справляемся с ее обработкой. Мы внимательно следим прежде всего за текущими дебатами по советской истории: беседами за «круглым столом», публикациями до сих пор не известных исторических документов, попытками историков создать новую культуру дискуссии и критики. Мы приветствуем эти явления. Мы также считаем, что история — это не дело бюрократии, диктующей, что есть истина. Честно говоря, в то время, когда господа Суслов и Трапезников определяли курс в аппарате ЦК, нам трудно было рассматривать советскую историческую науку в качестве партнера. Мы оценивали профессионализм отдельных знаменитых ученых, но общее впечатление было преимущественно отрицательным. Это было плохое время в России для музы Клио. Раньше я весьма немного времени уделял чтению таких журналов, как «Вопросы истории» или «История СССР». Их содержание обычно было скучным. С наступлением перестройки ситуация стала меняться. Теперь я внимательно читаю эти журналы, так же, как и многие другие издания. Чтение показывает, что советская историография находится на пути к обновлению. Плюрализм мнений является творческой силой. Хорошо, что в этнографии есть не только Бромлей, но и Лев Гумилев, в методологии не только Ковалыченко, но и Волобуев, в историографии Киевской Руси не только Рыбаков, но и Новосельцев, Фроянов и т. д. Короче говоря, с нашей точки зрения, мир историй в Советском Союзе стал более разнообразным, пестрым и, следовательно, более интересным.

Мы надеемся, что гласность приведет к созданию закона об архивах, который полностью откроет их для историков. Мы надеемся, что наряду с дебатами о сталинизме возобновятся дебаты и по другим важным темам российской истории, например, об особенностях российского абсолютизма, о предпосылках русского империализма, о народничестве, о русском либерализме, о политических и философских идеях в России и т. д. Как важно было бы именно сегодня написать историю идеи правового государства в России.

Мы надеемся на возрождение исторической биографии. Именно здесь — много тем для ненаписанных книг. Я имею в виду не только биографию Сталина Волкогонова или создаваемые сегодня в СССР политические портреты Троцкого, Бухарина и др., я прежде всего думаю о фундаментальных биографиях, например, М. М. Сперанского, братьев Н. А. и Д. А. Милютиных, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и многих десятков других деятелей.

Мы надеемся, что публикация исторических источников, и в частности архивных материалов, расширится. Мне, например, хотелось бы, чтобы ускорился выход в свет очередных томов «Полного собрания русских летописей», «Писем и бумаг Петра Великого», издание новых сборников документов внешней политики царской России и СССР, протоколов Пленумов ЦК КПСС и т. д. Весьма важным представляется создание проекта фундаментального Атласа по истории СССР, расширение статистической базы исторической демографии. До сих пор у вас нет монографий по истории профессий — русских врачей, учителей, адвокатов, инженеров, профессоров и т. д.

Таким образом, наши пожелания бесконечны. С особым нетерпением мы ждем новых концепций российской и советской истории, ждем книг по истории многонациональной России, ждем трудов о многочисленных нациях и национальностях, которые живут на территории Советского Союза. Мы также ждем работ по истории СССР, которые будут написаны не только в Москве, а, например, в Тбилиси, Ташкенте, Риге или во Львове. Такие большие надежды связываются нами с перестройкой в советской историографии. В первый раз предоставляются возможности развивать более совершенные и плодотворные формы серьезной научной кооперации историков наших стран. Это позволит вывести наши отношения из состояния застоя. С большим интересом мы приняли к сведению, что президиум Академии наук СССР решил поддержать советскую германистику путем радикальных мероприятий. Мы желаем этой инициативе больших успехов. Хотелось бы знать, каким образом историки ФРГ могли бы со своей стороны содействовать возобновлению германистских исследований в СССР. С нашей точки зрения, советская германистика находится сегодня в плачевном состоянии¹¹.

Что же можно предпринять в будущем в интересах нашего сотрудничества? Для творческой фантазии нет границ. Мои предложения сводятся к следующему:

1. Создание курсов немецкого и русского языков для немецких студентов и аспирантов, обучающихся в СССР, и советских — в ФРГ: «Немецкий язык для советских историков» и «Русский язык для немецких историков».

2. Студенческий обмен между СССР и ФРГ по специальностям «германская история» и «история СССР».

3. Стипендии на исследовательские работы в архивах и библиотеках.

4. Постоянная профессура по германской истории при одном из советских университетов (язык преподавания — немецкий); постоянная профессура по истории России — Советского Союза при одном из немецких университетов (язык преподавания — русский).

5. Обмен доцентами отдельных исторических институтов и факультетов.

6. Доклады и лекции в обеих странах.

7. Публикация статей советских и немецких историков в специальных журналах обеих стран.

8. Постоянное сотрудничество западногерманских историков в «Ежегоднике германской истории» и советских историков в «Ежегодниках истории Восточной Европы» (*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*).

9. Создание смешанных групп ученых для осуществления совместных проектов и проведения коллоквиумов.

10. Обмен опытом написания школьных учебников и преподавания истории в обеих странах.

Разумеется, этот список мог бы быть продолжен. Абсолютно ясно, что для реализации каждого отдельного пункта требуется напряжение многих сил. Может быть, для начала было бы целесообразным создание смешанного организационного комитета для разработки подготовительных шагов практического сотрудничества.

В организации науки наших стран существуют довольно большие различия. В области историографии у нас нет крупного центра. Зато имеется много небольших центров во всех землях ФРГ. Поэтому мы бы приветствовали включение в орбиту научного сотрудничества не только Москвы и Ленинграда, не только Института всеобщей истории АН СССР, Института истории СССР АН СССР или будущего Межинститутского центра советской германистики, но также и историков периферии, университетов и институтов отдельных советских республик, в том числе историков из прибалтийских республик, где, как известно, имеется значительный научный потенциал и сохранилась богатая традиция германистики.

Уже давно существуют «Немецкие институты истории» в Риме, Париже, Лондоне. Совсем недавно был основан такой институт в Вашингтоне. Эти учреждения независимы. В них действует принцип нашей конституции: наука свободна. Эти институты можно было бы назвать посольствами немецкой исторической науки за рубежом. Их задача состоит в содействии международному сотрудничеству историков. Возникает соблазнительная мысль основать Немецкий институт истории в Москве и Советский институт истории в ФРГ. Я понимаю, что это дерзкий план. Но такие проекты необходимы для развития международной кооперации историков. Историки, как известно, скромные люди. Но в интересах нашего сотрудничества я призываю их быть смелее.

Примечания

¹ H i l d e r m e i e r M. *Bürgertum und Stadt in Russland 1760—1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur*. Köln, 1986.

² B e y g r a u D. *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Köln, 1984.

³ Löwe H.-D. *Die Lage der Bauern in Russland. Wirtschaftliche und soziale Veränderungen in der ländlichen Gesellschaft des zaristischen Russlands 1880—1905*. St. Katharina, 1987.

⁴ A m b u r g e r E. *Ingermanland. Eine junge Provinz Russlands im Wirkungsbereich der Residenz und Weltstadt St. Petersburg — Leningrad*. Bd. 1—2. Köln, 1980.

⁵ K a p p e l e r A. *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*. Köln, 1982.

⁶ F l e i s c h h a u e r I. *Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft*. Stuttgart, 1986.

⁷ S i m o n G. *Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinistischen Gesellschaft*. Baden-Baden, 1986.

⁸ S c h l ö g e l K. *Jenseits des Grossen Oktober. Das Laboratorium der Moderne*. Petersburg 1909—1921. Berlin (West), 1988.

⁹ S c h e i b e r t P. *Lenin an der Macht. Das russische Volk in der Revolution 1918—1922*. Weinheim, 1984.

¹⁰ L i n k e H. G. *Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg. Diplomatie und Kriegsziele 1914—1917*. München, 1982.

¹¹ Об этом писал недавно советский историк В. А. Айзин в статье «Об изучении германской истории» (Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 197—201).

К. А Н Д Р Е Е В. ВЛАСОВ И РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ*

Отрицательное влияние сталинизма на советскую историческую науку привело к тому, что длительное время историки не имели возможности изучать многие проблемы прошлого своей страны. Создалась парадоксальная ситуация — отдельные вопросы оказались лучше изученными за рубежом. Среди них — коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. На эту тему в Великобритании, США, Франции и ФРГ появилось более 2000 публикаций.

Монография Кэтрин Андреев (дочь эмигранта, она пишет фамилию на английский манер) посвящена так называемому власовскому движению. Автор опирается на обширный круг источников: привлекает документы из архивов Великобритании, США и ФРГ; использует периодику времен войны и воспоминания лиц, в той или иной степени связанных с власовским движением. Английская исследовательница цитирует более 200 книг, статей и диссертаций. Из них — 135 работ, написанных бывшими власовцами или русскими эмигрантами. Указывая на недостатки этой литературы (с. 9), автор тем не менее в трактовке многих вопросов продолжает заложенные в ней традиции. По мнению К. Андреев, сразу же после нападения фашистской Германии на СССР советские граждане, оказавшиеся на оккупированной территории, «стали открыто выражать свою оппозицию по отношению к Сталину и его режиму» (с. 1), причем «многие рассматривали немцев как освободителей» (с. 34, 93), а «некоторые части Красной Армии добровольно переходили на сторону немцев, так как отказывались сражаться за советский режим» (с. 34). Поэтому все «оппозиционные силы» автор предлагает объединять под названием «Русское освободительное движение» (с. 2). Подобные заявления распространялись фашистской и власовской пропагандой в годы войны, и удивляет, что в 80-е гг. исследовательница воспринимает

их как нечто само собой разумеющееся. К. Андреев искусственно расширяет социальную базу «Движения». Она предлагает определять его численность не по количеству власовских формирований, а по «потенциальной поддержке». Умалчивая о критериях определения этой «поддержки» и не располагая конкретными данными, автор голословно причисляет к сторонникам Власова большинство населения оккупированных районов и советских граждан, привлеченных к принудительному труду в фашистской Германии (с. 7). Таким образом создается видимость «массовости».

К. Андреев допускает, что германское вторжение создавало определенные возможности для развертывания «освободительной борьбы против сталинского режима», но нацисты этой возможностью не воспользовались, а власовцы, в свою очередь, «не понимали» природы фашизма (с. 91). Автор неоднократно указывает на власовскую альтернативу сталинизму, но не задумывается о том, насколько реальной была эта альтернатива. Объяснять действия власовцев «непониманием» фашизма по крайней мере наивно. Некоторые из них сами участвовали в карательных акциях, а многие сидели в концлагерях и видели обращение фашистов с пленными и населением. Вызывает недоумение попытка исследовательницы объяснить тяжелое положение советских военно-пленных тем, что в 1929 г. Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных (с. 34). Подобное утверждение снимает вину с нацистских преступников и создает впечатление, что если бы СССР подписал конвенцию, то фашисты следовали бы ей и проявляли бы гуманность к пленным.

Главный изъян работы заключается в том, что власовское движение рассматривается вне норм общечеловеческой морали, как некая оппозиционная сила Сталину. Поэтому автор не видит ничего предосудительного в покровительстве СС по отношению к Власову, который, чтобы заручиться поддержкой Гиммлера, при живой жене женился на вдове эсэсовца (с. 59). По логике автора, борьба со сталинским режимом оправдывает любые средства — ложь, предательство, убийство соотечественников. Моральные аспекты не тревожат автора. Для нее действия власовцев — вынужденный компромисс. В своих рассуждениях английская исследовательница доходит до того, что готова вслед за Власовым объявить его «дело» справедливым только потому, что текст «Пражского манифеста» (ноябрь 1944 г.), утвержденный Гиммлером, ни разу не публиковался в СССР. Следовательно, по мнению автора, советским властям есть что скрывать, и это будто бы подтверждает правоту Власова.

Создавая вокруг Власова ореол трагической личности, погибшей за высокие идеалы, автор поддерживает версию, выдвинутую власовским окружением, что будто бы Власов боролся не только против сталинского режима, но и против нацизма (с. 59). Попытка исследовательницы представить Власова убежденным противником Сталина до немецкого плена не выдерживает критики. Так, К. Андреев часто цитирует книгу бывшего представителя немецкого командования при Власове В. Штрик-Штирикфельда «Против Сталина и Гитлера». Однако она не замечает, что из воспоминаний Штрик-Штирикфельда видно, как тщательно фашистская разведка и пропагандистские службы «работали» с Власовым, как шли поиски подходящего лица, которое могло бы, с одной стороны, противопоставить себя Сталину, а с другой — должно было быть достаточно известным, чтобы выступать от имени русских. Под предлогом «помощи немецкой армии в освободительной войне против Сталина» фашистские идеологи нашли удобное обоснование для прикрытия сотрудничества¹.

Много внимания исследовательница уделяет изучению идеологии власовского движения. Здесь ей пришлось столкнуться с наибольшими трудностями, так как «чувство интеллектуальной свободы» (с. 201), которое власовцы испытывали в немецком плена, не отразилось на их «творческой» деятельности. Автор стремится оправдать власовцев и наиболее одиозные высказывания (обвинения СССР в развязывании войны, антисемитизм и др.) объясняет исключительно давлением фашистской цензуры (с. 97—99, 133—135). К. Андреев считает, что ради борьбы со Сталиным власовцам приходилось идти на уступки нацистам, на своего рода «мирное сосуществование». Для этого будто бы использовался эзоповский стиль. Соответственно, их истинные «программные мысли» автор, вслед за власовской литературой, предлагает искать «между строк» (с. 98, 202). Однако сама исследовательница затрудняется указать, среди каких именно строк необходимо искать эти трудноуловимые мысли.

И все же, несмотря на тенденциозность, у автора есть и обоснованные суждения. Так, она приходит к выводу, что идеологические взгляды власовцев были «непоследовательны» и носили «упрощенный» характер. Будущее они представляли себе очень смутно. Достаточных знаний не имели и выработать четкую программу не смогли (с. 91—93, 118, 150).

В книге убедительно показано, что по крайней мере до января 1945 г., когда Гиммлер разрешил Власову сформировать две дивизии, Русская освободительная армия была фикцией (с. 2, 53). Термин «РОА» и имя Власова немецко-фашистское командование длительное время использовало только в пропагандистских целях (с. 2, 53). В этом плане английская исследовательница солидарна с позицией западногерманского историка И. Хоффмана, который подробно изучил историю власовской армии и доказал, что общая численность ее формирований не превышала 50 тыс. человек².

К. Андреев показала, что отношение к Власову со стороны фашистов стало меняться с ухудшением положения на фронте (с. 49). Автор подробно освещает действия власовцев в конце войны, когда немецкое командование приказывало им занять позиции на Восточном фронте. Казалось бы, силам «освободителей» представилась желанная возможность бороться против большевизма, но власовцы под любым предлогом пытались избежать столкновений с советскими войсками (с. 70—73).

В книге показано, что советская пропаганда, направленная против Власова, была во многом примитивной. В духе сталинского времени Власова обвиняли в шпионаже в пользу Германии с 1941 г. Намеки на то, что Власов до немецкого плена был связан с фашистской разведкой, до сих пор можно встретить в советской прессе³.

Изучая различные политические течения русской эмиграции, К. Андреев свидетельствует, что только представители НТС безоговорочно встали на путь сотрудничества с Власовым. Причем НТС пользовался сильным влиянием (с. 191). Значительная часть русской эмиграции не поддерживала Власова, так как «задолго до нападения Германии на Советский Союз им было ясно, что сотрудничество с фашистами невозможно» (с. 199—200).

Нельзя не согласиться с некоторыми упреками в адрес советских историков, которые, действительно, продолжительное время отстранялись или были отстранены от изучения отдельных проблем истории Великой Отечественной войны. В настоящее время перестройка открывает перед историками огромные перспективы. Необходим объективный, на широкой источниковом базе анализ проблем коллаборационизма в годы войны. Тема болезненная и очень сложная. Долгие годы считалось, что при социализме это явление невозможно, так как отсутствует социальная база. Но опыт второй мировой войны показал, что с коллаборационизмом пришлось столкнуться всем странам, чья территория была оккупирована немецко-фашистскими войсками. До сих пор отрицательно сказывается порочная политика сталинизма по отношению к пленным и советским гражданам, насильственно вывезенным в Германию. Их численность превышала 12 млн. человек (по немецким данным, 5 734 528 военнопленных и более 6 млн. гражданских лиц)⁴. Многие из них по возвращении на родину подверглись репрессиям.

Ограниченнная информация, излишняя засекреченность документов (почему бы не опубликовать материалы суда над Власовым?), противоречивость советских публикаций о Власове способствуют появлению различного рода слухов и домыслов. Это приводит к тому, что пущенная власовцами легенда о «патриоте генерале Власове, сложившем голову в схватке со сталинизмом», по-прежнему живуча и имеет своих сторонников, что наглядно демонстрирует рецензируемая книга.

С. В. Кудришов

Примечания

* Andreyev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement London et al.: Cambridge University press, 1987.. 251 p.

¹ Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне, 1960. С. 107—116.

² Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1984. S. 80.

³ Комсомольская правда. 1988. 3 марта. С. 4.

⁴ Политическое самообразование. 1988. № 17. С. 42; Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 609.

Х. НАКАЯМА. ЦАРСКАЯ РОССИЯ И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ. Токио, Иванами-Сэтэн*

Новая монография известного японского исследователя экономической истории России и СССР профессора из Токио Х. Накаямы, посвященная сложной и многогранной проблеме роли иностранного капитала в экономическом развитии России конца XIX — начала XX в., бесспорно, привлечет к себе внимание специалистов. По определению самого Х. Накаямы, стержнем его исследования является анализ той глубокой связи, которая существовала между развитием народного хозяйства царской России и привлечением в страну иностранного капитала, причем этот вопрос рассматривается на фоне изменчивой экономической конъюнктуры, экономических взлетов и спадов, имевших место в России указанного периода (с. V). В основу книги положены изыскания автора, начатые еще в 1963—1967 гг. Источниковой базой монографии Х. Накаямы явились различного рода статистические публикации, в том числе выполненные дореволюционными российскими учеными и чиновниками. В монографии имеются составленные японским исследователем 158 таблиц, представляющие собой статистические выкладки по различным аспектам деятельности международного капитала в России, и ряд диаграмм.

Монография Х. Накаямы состоит из краткого предисловия, вводной и заключительной, а также трех основных глав. Вводная глава монографии, носящая название «Проблемы периода становления российского капитализма», подразделяется на ряд разделов, посвященных железнодорожному строительству в царской России и механизму его финансирования, текстильной промышленности (в качестве базового объекта исследования здесь взята хлопчатобумажная промышленность), кризисным явлениям в российской экономике периода раннего капитализма, а также сельскому хозяйству. В первой главе — «Подъем 90-х годов XIX века и кризис 1900 г.» — рассматриваются экономический подъем («высокая конъюнктура», по терминологии Х. Накаямы) 90-х XIX в. в России, последствия введения золотого монометаллизма, состояние отдельных отраслей российской экономики — железнодорожной, каменноугольной, нефтяной и хлопчатобумажной; заключительные разделы главы посвящены подробному анализу кризиса 1900 г. в России и особенностям его проявления в отдельных отраслях. В главе второй — «Депрессия 1904—1908 гг.» — исследуются как общие проблемы указанного периода (образование и деятельность монополий, механизм финансирования, взаимоотношения между Государственным банком России и частными банками, степень притока иностранного капитала в Россию), так и экономическая структура в отдельных отраслях промышленности. Третья глава — «Подъем 1909—1913 гг.» — трактует вопросы, связанные со структурой накопления капитала накануне первой мировой войны; особенно подробно анализируются кредитный механизм и накопление капитала внутри страны. Заключительная глава посвящена периоду первой мировой войны.

Несомненным достоинством монографии японского исследователя является анализ экономического развития России во всемирно-историческом контексте. Х. Накаяма специально обращает внимание на то, что российский капитализм развивался и формировался отнюдь не только в рамках одной страны, а был одним из звеньев мирового капитализма, центром которого являлась Западная Европа (с. 2). В монографии имеются многочисленные историко-сравнительные сопоставления России, в частности, с Японией и Германией. По мнению Х. Накаямы, как Россия, так и Япония — страны, с запозданием вступившие на путь развития капитализма, — пережили начало эры своей модернизации примерно в одно и то же время. Для России толчком к ней явились поражение в Крымской войне; начало модернизации Японии часто связывают с отказом от политики самоизоляции, к которому ее принудило прибытие в страну эскадры М. Перри (с. 5). «Одним из гигантских шагов на пути индустриализации России» Х. Накаяма считает «начавшееся здесь железнодорожное строительство» (с. 11), причем он правильно полагает, что российское железнодорожное строительство «шло в русле обычного пути развития мировой экономики», хотя отсутствие внутри страны развитого рынка капиталов приводило к зависимости от капиталов извне (с. 13).

Структура обеспечения крупным капиталом, состоявшая в России из трех основных компонентов — государственных финансов, зарубежных займов и Государственного банка, — имела, по мнению Х. Накаямы, общие черты со странами, вступившими на путь капитализма с запозданием (например, Японией), однако характерной особенностью России было то, что эта структура функционировала при весьма своеобразном строении внешней торговли. Так, в частности, ввоз товаров и иностранного капитала, сопровождавший индустриализацию, основой которой было железнодорожное строительство, осуществлялся в основном за счет кредитов, полученных в Европе и Америке, и в меньшей степени за счет заемных средств, привлеченных в России. Важную роль в этом сыграло то обстоятельство, что в России не было развитого рынка капитала, что ограничивало возможности привлечения внутренних источников финансирования индустриализации.

дорожное строительство, должен был компенсироваться вывозом сельскохозяйственных продуктов; иначе говоря, по мысли японского исследователя, «само развитие капитализма в России было основной причиной непозволительного сельскохозяйственного дефицита на внутреннем рынке» (с. 30). Думается, что последняя идея далеко не бесспорна и нуждается во всестороннем обосновании.

Особое внимание Х. Накаяма уделяет введению в России золотого стандарта, на который Россия — и это весьма характерно — перешла одновременно с Японией. По мнению японского исследователя, царизм решился на проведение золотой реформы с целью облегчения более широкого привлечения иностранных капиталов (с. 92, 143). Соглашаясь с Х. Накаямой в том, что введение золотого монометаллизма было важной вехой в российской экономической жизни, отметим вместе с тем, что переход России на золотой стандарт совпал по времени с началом эпохи монополистического капитализма (Англия перешла на золотой стандарт еще в 1816 г., Германия — в 70-х гг. XIX в.), что как бы заранее предопределяло исторически краткосрочную жизнь этой реформы. Система монопольных цен, как показало последующее развитие, была несовместима с золотым стандартом, ибо всего добываемого золота не могло хватить для обслуживания товарного обращения в условиях непрерывно вздываемых монополиями цен.

Исследуя проблемы промышленного развития России, Х. Накаяма отмечает, что, несмотря на взлет, продемонстрированный железнодорожной и каменноугольной промышленностью, Россия была все же вынуждена частично удовлетворять свои энергетические потребности за счет ввоза. Нефтяная промышленность, напротив, в конце XIX в. выходит на первое место в мире, и Россия в определенные периоды была способна экспорттировать нефть; однако после кризиса 1900—1903 гг. российская нефтедобыча вступает в полосу стагнации, а затем резкого упадка. Японский исследователь обращает внимание на то обстоятельство, что вторично наша страна обгоняет США по добыче нефти уже в 70-х гг. XX в., и призывает к глубокому исследовательскому осмыслению этого экономического феномена. С правомерностью такой постановки вопроса нельзя не согласиться. Однако в «застойный период» возможность комплексного анализа тенденций развития топливной промышленности СССР как в дореволюционный, так и послереволюционный периоды в нашей исторической науке была практически исключена¹. Думается, что происходящая сейчас перестройка советской исторической науки откроет, наконец, возможность исследовать сравнительно-исторические темы в широких хронологических рамках, подобно тому, как это имеет место в лучших работах наших зарубежных коллег.

Интересны страницы исследования Х. Накаямы, посвященные Государственному банку России, бывшему, с одной стороны, коммерческим банком, а с другой — становившемуся «банком банков», т. е. выполнявшему функцию центрального банка страны. Первая из перечисленных функций выходила, по мнению японского исследователя, на первый план в годы «высокой конъюнктуры», вторая — в годы кризиса, когда Государственный банк широко практиковал так называемые «внеставочные ссуды» (с. 173, 177). К сожалению, в данном разделе монографии Х. Накаямы, богатом историко-сравнительными экскурсами, такие экскурсы почти отсутствуют. Между тем интересно было бы узнать, существовало ли в историческом развитии экономики Японии нечто похожее на российские «внеставочные ссуды»? Известно, например, что так называемые «Notstandskredite» (кредиты для удовлетворения насущных нужд), предоставляемые германским Рейхсбанком, по своему характеру весьма схожи с российскими «внеставными ссудами»².

Х. Накаяма подробно останавливается на различных точках зрения, существующих в советской историографии по поводу того, в какие периоды — кризисные или же, наоборот, в периоды подъема — наблюдался наибольший приток иностранного капитала в Россию. В этой связи он анализирует изыскания советского историка В. И. Бовыкина, показавшего, что самое большое увеличение в притоке капиталов (как в абсолютных цифрах, так и в среднегодовых) наблюдалось не в периоды промышленного подъема, а в годы кризиса и депрессии. Соглашаясь в общем и целом с этой точкой зрения, Х. Накаяма дает свои собственные подсчеты притока в Россию иностранных капиталов (он основывается при этом главным образом на данных историков В. И. Бовыкина и И. Ф. Гиндина), делая акцент на том, в каких формах такой приток осуществлялся (с. 249—250). Так, пропорция между притоком капитала в форме государственных или гарантируемых государством займов и притоком капитала в акционерной форме изменилась, по подсчетам Х. Накаямы, от 2:1 в годы подъема до 4:1 в годы депрессии (с. 249). Японский исследователь опровергает распространенное в советской историко-экономической литературе мнение, что вложения капитала в форме государственных займов или в форме ипотечных займов являются «непроизводительными»,

а вложения в форме железнодорожных займов, акций промышленных монополий и городских (муниципальных) займов — «производительными». Он указывает, что, к примеру, часть государственных займов могла использоваться как производительные вложения (с. 289—291). Это мнение, на мой взгляд, весьма дискуссионно и нуждается во всесторонней исследовательской проверке.

Из работы Х. Накаямы следует, что в предвоенный период российские банки избежали прямой зависимости и прямого контроля со стороны иностранного капитала, однако налицо была остаточная форма накопления капитала, которая предполагала варианты зависимости от притока иностранных вложений (с. 327).

В связи с тем, что монография японского исследователя Х. Накаямы является одной из наиболее крупных и серьезных работ зарубежных историков по проблемам экономического развития России конца XIX — начала XX в., она, на мой взгляд, может быть рекомендована для издания в переводе на русский язык.

И. А. Дьяконова

Примечания

*Накаяма Хиромаса. Тэйёэй-Росиа то гайкоу сихон. Токио: Иванами-сётэн. 1988. 395 с.

¹ Автору настоящих строк удалось опубликовать на эту тему лишь статью, да и то не в СССР, а в Чехословакии: Dia konova I. A. Quelques aspects de l'industrie pétrolière en Russie prérévolutionnaire. Technology and Society // Czechoslovak Studies in the History of Science: Special Issue 8. Prague. 1976. P. 163—175.

² См.: Die Bank. Berlin. 1908. № 2. S. 191—192.

Д. Ж. С К Р И Н. ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ В ХЕЛЬСИНКИ. 1846—1879. Изучение системы подготовки офицеров русской армии*

Небольшая по объему монография английского историка Дж. Скрина посвящена вопросу подготовки офицеров для русской армии в бывшем Гельсингфорском юнкерском училище. Книга представляет собой исследование, основанное на изучении широкого круга источников и литературы. Автор при ее написании использовал труды русских военных историков (в частности, П. О. Бобровского), официальные отчеты, периодическую печать, а также работы советских историков Л. Г. Бескровного и П. А. Зайончковского, в которых затрагиваются проблемы подготовки офицерского корпуса в XIX столетии.

Помимо различного рода опубликованных источников, Дж. Скрин скрупулезно изучил ряд архивных фондов СССР (Центральный государственный военно-исторический архив СССР) и Финляндии (Государственный и Военный архивы), в которых почерпнул большое количество сведений о состоянии дел по обучению и подготовке офицеров не только в Гельсингфорском юнкерском училище, но и в русской армии в целом.

Книга написана в строго хронологическом плане начиная с предыстории возникновения училища (1846 г.— военная школа при 22-й пехотной дивизии) вплоть до его закрытия в 1879 г. Отмечены особенности комплектования училища в процессе его существования. Сыновья купцов принимались в училище и содержались за свой счет (с. 17), что ограничивало доступ этой социальной прослойке в офицерский корпус. Юнкерское училище в Хельсинки создавалось не только исключительно для уроженцев Финляндии (с. 41). В него принимались все подданные России на общих основаниях. Выпускники училища независимо от их национальной принадлежности могли служить в русской армии. Автор детально изучил учебные программы юнкерского училища. Он отметил, что училище имело богатейшую библиотеку (с. 136—139). По результатам проверок профессиональная подготовка юнкеров находилась на достаточно хорошем уровне (с. 153—154). Вместе с тем автор обращает внимание и на трудности, препятствовавшие более качественному усвоению учебных программ по причине преподавания предметов на русском языке и довольно «прохладного

отношения» к использованию шведского языка (с. 46, 81, 103, 131—134). Это обстоятельство, по мнению автора, влияло на комплектование училища уроженцами Финляндии, процент которых постепенно уменьшался (с. 113—115, 169—171). Дж. Скрин, анализируя процесс обучения и комплектования юнкерского училища (с 1846 по 1879 гг.), пришел к выводу: политика русификации (с. 32—34) существенным образом влияла на взаимоотношения финского сената с Военным министерством и правительством России. Результатом обострения противоречий между ними и нежелания готовить офицеров для национальных воинских формирований (с. 245) явилось закрытие школы в 1879 г.

Таким образом, Дж. Скрин не ограничился исследованием проблемы подготовки офицеров. Он попытался на примере существования юнкерского училища в Хельсинки рассмотреть некоторые аспекты русско-финляндских отношений второй половины XIX в. Однако автор не учел всей сложности взаимоотношений двух стран и по этой причине не избежал ряда произвольных толкований. Они требуют пояснения.

Во-первых, рассуждая о языковом барьере, Дж. Скрин не раскрыл важный аспект — только с 1863 г. финский язык был уравнен в правах со шведским. Практически делопроизводство и управление автономной областью (Финляндией) было сосредоточено в руках шведского дворянства. В учреждениях господствовал шведский язык. Уравнивания права, русское правительство действовало осмотрительно: в течение 20 лет предполагалось перейти на финский язык. Для юнкерского училища в Хельсинки в виде исключения экзамены и преподавание предметов в младших классах предусматривались на шведском и русском языках (с. 96—106).

Во-вторых, автор, приводя статистические выкладки, свидетельствующие об уменьшении количества обучающихся в училище уроженцев Финляндии, не учел весьма важного обстоятельства. Доля дворян, поступавших на военную службу, уменьшалась и в России. В Финляндии в 1820 г. на военной службе находилось 88% представителей дворянства, а в 1870 г. — всего 22%¹. Самодержавие, в свою очередь, стремилось сохранить офицерский корпус как дворянский и оградить его от проникновения других сословий, что привело в конце XIX в. к частичному закрытию юнкерских училищ и созданию кастовых учебных заведений.

В-третьих, строя свои взаимоотношения с Финляндией, русское правительство учитывало внутреннюю и международную обстановку. До 80-х гг. XIX в. царизм проводил политику уступок по отношению к Финляндии. Самодержавие старалось нейтрализовать оппозиционно настроенные круги финской общественности. С упрочением своего положения внутри страны оно перешло к реакционной политике, которая отражала классовые интересы российского дворянства и крупной буржуазии. Правительственный курс характеризовался проведением контреформ, воинствующим шовинизмом и значительным ростом административного произвола². В отношении Финляндии ситуация обострялась еще и тем, что прошведски настроенное дворянство (шведоманы) и часть финской буржуазии стремились к разрыву с Россией. Внешнеполитический раскол к середине 90-х гг. XIX в. стал очевидным, что привело к потере самостоятельности Финляндии в проведении политического курса. Самодержавие повело активную борьбу с любыми проявлениями сепаратизма. В 1899 г. был издан манифест, нарушающий автономные права Финляндии. В 1901 г. вышел закон о сокращении финских вооруженных сил, созданных в 1878 г. По Уставу 1878 г. (§ 120) русским запрещалось служить в рядах национальных войск. Царь не имел права распускать финское войско без согласия сената и сейма. Уступка финскому сепаратизму была ликвидирована. Это была не военная, а политическая акция.

Дж. Скрин отметил, что за весь период автономного существования Финляндия дала более 4000 офицеров (с. 33), в том числе 300 генералов и 70 адмиралов³. Процент уроженцев Финляндии в составе высшего командования русских вооруженных сил был достаточно высоким и свидетельствовал о том, что права финского дворянства не отличались от прав дворян империи. Более того, финское население, имея свое подданство, одновременно пользовалось всеми правами российских подданных. К 1880 г. Петербург являлся вторым городом в государстве по численности финского населения (24 400 человек) после Гельсингфорса (38 700 человек).

Таким образом, характер комплектования, подготовки и выпуск офицеров из юнкерского училища в Хельсинки отражали не процесс русификации или особого отношения к уроженцам Финляндии (дворянам, разночинцам), а сложный клубок противоречий внутренней и внешней политики самодержавия, имеющих косвенное отношение к юнкерскому училищу в Гельсингфорсе. По этой причине монография Дж. Скрина, как по хронологии событий, так и в силу специфики исследованного материала, не в полной мере освещает особенности развития русско-финляндских отноше-

ний 40—70-х гг., которые резко изменились лишь в конце XIX в. Тем не менее следует отметить, что рецензируемая книга по обилию источников, статистических данных и хорошего знания автором литературы вопроса заслуживает внимания историков. Дж. Скрин всесторонне изучил и осветил систему подготовки офицеров в юнкерском училище в Хельсинки, включая и вопросы быта. Фактическая сторона книги заслуживает положительной оценки, хотя многие выводы автора требуют к себе критического отношения.

Ю. Ф. Соколов

Примечания

* Screeen J. E. O. The Helsinki Yunker School. 1846—1879: A Case Study of Officer Training in the Russian Army? Helsinki, 1986, 320 p.

¹ Лайдинен А. П. Социально-экономические реформы 50—70-х годов XIX века в Финляндии. Л., 1982, с. 19.

² Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973, с. 4.

³ См.: Поклебкин В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений. 1713—1973. М., 1975, с. 35—37.

Е.-М. ХАРТЕНШТЕЙН. М. М. ЩЕРБАТОВ (1733—1790) КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕОЛОГ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА И ЕГО УТОПИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ «ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ» *

Рецензируемый труд Евы-Марии Хартенштейн, продолжая заложенные в историографии ГДР традиции изучения политической идеологии русского общества эпохи Просвещения¹, ставит своей задачей исследование актуальных проблем истории общественной мысли России второй половины XVIII в. на примере М. М. Щербатова — идеолога корпоративных устремлений дворянства, консервативного публициста и историка.

Структура и содержание книги вполне отвечают поставленным задачам. В центре внимания автора находится общая программа реформ Щербатова. Она вполне обоснованно рассматривается по таким существенным ее компонентам, как положение дворянства в качестве ведущего класса общества, аграрные отношения, крестьянство и крепостное право, рационализация и интенсификация сельского хозяйства, сохранение крестьянской зависимости и территориальное расширение крепостного права, торговля и индустрия, роль буржуазии, организация политической власти, общество и государство, религия и церковь, внешняя политика и война.

В связи с этим вполне оправданно обращение автора к столь необычному памятнику, как утопический трактат Щербатова — «Путешествие в землю Офирскую», который до настоящего времени не был предметом специального изучения с этой точки зрения. Обращение современной науки к памятникам утопической мысли прошлого и настоящего вообще представляется перспективным направлением в исследовании политической идеологии как радикального, так и консервативного содержания. Данное наблюдение подтверждается и анализом щербатовской концепции идеального государства, который проводится автором по таким вопросам, как общественный и государственный порядок, описание земель, две столицы, правитель и его двор, классы, сословия и ранги, законодательство, управление и правосудие, военная мощь и служба в армии, школа, воспитание и образование, моральные и нравственные заповеди, общественный и гражданский долг, религия и церковь, полиция и распорядок жизни. Как хорошо показано в книге, идеал Щербатова, как и многих других утопий, на деле мало чем отличался от рационально организованного, или регулярного полицейского государства, жестко регламентирующего жизнь граждан, вплоть до таких мелочей быта, как высота дома, форма одежды и т. п., не говоря уже об образе мыслей, социальной иерархии и отношении населения к государственной службе.

Исходя из того, что для определения места того или иного мыслителя решающее значение имеет его социальная позиция и отношение к ключевым проблемам современности, автор интерпретирует мировоззрение Щербатова в контексте основных тенденций общественного развития эпохи.

Правительственная система Екатерины II представляла собой, согласно авторской концепции, временную и исторически бесперспективную комбинацию абсолютизма и просвещения, призванную, однако, внести на определенном этапе известные корректиды в феодальный порядок, соответствующие интересам буржуазного развития.

Вследствие этого просвещенный абсолютизм стал объектом критики с разных сторон. Слева против него выступали передовые мыслители и литераторы во главе с А. Н. Радищевым, справа — консервативная дворянская оппозиция, отстаивающая сохранение крепостного права и господствующего положения дворянства в обществе. В то же время консервативная оппозиция не была совершенно однородна: наряду с крайне реакционными группировками, с ходу отвергавшими всякую новую идею, существовало в ней и другое, также консервативное, направление мысли, которое, однако, испытывало определенное воздействие западноевропейского Просвещения. Отличительной чертой данного направления как раз и являлось использование принципов западных просветителей для обоснования, укрепления и дальнейшего развития феодальных порядков в России. «Наиболее важным представителем консервативной дворянской идеологии в России при Екатерине II,— считает автор,— был историк, публицист, юрист, философ, экономист, педагог, поэт, военный и государственный деятель — князь М. М. Щербатов».

Авторская оценка общего места и значения Щербатова в политической идеологии русского общества эпохи Просвещения представляется, однако, несколько противоречий. Является ли тот факт, что Щербатов и подобные ему идеологи оперировали положениями и идеологией просветителей, доказательством влияния на них идеологии Просвещения? Нам в отличие от автора представляется, что — нет. Согласно нашему убеждению, теоретические и политические воззрения Щербатова могут быть поняты и интерпретированы, скорее, как антитеза Просвещению, и в этом отношении заслуживают изучения в сравнении с аналогичными течениями консервативной дворянской утопии в странах Восточной Европы рассматриваемого периода. Отметим, что обращение к другим произведениям Щербатова, в частности, к его сочинению «О повреждении нравов в России», приводит исследователей к сходным выводам². Так, Н. И. Павленко отвергает попытки «радикализации взглядов» Щербатова, подчеркивая, что решающее значение для их оценки имеет его консервативная позиция по основной проблеме эпохи — крестьянскому вопросу³. Этому нисколько не противоречит призыв Щербатова к смягчению некоторых сторон крепостного права — введению опекунства над помещиками-разорителями, ограничению помещичьей ренты и т. д. Представления Щербатова об обществе, месте в нем различных сословий и их иерархии действительно отличались известной цельностью и последовательностью, суть которых состояла в центральном положении его социально-политической доктрины — известном тезисе о решающей роли дворянства и особенно родовитой дворянской аристократии в развитии страны. В соответствии с этим идеальной формой правления представляла олигархическая монархия, при которой власть государя ограничивается элитой правящего класса.

В целом рецензируемый труд, несомненно, будет способствовать дальнейшей разработке указанной проблематики в историографии ГДР.

А. Н. Медушевский

Примечания

* Hartenstein E.-M. Michail M. Scerbatov (1733—1790) als politischer Ideologe des russischen Adels und seine utopische Staatsschrift «Reise ins Land Ophir». Halle, 1988, 157 S.

¹ Mandrou R. L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'Etat. 1649—1775. Paris, 1971; Der aufgeklärte Absolutismus. Köln, 1976; L'absolutisme éclairé. Budapest; Paris, 1985; Donnert E. Neue Wege im russischen Geschichtsdenken des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1985.

² «О повреждении нравов в России» Щербатова и «Путешествие...» А. Радищева. М., 1984.

³ Вопросы истории. 1985. № 7. С. 123—126.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ГЕНЕАЛОГИИ

В 1989 г. в Москве прошла первая за годы Советской власти генеалогическая конференция, созданная по инициативе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института. Она была посвящена генеалогическим источникам, методам их исследования и привлекла к себе широкое внимание. В ходе конференции было заслушано 60 докладов, выступили 76 человек из 15 городов (Москва, Ленинград, Киев, Вильнюс, Нальчик, Новгород, Брянск, Серпухов, Тула, Калинин, Ярославль, Горький, Саратов, Орел, Томск). Докладчики представляли не только научные учреждения (институты истории АН СССР и союзных республик, университеты, педвузы, библиотеки, архивы, музеи). Среди них были также краеведы, любители-энтузиасты, изучающие генеалогию отдельных родов, студенты и аспиранты МГИАИ. Конференция фактически стала всесоюзной.

Историко-генеалогические исследования, ведущиеся в нашей стране, имеют научно-познавательное, практическое значение для архивов и музеев, особенно в работе с документами личного происхождения. Широкий интерес вызывают истории родов, семей, без изучения которых невозможно воссоздание политической, социальной и культурной истории, перестройка современной исторической науки.

Открывший конференцию ректор МГИАИ Ю. Н. Афанасьев подчеркнул значение генеалогии для современной исторической науки, переживающей период переориентации, «разворота в человеческую историю», и коснулся традиций изучения этой дисциплины в Историко-архивном институте.

Председатель Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидт отметил, что конференция является показательным примером связи вузовской науки и широкого круга исследователей, работающих в области генеалогии, в том числе любителей, и объединение творческих сил будет способствовать развитию этой дисциплины.

В докладе В. Б. Кобрина были подведены основные итоги развития генеалогии в последние десятилетия, рассмотрено ее определение как отрасли науки и учебной дисциплины, намечены задачи и перспективы дальнейших исследований.

Вопросы истории генеалогии со времени ее развития как «практической» отрасли знания в XVI в. освещены в сообщениях, касающихся родословных росписей XVI—XVII вв. в системе памятников русской общественной мысли (М. Е. Бычкова), трудов провинциальных историков XVIII—XX вв. (Г. П. Присенко, А. А. Севастьянова), деятельности и архивов известных историков-генеалогов конца XIX—начала XX в. А. М. Савелова (И. С. Калантырская и М. М. Лерман) и С. Д. Шереметева (А. В. Краско), исследователя рода Строгановых А. А. Введенского (Э. Е. Писаренко), работы научного семинара по генеалогии в Ленинграде (И. В. Сахаров), изучения генеалогии и геральдики в УССР (В. В. Румянцева), новейших генеалогических исследований за рубежом (О. М. Медушевская), генеалогии в публицистике Франции XVI в. (И. Ф. Эльфонд).

Методическим и практическим проблемам современной генеалогии были посвящены сообщения о методике составления родословных росписей русских дворянских родов (Б. Н. Морозов и Б. А. Понсов), о связи генеалогии с биографией (И. Л. Беленький), с брачным правом (И. В. Сахаров), с системой родственных отношений XVIII—начала XX в. (Л. Е. Шепелев), о создании генеалогического фонда участников Отечественной войны 1812 г. (В. А. Казач-

ков, Г. Б. Ольдероге и др.), об опыте применения ЭВМ в генеалогических исследованиях (В. Ю. Рикман).

Ряд выступлений был посвящен анализу отдельных источников, содержащих сведения по генеалогии, в основном периода феодализма: русских великокняжеских печатей XIII—XV вв. (А. Л. Хорошевич), гербов пруссов в связи с легендами об их выезде в Россию (Б. И. Кулаков), Дворовой тетради XVI в. (В. Д. Назаров), боярских книг (М. П. Лукичев), дворянских родословных книг XVIII—XIX вв. Московской (М. В. Катогощина) и Тверской (Л. А. Быкова) губерний, «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (О. И. Хоруженко).

В значительной части выступлений через генеалогию освещалась история различных социальных слоев и региональных групп России и других стран. Были охарактеризованы проблемы изучения государева двора XV в. (А. Н. Котляров) и XVI—XVII вв. (А. П. Павлов), митрополичьего двора XIV—XVII вв. (Е. Ю. Люткина), служилых чингисидов и их связей с русской аристократией в XVI в. (С. Н. Таценко), русского провинциального дворянства XVI—XVII вв.—Боровского (И. А. Киселев), Новгородского (В. М. Воробьев и А. И. Дегтярев), Ростовского (В. А. Кадик), Ярославского (В. Н. Козляков) уездов, смоленской шляхты XVII—XVIII вв. (С. В. Думин). В сообщениях рассматривалась история русских купеческих корпораций Москвы XIV—XV вв. (В. А. Кучкин), Новгорода XVII в. (В. А. Варенцов), Серпухова конца XVII—начала XVIII в. (В. В. Шилов), Подмосковья XVIII в. (А. И. Аксенов), сибирской буржуазии XIX в. (В. П. Бойко). Освещался процесс складывания пролетарских династий в России в XIX—начале XX в. на материалах Ярославской Большой мануфактуры (М. Г. Мейерович). Особый интерес вызвало сообщение М. Г. Кротова об опыте изучения генеалогии крепостного крестьянства по массовым источникам XVII—XX вв. (на материалах подмосковного сельца Захарово). Предметом дискуссии стало выступление Л. А. Булгаковой о становлении профессиональных династий российской интеллигенции в XVIII—первой половине XIX в.

Были представлены сообщения по генеалогии местных родов Ливонии с XIII по XIX в. (Е. Л. Назарова), нового дворянства в Англии XVII в. (Е. В. Кузнецов, В. И. Золотов), французской аристократии XVII в.—связи «дома Буйон-Тюренн» (С. Т. Минаков).

Наконец, ряд выступлений был связан с традиционной генеалогической тематикой — историей конкретных родов. Это сообщение о московском великокняжеском доме — о неизвестном сыне Юрия Галицкого и политической борьбе на Руси в начале 1430-х гг. (Г. В. Семенченко) и о родственных связях Василия III с сербскими despotaами (С. М. Каштанов), и также о генеалогии династии крымских Гиреев во второй половине XV—первой половине XVI в. (Н. Е. Колыкова). Были заслушаны также сообщения о русских дворянских родах: Апрелевых (В. Ю. Рикман, С. А. Сапожников), Араповых (С. А. Сапожников, Ю. Б. Шмаратов), Деревецких (К. В. Баранов), Муравьевых (С. Н. Муравьев), калужанах Урусовых, Униковых, Раевских (В. В. Соловьев); о родах литовского происхождения — Сапегах (Э. Д. Банинис) и Нарбутах (А. Н. Нарбут); о выехавших в конце XVI в. из Швеции в Россию Крабовых (А. А. Булычев); о кабардинских князьях Черкасских, вошедших в XVII в. в состав русской знати (В. И. Сокуров). Купеческие роды были представлены сообщениями о нижегородских торговых крестьянах XVII в. Антроповых, влившихся впоследствии в гостиную сотню (Н. Ф. Филатов); о предках известного советского историка С. В. Бахрушина — московских купцах, ведущих свой род от зарайских торговых крестьян XVII в. (А. М. Дубровский); об известных промышленниках и меценатах Морозовых (М. С. Дроздов).

В работе о генеалогии Н. Г. Чернышевского были значительно расширены сведения о его предках, происходивших из пензенских сельских священнослужителей (А. А. Демченко).

Интересная попытка сопоставить реальную родословную А. А. Ахматовой (восходящую по отдельным линиям к началу XVI в.) с ее поэтической родословной, отраженной в стихах и автобиографической прозе (псевдоним Ахматова взят не от фамилии «бабушки татарки» а от девичьей фамилии прабабушки поэтессы по линии матери, происходящей из старинного дворянского рода), была предпринята В. А. Черныхом.

Закрывая конференцию, проректор МГИАИ по научной работе В. А. Муравьев отметил, что заслушанные доклады и сообщения выявили уровень и основные направления развития историко-генеалогических исследований.

В принятой конференцией резолюции подчеркнуто, что широкий общественный интерес к ге-

неалогии диктует необходимость в развертывании конкретных генеалогических исследований. Отмечена важность изучения историографии генеалогии; необходимо расширить публикации источников, различного рода справочников, библиографических пособий по генеалогии; нуждается в совершенствовании методика исследований (применение в генеалогии ЭВМ, математических методов, методов сбора устной информации и др.).

Участники конференции поддержали инициативу МГИАИ о создании центра генеалогических исследований при «Народном архиве» (центре личных фондов граждан и неформальных общественных организаций в МГИАИ). Была образована инициативная группа по созданию научно-общественной организации историков-генеалогов. Предложено также издать сборник по материалам конференции *.

Конференция обратилась с призывом к научным учреждениям, музеям, библиотекам и вузам уделять больше внимания историко-генеалогическим исследованиям, популяризировать генеалогические знания.

Вторую конференцию по генеалогии намечено провести в Ленинграде в 1991 г.

Б. Н. Морозов, В. А. Муравьев, Л. Н. Простоволосова

Примечание

* См.: Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сообщений. М.: МГИАИ, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ненароков А. П.— Из опыта национально-языковой политики первых лет Советской власти	3
Исаев И. А.— Переходная экономика нэпа (Поиск форм хозяйственно-правовой автономии и централистские тенденции)	15
Бородин Н. П. (г. Куйбышев) — Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях губерний Черноземного центра в 80—90-х годах XIX века (По материалам земской статистики)	31
Никитин Н. И.— К вопросу о социальной природе приборного войска	44
Назаренко А. В.— Русь и Германия при Святославе Игоревиче	60

Дискуссии и обсуждения

Савченко В. А. (Одесса) — Измены «батьки» Махно и «железная метла» Л. Д. Троцкого (Причины и следствия махновского мятежа 1919 г.)	75
Дэвис Р. (Великобритания) — Данилов В. (СССР): диалог историков	91

В помощь преподавателям и студентам

История советского общества. Краткий очерк (1917—1945 гг.) . . . . .
--

Глава вторая

Поляков Ю. А., член-корреспондент АН СССР — Гражданская война в России (Поиски нового видения)	98
--	----

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Сарбей В. Г., Франко О. Е.— Малоизвестная страница биографии В. И. Ленина	118
Каминская С. Г., Каминский Г. Д.— Г. Н. Каминский во главе сельскохозяйственной кооперации	126
Злобин Е. В.— К вопросу об авторстве «Записок» декабриста И. И. Горбачевского	140

Публикации и сообщения

Фрагменты из книги Л. Д. Троцкого «История русской революции». Вступительная статья и комментарии Н. А. Васецкого	156
Малиновский Л. В. (Барнаул) — Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX — начале XX века	175

Критика и библиография

Ваксер А. З. (Ленинград) — В. А. Михеев. Решающая сила перестройки. Возрастание активности советского рабочего класса в ускорении социально-экономического развития страны	183
Кондратьев В. А.— В. Р. Копылов. Октябрь в Москве и иностранные интернационалисты	186
Попов А. И. (г. Куйбышев) — Н. А. Троицкий. 1812. Великий год России	187
Демидова Н. Ф.— Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии	190
Цыбин М. В. (Воронеж) — А. А. Шенников. Червлень Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв.	192
Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — С. М. Каштанов. Русская дипломатика	197
Дик Е. Н., Сизоненко А. И.— Б. Н. Комиссаров. Петербург — Рио-де-Жанейро. Становление отношений. 1808—1828 гг.	202

История СССР за рубежом

Гайер Д. (ФРГ) — Проблема и перспективы сотрудничества историков Советского Союза и ФРГ	207
Кудряшов С. В.— К. Андреев. Власов и Русское освободительное движение	210
Дьяконова И. А.— Х. Накаяма. Царская Россия и иностранный капитал	213
Соколов Ю. Ф.— Дж. Скрин. Юнкерское училище в Хельсинки. 1846—1879: Изучение системы подготовки офицеров русской армии	215
Медушевский А. Н.— Е.-М. Хартенштейн. М. М. Щербатов (1733—1790) как политический идеолог русского дворянства и его утопический трактат «Путешествие в землю Офирскую»	217

Научная жизнь

Морозов Б. Н., Муравьев В. А., Простоволосова Л. Н.— Первая конференция по генеалогии	219
---	-----

CONTENTS

Articles

Nenarokov A. P.— On Experience of Nationalities and Language Politics in the Initial Years of Soviet Power	3
Isayev I. A.— The NEP Transitional Economy (the search of forms of economic and legal autonomy and the centralist trends)	15
Borodin N. P.— (Kuybyshev) — Correlation of Capitalist and Labour Rent Systems in Landlord Estates of the Central Black-Soil Provinces in the 1880's — 1890's (based on the Zemstvo statistical data)	31
Nikitin N. I.— On the Problem of Social Nature of Additional Service Men Forces	44
Nazarenko A. V.— Russia and Germany under Svyatoslav Igorevich	60

Discussions and Debates

Savchenko V. A. (Odessa) — The Treachery of «Father» Makhno and the «Iron Broom» of L. D. Trotsky (causes and consequences of Makhno's mutiny of 1919)	75
Davies R. (Great Britain) — Danilov V. (USSR): The Dialogue of Historians	91

For Higher School Lecturers and Students

A History of Soviet Society. A Short Survey (1917—1945). Ch. 2. Polyakov Yu. A., Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Civil War in Russia (in search of a new vision)	98
--	----

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Sarbey V. G., Franko O. Ye.— A Neglected-Page in V. I. Lenin's Biography	118
Kaminskaya S. G., Kaminsky G. D.— G. N. Kaminsky at the Head of Agricultural Cooperation	126
Zlobin Ye. V.— On the Authorship of Decembrist I. I. Gorbachevsky's «Notes»	140

Publications and Communications

Fragments from L. D. Trotsky's «History of the Russian Revolution». An Introductory Article and Comments by N. A. Vasetsky	156
Malinovsky L. V. (Barnaul) — German Colonists' Commune in Russia and Its Regional Peculiarities in the 19th — Early 20th Century	175

Book Reviews and Bibliography

Vakser A. Z. (Leningrad) — V. A. Mikheev. The Decisive Force of Perestroika. Growth of Activities of Soviet Working Class in the Process of Acceleration of Socio-Economic Development	183
Kondratyev V. A. — V. R. Kopylov. The October Revolution in Moscow and Foreign Internationalists	186
Popov A. I. (Kuybyshev) — N. A. Troitsky. 1812. Russia's Great Year	187
Demidova N. F. — Sobornoye Ulozhenie of 1649. Text and Comments	190
Tsybin M. V. (Voronezh) — A. A. Shennikov. The Chervlyoni Yar. An Essay on History and Geography of the Mid-Don Area in the 14th—16th Centuries	192
Pronshtein A. P. (Rostov-on-the-Don) — S. M. Kashtanov. Russian Diplomatics	197
Dik Ye. N., Sizonenko A. I. — B. N. Komissarov. Petersburg — Rio-de-Janeiro. The Formation of Relations. 1808—1828	202
Kolesnikov P. A., Pritychenko Ye. I. (Vologda) — Documentary Memorials: Discovery, Registration, Use. A Guide for Higher School Students in History	204

History of the USSR in Foreign Studies

Geyer D. (FRG) — Problems and Prospects of Collaboration of Historians of the Soviet Union and the Federal Republic of Germany	207
Kudryashov S. V. — C. Andreyev. Vlasov and the Russian Liberation Movement	210
Dyakonova I. A. — Kh. Nakayama. Tsarist Russia and Foreign Capital	213
Sokolov Yu. F. — Screen J. The Helsinki Junker School. 1846—1879. A Case Study of Officer Training in the Russian Army	215
Medushevsky A. N. — Hartenstein. Michail M. Scerbatov (1733—1790) als politischer Ideologe des russischen Adels und seine utopische Staatsschrift «Reise ins Land Ophir»	217

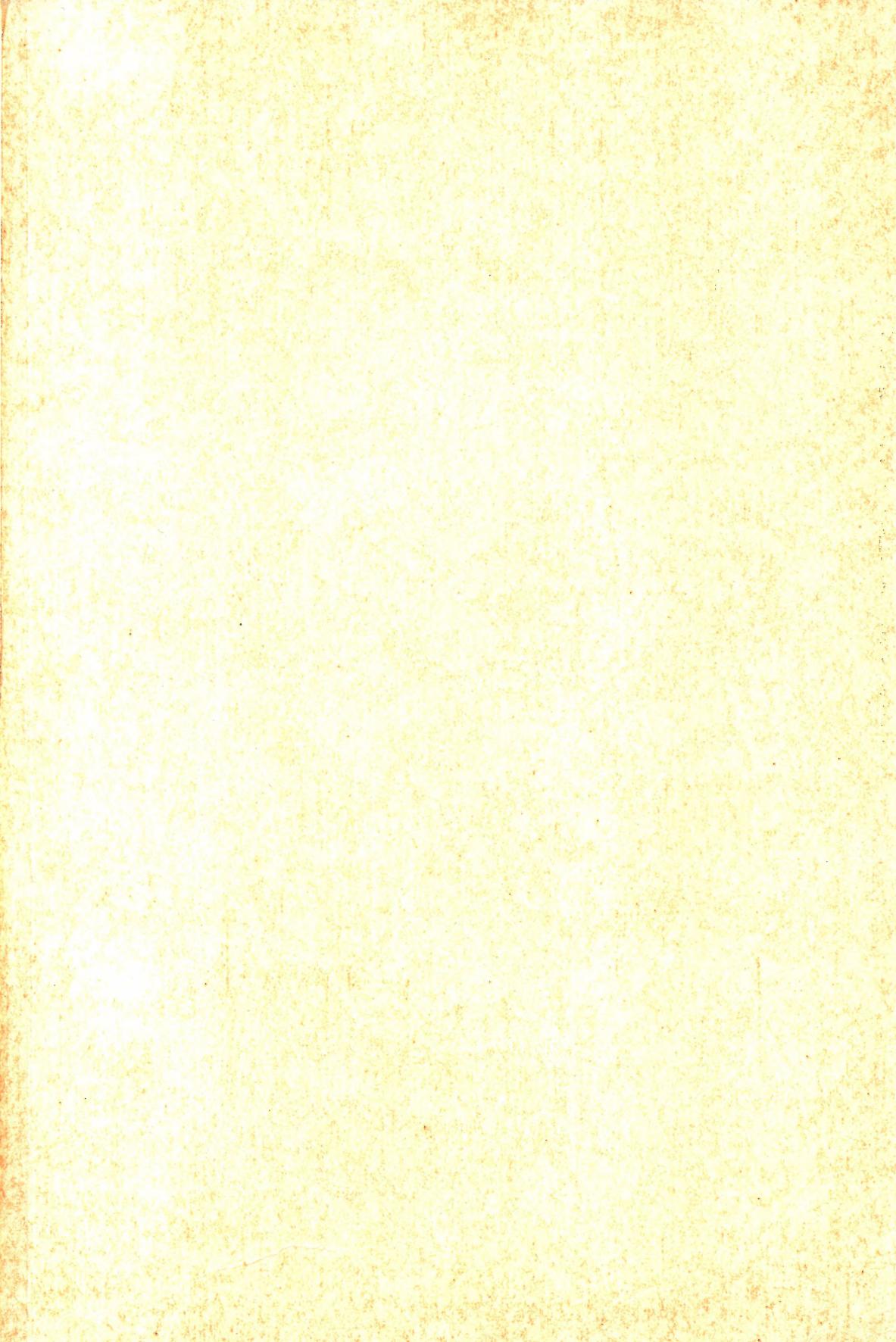
Academic Life

Morozov B. N., Muravyev V. A., Prostovolosova L. N. — The First Conference on Genealogy	219
---	-----

Технический редактор Глинкина Л. И.

Сдано в набор 06.12.89 Подписано к печати 22.01.90 А—05817 Формат бумаги 70×100^{1/16}
Офсетная печать Усл. печ. л. 18,2 Усл. кр.-отт. 518,7 тыс. Уч.-изд. л. 24,1 Бум. л. 7,0
Тираж 26000 экз. Заказ 3792 Цена 1 р. 40 к.

Адрес редакции: 103031, Москва, К—31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

6-37

1 р. 40 к.

Индекс 70404

ISSN 0131-3150 История СССР, 1990, № 2

«НАУКА»

卷之二